

Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России

Институт мировой экономики
и международных отношений РАН

СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

*Документ Учебно-методическим объединением
вузов Российской Федерации по образованию
в области международных отношений и является
учебным пособием для студентов высшего учебного заведения,
обучающихся по направлениям подготовки
«Международные отношения» и «Зарубежные регионоведение»*

АСПЕКТ ПРЕСС

Москва

2010

УДК 327
ББК 66.4
С56

Проект сотрудничества МГНМО—ЕвФд

Руководитель проекта академик А. В. Брусилов
Координатор проекта канд. физико-матем. наук А. В. Милько

При поддержке Фонда «Демократические развития нашей страны»

Относящиеся редакторы

член корреспондента РАН В. Г. Барановский
Академик философских наук, профессор А. Д. Богатуров

Рецензенты

доктор философских наук, профессор И. А. Пашинин
доктор экономических наук, профессор Ю. В. Буларкин

Редактор А. С. Дрибин

Авторский коллектив

В. Г. Барановский (главы 1, 2, 5), А. Д. Богатуров (главы 1, заключительная),
к. н. н. Н. В. Волгина (гл. 6), к. н. н. Ю. В. Воронский (гл. 11),
к. физико-матем. наук С. С. Виноградовский (гл. 9), к. физико-матем. наук Ф. Г. Войтовский (гл. 16),
д. н. н. А. Н. Высокоткина (гл. 17), А. В. Гусакоский (гл. 13),
к. физико-матем. наук Е. С. Зинченко (гл. 12), д. н. н. А. В. Крутиков (гл. 12),
д. н. н. Д. А. Пихачев (гл. 7), д. н. н. С. В. Рязанцев (гл. 14),
д. н. н. А. Н. Салынский (гл. 10), к. н. н. Н. Ю. Сурков (гл. 7),
к. физико-матем. наук М. А. Троицкий (гл. 8), к. физико-матем. наук В. Уткин (гл. 5),
д. н. н. Е. С. Кокин (гл. 4), к. н. н. В. Г. Мороз (гл. 10), д. н. н. Ю. В. Шенников (гл. 15).

С56 Современные глобальные проблемы / Отв. ред. В. Г. Барановский, А. Д. Богатуров. — М.: Аспект Пресс, 2010. — 358 с.

ISBN 978-5-7567-0995-9

Книга является результатом совместной работы коллектива ведущих международных МГНМО (У) НИИ России и ИМЭМО РАН. Авторы рассматривают проблемы и остроты проблемы современного общемирового развития, анализируют их региональные проявления, рассматривают основные формы глобального взаимодействия.

Издание адресовано широкому кругу читателей — научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам, студентам, обучающимся по направлениям «Международные отношения», «Зарубежное регионоведение», «Политология» и «Дипломатия».

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-7567-0995-9

© Коллектив авторов, 2010
© МГНМО (У) НИИ России, 2010
© ИМЭМО РАН, 2010
© Оформление. ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Высказывание	7
--------------------	---

Раздел I

ПОНЯТИЯ И ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Глава 1. Понятие глобальных проблем	12
Эффект «глобального переизбытка» и его последствия	13
Определение современных глобальных проблем	14
Структура предметного поля	16
Регулирование и саморегулирование в глобальной системе	18
Глобальная политика и национальные интересы	20
Глобальный политический порядок	22
Проблемы анализа глобальных проблем	23
Список рекомендуемой литературы	26
Глава 2. Трансформация глобальной международно-политической системы в 2000-е годы	29
Особенности переходного периода	30
Трансформация международной системы	32
Политизированный мир	32
Элементы дезорганизации	34
Глобализация	35
Экономические факторы	36
Интеграция как условие стабильности	37
Безопасность и роль силы	38
Контроль над вооружениями	39
Внутренние обстоятельства и взаимоотношения с внешним миром	41
Перспективы глобального сотрудничества	42
Список рекомендуемой литературы	43
Глава 3. Тенденции в сфере международной военно-политической безопасности	44
Российско-американский контроль над ядерными вооружениями	44
Попытки урегулирования международного режима ядерного распространения	50
Запрещение химического и биологического оружия	56
Основные разногласия России и Запада по вопросам международной безопасности	58
Список рекомендуемой литературы	60
Глава 4. Тенденции и направления развития мировой экономики	67
Глобализация и интеграция как фундаментальные факторы развития мирового хозяйства	67
Фактор перетока капитала и глобализации финансов	69
Экономический подъем начала XXI века и снижение мирового производства в развивающихся странах	72

Смены в отраслевой структуре мировой экономики и диверсификация	74
Особенности кризиса конца 2009-г. годов	77
Список рекомендуемой литературы	85

Раздел II

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ГЛОБАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Глава 5. Международно-политическая трансформация европейского пространства	88
Международная роль Европы и Европейского союза в современной мире	88
Механизмы обеспечения безопасности	94
Структурная специфика европейского пространства	99
Список рекомендуемой литературы	109
Глава 6. Структурирование политического пространства в после-нового параметра» границ России	110
Основные векторы развития и комплексы ориентаций на пространстве бывшего Советского Союза	111
Особенности формирования политического пространства нового российского поколения	113
Концепции сотрудничества и механизмы переговоров	115
Проблема экономического обеспечения	117
Фактор «вергентуров» в СНГ	119
«Демократизация власти» на пространстве бывшего СССР	121
Проблема «непрямых государств»	123
Список рекомендуемой литературы	126
Глава 7. Ставоление новой структуры международно- политических и экономических отношений в регионах Ближнего и Среднего Востока	129
Новые политические очертания региона Ближнего и Среднего Востока... ..	130
Значение Ближнего и Среднего Востока для мировой экономики и политики	130
Место Ближнего и Среднего Востока в политике ведущих держав	134
Источники «ядерной тревоги» в регионе	140
Арабо-израильский конфликт	142
Ситуации в Ираке	145
Положение в Афганистане после свержения талибов	146
Список рекомендуемой литературы	150
Глава 8. Новая конфигурация политического пространства в Центрально-Восточной и Южной Азии	151
Формирование «ядерного» Центрально-Восточной Азии	151
Распространение ядерного оружия и политика стран-распространителей	155
Интеграционные процессы	159
Непрямые угрозы безопасности	162
Многостороннее сотрудничество в регионе в сфере безопасности	165
Список рекомендуемой литературы	168

Раздел II
**ПРОБЛЕМЫ ОСНОВНЫХ СФЕР ГЛОБАЛЬНОГО
 ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Глава 9. Главные узлы международных конфликтов и их особенности	170
Общая характеристика международной конфликтности в новом веке	170
Общественные предпосылки конфликтности	171
Типы современных международных конфликтов транснационального и глобального уровней	176
Новое в региональных конфликтах 2000-х годов	178
Замороженные и «обратно-замороженные» конфликты	181
Идеология в современных конфликтах	183
Особенности протекания конфликтов	183
Основные возможные сценарии конфликтов XXI века	185
Список рекомендуемой литературы	187
Глава 10. Глобальные аспекты неравномерности экономического развития	189
Историко-политические предпосылки неравномерности	189
Движение за новый международный экономический порядок	192
Измерение неравномерности развития	193
Периферия в условиях глобализации	198
Неравномерность развития и финансовый кризис	201
Развивающиеся страны и кризис 2008–2009 годов	203
Новые параметры зависимости Центра от Периферии	205
Список рекомендуемой литературы	208
Глава 11. Проблемы доступа к энергетическим и иным сырьевым ресурсам	209
Глобальный рынок сырьевых товаров	210
От сырьевой географии к сырьевой геополитике	212
В поисках энергии	215
Производные ресурсы Арктики и Антарктики	215
«Обычные отношения» и другие формы мягкой борьбы за энергетические ресурсы	218
Фактор воды в решении ресурсных проблем	222
Список рекомендуемой литературы	227
Глава 12. Политические проблемы развития мировой научно-технологической сферы	229
Влияние научно-технологического прогресса на систему международных отношений	229
Информационно-коммуникационные технологии	233
Нанотехнологии	239
Биотехнологии	240
Освоение космического пространства	242
Список рекомендуемой литературы	245
Глава 13. Политика в глобальном информационном пространстве	247
Международная информационная реальность и ее управляемый характер	247

Субъекты глобального информационного общества	262
Конкуренция в сфере глобальной информатизации повсюду	267
Управление международной информацией	268
Механизмы сферы международной информации	269
Список рекомендуемой литературы	268
Глава 14. Глобальные миграции и их региональные последствия	267
Факторы глобальной миграции	267
Новые характеристики миграции в XXI веке	270
Международные последствия глобальной миграции	278
Стратегии регулирования глобальной миграции	285
Список рекомендуемой литературы	288
Глава 15. Составные глобальной экологической сферы	290
Особенности экологической сферы Земли	290
Причины дисбаланса экосфер	291
Международные конфликты из-за природных ресурсов	293
Конфликт человека и экосистемы Земли	298
Попытки противодействия экологическому кризису	302
Список рекомендуемой литературы	305
Глава 16. Идеологические составляющие глобальных трансформаций	307
Сущность и социальные функции идеологической рефлексии	307
От идеологического универсализма к глобализму	309
Основание глобальной проблемы 1970–1980-х годов	311
Рефлексия противоречий мироустройства 1990-х и 2000-х годов	315
Идейно-политическое восприятие мирового финансово-экономического кризиса конца 2000-х годов	319
Список рекомендуемой литературы	322
Глава 17. Создание глобального правового пространства в XXI веке	323
Международное право как глобальный регулятор отношений между государствами	323
Международное право и политика государств	325
Особенности правового регулирования на глобальном уровне	328
Значение норм международного права и его источников	329
Действие международного права в пространстве	332
Политико-правовая среда урегулирования международных споров	335
Международный суд	337
Введение в международно-правовые основы охраны окружающей среды	338
Северный Ледовитый океан как объект международного права и политика государств	339
Список рекомендуемой литературы	345
Заключение	346
Словарь аббревиатур	350

ВВЕДЕНИЕ

Состояние глобальной международной среды — важнейшая общая проблема современных международных отношений в целом и один из ключевых параметров оценки эффективности внешней политики любого государства. Успех или неудача дипломатического начинания России, Китая, Соединенных Штатов или Японии зависит не только от того, какими внешнеполитическими ресурсами обладают эти страны и насколько разумно они используют пользоваться. Результативность действий даже важнейших мировых игроков в огромной степени зависит от того, в какой среде — благоприятной или неблагоприятной — они вынуждены действовать. Эта книга в какой-то степени — путеводитель по современной международной среде, пониманию новых тенденций развития которой позволяет странам, народам, политикам и дипломатам правильно ориентироваться в мировом контексте, выработать более точную внешнеполитическую линию и в итоге добиваться оптимальных результатов для своей страны и, желательно, для международного сообщества в целом.

После распада Советского Союза в 1991 г. Российская Федерация поправила много усилий для сохранения и, во многих смыслах, восстановления своего статуса как ведущей мировой державы. По некоторым параметрам — прежде всего показателям экономической эффективности — эта сложнейшая задача пока еще только выполняется. По ряду других — Россия сегодня оказывает заметное влияние на глобальную политику.

Прежде всего, речь идет о воздействии на мировую сферу энергетического снабжения, включая ценообразование на глобальном рынке углеводородного сырья. От поставок из России зависит удовлетворение жизненных потребностей многих стран Евросоюза. В перспективе ее роль будет возрастать в энергоснабжении восточных стран — прежде всего Китая и Японии. Состояние глобальной энергетической сферы, обеспечение стабильности мировых цен на нефть и газ — те области международного взаимодействия, в которых наша страна бесспорно занимает позиции в ряду лидеров.

Россия остается одной из главных военных держав мира. Хотя роль силового фактора во внешней политике России в последние два десятилетия не увеличивается, в 2000-х годах возникла сила, в значительной степени под влиянием США, стала играть относительно более заметную роль в международных отношениях в целом. В такой ситуации

российское руководство проводит модернизацию оборонного потенциала страны, одновременно проводя дипломатическую линию на предупреждение дальнейшей эрозии глобальной стратегической стабильности, сильно пострадавшей в предшествующие годы.

В 2006–2007 гг. наша страна, в основном преодолев негативные последствия структурных реформ 1990-х годов, провозгласила задачу приведения своего международного влияния в соответствие с возросшими финансово-экономическими возможностями. Тогда Россия впервые заявила о готовности внести разумный вклад в ускорение развития отстающих стран. Кризис 2008–2009 гг. оказал ограничительное влияние на планы такого рода, но по мере преодоления его последствий и выравнивания мировых цен на нефть значение вопроса о расширении влияния нашей страны на проблемы развития и преодоления отсталости может снова возрасти.

На рубеже второго десятилетия XXI в. Российская Федерация провозгласила задачу всесторонней модернизации российской демократии, совершенствования экономической и социальной системы страны. Достижение этих целей невозможно без конструктивного взаимодействия с внешним миром, партнерства с ведущими государствами на основе взаимовыгодности, равенства и обоюдной выгоды. Внешней политике и дипломатии России отводится ключевая роль в обеспечении международных условий, в которых осуществление поставленных задач окажется реальным.

Важнейшим аспектом глобального влияния России в перспективе должна оказаться сфера инноваций — по крайней мере на ряд избранных направлений научно-технического прогресса. Речь идет о космической деятельности, развитии нанотехнологий, биоинженерии и ряде других направлений. Международное сотрудничество в этой сфере, так же как и международная конкуренция, — определяющая черта современной глобальной системы. Будущий мировой расклад в огромной мере зависит от того, кто будет контролировать глобальный креативный ресурс, в какой части мира окажется главный источник инноваций и в какой степени те или иные государства смогут получить доступ к этим инновациям.

Но окружающий мир — не просто объект воздействия со стороны Российской Федерации. Российская внешняя политика сама вписана в глобальный контекст и испытывает с его стороны заметное влияние. Прежде всего, Россия, как и многие другие державы Европы и Америки, зависит от направления и характера глобальных миграций. Страны Евросоюза сталкиваются с мощным притоком выехавших из Африки, Западной и Южной Азии. США — из Центральной и Южной Америки,

а также почти во всех регионах Азии. Россия — из государств Центральной Азии, Таиланда, Китая и Вьетнама.

Сохранение природной среды и борьба с глобальным потеплением — другая глобальная проблема, от решения которой зависит развитие Российской Федерации. Отчасти — потому что огромная часть российской территории относится к зоне Арктики или к ней прилегает. Соответственно, таяние морских льдов может оказать воздействие на обширный комплекс вопросов экономической жизни и национальной безопасности России, так же как и Канады, США, стран Северной и Западной Европы.

Крупнейшая глобальная проблема — ограничение потенциала международной конфликтности. В последние годы возрастала угроза вовлечения России в региональные конфликты, в том числе непосредственно на ее государственных границах. На пространстве бывшего СССР сохраняются очаги неурегулированных территориальных споров, способных перейти из замороженного состояния в фазу активных боевых действий. Сходные очаги конфликтности существуют во многих других частях мира — в Азии, Юго-Восточной Европе, Африке, Латинской Америке. Очертания серьезной трансрегиональной проблемы неожиданно приобрели возродившееся в новом виде морское пиратство.

Некоторые региональные конфликты (на Ближнем и Среднем Востоке, в Южной и Северо-Восточной Азии) приобрели за последние годы ядерное измерение. Фактическая (прямая или косвенная) вовлеченность в них Соединенных Штатов Америки вынуждает думать о том, что масштабы возможных столкновений с применением ядерного оружия могут оказаться более значительными, чем это представлялось военным теоретикам десять и более лет назад.

При этом размываются привычные контуры геополитических регионов. Меняется конфигурация и содержание международно-политических пространств Европы, Восточной, Центральной, Западной и Южной Азии. Новые геэкономические титоны «продолжают» государственные границы, делают их более проницаемыми — в том числе для незаконных трансграничных перемещений наркотиков, людей, оружия, «обычной» контрабанды. Переплываясь с геополитическими устремлениями разных государств, геэкономические титоны порождают новые споры, противоречия, напряженность и международные конфликты.

Парадоксальным образом, глобальная экономическая сфера начала 2010-х годов — несмотря на мировой финансово-экономический кризис — не породила ни угрозы нового общамериканского конфликта, ни

Введение

даже стимулов к его формированию. Наоборот, в отличие от кризисов XIX в. и впервые за долгие десятилетия экономической истории конца XX в. люди дали толчок к усилению международной солидарности разных стран в целях борьбы с ним и преодоления его последствий. Возвышение статуса «группы двадцати» — знак этой солидарности и перспективной новой инструментарий координированного решения глобальных проблем, по крайней мере экономических.

Понимание современных глобальных проблем, главных международных тенденций XXI в., перспективы мирового развития — одно из ключевых условий успешной работы международного в любой сфере его профессиональной деятельности. Помочь читателю обрести это понимание — основная задача настоящей работы.

*Владимир Карамовский,
Алексей Владимиров
Москва, 20 января 2000 г.*

Раздел I

**ПОНЯТИЯ И ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ
ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

ПОНЯТИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Важнейшими чертами современности являются рост осознания народами и индивидами своей принадлежности человечеству в целом, а самого человечества — природной системе Земли. В политико-психологическом и материальном смысле это осознание пронизано противоречием между землянином-собственником и землянином-альтруистом, сосредоточенным на мыслях о всеобщем и деятельности на благо человека вообще. Конкретным воплощением этого поступала является, к примеру, борение в среде образованных россиян: деиственным ресурсом сибирских регионов России — глобальный ресурс выживания человечества, во любые попытки повести речь даже о теоретической возможности расширения международного влияния на право России распоряжаться этими ресурсами вызывают у российских граждан бурное отторжение.

Глобальные сегодня в самом деле лучше осознаются. Но с этим осознанием приходит понимание известной *обособленности* глобальных проблем, глобальных интересов от интересов отдельных стран, народов, корпораций. Соответственно, насущной политико-дипломатической проблемой мирового развития становится примирение интересов глобального, регионального и странового уровней, а иногда даже уровней групповых и даже индивидуальных интересов (малых народов, личности человека).

По завершении первого десятилетия XXI в. в мире отчетливо различимы, помимо прочих, две важнейшие тенденции. Первая — нарастание его однородности, вторая — усиление сложности, многослойности и даже нестроит окружавшей действительности. Вторая тенденция во многом вызвана резко усиливающимся эффектом перемешивания разнородных составляющих общего мирового пространства.

Эффект «глобального перемешивания» и его последствия

С одной стороны, неуклонно уменьшается количество районов, не затронутых или мало затронутых таинити общемировыми явлениями, как пространство Интернет, разрыв в экономическом благосостоянии жителей разных стран и континентов, глобальный финансовый кризис 2007–2009-х годов, изменение климата или распространение ядерного оружия. В связи с этим сначала возник и сегодня становится более обширным блок проблем, которые являются общими для всего челове-

ства. Отношения, в которые люди непосредственно или опосредованно через государственные механизмы вступают ради решения этих общих проблем, образуют внешний пласт-оболочку, который прочно «спрессовывает» жителей Земли в единое целое. Кажется бы, целостность может или должна быть стимулом и инструментом формирования однородности (гомогенности) планетарного сообщества стран и народов.

Но, с другой стороны, внутри этого сообщества происходит сокращение относительно однородных пластов, которые собой представляли, например, отдельные крупные по европейским масштабам страны. Франция, Германия, Британния, Италия сегодня не являются государствами главным образом французов, немцев, белых потомков англичан, голландцев, уэльсцев и итальянцев. В этих странах, как и в Евросоюзе в целом, проживает огромное число не так давно (во второй половине XX в.) присоединивших и укоренившихся выходцев из Африки и Азии. Это новое, исходя «принятое» население ЕС — неотъемлемая часть политической и экономической жизни соответствующей части зарубежной Европы.

Но эта часть в культурном отношении очень сильно отличается от «коренных европейцев». Принятыми приносят новые модели поведения в быту, экономике и политике, определяющиеся соответствующими культурными традициями, которые группы приняты собой представляют. В итоге размывается этническая, социально-политическая и социально-экономическая однородность государств Европы и Евросоюза в целом. Нарастает разнородность (гетерогенность) их экономической, политической и социальной жизни.

Вслед тенденции к ускоренному нарастанию этнической и культурной разнородности очевиден во многих других странах — России, Соединенных Штатах Америки, Канаде, Австралии и даже Японии, исторически весьма болезненно относившейся к присутствию инородных групп на своей территории. Направление потока принятых этнических групп определяется движением из более бедных стран в более благополучные. Присутствие России в обозначенном ряду до некоторой степени условно, поскольку она беднее других фигурирующих в нем стран. Но приток в нашу страну иммигрантов из соседних стран бывшего Советского Союза является показательным фактом.

Как бы то ни было, нарастание разнородности в разных районах мира — результат затронувший весь мир мощных миграционных потоков. Важнейшим стимулятором их волны стали процессы глобализации (подробнее см. гл. 2). В итоге складывается, что глобализация стимулирует в мире нарастание перемещивания, многообразия и разнородности наряду с тем,

что две же является источником тенденций к однородности эконо- мических укладов отдельных стран и народов, распространению единых стан- дартов потребления, ведения бизнеса, доступа к информации, в конче- ном счете, прав человека и политической активности.

Глобализация как процесс выглядит как своего рода сеть-отношений, охватывающих страны и народы «по-поверхности», наружно. Внутри от- дельных государств и этнических групп при этом продолжают развиваться отношения, нередко существенно иные и даже иногда противополож- ные тем, которые стимулирует глобализация. Между поперечными, условно говоря, и «глубинными» отношениями при этом не обязательно возникают конфликты. Те и другие способны сосуществовать, образуя анклавы¹ разнородных укладов и моделей поведения в рамках единого международного сообщества, объединяемого по внешнему контуру, по- мимо прочего, наличием глобальных проблем, для решения которых тре- буется усилия всех участников международных отношений. Благодаря такому механизму взаимной адаптации анклавов в мире не происходит «глобальной этнической революции», хотя нарастание разнородности мира сопровождается периодически возникающими в разных точках Зем- ли социальными конфликтами.

В мире XXI в., таким образом, одновременно происходит два взаимо- связанных процесса. Во-первых, нарастание важности общих мировых проблем и рост понимания необходимости сотрудничества в интересах их решения ведет к появлению по внешнему контуру взаимодействия стран и народов единых правил, стандартов и практик, подчиненных ло- гике сотрудничества в интересах стабильного развития всей планетарной системы. Возник и развивается «обрамляющий» и синтетирующий пласт общемировых отношений, выдерживаемых в таком ключе.

Во-вторых, внутри этой «рамки» развивается процесс ускоренной, роста многообразия социальных, экономических и политических от- ношений в рамках отдельных государств и между ними. Этот второй процесс, как правило, по-прежнему подчинен главным образом «нацио- нальным интересам» на уровне стран и, соответственно, групповым и индивидуальным интересам на уровне взаимодействий внутри госу- дарств. Логика и мотивы общемировой целесообразности и солидарно- сти на этих уровнях часто не срабатывают или срабатывают недостаточ- но эффективно.

Определение современных глобальных проблем

Тем не менее ни одна страна мира, ни одна группа (корпорация, политическая партия) не в состоянии игнорировать факт наличия об-

мировых проблем, необходимости так или иначе соотносить свою деятельность с потребностями в их решении и выступать в связи с этим в отношении с другими субъектами мировой политики.

Проблемы, относящиеся к потребностям всего человечества, мира, земного шара, именуются в этой книге *общечеловеческими* или *глобальными*. В бытовом языке слово «глобальный» в последние 10–15 лет оторвалось от своего исходного значения «относящийся к земному шару в целом» (*globe* — земной шар). Оно стало использоваться в смысле «грандиозный», «очень важный». С точки зрения профессионального языка международного юриста, такое употребление является неточным. В науке о международных отношениях слово «глобальный» всегда указывает на нечто, имеющее прямое отношение к состоянию мира в целом.

Современные глобальные проблемы — это наиболее общие проблемы 1) текущего состояния системы международных отношений в целом, 2) процессов изменения (динамики) этих состояний, а также 3) регулирования и саморегулирования этих процессов. Дисциплина «современные глобальные проблемы» — отрасль науки о международных отношениях, исследующая эту трехчленную целостность. В ней, как правило, не изучаются двусторонние и многосторонние отношения, внешнеполитика отдельных государств и международная деятельность отдельных негосударственных субъектов.

В фокус рассмотрения этой дисциплины могут попадать действия ведущих государств мира или процессы регионального уровня, только если по какому-либо признаку эти действия или процессы начинают оказывать заметное влияние на состояние мировой системы в целом.

При этом, разумеется, важно понимать, что именно государства и конкуренция между ними определяют политику общечеловеческих органов регулирования отношений в сфере решения глобальных проблем. Государства задают тон деятельности ООН. Они же направляют работу Мирового банка, Международного валютного фонда, ВТО. Новые групповые регуляторы глобальной экономики и политики — «группа восьми» и «группа двадцати» тоже состоят из представителей государств. Наконец, союз НАТО, постепенно движущийся в направлении превращения в важнейший орган регулирования глобальной военно-политической сферы, тоже представляет государства.

Это не значит, что в решении глобальных вопросов существуют исключительно государственные начала. В современной мировой системе помимо государств большое влияние имеют разнообразные негосударственные субъекты — ТНК, международные политические, экологические и иные движения и группы, различные сетевые сообщества (в том числе криминальные), группы интересов и тому подобные. По сравнению с

государствами зная, *какие субъекты гораздо менее ограничены в своей деятельности правилами и официально признанным международным общением на глобальном, региональном и страновых уровнях. В мировой системе в целом негосударственные субъекты выполняют важнейшую роль «агентов общения», своего рода посредников между уровнями взаимодействия, характерными для государств. Для них не существует необходимости строго следовать правилам, установленным межгосударственными договорами, если только государства специально не принуждают их к этому в силу тех или иных обстоятельств.*

Скажем, транснациональные банки, пользуясь неподконтрольностью государствам, в погоне за прибылями долгое время целенаправленно контролировали рискованные финансовые операции в 2000-х годах. Только столкнувшись с мировым финансовым кризисом, государства в лице «группы двадцати» в 2008–2009 гг. договорились между собой о некоторых мерах по усилению влияния правительства к деятельности банковской сферы.

Известна и роль некоторых частных банков в 1990-х годах, через сети которых отмыкались (и отчасти продолжают отмыкаться) деньги транснациональных сетей преступности и сбыта наркотиков. После событий 11 сентября 2001 г. в США достоянием гласности стала неблагоприятная деятельность некоторых частных банков, на счетах которых накапливались средства, используемые международными террористическими сетями, в частности «Аль-Каидой».

Международные энергетические, в частности нефтяные, корпорации (в круг которых в 2000-х годах вошли наряду со старыми, западными по происхождению компаниями, корпорации ряда азиатских стран) уже полвека в огромной степени влияют на изменения ценных пропорций на глобальном рынке энергоресурсов. Соответственно, от действий транснационального энергетического бизнеса во многом зависит стабильность мирового экономического развития.

Очевидно, негосударственные субъекты оказывают большое влияние на состояние глобальной среды военно-политической и экономической безопасности и, соответственно, на решение глобальных проблем.

Структура предметного поля

Глобальная политика — это сгусток взаимных отношений между всеми субъектами международного взаимодействия по поводу решений вопросов общемирового значения, совокупность соответствующих общих или специализированных проектов воздействия на планетарные процессы — военно-политические, экономические, идеологические, информационно-психологические, гуманитарные, экологические и иные.

В содержательном отношении к глобальному уровню развития международного сообщества относятся несколько основных групп проблемы. Во-первых, это вопросы изучения *объективных* характеристик бытия человечества. Имеются в виду общемировые тенденции (тренды) экономического и демографического развития, состояние глобальных техногенной, антропогенной и естественно-природной сфер, становление глобального информационного пространства, тенденции научно-технологического развития и военно-технологической инноваций, идеологические сдвиги, правовое развитие человечества.

Во-вторых — динамика изменений в общем состоянии потенциалов ведущих государств, универсальные вопросы международной политической, экономической и военной конкуренции, международной безопасности, состояние природной среды, ресурсный потенциал мирового развития, глобальная социальная сфера (проблемы бедности, гендерного равенства (равенства социальных полов), этнокультурных различий, этнопсихологической психологии).

В-третьих, это исследование инструментальных начал регулирования мировой системы: управление рефлексией человека по поводу мирового бытия, философия и антропология международных отношений, проблематика глобальных управляющих институтов и развития институционального неформального и неформализуемого регулирования международных отношений.

В современной специальной литературе существует как минимум два варианта понимания глобальных проблем — условно говоря, узкий и широкий. Сторонники первого ограничивают проблематику глобальных проблем преимущественно социологическим срезом. В центре их внимания — глобальная политическая экология, все аспекты трансграничной деятельности человека-индивида, гуманитарные, социальные, научно-образовательные, теоретико-философские и технологические аспекты развития мира. Проблематика конфликтов затрагивается, но главным образом в контексте переговорных усилий по их урегулированию. По содержанию работы исследователей этого направления тяготело к проблематике того, что в американской научной литературе отнесено к тематике «мягкой безопасности» — *soft security* с характерным акцентом на невоенные аспекты мирового бытия.

В нашей книге представлено *широкое понимание современных глобальных проблем*, которое объединяет все вопросы, относящиеся к *общемирному срезу общения между государствами (традиционными) и негосударственными (новыми) субъектами международного общения*. Военно-политические, энергетические, финансово-экономические и

политико-идеологические аспекты развития человечества минимално влияют на мысли, чем природоохранные и социально-гуманитарные. Познавательная «повестка дня» как «мягкой», так и «жесткой» безопасности соединяются вместе. Социологической, историко-политической и экономический среды анализа работает в таком случае как единый методологический комплекс. Подобные отношения к глобальным проблемам в специальной литературе распространены шире, чем «узкое», и для международного оно представляется более предпочтительным.

Регулирование и саморегулирование в глобальной системе

С падением традиционных парадигм знания о международных отношениях вопрос об упорядочении мирового развития, его регулировании сводиться либо с добровольным консенсусом или сотрудничеством между ведущими странами мира (в идеале — между всеми), либо с деятельностью одной сверхсильной державы, способной навязывать свое воле более слабым народам или убеждать их принять ее условия международного развития, не применяя силу, но и не исключая таковой.

Примеры первого типа регулирования — «европейский концерт» XIX в., ООН и «группа семи» в XX в., а также «группа двадцати» в последнее десятилетие. Примеры второго — положение нацистской Германии в Европе в 1930-х годах или глобальные позиции США в конце 1940-х годов и с момента распада СССР в 1991 г. до приблизительно середины первого десятилетия XXI в.

В либеральной традиции именно международные институты (формальные и неформальные) традиционно связываются с «позитивной» идеей регулирования международной системы. При этом регулирование такого рода понимается как рациональное (в значении «осознанное» и «раздумываемое», но не обязательно «моральное» и «справедливое») воздействие на мировое развитие с целью предупреждения кризисов и войн, даже если стабильность мира в целом достигается за счет интересом безопасности конкретной страны или группы стран.

Мир и безопасность — понятия иногда взаимодополняющие. Но нередко они прямо противоречат друг другу. Мюнхенский договор 1938 г. между Францией, Британией и гитлеровской Германией позволил на время избежать большой войны в Центральной Европе. Но этот компромисс был достигнут за счет Чехословакии, которая перестала существовать как государство.

В 1991 г. глобальная стабильность и военно-политическая безопасность мировой системы, в сущности, не пострадала от распада Советского Союза. Более того, с территории бывшего СССР на Запад и Восток устремились обильные потоки необычайно дешевых природных, ин-

телекоммуникационных и людских ресурсов. *Но только поэтому, но и поэтому* может мировая экономика с того времени вступить в пору непрерывно продолжительного устойчивого развития, продолжавшегося почти до конца 2000-х годов. Угроза мировой ядерной войны отсутствовала, и последовала третья всемирная демократическая волна. Но все это — на фоне и отчасти за счет уничтожения единого государства СССР, бескровный, мирный демонтаж которого явился результатом «рациональных» регулирующих усилий влиятельных групп советской элиты, направивших на международную поддержку.

Случай рационального регулирования мировой экономической системы — усилия по координации экономических курсов ведущих государств в интересах выхода из кризиса 2008–2009 гг., предпринимавшиеся по линии «группы двадцати». Такие примеры легко умножить.

Вместе с тем, наряду с целенаправленными и продуманными усилиями, предпринимаемыми под воздействием человеческого разума, на международную систему оказывает огромное влияние природно-случайное начало, пресущая мировую систему хаотичность развития, способная в любой момент «искорректировать» влияние человеческого разума, уничтожить плоды его упорядочивающих усилий. Если с человеческим разумом в науке сопрягается идея оптимального мира, то с понятием хаоса и стихийности связывается представление о его самоорганизации, которая трактуется как результат иррациональных (возникающих независимо от человеческого разума, но природных) воздействий.

Процессы, развивающиеся в системе под влиянием хаотического начала, составляют содержание науки *синергетики*. Основная часть ее понятий связана с представлениями о системности, привнесенными в науку о международных отношениях в 1960–1970-х годах и основанными на кибернетической парадигме, предполагающей рассмотрение объекта исследования в качестве системы, обменивающейся информацией и энергией со средой через определенные каналы входа и выхода.

Природа хаоса в теории самоорганизации трактуется двойственно. Хаос — не только деструктивное начало. Он может быть конструктивным, выступающим в качестве условия порядка. Порядок возникает благодаря хаосу и из него. Хаос, с точки зрения синергетики, характеризует два момента *выхода системы из зоны аттракторно-самоорганизации*. В этом смысле он — предпосылка, предверие порядка¹.

Хаос разрушающий выступает как сила, создающая неоднородности в системе и дифференциация ее элементов. Хаос конструктивный часто выступает как механизм переключения, смены различных режимов развития системы. В теории самоорганизации понятие хаоса свободно от негативного оттенка. Отклонение от «ожидаемой» траектории

развития перестает казаться патологией, требующей рационального вмешательства⁷.

Минимум элементарной системы системной элементарной траектории своего развития измеряется в сверхтупых точках бифуркации. Таковой можно считать, например, непрогнозируемые события 11 сентября 2001 г. в США и последующее за ними быстрое и неожиданным российско-американское обложение. Другими примерами бифуркации могут являться природные катастрофы — мощные наводнения, цунами, землетрясения, извержения вулканов, — способные угрожать безопасности целых государств и регионов⁸.

Объяснительная полнота сверхтупых в науке о международных отношениях пока ограничена. Но теория самоорганизации помогает избежать абсолютизации рациональной «предопределенности» мирового развития, увидеть должное минимуме факторам «случайности». Последние в контексте сверхтупых предстают не «стечением обстоятельств», плодом недальновидности или ошибки, а результатом влияния, исходящего из органики самой мировой системы, присущих ей естественных колебаний (флуктуаций). Во многих случаях эти колебания в принципе не поддаются прогнозированию при нынешнем уровне наших знаний о природе хаоса и самоорганизации систем.

В своем виде и применительно к международной политике сверхтупых может считаться наукой о случаях, теорией о возможности резкого и внезапного «перескакивания» мирового развития с одной траектории на другую и, наконец, дескриптивной о роли малых влиятельных в международных отношениях в том смысле, что подобный «перескок» в ситуации неустойчивого равновесия системы может быть результатом малого и сверхмалого воздействия (принцип «малой—биг» — малое воздействие влечет большое изменение).

Глобальная политика и национальные интересы

С учетом сказанного несколько меняется представление о формировании международного порядка. В свете теории самоорганизации он сначала выглядит как итог продуманных усилий отдельных государств и конкуренции между ними, во-вторых и как результат внутренних колебаний, присущих глобальной системе.

При этом момент неизбежно предстоящей рано или поздно смены порядка (точки бифуркации) крайне сложно определить, даже если анализ работает в режиме тревожного ожидания такой смены. Так же трудно угадать и вероятную траекторию будущего системного развития. На практике международные исследователи работают с тем материалом, изучение которого возможно при помощи имеющихся у него логико-

интуитивных и формальных методов. Пользуясь ими, он вряд ли в состоянии постичь все перспективы развития системы, но может существенно уменьшить потребность представлений о них, стихийно возникающих в информационном поле или выбрасываемых в него сознательно теми, кто этим полем старается управлять.

Согласно классическим представлениям, источником динамики мировой политической системы с позиций рационального знания являются исходные устремления стран, народов, групп и индивидов к максимально полной реализации своих интересов или того, что каждый субъект под таковыми понимает. Эти устремления сталкиваются и вызывают конфликты. Во избежание войны или с целью их ограничения субъекты мировой политики вступают между собой в переговоры и дипломатические отношения, задачей которых является взаимное приспосабливание, выработка условий сосуществования или даже интенсивного общения на более вышних уровнях общих интересов.

Но такого рода взаимодействие характеризует прежде всего его глобальный уровень. Правительства стран мира и ТНК во второй половине XX в. безоговорочно согласились между собой в том, что экстенсивное расходование ресурсов Земли (в том числе энергетических) является условием экономического роста и в этом смысле политикой, приемлемой и для государств, и для бизнеса. При этом последствия такого курса для природной системы Земли игнорировались. Компромисс государства и корпораций был достигнут за счет интересов глобального уровня, интересов человечества в целом. Только в последние 15–20 лет государства и негосударственные субъекты начали всерьез заниматься защитой подлинно глобальных интересов Земли.

Аналогичным образом, правительства и деловые круги ведущих стран с конца 1990-х годов горюче приветствовали возникновение обширного сектора виртуальной экономики, справедливо указывая на то, что ее развитие помогает решать проблемы трудоустройства. При этом упускалось о том, что бурное развитие этого сектора порождает диспропорции в мировой экономике, которые несут риски для ее стабильности. Глобальный экономический интерес, который в данном случае состоял в обеспечении устойчивого развития, приносился в жертву секторальным интересам производителей виртуальных потребностей и услуг, а также главным интересам сферы виртуальных финансов. В итоге такая политика (в сочетании с другими факторами — см. подробнее гл. 4) во многом подготовила условия возникновения глобального финансового кризиса 2008–2009 гг.

Очевидно, что сегодня можно констатировать противоречия между интересами глобального уровня человеческого развития, с одной стороны, и

интересами сообщества государств и негосударственных субъектов с другой. Существует необходимость постоянно применять эти интересы, но ресурсом для выполнения этой важнейшей функции примерно находится в руках самих государств, корпораций и так или иначе сотрудничающих с ними неправительственных организаций (которые в этом случае не могут вести самостоятельно международную деятельность ввиду отсутствия средств).

Соответственно, возрастает роль особого направления политико-дипломатической активности человека — борьбы за навязывание государствам и корпорациям целей, определенных объективными потребностями безопасного (во всех смыслах) развития человечества в целом. Речь, по сути дела, идет о том, чтобы США, страны ЕС, Россия, Китай, Индия, Бразилия, Япония и другие ведущие страны уловили интересы человечества в целом за свои собственные национальные интересы — хотя бы в той мере, в какой они к этому готовы. Содержание современной глобальной политики в огромной степени определяется попытками добиться такого сдвига и преодолеть связанные с этим противоречия.

Участниками конфликта интересов в этом случае выступают различные группы как внутри государства, конкурирующие между собой различные группы транснациональных корпораций (например, энергетические, с одной стороны, и рыболовецкие с другой), международные общественные движения, межгосударственные формальные и неформальные институты, международные судебные органы и СМИ.

Глобальный политический парадокс

Динамика его трансформации определяется прежде всего взаимодействием всех субъектов международного общения по поводу решения глобальных проблем. Вместе с тем это взаимодействие выливается на традиционную международную конкуренцию между государствами за лидерства, выход на наиболее благоприятные позиции в глобальном разделе труда и производственные геополитические позиции.

Ключевое условие порядка в мире в целом — способность наиболее мощных держав к самоограничению (сдержанности) и способность мирового сообщества в целом ограничивать действия тех международных субъектов (государств или негосударственных игроков), поведение которых наносит явный ущерб интересам международной безопасности в целом. Самоограничение и ограничение — ключевые функции поддержания порядка, миссией которого от лица всего международного сообщества пытаются выполнить международные организации, прежде всего ООН, и от своего собственного лица — отдельные, наиболее сильные державы (в условиях 2000-х годов — прежде всего США).

Условием порядка на планете является прежде всего наличие:

- ясной иерархии возможностей между ведущими державами, признаваемой всеми или явным большинством субъектов международных отношений;
- совокупности принципов и правил внешнеполитического поведения всех мировых игроков;
- системы принятия решений по ключевым международным вопросам, которая может гарантировать представительство интересов ведущих участников иерархии при принятии решений на ее высших уровнях;
- набора морально допустимых санкций за их нарушения, а также механизмов применения этих санкций;
- форм, методов и приемов реализации принимаемых решений, т.е. режима реализации порядка.

Вопрос о глобальной иерархии традиционно связывается в литературе и общественном сознании в целом с понятием полярности в мировой системе. На уровне широкого общественного мнения периодически обсуждается вопрос о соотношении «монополярности» («однополярности») и «многополярности». Существуют концепции «бесполостного мира», «комбинированной структуры», «плюралистической однополярности» и другие⁷.

В Российской Федерации на политическом уровне уделяется внимание тенденции к монополярности в силу того, что она ставит под сомнение единственное лидерство США, функциями которого в 2000-х годах злоупотребляли администрация республиканцев. В методологическом отношении и в контексте общественных дискуссий можно иметь в виду, что *монополярность предполагает наличие в мире нескольких держав, примерно сопоставимых по совокупности связей возможностей — экономических, военных, политических, идеологических и организационных*. При отсутствии такой сопоставимости о многополярности уместно говорить скорее как о развивающейся тенденции, результаты которой еще предстоит увидеть. Вместе с тем, анализируя крайними методами или отсутствием сопоставимости и самостоятельности аргументационной и фактической материал, читатель может выносить логически вытекающие суждения о конфигурации мировой структуры в тот или иной период исторического времени.

Признаки анализа глобальных проблем

Изучение современных глобальных проблем, прежде всего, — наука о *основных мировых системах*. В принципе для международного до-

ступни как минимум два разных «металюда» к анализу — «из себя» и «из окружающего мира». Первый лучше подходит для анализа внешней политики Российской Федерации и, по аналогии, внешних политик любых других стран. Второй — оптимален при исследовании состояний мира, динамики изменения этих состояний, соответствующих процессов и инструментов влияния на них.

Первый в российской научной традиции близок к парадигме рассуждения сторонников «акторного подхода»². Главное — вскрыть природу действующего лица — «актора» (государства или негосударственного актора) и выявить его интересы. Далее можно и нужно попытаться повлиять на психологию и поведение соответствующего «актора» средствами убеждения, посула или психологического давления при помощи информационного воздействия, образования и воспитания, культурных обменов. В основе этой логики — социологический подход (социальный конструктивизм) с присутствием ему оттенком влияния умеренного неомарксизма, что само по себе не хорошо и не плохо³.

Второй «металюда» тяготеет к формально-структуралистскому методу. Для него типичен акцент не на участниках событий («кто действует?»), а на результатах взаимодействий («что произошло?»). Отсюда — стремление выявить, прежде всего, устойчивость или изменчивость глобальной тенденции, возможность и меры необходимости ей содействовать или противостоять.

Совоставление подходов можно развернуть в довольно обширное рассуждение. Важно не это. С практической точки зрения, для международного бытия чаще всего полезно совместить оба угла зрения, чтобы выстроить наиболее объективную, полную модель международной действительности, в которой предстоит проводить внешнюю политику России.

Нельзя абсолютизировать важность глобальных тенденций. Но недостаточно и воспринимать их лишь через призму потребностей своей страны. Российская Федерация — часть мирополитости. Необходимо знать, в чем состоят российские национальные интересы, но не менее важно осознавать, что внешняя политика России формируется и проводится в реально существующем глобальном контексте, общемировой политической и экономической среде. Эта среда может создавать новые шансы и возможности для реализации российских интересов, но она налагает и определенные ограничения на действия нашей страны точно так же, как и на действия любой другой.

Искусство дипломата и политика состоит в том, чтобы найти способ наилучшим образом внести действия России в реальные процессы глобального развития — содействуя им в одних случаях и сопротивля-

ясь в других. Но при этом важно избежать фронтального противостояния с объективно развивающимися глобальными трендами, т.е. теми тенденциями, возникновение и развитие которых обусловлено не интересами оппонентов и конкурирующих коалиций, а новыми объективными состояниями мировой системы, возникновением у нас новых качеств и потребностей. В противном случае существует угроза «общего перенапряжения» страны, постановка заведомо нереализуемых, не обеспеченных имеющимися ресурсами внешнеполитических задач¹⁰ и, как следствие, подрыва международных позиций нашей страны.

Аналогичным образом, неполное понимание смысла и направления глобальных трендов (например, в сфере образования, науки и инноваций) может привести к неоправданному занижению планки внешнеполитических задач, пассивному реагированию на глобальные вызовы и хроническому отставанию от мировых тенденций, бесцельному пробыванию на положении «мировой складовой прирезки ресурсов».

Для целей прикладного анализа уместно и нужно использовать в зависимости от задачи объяснительные возможности всех школ и подходов, выбирая из каждой наиболее ценное и подходящее для целей конкретной задачи. Аналитиком полезно иметь некую схему целостного анализа глобальных проблем, которая ориентирует на постановку наиболее важных общих вопросов, ответы на которые позволяют и оценить состояние мировой системы, и сопоставить глобальные тенденции с национальными интересами своей страны.

1. Прежде всего вылезает необходимость уточнить *дирекцию глобального тренда, сферу, к которой он относится*. С учетом сложного характера большинства мировых трендов вылезает не просто понять, является ли, например, проблема ужесточения глобальных экологических стандартов природоохранной или торгово-экономической. Ведь, с одной стороны, переход на «чистое топливо» — вопрос качества жизни человека (меньше загазованная среда). Но с другой — попытка ограничить сбыт товаров, произведенных при использовании «грязных» источников энергии, может вылиться во внешнеторговые ограничения, торговые войны и огромные финансовые потери тех стран, которые не готовы или не стремятся следовать повышенным экологическим стандартам.

2. Логично выдвинуть, *какую роль* (инициатора или наблюдателя) *может и хочет выполнять наша страна в связи с развитием выявленного глобального тренда*. Скажем, в вопросах регулирования аспектов использования приполярных зон или переговоров о перераспределении ОМУ Россия — активный субъект, а в вопросе ограничения выбросов озона, борьбе с голодом в Африке она склонна занимать пассивно-наблюдательную позицию. Чрезвычайной деликатностью отличается формиро-

вание российской позиции в связи с таким вопросом, как реформа глобальной системы ООН.

3. Особая задача — выявить шансы и риски твоей страны в связи с развитием глобальной тенденции. Скажем, либерализация мировой торговли сельскохозяйственной продукцией представляется важным и неизбежным шагом развития международной конкуренции как стимула более эффективного распределения трудовых ресурсов и разделения труда. Но прямые социально-политические и экономические издержки от возможного включения России в этот процесс (разорение российской деревни) могут перевешивать для нее будущие выгоды от вхождения в него. Соответственно, приобретает важное практическое значение вопрос об оптимальной скорости и условиях участия России в глобальных торговых переговорах.

4. Ключевой вопрос — «цена и стоимость» участия в глобальных процессах. Цена может многократно превышать стоимость, и наоборот. Под ценой в этом случае понимается квантитативно обусловленное количество благ, которое страна приобретает или теряет в результате участия в мировом процессе в ближайшей и среднесрочной перспективе. Стоимость — это выигрыши или потери, которые она обрела или понесла в результате того же самого, но с точки зрения ее фундаментальных, долгосрочных интересов.

Как уже говорилось, российские ресурсы в Сибири — ресурс глобального значения. В этом смысле, целью за ускоренное освоение Россией ее сибирских ресурсов может стать бурный приток в нашу страну иностранных инвестиций и капиталовложений международных организаций и фондов. От этого выиграли бы российские бизнесмены, граждане Российской Федерации, проживающие в сибирских краях и областях, и широкий круг потребителей соответствующих ресурсов за пределами страны. Но эти выигрыши могли бы обернуться для россиян притоком большого числа иностранных (предположительно азиатских) рабочих и исполнением демографического состава сибирских регионов, ускорением притока участия иностранных компаний и институтов в регулировании экономической активности в сибирских регионах и, так сказать, частичной интернационализации управления их ресурсами. Такой могла бы оказаться стоимость «интернационализированного освоения» Сибири.

Такие издержки при определенных обстоятельствах могут быть сочтены российской властью и народом России приемлемыми. Но заблаговременное выявление во взаимосвязи соответствующих осложнений, степени их вероятности является необходимым элементом анализа на этапе, предваряющем политические решения о согласии или несогласии на участие в глобальном проекте подобного рода.

5. Отдельный вопрос — определение источника финансирования усилий для решения глобальных проблем. Государства если и бывают склонны тратить свои ресурсы на подобные цели, то лишь в случаях, когда уверены в совпадении интересов глобального развития со своими собственными национальными интересами. Международные организации, как правило, обладают ограниченными ресурсами и зависят в их получении от государств. Частный бизнес чаще всего мотивирован к участию в глобальных проектах на коммерческой основе при условии их рентабельности. В итоге вопрос о начале практических действий в решении глобальных вопросов оказывается предметом сложных согласований, целью которых, как правило, бывает взаимовыгодное взаимодействие ТНК и государств.

6. Наиболее привычный для традиционной дипломатии аспект ситуации — выбор союзников и определение конкурентов или оппонентов в связи с разрешением той или иной проблемы. В этом случае интерес своей страны тоже бывает крайне важен, так как страна, вступающая в коалицию для решения глобальной проблемы, нередко использует механизмы сотрудничества для урегулирования других аспектов отношений между собой — как непосредственно затронутых, так и иных.

Разумеется, предельная схема не претендует на нормативность. Ее значение — очерчить минимум сложностей, на которые в учебных и исследовательских целях стоит обращать внимание при исследовании тех глобальных проблем, анализу которых посвящены последующие главы книги.

Примечания

¹ Подробнее см.: Современная мировая политика. Провалы и успехи / Под ред. А. Д. Вассурова. 2-е изд. М.: Аспект Пресс, 2009. Гл. 2, С. 90–94.

² В отличие от проблематики качественной биологичности — *Qualitative biology*, исследующей на которой сосредоточены на анализе качественных, аналитических и темпоро-эволюционных аспектов глобальной международной ситуации.

³ Вассурова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб.: Лань, 1999. С. 184.

⁴ См.: Вассурова Е. И. Мыслить синергетически значит мыслить диалектически // Сайт С. П. Курдюмова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://arkhiv.kurdukov.com/MSI/505/Msc/Vassurava_E_I.,_Kurdumov_S_P._Синергетика_как_новый_информационный_диагноз_С.П.Курдюмова // Вопросы философии. 1992. № 12.

⁵ Подробнее см.: Вассурова Д. В. Синергетический подход к анализу международной политики. Опыт адаптации понятий // Международные отношения. 2009. № 3, С. 83–94.

⁶ Скользящий случай бифуркации — ситуация в эволюционной области знаний — сложнейшая (супербифуркация), представляющей на уровне эволюции эволюционного процесса. Исследования в этом направлении позволяют ожидать бифуркации в геополитической области будущего «глобального» контакта с цивилизационными цивилизациями. В силу неоднородности таких процессов их трудно применять в расчет при анализе глобальных проблем мира, как и стратегии управления рефлексией по поводу глобальных проблем. Однако

полноценными может представлять интерес, как минимум, в том смысле, что факт ее появления отражает сложившуюся человеческую историю в мировой системе.

⁵ Концепция «глобального мира» принадлежит российскому ученому Э. И. Баташину (*Баташин Э. И. Мировой порядок и мировое развитие. М., 2005; Он же. Начало XXI века: Мир без политики, мир без глобального лидера // Лидерство и конкуренция в мировой системе: Россия и США / Отв. ред. А. Д. Богатуров, Т. А. Шакина. М.: КРОСАНД, 2010. С. 41–57*). Термин «интерактивизм» («однозначность» «взаимности») что более преобладает США свидетель о возможности ограничения «стремлениям США действовать (в 1990-е годы и после прихода к власти в 2009 г. Б. Обамы) в контакте с ближайшими союзниками (Системный вектор международных отношений в четвѳерх томах / Отв. ред. А. Д. Богатуров. М., 2003. Т. 3). На публикаций по тому мировому порядку см.: Шакина Т. А. Россия и США в новом мировом порядке. Девятости в политико-академическом сообществе России и США (1991–2002). М.: Институт США и Канады РАН, 2002; Войтовичский Ф. Г. Нестабильность в мировой системе // *Международные процессы*. 2009. № 1. С. 4–16; Козылов В. А. Глобализация: От миропорядка к международно-политической организации мира // *Очерки теории и прикладного анализа международных отношений*. М., 2002. С. 297–323.

⁶ Это последовательное движение по главу уже «новых акторов», над которыми поводится процесс всего государствами участника международного общения.

⁷ Популярный на Западе, а в последние 10 лет и в России государственный подход, по сути дела, является частным случаем акторного. Игровой анализ — не теория, а подход к любой теории. Для государственного подхода характерен акцент на учет возможности слабой стороны, а не раски войны, акцент при возможности. Ученые этой школы преддает первоочередное значение выделению возможности применения «силы мощи» (*soft power*), выделению причин поведения конфликтующих сторон, «интерактивизм» или, выделению возможности переговоров решений, профилактике рисков. В своем обзоре автор описывает государственный подход — выделение «сдержанности, терпимости» (*soft power and tolerance*) и отказ от «бесограниченности и агрессивности».

⁸ См.: Хрущев М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. *Очерки теории и методологии*. М., 2008. Гл. 2. С. 33–63.

Список рекомендуемой литературы

- Баташин Э. И. Мировой порядок и мировое развитие. М., 2005.
- Войтовичский Ф. Г. Нестабильность в мировой системе. *Международные процессы*. 2009. № 1. С. 4–16 (см. также сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru>).
- Козылов В. А. Глобализация: От миропорядка к международно-политической организации мира. *Очерки теории и прикладного анализа международных отношений*. М., 2002 (см. также сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.obshchegom.ru>).
- Современная мировая политика: Прикладной анализ / Под ред. А. Д. Богатурова. 2-е изд. М.: Аспект Пресс, 2010.
- Тыныкин Э. В. Систематический подход в анализе международной политики. Опыт адаптации понятий. *Международные процессы*. 2009. № 1 (см. также сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru>).
- Хрущев М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. *Очерки теории и методологии*. М., 2008.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ
МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЫ в 2000-х годах**

Первое десятилетие XXI в. можно охарактеризовать как завершающую фазу переходного периода в эволюции международной системы. Речь идет о переходе от биполярности к постбиполярности. Его исходная точка — середина 1940-х годов, когда провозглашенная советским руководством перестройка внутри страны дополняется «новым мышлением» в ее взаимоотношениях с внешним миром. Именно отсюда начинается преодоление биполярной конфронтации как способа организации международных отношений, который на протяжении четырех десятилетий доминировал в ареале Восток—Запад.

Алгоритмом существования было взаимное непритие стран с противоположным общественным строем — их идеологическая непереносимость друг к другу, экономическая несовместимость и военно-политическое противостояние. Геополитически это было противостояние двух лагерей, в которых вокруг лидеров (США и СССР) формировалась группа поддержки (союзники, сателлиты, попутчики) и которые соперничали друг с другом как напрямую, так и в борьбе за влияние в мире.

Строго говоря, степень и жесткость такого противостояния никогда не была константой. В предшествующие времена можно обнаружить и весьма обостренные отношения (как во время Берлинского кризиса в 1948—1949 гг. или после ввода войск стран Организации Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г.), и периоды их «размurchивания» (как в эпоху разрядки 1970-х годов). Однако провозглашенное Советским Союзом «новое мышление» и последовавшая реакция на него западных стран означали собой не ситуативное и тактическое, а принципиальное, ориентированное на стратегическую перспективу преодоление ими конфронтационной ментальности и политики. Поскольку последние были сущностной характеристикой сложившейся после Второй мировой войны международно-политической системы, постольку и такое развитие расценивало ее своим основательным образом.

Самый сильный удар по биполярной системе был нанесен расходом «социалистического сотрудничества», который произошел в феноменально краткие сроки — его кульминацией стали «бархатные» революции 1989 г. в странах, бывших союзниками-сателлитами СССР. Символически

видения последнего два года спустя подошла под биполярностью окончательную черту, поскольку означала исключение одного из двух ее субъектов.

Обозначение переходного периода

Однако переходные процессы продолжались в 1990-х и 2000-х годах. Потребовалось время на демонтаж Ялтинско-Потсдамской системы. Таковой не сводится к прекращению деятельности ОВД или СЭВ. В обширном сегменте международно-политического пространства, который составляли страны бывшего социалистического лагеря, стала создаваться новая инфраструктура взаимоотношений, как между странами региона, так и с внешним миром.

Международно-политические ориентиры этого пространства также не могли сформироваться одновременно или как реакция на толерированный, пусть даже энергичный импульс. За воздействием на эти ориентиры шла временами скрытая, а временами и открытая борьба — причем Россия участвовала в ней энергично и инициативно (хотя и не смогла добиться желаемых результатов). На протяжении 1990-х и затем 2000-х годов постепенно формировались реалии, которые становились системообразующими. Выяснилось, что страны региона не захотели обрести нейтральный статус или превратиться в «мост» между Россией и Западом. Они пытались стать частью последнего, стремились вступить в ЗЕС, НАТО, ЕС, даже вопреки противодействию России. В НАТО и ЕС вступили даже три государства Прибалтики, бывшие прежде частью СССР.

В более общем плане расширение НАТО и ЕС и их распространение на значительную часть европейского международно-политического пространства означает собой возникновение принципиально новой конфигурации в регионе.

На протяжении 1990–2000-х годов выявляется несовместимость некоторых идей с новым международно-политическим реалиям. Среди таких «несостоявшихся» моделей — роспуск НАТО, превращение этого альянса в политическую организацию, радикальное изменение его характера и его трансформация в структурный каркас общоевропейской безопасности, создание новой организации для поддержания безопасности на континенте.

В течение почти двух десятилетий развертывалась драма преобразования в территориальном ареале бывшей Югославии. Завершение фазы многослойного военного противостояния между вышедшими из ее ложа государственными образованиями и субгосударственными акторами знаменует собой важнейший сдвиг в структуризации этой части

международно-политического пространства. Больше определенности стало и в том, как она будет вписываться в глобальную конфигурацию. Вместе с тем значимость югославских событий выходит за рамки регионального контекста, а их эхо обнаруживается то в отношении России к НАТО, то в перспективах вокруг вопроса о военном измерении ЕС, то в кавказской войне и августе 2008 г.

На глобальном уровне важнейшей характеристикой переходного периода стал всплеск американской политики односторонних действий — «унилатерализма» — и выхождение ее неосознанности. Если первое было характерно для начала 2000-х годов, то их вторая половина прошла под знаком попыток республиканской администрации США преодолеть экстремизм своего собственного наступательного унилатерализма. В конце десятилетия возник вопрос о смене парадигмы внешнеполитического курса Вашингтона.

России потребовалось время, чтобы убедиться: вступление в «сообщество цивилизованных государств» не может стать только результатом политического выбора и потребует значительных усилий по преобразованию страны и обеспечению ее совместности с другими развитыми странами. Вместе с тем ее внешнеполитическая состоятельность, по разным причинам, возросла и стала источником ее более заметного присутствия на международной арене.

Все это в совокупности и позволяет высказать предположение, что переходный период в эволюции международной системы в основном завершился. Биполярность если и сохраняется, то главным образом в остаточных формах, спорадически рождавая внешнеполитического мышления, всплески иррациональных поведенческих инстинктов. Характерное проявление этого феномена можно видеть в двусенарии «Россия против Запада», преступил которой — и в России, и на Западе — амальгам приближают некогда знаменитую спелую и фарсу.

Сущностные характеристики периода, выступившего после биполярности, пока размыты, разблудны и концептуально зыбчивы. Чаще всего его отождествляют с многополярностью — организующей международно-политической системы на началах полицентризма. Высказывается предположение о том, что на место «старой» биполярности придет новая, в которой роль «полюсов» сыграют соответственно США и Китай, или «страны золотого миллиарда» и «объединенная часть человечества». В некоторых работах предлагается считать постбиполярность феноменом 1990-х годов, который подвел черту под распадом атлантической международной системы. По этой логике в 2000-х годах мир вступил в фазу постбиполярного развития.

Трансформация международной системы

Завершение переходного периода — это возникновение некоторых достаточно устойчивых попыток конструкций глобальной системы международных отношений, но не завершение ее структурной трансформации. Последняя протекает интенсивно, но еще далека от завершения. Представляется возможным очертить некоторые наиболее существенные ее характеристики.

Очевидна главная роль крупнейших государств, образующих верхний уровень международной системы, в ее структурировании. За неформальное право войти в состав ядра системы конкурируют 10–15 государств. В этом смысле формула «группы двадцати» (G-20) избыточна по критериям функциональной достаточности, хотя, вероятно, она отвечает мотивам политической целесообразности. Международные организации и институты являются важным структурным компонентом системы, однако они уступают по масштабам влияния крупнейшим государствам.

В международной системе произошло и продолжает происходить перераспределение удельного веса между различными существующими и возникающими центрами влияния — в частности, в том, что касается их способности оказывать воздействие на другие государства и на мир в целом. Главная нитя в формирующейся международной системе разворачивается по линии отношений между развитым и развивающимся миром.

Меняется инструментарий, используемый в сфере международных отношений. Возникают новые проблемные поля, формируются новые линии кооперативного или конкурентного взаимодействия. «Новые вызовы» — прежде всего затрагивающие сферы экологии, научно-технологического развития, здравоохранения, миграции населения — становятся более значимыми. Но не утрачивают роль и «традиционные» проблемы международных отношений и безопасности. Становится более весомым фактор присутствия в международной жизни негосударственных субъектов (акторов). Параллельно с этим меняется роль государств как главных действующих лиц мировой арены.

Поллицентричный мир

В целом его формирование может быть способом организации международной системы. Эта идея не только получает растущую поддержку, но и подтверждается реальным мировым развитием. Разумнее, о реализации такой модели в полной мере можно говорить лишь как о тенденции стратегического характера, имея в виду перспективу как минимум

двух-трех будущих десятилетий. И все же преобладающие в многополюсности тенденции и начинают приобретать необратимый характер.

На глобальном соотношении экономических и политических сил больше складывается укрепление позиций Китая и Индии. Эта тенденция с большой вероятностью экспансируется в будущем. Весом потенциал таких центров, как Европейский союз (учитывая феномен интентрадиционного развития) и Япония.

Интересно развивается ряд стран Азии и Латинской Америки. Заметное присутствие на международно-политической арене исламского мира — хотя сто коллективных достояний вызывает сомнения и в данном случае вряд ли можно говорить о «полюсе» или «центре силы». Немалыми возможностями, реальными и потенциальными, располагает Россия.

Констатируя полицентричность современной международной системы (в тенденции, но во многом и по существу), необходимо иметь в виду важное обстоятельство: США, безусловно, занимают особое положение в этой системе и обладают огромными возможностями влияния на международную жизнь.

Роль этой державы в мировых отношениях, финансах, торговле, науке, информатике уникальна и будет оставаться таковой в обозримой перспективе. По размерам и качеству военного потенциала эта страна не имеет равных в мире, если абстрагироваться от российского ресурса в области стратегических ядерных сил.

На этой основе в 2000-х годах администрация США сделала открытым акцент на утверждение американского лидерства во все более авторитарных и силовых формах. Однако ставка на формирование модели однополюсного мира, в котором США в качестве «единственной оставшейся сверхдержавы» были бы безусловным и неоспоримым диктатором, оказалась несостоятельной.

Проводившийся американскими neoконсерваторами курс на увеличение статуса США как главного действующего лица мировой арены, «преобразование» мира в соответствии с американскими интересами, игнорирование интересов других стран, включая союзников, — все это стало источником новой напряженности в международно-политической системе. Последовало скрытое или явное противодействие американским планам со стороны многих государств, обобщенных сотрудничеством своей самостоятельности.

Приход в 2009 г. к власти администрации Б. Обамы символизировал намерение внести США в мир более адекватно — через сотрудничество с другими странами, развитие которого позволило бы форми-

ровать международную систему без ярко выраженного гегемонистского начала.

Элементы дезорганизации

Формирование полицентричного мироустройства выражается в его реструктуризации. А она, как и в любом социуме, осуществляется не в лабораторных условиях и потому не может не сопровождаться возникновением элементов дезорганизации. При неблагоприятном сценарии это способно привести к нарастанию хаоса в системе и ее полному разрушению.

Сколько-нибудь заметных признаков такого, как представляется, нет. Это можно считать «хорошей новостью», поскольку не оправдываются сценарии авторов апокалиптических прогнозов, которыми повлеклись в начале переходного периода. Мир не рухнул, вселенского хаоса не возникло, война всех против всех не стала универсальным алгоритмом международной жизни.

Важно отметить, что несовершенство подобных драматических пророчаний выявилась в условиях глобального финансово-экономического кризиса конца 2000-х годов. Его масштабы были вполне сопоставимы с крупнейшим экономическим потрясением прошлого века, затронувшим все крупнейшие страны мира, — кризисом и Великой депрессией в 1929—1933 гг. Но в XX в. кризис привел к мировой войне, а в XXI в. воздействие кризиса на мировую политику носило скорее стабилизирующий характер. Иными словами, на нынешнем витке кризисных испытаний инстинкты национального эгоизма оказались контролируемы и не привели к формированию нормоопасного потенциала. Это — свидетельство определенной устойчивости международно-политической системы. Но, констатируя наличие в ней запаса прочности, важно видеть и дестабилизирующие выбросы. Разбалансированность системы просматривается отчетливо. Из числа старых механизмов, которые обеспечивали ее функционирование, немало таких, которые частично либо полностью утрачены или подвергаются эрозии. Новые пока не утвердились.

В условиях bipolarной конфронтации противостояние двух лагерей было в какой-то степени дисциплинирующим элементом, приглушало меж- и внутрислоновые коллизии, побуждало к осторожности и сдержанности. Наклонившаяся эверта не могла не выплуститься на поверхность, как только распалась обручи холодной войны. Исчез и компенсаторный механизм, действовавший по вертикали — когда конфликтные темы минимизировались на более высоких уровнях взаимодействия по линии «Восток—Запад».

Фактором, усложняющим современный международно-политический ландшафт, становится появление новых государств, сопряженное с противоречивым процессом их внешнеполитической идентификации, поиском своего места в системе международных отношений.

Все страны, которые обрели самостоятельность в результате распада «железного занавеса», сделали выбор в пользу независимого внешнеполитического курса. В стратегическом плане это оказало стабилизирующее действие, но в краткосрочной перспективе явилось импульсом для разбалансировки международной системы — по крайней мере, в части взаимоотношений соответствующих стран с Россией.

Полицентризм как антитеза биполярности не всегда может оказаться благом. К примеру, в сфере военных приготовлений (особенно в области ядерных вооружений) увеличение числа конкурирующих центров силы способно привести к подрыву международной безопасности и стабильности.

Из этого следует очевидный вывод: трансформация международно-политической системы, в значительной своей части происходящая в результате перехода на страновом и внутристрановом уровнях, должна сопровождаться целенаправленными усилиями по минимизации сопутствующих эффектов дестабилизирующего характера. Но этот общий императив может остаться лишь благим пожеланием, если не обретет политическую весомость на уровне ведущих стран и в масштабах мирового сообщества в целом.

Глобализация

Одна из важнейших характеристик современного мирового развития — интенсивные процессы глобализации. Они, помимо всего прочего, относятся к числу наиболее очевидных свидетельств обретения международной системой нового качества — качества глобальности.

В явлении глобализации есть глубокое противоречие, а ее развитие имеет для международных отношений немалые издержки. Глобализация может проявляться в авторитарных и иерархических формах, порожденных интересами и устремлениями наиболее развитых государств. Высказываются опасения по поводу того, что глобализация делает сильных еще сильнее, обрекая слабых на полную и необратимую зависимость. Тем не менее не имеет смысла противодействовать глобализации, поскольку этот процесс имеет глубокие объективные предпосылки. Уместные аналогии — движение ондула от традиционализма к модернизации, от патриархальной общины к урбанизации.

Наиболее важными моментами, которые приносит глобализация в международные отношения, представляются следующие. Глобализа-

ция делает мир более единым, увеличивая его способность эффективно реагировать на проблемы общего характера, которые в XXI в. продолжают становиться более важными для международно-политического развития.

Один из компонентов внутренней напряженности в международно-политической системе — коллизия между глобализацией и национальной самостоятельностью отдельных государств. Все они, равно как и международная система в целом, сталкиваются с необходимостью найти органическое сочетание этих двух начал, совместить их в интересах поддержания устойчивого развития и международной стабильности.

Некоторые связанные с глобализацией явления — унификация, эрозия идентичности, ослабление национально-государственных возможностей регулирования социума, отягчения вследствие собственной конкурентоспособности — могут вызывать в качестве защитной реакции приступы самозащиты, автаркии, протекционизма. Но в долгосрочном плане такого рода выбор обрекает бы любую страну на перманентное отставание и на места на обочине магистрального развития.

Для общей динамики международных отношений важно понимать, что взаимозависимость, возрастающая в результате глобализации, будет служить базисом для преодоления расхождений между странами, мощным стимулом для выработки взаимовыгодных решений.

Экономические факторы

В современных условиях, особенно после устранения гипертрофированной значимости старых форм идеологического противостояния, значительное влияние на международно-политическую конфигурацию оказывает совокупность факторов экономического развития — ресурсных, производственных, научно-технологических, финансовых. В этом можно видеть возвращение международной системы в «нормальное» состояние, которое характеризуют приоритетом «геоэкономики» над «геополитикой». В каком-то смысле можно говорить о своего рода ренессансе экономического детерминизма — когда исключительно или преимущественно экономическими обстоятельствами объясняются все мыслимые и немыслимые последствия взаимоотношений на мировой арене.

В современных тенденциях международного развития действительно обнаруживаются некоторые новые моменты, которые, казалось бы, подтверждают этот тезис. Во всяком случае, не работает гипотеза о том, что компромиссы в сфере «низкой политики» (в том числе по экономическим вопросам) достигаются проще, чем в сфере «высокой политики»

(когда на кону оказываются престиж и геополитические интересы). Сегодня экономические вопросы оказываются более конфликтными, чем дипломатические коллизии.

Но этот вопрос требует более тщательного анализа. Поверхностные констатации приоритетности экономических детерминант международного развития недостаточны. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что экономика и политика не соотносятся только как причина и следствие — их взаимосвязь более сложна, многообразна и кластична. В международных отношениях это проявляется очень отчетливо.

Интеграция как условие стабильности

Одной из заметных тенденций в международных отношениях правомерно считать активизацию интеграционных процессов. Хотя они проявляются прежде всего на региональном уровне, сам по себе этот феномен носит глобальный характер и становится более значительным фактором мирового развития.

Успехи, которых добился в этом отношении Европейский союз, неоспоримы, хотя в середине текущего десятилетия ему пришлось столкнуться с необходимостью пересмыслить темпы, формы, направленность и пределы дальнейшего развития интеграции. Тем не менее ЕС остается наиболее грандиозным проектом, увлеченным от восточного столетия. В числе прочего он являет пример успешной конструктивной организации международно-политического пространства в той части мировой системы, которая на протяжении столетий была полем конфликтов и войн, а сегодня превратилась в зону стабильности и безопасности.

Убедительный пример продемонстрирован отношениями Франции и Германии. Если на временном отрезке протяженностью в три четверти века (1870–1945) эти государства трижды сталкивались в кровопролитных войнах (две из которых стали мировыми), то во второй половине XX в. участие в течение нескольких десятилетий в интеграционном взаимодействии сделало войну между ними практически невысказанной.

Опыт интеграции востребован в ряде других районов, пусть даже со значительно менее впечатляющими результатами. Последние интересны не только и даже не прежде всего в экономическом выражении. Важнее другое: интеграция становится средством нейтрализации нестабильности на региональном уровне.

Однако на вопрос о последствиях региональной интеграции для формирования глобальной целостности очевидного ответа нет. Сильная конкурентность на национально-государственном уровне (или канализируя ее в кооперативное русло), региональная интеграция может про-

ловить путь к взаимному соперничеству более крупных территориальных образований, консолидируя каждое из них и повышая его жизнеспособность и наступательность как участника международной системы.

Анализ интеграции выводит к более общей теме о формировании нового соотношения глобального и региональных уровней международной стабильности в мировой политическом системе. В отличие от периода конфронтации между ними теперь нет жесткой увязки: при нарастании региональных конфликтов значительно снизился риск их эскалации по восходящей на глобальный уровень вплоть до провоцирования мировой войны.

В то же время глобальная стабильность не обеспечивает автоматически прочную устойчивость в регионах, но, по крайней мере, не создает стимулов для ее подрыва. Наоборот, во многих случаях именно «сверху» возникает наиболее значимые попытки регулирования региональных конфликтов. Это явление можно было бы определить как феномен эскалации стабильности по каскадной траектории — если пользоваться аналогией с понятием «эскалационная стабильность» из стратегического лексикона времен холодной войны — когда речь шла о поддержании устойчивости при вертикальном нарастании конфликта.

Безопасность и роль силы

На глобальных характеристиках международной системы скандируются изменения в существе вопросов международной безопасности и стабильности, равно как и в их иерархии. Угроза мировой ядерной войны утратила абсолютный приоритет, хотя наличие крупных арсеналов средств массового поражения полностью не устранило возможность глобальной катастрофы.

Наряду с этим более грозной становится опасность распространения ядерного оружия, других видов ОМУ, ракетных технологий. Осознание этой проблемы как глобальной — важный ресурс мобилизации международного сообщества. Но действительность указанного ресурса ограничена. Во-первых, доступ к соответствующим средствам (оружию, технологиям) носит избирательный характер (одни имеют, другие нет). Во-вторых, меры, ограничивающие такой доступ, воспринимаются как дискриминационные.

При относительной стабильности глобальной стратегической обстановки нарастает вал конфликтов на более низких уровнях международных отношений, равно как и столкновений, имеющих внутренний характер. Сдерживать и разрешать такие конфликты становится труднее. Новыми источниками угроз выступают терроризм, наркоторговля, дру-

писе волны криминальной трансграничной деятельности, политический и религиозный экстремизм.

На этом фоне происходит переоценка фактора силы. В комплексе инструментов политики наиболее развитых стран более важное место занимает нематериальные средства — экономические, финансовые, научно-технические, информационные и многие другие, условно объединяемые понятием «мягкой силы». Тем самым расширяются возможности развитых стран выступать в качестве центра притяжения для других участников международной жизни, а в определенных ситуациях и оказывать на них эффективное несиловое давление.

Но многие государства видят в военной силе важное средство обеспечения национальной безопасности и повышения международного статуса. Крупные державы, отдавая предпочтение несиловым методам, политически и психологически готовы к избирательному прямому использованию военной силы или угрозы применения силы в отдельных критических ситуациях.

Средние и малые страны, особенно в развивающемся мире, за недостатком других ресурсов рассматривают военную силу как имеющую первостепенное значение. В еще большей мере это относится к странам с недемократической политической системой, если их руководство склонно противопоставлять себя международному сообществу, использовать авторитаристские, агрессивные, террористические методы достижения целей.

В целом в стратегическом плане и с точки зрения глобальных тенденций правомерно говорить об относительном уменьшении роли военной силы. Но использование этого инструментария в реальной практике отнюдь не уходит в прошлое. Не исключено, что его применение может стать более широким по территориальному арналу. Проблему будут скорее видеть в том, чтобы обеспечить достижение максимального результата в кратчайшие сроки и при минимизации политической поддержки — внутренней и внешней.

Контроль над вооружениями

Один из ярких парадоксов современного международно-политического развития состоит в том, что выход из глобального противостояния и уменьшение опасности возникновения мировой ядерной войны сопровождался замедлением процесса ограничения вооружений и их сокращения. Более того, правомерно говорить о заметной эрозии в этой сфере. Некоторые важные соглашения (ДОВСЕ, Договор по ПРО) перестали действовать, а заключение других оказалось под вопросом.

Восстановление и укрепление инфраструктуры контроля над вооружениями — важнейшая задача именно в связи с перекосящим характером международной системы. Ее нынешнее состояние ставит государство перед новыми вызовами и требует адаптировать к ним внешнеполитический инструментарий таким образом, чтобы избежать коллизий во взаимоотношениях. Накопленный опыт уникален и бесценен, и начинать все с нуля было бы иррационально.

Контроль над вооружениями важен и как свидетельство готовности стран к сотрудничеству в сфере безопасности. Альтернативный подход — действия на основе суверенных национальных императивов и без учета слабостей других стран — «плохой» сигнал, свидетельствующий о неготовности ориентироваться на глобальные интересы.

Особого внимания требует вопрос о ядерном оружии. Каждое новое расширение «ядерного клуба» оборачивается для международно-политической системы тяжелым стрессом. Между тем стимулом для расширения становится факт сохранения ядерного оружия крупнейшими странами в качестве средства обеспечения безопасности. Из высказывания в поддержку «ядерного нуля» воспринимаются скептически, а предложения кажутся формальными, неконкретными и неубедительными. При этом сами большие страны модернизируют свой ядерный потенциал, совершенствуют и «перенастраивают» его на решение дополнительных задач.

В условиях нарастания военных угроз может утратить значение негласный запрет на боевое использование ядерного оружия. Международно-политическая система столкнется с принципиально новым вызовом — вызовом локального применения ядерного оружия (устройств). Это может произойти в рамках любого мыслимого сценария — с участием какой-либо из признанных ядерных держав, неофициальных членов ядерного клуба, претендентов на вступление в него или террористов. Такая «локальная» по формальным признакам ситуация может иметь крайне серьезные глобальные последствия.

От ядерных держав требуется высочайшее чувство ответственности, новаторское мышление и беспрецедентно тесное взаимодействие, чтобы минимизировать политические импульсы для такого развития событий. Особое значение в этом плане может иметь достижение Соединенными Штатами и Россией договоренностей о глубоком сокращении ядерных потенциалов и придание процессу ограничения и сокращения ядерных вооружений многостороннего характера.

Внутринно обособленность и взаимоотношения с внешним миром

Традиция «вестфальского» подхода к международно-политической системе исходит из недопустимости ее вовлечения во внутривнутриполитические дела государств или, по крайней мере, из максимально ограничительной трактовки оснований и пределов внешнего вмешательства. Один из глобальных трендов современного развития противостоит этой традиции.

Проблемные ситуации внутри государств (этноконфессиональные, связанные с сепаратизмом, миграционными и демографическими процессами, коллизиями государственных структур) становятся труднее удерживать во внутреннем контексте. Они влияют на отношения с другими странами, затрагивают их интересы, скапливаются на острие мировой системы в целом. Отсюда — вопрос о возможности внешнего воздействия на внутривнутриполитические ситуации в тех или иных странах, его целях, средствах и пределах.

Однако речь идет о чувствительной теме, затрагивающей государственную суверенитет и требующей осторожного отношения. При иных отношениях может произойти эрозия основ существующего миропорядка и возникнет хаос, в котором будет господствовать лишь право сильного. Обратная сторона проблемы — жесткое противодействие властей любому внешнему вовлечению по мотивам защиты от вмешательства во внутренние дела, а на деле — из-за желания остаться «непрозрачными», опасения критики, восприятия альтернативных подходов. Задача — найти адекватные методы реагирования на такие ситуации, включая и возможность применения силы, но не при волюнтаристском ограничении международного права, а через его укрепление и развитие.

Обособленность, в которой спланировалось императивно внутреннее развитие государств и их международно-политические взаимоотношения, относится к числу наиболее трудных для приведения к общему знаменателю. Существует круг конфликтоточечных тем, вокруг которых возникают (или могут возникнуть) наиболее серьезные узлы напряженности по ситуативным, а по принципиальным основаниям. В числе таких проблем:

- взаимная ответственность государств в вопросах использования и трансграничного перемещения природных ресурсов;
- условия по обеспечению собственной безопасности и восприятия таких условий другими государствами;
- коллизия между правом народов на самоопределение и территориальной целостностью государств.

Перспективы глобального сотрудничества

Между государствами могут возникать споры и конфликты по конкретным вопросам, в которых их интересы не совпадают или расходятся. «Традиционная» международно-политическая система создает разнообразный набор инструментов для урегулирования таких споров и конфликтов. Соответствующей инструментарий есть и сегодня. Он будет развиваться и совершенствоваться.

Но особенностью формирующейся международно-политической системы является наличие в ней всеобщего компонента глобальной проблематики — а она требует не столько урегулирования споров, сколько определения программы совместных действий, не столько минимизации разногласий, сколько максимизации взаимного выгоды, не столько определения соотношения интересов, сколько выявления интереса общего.

Конечно, одно не исключает другого. Предрасположенность государств к сотрудничеству не всегда превалирует над их озабоченностью конкретным соотношением выгоды и издержек, а совместные созидательные действия не обязательно являются эффективными — нередко их осуществление оказывается невозможным. Но направленность на решение возникающих проблем сообща — в силу всеобщего характера этих проблем — придает международно-политической системе конструктивный стержень.

Наиболее важными направлениями действий в сфере глобальных проблем являются:

- продолжение борьбы с голодом, содействие социально-экономическому развитию наиболее отсталых стран и народов;
- поддержание экологического и климатического баланса, минимизация негативных воздействий на среду обитания человечества и биосферу в целом;
- решение крупнейших глобальных проблем в области экономики, науки, культуры, здравоохранения;
- предупреждение и минимизация последствий природных и техногенных катастроф, организация спасательных операций (в том числе по гуманитарным основаниям);
- борьба с терроризмом, международной преступностью и другими проявлениями деструктивной активности;
- организация порядка на территориях, утративших политико-административную управляемость и оказавшихся во власти анархии, угрожающей международному миру.

Успешный опыт совместного решения проблем может стать стимулом для кооперативного подхода к тем спорным ситуациям, которые не поддаются урегулированию в «традиционном» режиме. Даже если в таких условиях присутствует доля идеалистических иллюзий, сотрудничество по пересеченным направлениям необходимо по практическим основаниям. Глобальная проблематика становится проблематикой практической политики.

Список рекомендуемой литературы

Архитектура евроатлантической безопасности / Под ред. Н. Ю. Юргенса, А. А. Дыкова, В. Г. Барановского. М.: Эко-Информ, 2009.

Бамани Э. Я. Мировое развитие и мировой порядок. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССЭН), 2005.

Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика. Пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, Издательский дом «Территория Будущего», 2007.

Под редакцией Экономбанка. Политика. Безопасность. Ежегодник. Вып. 2006, 2007, 2008, 2009 гг. М.: Наука, 2007, 2008, 2009.

Лейбен М. М. Мировая политика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2006.

От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф. Г. Войтоволский, Э. Г. Соловьев. М.: ИОФМО, 2005.

Современная мировая политика: Прикладной анализ / Под ред. А. Д. Богатурова. 2-е изд. М.: Аспект Пресс, 2010.

ТЕНДЕНЦИИ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В 2000-х годах международная военно-политическая безопасность развивалась под воздействием таких основных факторов, как зрелость однопольного мира, разрушение международных институтов и режимов, а также усиление растущей роли новых угроз. Среди них — трансграничная преступность, включая наркотрафик, распространение оружия и материалов массового уничтожения, проблема несостоявшихся государств, международный терроризм. В течение десятилетия было также продемонстрировано возросшее влияние негосударственных субъектов мировой политики.

Российско-американский контроль над ядерными вооружениями

В начале первого десятилетия нового века администрация Дж. Буша взяла курс на декоматч российско-американского процесса контроля над ядерными вооружениями. Этот процесс был выжат еще в конце 1960-х годов. В его рамках был заключен ряд соглашений, регулирующих двусторонние отношения в ядерной области. В 2000-х годах некоторые казенитные соглашения либо прекратили свое существование, либо оказались в подвешенном состоянии. Среди них Договор о ПРО, Договор о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД), два договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1 и СНВ-2) и Договор о сокращении наступательных потенциалов (СНП, или Московский договор)¹.

Наиболее значительными документами рассматриваемого периода стали два соглашения — Договор РСМД и Договор СНВ-1. Первый документ предусматривал полную ликвидацию целого класса ядерных сил СССР и США — наземных баллистических и крылатых ракет средней (дальностью полета от 1000 до 5500 км) и меньшей (500–1000 км) дальности. Договор носил бессрочный характер. Он впервые в истории предусматривал осуществление глубоких мер проверки, в том числе проведение инспекций на местах. До этого проверка положений договоров велась посредством национальных технических средств контроля (НТСК). Инспекции осуществлялись и в третьих странах, откуда вывозились ракеты указанных типов для их последующего уничтожения. В 2002 г. в соответствии с положениями документа стороны пришли к согласию о прекращении режима инспекций и о продолжении прове-

рок исключительно при помощи национальных средств технического контроля (НТСК).

Договор СНВ-1 был подписан президентами Советского Союза и США в июле 1991 г. в Москве⁵. Он вступил в силу только после длительных переговоров о разделе советского «ядерного наследия». 5 декабря 1994 г. Срок действия документа был определен в 15 лет. Соглашение предусматривало сокращение носителей СНВ до 1600 единиц, а количество ядерных боезарядов, ассоциированных с ними, до 6 тыс. единиц у каждой из сторон. При этом число боезарядов на баллистических ракетах не могло превышать 900. На момент подписания документа в 1991 г. США и Советский Союз располагали по 10,5 тыс. развернутых стратегических ядерных боезарядов. Как и Договор РСМД, это соглашение содержало подробные и intrusive меры проверки. Они были зафиксированы в напечатанном несколько сотен страниц Протоколе о проверках к Договору. Все количественные ограничения, содержащиеся в документе, были выполнены к 2001 г. Действие Договора завершилось 5 декабря 2009 г.

После распада Советского Союза постепенно стала складываться асимметрия в уровнях стратегических ядерных сил России и США. Из-за скудного финансирования российские системы выводились из боевого состава с опережением по сравнению с графиком, предусмотренным Договором СНВ-1.

Подобная ситуация накладывала отпечаток на развитие российско-американского процесса контроля над стратегическими ядерными вооружениями. В 1993 г. был подписан Договор СНВ-2. Он предусматривал сокращения СНВ до 3000–3500 боезарядов у каждой из сторон. Документ содержал запрет на МБР с разделяющимися головными частями (РГЧ) — основу российской стратегической ядерной мощи. При этом не накладывалось никаких запретов на морские стратегические ракеты с РГЧ — основу американских СНВ. Сокращения требовалось завершить к 2003 г. Подобная асимметрия в условиях состязания, наряду с рядом других факторов, могла привести к тому, что к 2003 г. уровень российских СНВ могли сократиться до потолка, почти втрое меньше, чем у США.

В 1997 г. был подписан Нью-Йоркский протокол, продлевавший сроки реализации Договора СНВ-2 до 2007 г. Однако он не отменял запрет на МБР с РГЧ, ставивший Россию в неравноправное положение. В результате Договор СНВ-2 вместе с Протоколом 1997 г. был ратифицирован Федеральным собранием с существенными оговорками только в 2000 г. Сенат США ратифицировал сам документ, но не сумел одобрить Протокол к нему.

В условиях ожидания быстрого сокращения уровней российских СНВ Вашингтон терял интерес к продолжению российско-американского диалога о контроле над ядерными вооружениями. США не желали на-

клавишей международно-правовые ограничения на модернизацию своих СНВ, полагая, что российские силы исключительно под влиянием внутренних экономических факторов, сами собой сокрушатся до низких уровней в несколько сотен боезарядов, сопоставимых с уровнями «орлинок» ядерных держав — Франции, КНР и Великобритании.

Пришедшая к власти в США в 2001 г. республиканская администрация Дж. Буша приступила к демонтажу российско-американского процесса контроля над ядерными вооружениями. Ее мишенью стал Договор по ПРО 1972 г. Этот документ, исключив неограниченный срок действия, разрешал каждой из сторон иметь единственную район развертывания стратегической ПРО в составе не более 100 противоракет. США законсервировали свою систему, развернутую вокруг базы МБР Гранд-Форкс в штате Северная Дакота, тогда как Россия поддерживает в боевом составе район развертывания систем ПРО вокруг Москвы в составе 100 противоракет, оснащенных ядерными боезарядами.

В 2001 г. администрация Дж. Буша пыталась убедить Россию совместно ликвидировать Договор по ПРО. Москва не согласилась. В декабре 2001 г. США объявили о выходе из Договора по ПРО в одностороннем порядке. Согласно положениям документа, это решение вступило в силу через шесть месяцев — в июне 2002 г.

Существует взаимосвязка между стратегическими наступательными и оборонительными системами. Эта взаимосвязанность лежала в основе российско-американского процесса контроля над стратегическими вооружениями. Она признается не только Москвой и Вашингтоном, но и другими ядерными державами. Выход США из Договора по ПРО не мог не повлечь за собой последствия и в отношении СНВ. В июне 2002 г. Россия заявила, что более не считает себя связанной положениями Договора СНВ-2, не полностью ратифицированного Соединенными Штатами.

Решение США об одностороннем выходе из Договора о ПРО было критически воспринято большинством стран мира, включая ближайших американских союзников. Оно встретило сильную оппозицию и внутри самих Соединенных Штатов. В этих условиях республиканская администрация была вынуждена консервировать и пойти на переговоры с Россией по заключению нового договора по сокращению СНВ. Эти переговоры велись осенью 2001 г. — весной 2002 г.

В мае 2002 г. президенты России и США подписали Московский договор о СНВ. Он подлежал выполнению к 2012 г., срок его действия также ограничивался 2012 г. Соглашение представляло собой компактный документ объемом в две машинописные страницы (Договор СНВ-1 насчитывал около тысячи страниц). Он предусматривал сокращение СНВ сторон до уровня в 1700–2200 развернутых боезарядов. Однако в тексте отсутствовали правила учета боезарядов и методы сокращения,

что на практике позволяло США поддерживать уровень, сопоставимые с Договором СНВ-1. Россия такими возможностями не располагала. Проверка положений Договора должна была основываться на Протоколе о проверках к Договору СНВ-1. После истечения срока действия Договора СНВ-1 Московский договор превратился в юридически обязательную декларацию, не поддающуюся верификации.

После подписания Московского договора администрация США утратила интерес к дальнейшему процессу двустороннего контроля над ядерными вооружениями. Диалог по данному вопросу практически не велся в течение пяти лет. В 2006 г. Россия обратилась к США с предложением обсудить вопрос о том, что должно прийти на смену Договору СНВ-1. Первоначально американская сторона не проявила интереса к данному предложению, но в 2007 г. согласилась присутствовать в консультациях.

Во многом корректировка американской политики объясняется изменением ситуации с российскими СНВ. Снятие с повестки дня выполнения Договора СНВ-2 дало возможность сохранить в боевом составе МБР с раздвоенными головными частями (РГЧ), продлить срок эксплуатации части палубных ракет, развернутых еще до 1991 г. В результате темы сокращения российских СНВ значительно замедлились по сравнению со сценарием этого Договора. Началась программа по модернизации СНВ. В 2007 г. была испытана новая МБР с РГЧ РС-24, проведены полетные испытания новой гиперзвуковой РГЧ, способной преодолевать систему ПРО.

Были предприняты шаги и по исправлению ситуации вокруг морского компонента стратегической триады. В 1990-х годах аналитики вообще предполагали, что этот компонент не удастся сохранить в боевом составе из-за трудностей в создании атомных подводных лодок с баллистическими ракетами на борту (ПЛАРБ) и развертываемых на них баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ). В конце текущего десятилетия была ступена на воду первая ПЛАРБ нового класса «Борей» под наименованием «Юрий Долгорукий». Была успешно испытана и развертывается БРПЛ «Синева». Хотя и не без трудностей, но прошли полетные испытания принципиально новой морской ракеты «Булава».

В этих условиях республиканская администрация полагала, что с истечением срока действия Договора СНВ-1 американские военные не смогут более пользоваться положениями о проверке этого документа для наблюдения за ходом модернизации российских СНВ. Тем не менее на эти консультации негативное воздействие оказывали планы США по развертыванию систем противоракетной обороны (ПРО), в особенности по созданию третьего позиционного района ПРО в Польше и Чехии.

После выхода из Договора по ПРО администрация Дж. Буша приступила к развертыванию противоракетных перехватчиков типа *GBI* на

Аляске и в Калифорнии для перелета МБР, потенциально запущенных КНДР. В 2006 г. было объявлено о планах по развертыванию третьего позиционного района. Согласно им предполагалось передислоцировать РЛС наведения противоракетных перехватчиков ПРО с авалаи Кваджалейн в Тихом океане в Чесвио. Одновременно на побережье Балтийского моря в Польше, в нескольких десятках километров от Калининградской области РФ, должны были быть построены пусковые шахты для 10 противоракет типа *GBI*. В дальнейшем не исключалось неограниченное наращивание качества и масштабов развертывания. США утверждали, что третий район должен был защитить их территорию от потенциальных запусков иранских ракет.

Россия опасалась, что развертывание противоракетных перехватчиков рядом с ее границами в перспективе может создать угрозу для ее стратегических ядерных сил. Кроме того, строительство шахт баллистических ракет и развертывание в них противоракет на базе ступеней МБР «Минутмен», в принципе, позволяло осуществить их ядерными боезарядами и использовать не в целях ПРО, а для нанесения разоружающего удара по ключевым компонентам российской системы управления и связи с полетным временем около 5 минут. Подобное развертывание содержало признаки нарушения Договора РСМД.

В начале 2007 г. США выдвинули предложение о мерах по укреплению доверия, которые смогли бы убедить РФ в том, что третий позиционный район ПРО не направлен против нее. Проводившиеся в 2008 г. двусторонние консультации по данному вопросу не привели к каким-либо положительным результатам. В августе 2008 г. администрация Буша пообещала несколько месяцев прервать консультации как по вопросам СНВ, так и ПРО с целью «наказать» Россию за конфликт в связи с западающим Грузию на российских запротестован в Южной Осетии в августе 2008 г.

Пришедшая к власти в США в январе 2009 г. демократическая администрация Барака Обамы пошла на изменение политики в отношении нового соглашения, которое должно было прийти на смену Договору СНВ-1. В ходе первой встречи президентов Б. Обамы и Д. А. Медведева в Лондоне 1 апреля 2009 г. было достигнуто согласие о начале переговоров по заключению нового Договора СНВ взамен истекающего в декабре 2009 г. Договора СНВ-1. 24 апреля 2009 г. стороны возобновили переговорный процесс. При этом Вашингтон согласился с мнением Москвы о том, что новый договор должен стать полноценным (подробным, конкретным и регламентирующим механизмы проверки), хотя и не таким объемным, как Договор СНВ-1.

В результате переговоров в мае-июне 2009 г. дипломаты России и США разработали основные рамки будущего соглашения. Они были зафиксированы в совместном понимании, подписанном по итогам визита прези-

дента Б. Обамы в Москву в июле 2009 года. Россия и США договорились о поэтапном для стратегических средств доставки в 500–1100 единицы, а для ассоциированных с ними боезарядов — в 1500–1675 единицы. Это — ниже уровней, содержащихся в Московском договоре 2002 г.

Россия предлагала пересмотреть выработанные в 1989 г. правила переговорного процесса по СНВ. 20 апреля 2009 г. президент Д. Медведев заявил в Хельсинки, что дальнейшие переговоры по СНВ Москва будет вести только при соблюдении Вашингтоном трех условий: (1) отказ от вывода в космос ударных боевых систем, (2) введение ограничений на развертывание систем ПРО и (3) распространение контроля на высокоточные системы повышенной дальности. Выступая в Амстердаме 20 июня 2009 г., Д. А. Медведев отметил, что России не устраивает принцип «возвратного потенциала» и складирования ядерных боезарядов. Стороны не сумели подписать новый договор до 5 декабря 2009 г. — времени прекращения действия Договора СНВ-1.

Тем не менее Договор СНВ-3 был подписан президентами России и США на их встрече в Праге 8 апреля 2010 г.

Договор предусматривает сокращение к 2020 г. СЯС России и США до 1500 боезарядов на 700 носителях у каждой из сторон. Договор также предусматривает наличие 100 развернутых и неразвернутых пусковых установок для каждой из сторон. При этом Россия и США получили право совместно определять состав стратегической триады и развертывать РГЧ без каких-либо ограничений. Неурегулированной осталась проблема «возвратного потенциала»: документ не разрешает, но и не запрещает сокращение ядерных боезарядов посредством их снятия с боевого дежурства и складирования.

Продолжением российско-американских переговоров по контролю над вооружениями стал состоявшийся 12–14 апреля 2010 г. Вашингтонский саммит по проблемам ядерной безопасности. Центральным его вопросом стала проблема утилизации оружейного плутония, который должен быть высвобожден в процессе реализации Пражского договора. Подписанное 1 сентября 2000 г. Совместное заявление об утилизации плутония, не являющегося более необходимым для целей обороны, и действо не вступило. Поэтому Россия и США подписали 13 апреля 2010 г. протокол о вступлении в силу соглашения 2000 г.

Возобновление переговоров по сокращению стратегических наступательных вооружений позволило частично преодолеть кризис российско-американских отношений второй половины 2000-х годов. Однако дальнейшее его развитие требует решения трех проблем.

Во-первых, нерегулированной остается проблема ПРО. В сентябре 2009 г. администрация Б. Обамы приняла решение об отказе от планов республиканской администрации о развертывании противоракетных

персоналов типа *GBU* на территории Польши, а также от размещения противоракетной РТС в Чехии. Однако официально США не демонстрировали соглашения 2008 г. с Польшей и Чехией о размещении на их территории компонентов третьей позиционного района ПРО. Теоретически следующая администрация может вернуться к этому проекту. В мае 2010 г. США разместили тактические системы ПРО «Патриот PAC-3» на территории Польши. С января 2010 г. консультации о размещении подобных систем Вашингтон ведет и с Румынией. Аналитики в России видят в действиях США нарушение условий Московской декларации 2002 г.

Во-вторых, Россия настаивает на включении в переговорный процесс союзников США — Британии и Франции. Обе эти страны не являются участниками Договора РСМД и теоретически могут развивать этот класс ракет. Британские СНС с 1962 г. включены в американскую систему ядерного планирования. Франция в марте 2009 г. вернулась в военную организацию НАТО и возобновила деятельность в Группе ядерного планирования. Однако Париж и Лондон отказываются от участия в переговорах по СНВ, сославшись на слишком низкие потолки своих стратегических вооружений.

В-третьих, Россия и США должны прервать планы в области контроля над тактическими ядерным оружием. В 1991 г. и 1992 г. в США и России были приняты Президентские ядерные инициативы (ПЯИ). Согласно им, большая часть тактических ядерных боеприпасов выводилась из боевого состава вооруженных сил обеих стран. Впоследствии выводимые боезаряды подлежали либо уничтожению, либо хранению на централизованых складах на удалении от средств доставки. Эти инициативы не были юридически обязательными и носили односторонний и добровольный характер. С одной стороны, это позволяло избежать длительных переговоров по заключению формального соглашения. Но с другой, принятые сторонами обязательства не подлежали проверке, и от них можно было отказаться в любое время. В 1990-х годах основной частью обязательств по ПЯИ была выполнена обеими сторонами. Однако затем из-за ухудшения двусторонних отношений завершение выполнения инициатив затормозилось. Стороны перестали предоставлять информацию об их реализации.

Попытка укрепления международного режима ядерного нераспространения

Режимы соблюдения международного ядерного нераспространения испытывали серьезное давление. В 2004 г. из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) вышла КНДР, которая провела ядерные испытания в 2006 и 2009 гг. Она стала первым государством—участником Договора, вышедшим из него. До этого, оставаясь формально в рамках

ДНВО в качестве безядерного государства. Пхеньян тайно осуществлял запретительные операции по производству оружейных материалов. Когда эта деятельность была обнаружена, Северная Корея заявила о выходе из Договора. Безоговорочный выход из ДНВО государства-нарушителя создал опасный прецедент для ряда других стран, стремящихся к обладанию ядерным оружием и остающихся в рамках документа.

Среди подобных государств называют Иран. В 2002 г. были выявлены факты, свидетельствующие о возможном нарушении этой страной заключенного ею в 1974 г. соглашения о паритете МАГАТЭ. С 2005 г. Иран стал осуществлять масштабную программу обогащения урана. Хотя эта деятельность не противоречит букве международных режимов нераспространения, многие страны подозревают Иран в планах по использованию мощностей для обогащения в целях создания ядерного оружия.

Помимо действий ряда государств, подозреваемых в нарушениях ДНВО, серьезные опасения вызывает деятельность негосударственных структур. В 2000-х годах появились реальные свидетельства о появлении международного черного рынка ядерных материалов и технологий. Была вскрыта сеть, возглавляемая «отцом» павантской ядерной бомбы Абдулом Кадир Ханом, которая осуществляла поставки в целый ряд проблемных стран, включая Иран. Ошибочностью вызывает деятельность КНДР по экспорту ракетно-ядерных технологий. Это государство, находящееся в крайне сложной экономической ситуации, теоретически может продать данные технологии не только другим странам, но и негосударственным структурам, включая террористические.

Создание ядерного оружия — крайне затратный и сложный процесс. В настоящее время это представляет собой практически непреодолимое препятствие для любой террористической группы. Однако по мере распространения знаний, экспертизы, появления ядерного черного рынка, уязвимости ядерных объектов для хакеров, а также безответственной политики новых ядерных государств риск ядерного терроризма возрастает. Учитывая катастрофические последствия террористического акта с применением ядерного взрывного устройства, международное сообщество предпринимает серьезные меры по предотвращению подобной угрозы, сколь бы маловероятной она ни казалась.

Предотвращение утечек и распространения ядерных материалов и технологий осуществляется посредством целого ряда мер. Среди них (1) укрепление физической защиты легитимных ядерных объектов, в том числе путем международного сотрудничества; (2) ограничение экспорта чувствительных материалов и технологий в проблемные страны посредством национальных и международных механизмов; (3) принуждение к выполнению взятых на себя обязательств путем принятия санкций на национальном и международном уровнях, а также использование

военной силы; и (4) адаптации международно-правового режима к новым реалиям.

Среди шагов по укреплению физической защиты легитимных ядерных объектов следует выделить российско-американское сотрудничество. На 2000-е годы пришлось основная часть реализации двусторонних мер. К 2008 г. новые повышенные меры безопасности были внедрены на основных, потенциально наиболее опасных российских объектах. Кроме того, Россия и США сотрудничали в возвращении ядерных материалов, ранее поставленных третьим странам в рамках международных программ по ядерному сотрудничеству в мирных целях.

В 2002 г. под влиянием осознания растущей угрозы ядерного распространения это сотрудничество приобрело многосторонний характер. В ходе саммита государств «группы восьми»⁴ в Кливленде (Канада) было принято решение о создании Глобального партнерства по противодействию распространению оружия и материалов массового уничтожения (ГПМ). В соответствии с решениями государства-участники обязались выделить на данные цели 20 млрд долл. в течение 10 лет. Половину из них обещали США, другую половину — другие участники, включая РФ. Одновременно Россия выступала в качестве основного получателя этой помощи, хотя на практике часть средств направлялась и новым независимым государствам на территории бывшего СССР. В последующие годы популярность стала приобретать идея о расширении количества стран-получателей. Вторым после России таким государством официально стала Украина.

Другим методом предотвращения утечек ядерных технологий является экспортный контроль. Большинство развитых стран, включая Россию, располагает национальным законодательством в сфере экспортного контроля. Политика в данной сфере координируется в рамках региональных объединений, например в Евросоюзе. Были созданы также международные режимы экспортного контроля. Это — неформальные клубы, объединяющие основные государства-экспортеры материалов и технологий, связанных с оружием массового уничтожения (ОМУ)⁵. Принимавшие там решения (на основе консенсуса) не носят международно-правового характера, однако они реализуются путем внесения поправок и дополнений в национальную законодательную и нормативную базу. Государства-члены вправе принимать более жесткие меры, чем это требуется международными режимами.

Во второй половине 2000-х годов большое недовольство вызвало стремление США исключить Индию из ограничений, устанавливаемых Группой ядерных поставщиков (ГЯП). Индия не является членом ДНЯО, и многие недядерные государства ГЯП рассматривали снятие ограничений на сотрудничество с Дели в области мирной атомной энергетики

как опасный прецедент, поощряющий страны, стремящиеся к созданию ядерного оружия. Тем не менее под давлением Вашингтона в 2008 г. ГНП сняла ограничения на торговлю с Индией.

Активно обсуждалось применение санкций в целях борьбы с распространением ядерного оружия. Следует отметить, что ряд стран, прежде всего США, активно применяют национальные санкции начиная с 1980-х годов. Вашингтон ограничивает сотрудничество американских компаний и доступ на рынок США для иностранных организаций, поддерживающих коммерческие связи с нежелательными государствами. К таким странам относятся, например, Иран и КНДР. Соединенные Штаты пользуются тем обстоятельством, что их рынок и технологии представляют собой интерес для многих государств и организаций. Это побуждает последние избегать деловых отношений с режимом, не устраивающим Вашингтон, и тем самым создает экономические проблемы для американских оппонентов.

К политике санкций, хотя и в более ограниченных масштабах, прибегает Евросоюз. Другие страны, такие как Россия и Китай, относятся к санкциям более скептически, полагая, что они неэффективны и от них страдает гражданское население. Тем не менее в 2006-а годах Москва и Пекин поддержали в Совете Безопасности ООН ряд резолюций, накладывавших санкции на КНДР и Иран за их незаконную ядерную деятельность и нежелание подчиниться требованиям международного сообщества.

Недостаточная эффективность санкций побуждает многие страны рассматривать возможность применения силовых мер для принуждения к соблюдению режимов нераспространения. В 2003 г. США объявила об Инициативе безопасности в области распространения (НБОР). В настоящее время к ней присоединилось 95 стран, включая Россию. Инициатива не имеет юридической силы. Она нацелена на перехват кораблей, самолетов и других транспортных средств, подозреваемых в нелегальной перевозке оружия, материалов или технологий, имеющих отношение к ОМУ. Большинство стран-членов НБОР заявили о готовности осуществлять подобный перехват на своей территории, в территориальных водах и в воздушном пространстве. Однако перехват в международных водах и в воздушном пространстве над ними запрещен международным морским правом и другими международно-правовыми документами. Эта проблема могла бы быть решена путем принятия резолюции Совета Безопасности ООН. Но не все постоянные члены⁶ Совета (в частности, Китай) готовы поддержать подобный документ.

Предпринимались попытки более масштабного применения силы в целях борьбы с распространением путем уничтожения опасных объектов и смены режимов. В 2007 г. Израиль нанес ракетно-бомбовый

удар для уничтожения реактора, строящегося в Сарнае⁷. В 2003 г. нападение возглавляемой США коалиции на Ирак также объявлялось ссылкой на наличие тайной программы Багдада по созданию ОМУ. Впоследствии выяснилось, что данные обвинения были необоснованными. Выявились серьезные искажения имеющихся в распоряжении США разведывательных данных, якобы подтверждающих наличие секретных иракских планов. Среди государств мира не существует консенсуса относительно возможности применения силы против тех или иных государств, включая насильственное смещение их правительств, под лозунгом предотвращения распространения.

Предпринимались попытки адаптировать международное право к новым угрозам и реалиям. Среди усилий в данной области следует упомянуть принятие в 2004 г. резолюции № 1540 Совета Безопасности ООН и Конвенции о предотвращении актов государственного терроризма (2005 г.)⁸.

Серьезную проблему для поддержания международных режимов нераспространения представляет технологический дуализм мирной атомной энергетики и военных программ по созданию ядерного оружия. В ходе эксплуатации атомных реакторов нарабатывается отработанный ядерный топливный (ОЯТ), из которого может быть извлечен плутоний — оружейный материал, использующийся для создания ядерного боеприпаса. Производство топлива для АЭС основано на обогащении природного урана до уровня около 5%. Однако те же технологии можно применять и для дальнейшего обогащения этого материала с целью производства оружейного урана (уровень обогащения свыше 90%).

Для предотвращения распространения ядерного оружия в процессе развития атомной энергетики выдвигаются различные идеи. Определенную популярность приобрели планы интернационализации ядерного топливного цикла. Согласно этим планам, ядерное топливо поставлялось бы из международных центров по обогащению урана, расположенных в странах, не вызывающих опасения с точки зрения нераспространения. После использования в реакторах АЭС ОЯТ забиралось бы обратно.

Именно такая схема легла в основу эксплуатации иранской АЭС в Бушере, строящейся при содействии РФ. Россия также создала международный центр по обогащению в Ангарске. Это предприятие построено под гарантии МАГАТЭ и является совместным предприятием, доли которого, помимо РФ, владеют Казахстан и Армения. Другие страны выдвигают схожие инициативы, но пока они, в отличие от российской, остаются нерализованными. Хотя предлагаемая схема позволила бы государствам, стремящимся к использованию атомной энергии, сэкономить значительные средства и избежать рисков техноген-

ных катастроф, ее широкомасштабное выполнение требует разрешения ряда политических, юридических и экономических вопросов.

Для укрепления режима ядерного нераспространения положительную роль сыграло бы вступление в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Этот договор был открыт для подписания в сентябре 1996 г. Он должен вступить в силу после его ратификации 44 государствами, которые по состоянию на 1996 г. располагали ядерными реакторами. Соблюдение выполнения договора должно осуществлять Организация ДВЗЯИ.

По состоянию на 2009 г. Договор подписали 182 государства мира и 151 — ратифицировали. Россия ратифицировала документ в 2000 г. Он не вступил в силу, поскольку во списках сторон четырех стран его не ратифицировали шесть стран и не подписали — три¹⁰. Среди них — две «официально» ядерные державы — США и Китай. Вашингтон подписал договор, но республиканское большинство в сенате отказалось его одобрить. В 2001 г. администрация Дж. Буша заявила, что не намерена добиваться ратификации этого соглашения. В 2009 г. администрация Б. Обамы, напротив, объявила ратификацию ДВЗЯИ одной из своих важнейших целей.

Тем не менее США продолжают участвовать в финансировании работы технического секретариата, выполняющего функции Организации ДВЗЯИ до вступления документа в силу. Технический секретариат, помимо выполнения других задач, представляет собой уникальный центр обработки данных, поступающих с десятков сейсмических станций, разбросанных по всему миру. Это позволяет в реальном времени обнаруживать проведение ядерных испытаний и определять ряд их характеристик.

Следует отметить, что, несмотря на то что договор не вступил в силу, он все же оказал сдерживающее воздействие. 2000-е годы стали десятилетием, когда в мире было произведено наименьшее количество ядерных испытаний после 1940-х годов. Все они были произведены в КНДР. В 2006 г. она провела первый взрыв (не вполне удачный), а в мае 2009 г. — второе испытание, завершившееся, скорее всего, успехом.

Другой инициативой стали попытки заключить Договор о запрещении производства оружейных расщепляющихся материалов¹¹ (ДЗПРМ). Речь идет о том, чтобы создать дополнительный международно-правовой барьер для производства таких материалов неядерными странами, а также остановить наращивание арсеналов ядерных держав.

Переговоры по ДЗПРМ начались в рамках Конференции по разоружению в Женеве в 1995 г. В 2001 г. администрация Буша заявила, что сомневается в возможности проверки потенциального соглашения, и фактически заблокировала переговоры. В 2009 г. администрация Б. Обамы

изменила позицию США, и переговоры были возобновлены. В июне 2009 г. был принят мандат переговоров.

Неядерные государства, входящие в ДНЯО, не имеют права производить оружейные ядерные материалы. Великобритания, Россия, США и Франция располагают достаточными запасами и придерживаются добровольного моратория на их производство. Ситуация в Израиле и Китае неизвестна. Производство этих материалов продолжается только в Индии, КНДР и Пакистане.

Запрещение химического и биологического оружия

В отличие от ядерных вооружений химическое и биологическое оружие представляет собой запрещенные виды ОМУ. Химическое оружие запрещено в соответствии с Конвенцией о запрещении химического оружия (КХО) 1997 г., а биологическое и токсическое — Конвенцией о запрещении биологического и токсического оружия (КБТО) 1972 г.

КХО была открыта для подписания в 1993 г. и вступила в силу после ее ратификации 67 странами в апреле 1997 г. Россия ратифицировала конвенцию в ноябре 1997 г. после ее вступления в силу. По состоянию на 2009 г. к документу присоединилось 188 стран. Израиль и Мьянма подписали КХО, но не ратифицировали ее. Пять стран не подписали документ²¹. За соблюдением выполнения Конвенции следит Организация по запрещению химического оружия (ОЗХО) со штаб-квартирой в Гааге (Нидерланды).

Документ запрещает разработку, производство, накопление и использование любых видов химоружия, а также требует уничтожения имеющихся запасов. Предусматривался десятилетний срок для подобного уничтожения с возможным последующим продлением на пять лет — до 2012 г. Вывание предприятий по производству ХО складывало ликвидировать. В виде исключения Конференция стран-участниц может разрешить конвертировать их для гражданского производства. Конвенция предусматривает глубокую проверку, включая проведение инспекций на местах с коротким временем уведомления (1–5 дней) около 200 эквивалентных объектов.

По состоянию на 2009 г. шесть государств-участников заявили о наличии у них химоружия²² и 12 — о бывших предприятиях по производству ХО²³. Три из шести государств-обладателей²⁴ завершили процедуры ликвидации. Всего странами-участницами КХО были объявлены запасы химического оружия в размере более 71 тыс. т. Подпадающее их большинство принадлежало России (40 тыс. т) и США (30 тыс. т). Всего за 12,5 лет действия Конвенции было уничтожено более половины объявленных запасов (более 36 тыс. т), при этом Россия и США ликвидирова-

ли примерно по 18 тыс. т. XI конференция стран—участниц КНО в 2006 г. разрешила России и США продлить сроки уничтожения до 2012 г.

Для России уничтожение химоружия стало самой дорогостоящей разоруженческой программой 2000-х годов. Ее стоимость оценивается примерно в 250 млрд руб. Хотя Москве удалось добиться оказания международного содействия в ликвидации ХО, большая часть средств на реализацию соответствующей федеральной программы направлялась из российского бюджета. Несмотря на экономические трудности конца десятилетия, Москва не отказалась от намерения выполнить свои обязательства в установленные сроки.

В США уничтожение запасов химоружия оценивается в сумму, превышающую 30 млрд долл. Первоначально процесс ликвидации шел достаточно быстро. Однако при администрации Буша Вашингтон обратился в ОЗХО с просьбой разрешить ему продлить сроки выполнения Конвенции после 2012 г., что не предусмотрено положением документа. В качестве новых сроков завершения уничтожения ХО назывались 2017 г. и даже 2027 г.

КБТО была открыта для подписания в апреле 1972 г. и вступила в силу в марте 1975 г. Она стала первым многосторонним соглашением в области разоружения, запрещающим целый вид ОМУ. По состоянию на 2009 г. к конвенции присоединились 163 государства. Еще 13 стран подписали, но не ратифицировали документ⁹, а 17 государств остаются за ее пределами¹⁰. В отличие от КНО КБТО не располагает органом по мониторингу за ее соблюдением. В штаб-квартире ООН в Женеве на временной основе работает Секция по поддержке соблюдения, состоящая из трех человек.

Поскольку Конвенция была заключена в годы холодной войны, она не содержит мер проверки. В 1995 г. в рамках Конференции по разоружению в Женеве начались переговоры по разработке соответствующего контрольного механизма КБТО. К 2001 г. переговоры вступили в завершающую стадию. Большинство их участников, включая Россию и США, выработали согласованный вариант протокола о проверке.

В июле 2001 г. администрация Дж. Буша заявила, что кардинальным образом пересмотрела свой подход, поскольку выработанный документ не позволяет надежно проверить соблюдение КБТО. В ноябре 2002 г. участники конвенции договорились о проведении ежегодных встреч для рассмотрения мер по соблюдению этого документа. Вместо возобновления переговоров по протоколу о проверке был сделан акцент на принятии и усовершенствовании национальных законодательств и обобщении национального опыта, представляющего деятельность, запрещенную КБТО.

В химической и биологической областях координация экспортного контроля осуществляется Австралийской группой (АГ). Она была создана в 1985 г. В АГ входит 41 государство, включая Украину. Принятие туда России в течение длительного времени блокируется Соединенными Штатами.

Основные разногласия России и Запада по вопросам международной безопасности

Основным разногласием России и Запада по вопросам международной и европейской безопасности является расширение НАТО на восток. Речь здесь идет как о присоединении к альянсу новых государств, так и о распространении военной инфраструктуры на территории новых членов этого военно-политического блока (подробнее см. гл. 5).

Отчасти подобное расширение объяснялось поисками альянса своего места в мире. Эта организация могла бы трансфертироваться в общеевропейскую систему коллективной безопасности, направленную на поддержание безопасности внутри себя. Однако вместо подобной трансформации был выбран курс на использование альянса за пределами его границ в целях реализации интересов ведущих стран-членов, прежде всего США. Первоначально войска НАТО были применены в процессе распада бывшей Югославии для того, чтобы обеспечить интересы Запада. В 2000-е годы альянс возглавлял миссию в Афганистане, действующую по мандату СБ ООН.

Весьма сложную проблему представляла и адаптация альянса к противоборствию новым угрозам безопасности. Для этого организация, ориентированная на ведение ширококомандных военных действий в Европе, нуждалась, как минимум, в серьезном реформировании. Возникал также вопрос, в какой степени традиционный военный альянс оптимален для ведения, например, контртеррористической деятельности. Такая деятельность требует скорее не вовлеченности регулярных армий, а сотрудничества между спецслужбами, полицией, финансовыми органами государств, в том числе и не входящих в НАТО.

При этом альянс не отказывался от своей традиционной роли противодействия России. РФ никогда всерьез не рассматривалась в качестве возможного члена НАТО. Вероятнее всего, это отражало одну из целей расширения — в условиях временной слабости Москвы необратимо вовлечь как можно больше стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в орбиту западного влияния. С военной точки зрения, это, вероятно, преследовало цель использовать военное присутствие вблизи российских границ для оказания военно-политического давления на Москву.

После прихода к власти администрации Дж. Буша был выбран максималистский вариант расширения НАТО. В 2002 г. в альянс было приглашено сразу 7 государств, включая прибалтийские республики бывшего Советского Союза.

Однако история войны расширения НАТО в 2004 г.¹⁴ не решила стоявших перед альянсом задач. Скорее, наоборот, увеличение количества государств-членов усложнило основанный на консенсусе процесс принятия решений. При этом новые члены из Центральной и Восточной Европы привнесли в альянс собственные проблемы, по ряду существенных параметров отличающиеся от тех, которые заставляют Соединенные Штаты и страны Западной Европы.

События 2000-х годов в значительной степени подорвали динамику расширения блока. Во многом это объяснялось усилением России, ставшей более активно противодействовать попыткам США закрепить на постсоветском пространстве. Свою роль сыграло и относительное ослабление Вашингтона в результате войны в Ираке и Афганистане. В апреле 2008 г. на саммите альянса в Бухаресте страны-основательницы Евросоюза отложили решение вопроса о предоставлении Украине и Грузии права на достижение членства в НАТО — последней ступени перед формальным приглашением о вступлении в блок.

Расширение НАТО на восток создает вызовы для безопасности России в военной и политической областях, а также, в меньшей степени, в экономической сфере. Североатлантический альянс не прекратил планирование крупномасштабной войны в Европе. После распада Советского Союза НАТО приобрела значительное военное превосходство над Россией по всем основным категориям обычных вооружений. Но, самое главное, расширение альянса на восток значительно сократило глубину обороны для РФ и резко повысило уязвимость ключевых компонентов системы управления и связи, а также других военных объектов, расположенных в европейской части страны. Так, дислоцированный в Латвии сверхзвуковой военный самолет может долететь до Москвы и тамеже 15 минут. Наличие развитой военной инфраструктура, оставшейся с советских времен на территории центрально- и восточно-европейских государств, а также в Прибалтике, позволяет, при необходимости, быстро сконцентрировать значительные вооруженные контингенты у российских границ. Наконец, после вступления в НАТО Литвы в 2004 г. Калининградская область РФ оказалась окруженной территориями государств-членов альянса.

Согласно Основному политическому акту Россия—НАТО, подписанному в 1997 г., альянс обязался не развертывать ядерное оружие и «существенные» контингенты обычных вооруженных сил на территории во-

ных государств-членов. На практике в 2000-х годах НАТО активно использовала территорию соседних с РФ государств для развертывания средств наблюдения, «просвечивающих» российскую территорию. Воздушное пространство прибалтийских государств патрулируется истребителями стран НАТО. В Болгарии и Румынии на постоянной основе развернуты две базы ВВС США. В ноябре 2009 г. Вашингтон подписал с Польшей соглашение, регулирующее условия размещения в этой стране американских войск. Уже объявлено о планах дислоцировать там военнослужащих США для обслуживания батарей ПВО «Патриот PAC-3». В рамках дебатов о новой стратегической концепции НАТО обсуждается возможность развертывания в Польше и Прибалтике более крупных контингентов стран альянса.

До сих пор НАТО избегала осуществлять крупномасштабную военную деятельность на территории новых государств-членов. Однако шла подготовка к тому, чтобы такое развертывание состоялось, при необходимости, в кратчайшие сроки.

С политической точки зрения, многие новые государства-члены мешают развитию отношений между этой организацией и Москвой. Одновременно под прикрытием разговоров об угрозе со стороны России эти страны пытаются реализовать собственные планы на пространстве СНГ. Это обостряет и без того сложную внутрисоветскую ситуацию в ряде государств, например, в Украине и в Молдавии.

Членство в НАТО (и ЕС) создает военно-политическое прикрытие, позволяющее Латвии и Эстонии уже почти два десятилетия избегать предоставления гражданских прав большей части русского меньшинства в этих государствах.

До 1991 г. большинство новых государств-членов входило в Организацию Варшавского договора или осуществляло тесное военно-техническое сотрудничество с Советским Союзом. Советские системы составляли основу их вооруженных сил. Но со вступлением в альянс эти страны, за исключением эпизодических контрактов с РФ, переориентируются на американских и западноевропейских производителей. В результате российская оборонная индустрия теряет важный рынок.

Несмотря на разногласия, Россия и НАТО не оставили попыток сотрудничества по вопросам, представляющим взаимный интерес. В 2002 г. был создан Совет Россия—НАТО (СРН). Он носит консультативный характер. В его работе принимают участие Россия и все участники альянса в индивидуальном качестве. По замыслу это могло позволить Москве участвовать в процессе принятия решений внутри блока без предоставления ей права вето, которым располагают постоянные члены альянса. На практике, однако, страны НАТО зачастую участвовали в заседаниях СРН с заранее выработанной позицией.

Тем не менее в 2000-х годах в рамках СРН обсуждались конкретные вопросы сотрудничества между Россией и альянсом. Прежде всего это касалось развития ситуации в Афганистане. Кроме того, обсуждались вопросы борьбы с международным терроризмом, распространения ОМУ, проведения совместных операций по спасению на море, а также военных учений. Была даже создана рабочая группа по сотрудничеству в сфере ПРО²¹.

Во многом проблема РФ в сфере военной безопасности в Европе мог бы разрешить Договор об ограничении обычных вооружений и вооруженных сил в Европе (ДОВСЕ). Это соглашение было заключено в Париже 19 ноября 1990 г. и вступило в силу 9 ноября 1992 г. Договор носит бессрочный характер. Он предусматривает широкомасштабные процедуры уведомления и проверки, а том числе и проведение инспекций на местах. Первоначальными участниками ДОВСЕ являлись 16 стран — членом²² НАТО и 6 стран существовавшей тогда Организации Варшавского договора (ОВД)²³. Соглашение устанавливает разные пределы по пяти основным категориям тяжелых вооружений и боевой техники для НАТО и ОВД — по 20 тыс. танков, 20 тыс. артиллерийских орудий, 30 тыс. боевых бронемашин (ББМ), 6500 боевых самолетов и 3 тыс. ударных вертолетов. Национальные уровни определялись путем переговоров в рамках каждой из групп.

Зона применения договора — от Атлантики до Урала. Эта зона подразделялась на пять подзон. Для каждой из них устанавливались отдельные подуровни для наземных видов вооружений, подлежащих ограничению (танков, артиллерийских орудий и ББМ). Среди подзон выделялись так называемые фланговые зоны, состоявшие на севере из советского Ленинградского военного округа и, со стороны НАТО, Норвегии и Исландии. Южная фланговая зона также охватывает Северо-Кавказский военный округ РФ, закавказские государства, Турцию, Грецию, Болгарию, Румынию, Молдавию и Одесский военный округ Украины.

После распада Советского Союза в качестве правопреемников Договора выступили восемь новообразованных государств²⁴. В мае 1992 г. они подписали Ташкентское соглашение о распределении квот бывшего СССР на вооружения, подлежащие ограничению по ДОВСЕ, между собой. Хотя документ не ратифицировали Грузия и Азербайджан, на практике это соглашение выполнялось. После распада Чехословакии к ДОВСЕ присоединились Чехия и Словакия. Таким образом, количество участников Договора достигло тридцати.

Во многом ДОВСЕ устарел еще до своего вступления в силу. С целью адаптировать Договор к реалиям, сложившимся после окончания холодной войны, 19 ноября 1999 г. в Стамбуле было подписано Соглашение об адаптации ДОВСЕ. Оно трансформировало блоковый харак-

тер ДОВСЕ в систему национальных (для всех категорий ОДВТ) и территориальных (для наемных ОДВТ) уровней для каждого государства-участника. Вместо пяти прежних географических подзон, на которые была разбита зона применения ДОВСЕ, вводились территориальные ограничения, состоящие из 28 территориальных уровней (по числу европейских государств—участников Договора), а также два «фланговых» подуровня для России и Украины.

Это соглашение в значительной степени исключало противоречия в характере первоначального ДОВСЕ. Оно препятствовало быстрой концентрации войск и тем самым снижало угрозу внезапного нападения. Соглашение открывало Договор для вступления новых членов НАТО. Вступление в действие в 2004 и 2009 гг. и не участвовавшие в документе прибалтийские государства, Словакия, Хорватия и Албания могли присоединиться к нему.

Россия ратифицировала Соглашение об адаптации в июле 2004 г. Оно также было ратифицировано Беларуссией, Казахстаном и Украиной, хотя Киев и не депонировал ратификационные грамоты. Остальные государства-участники не ратифицировали соглашение. Поэтому оно так и не вступило в силу. Это объяснялось политикой НАТО, увязывающей ратификацию с выполнением «стамбульских обещаний» России по выводу войск из Грузии и Молдавии. Это были двусторонние не имеющие юридической силы договоренности между РФ и этими государствами, заключенные в Стамбуле в ноябре 1999 г. перед подписанием соглашения об адаптации.

В соответствии с этими договоренностями Россия соглашалась вывести из Грузии две базы до 2002 г. (Гудгуты и Ваняны) и заключить соглашение по двум другим базам (Баграт и Ахалкалаки). При этом речь шла об определении статуса этих баз, а не о выводе как таковом. С Молдавией Москва договаривалась о выводе складов боеприпасов из Приднестровья в небольшом количестве ограничивая их военнослужащих.

К 2002 г. Россия завершила вывод двух баз из Грузии. В 2007 г. вывод российских войск с территории этого государства был полностью завершён. В Приднестровье вывод боеприпасов и ограничивающих их военнослужащих затруднялся позицией местных властей, препятствовавших выводу боеприпасов до урегулирования ситуации вокруг региона.

Тем не менее, несмотря на достигнутый прогресс, позиция НАТО не только не изменилась, но и приобрела тенденцию к усложнению. Ратификация Соглашения об адаптации стала фактически увязываться с интервенциональной миротворческой миссией в Грузии и Молдавии. При этом российские миротворцы, находившиеся там на основе двусторонних соглашений, вообще не были предметом стамбульских договоренностей.

Позиция НАТО, препятствующая вступлению Соглашения об адаптации в силу, не могла удовлетворить Россию. В результате расширения альянса были превышены уровни, разрешенные для НАТО согласно ДОВСЕ. По этой же причине оказались нарушенными ограничения и по фланговым зонам. Развертывание американских войск в Болгарии и Румынии также не отвечало положениям Договора. Прибалтийские государства, заявив в принципе о готовности присоединиться к документу, обусловили это вступлением соглашения в силу. В результате в наиболее чувствительной зоне соприкосновения России и НАТО образовались «дыры», позволяющие неограниченное развертывание вооруженных сил.

К 2007 г. Россия пришла к выводу, что вокруг Договора сложились исключительные обстоятельства. В связи с этим она потребовала созыва Чрезвычайной конференции стран-участниц, которая состоялась в Вене в июне 2007 г. Перед конференцией Москва выдвинула ряд предложений, которые помогли бы сохранить Договор. Однако эти предложения были странами НАТО протигнорированы. 3 декабря 2007 г. вступил в силу федеральный закон «О приостановлении РФ действия ДОВСЕ и связанных с ним международных договоров». С этой даты выполнение ДОВСЕ Россией приостановлено.

Юридически Россия выполнила все процедуры, предусмотренные для выхода из ДОВСЕ. Однако она в добровольном порядке приняла решение о приостановке выполнения своих обязательств, а не о денонсации документа. Это давало возможность сохранить Договор. На практике приостановка выполнения документа означала отказ в предоставлении уведомлений и принятия иностранных инспекторов. РФ также более не направляет своих инспекторов для проверки соблюдения другими государствами — участниками положений этого соглашения. В добровольном порядке она продолжает участвовать в работе СКГ²⁷.

В 2006—2009 гг. проводили интенсивные консультации по восстановлению действия ДОВСЕ. НАТО пошла на принятие несколько более гибкой позиции. В марте 2008 г. альянс предложил план параллельных мер. В России этот план сочли недостаточным. В то время как Москва должна была предпринимать конкретные шаги, некоторые страны НАТО лишь присутствовали бы к процедуре ратификации с неопределенным результатом. Таким образом, судьба этого важного Договора остается неясной.

Другое разногласие между Россией и Западом касается роли Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в обеспечении европейской безопасности. Это — крупнейшее в мире региональное объединение, насчитывающее 56 государств-участников, включая РФ. Оно охватывает все страны Евросоюза, государства на простран-

стве бывшего СССР, а также США, Канаду и Турцию. Под наименованием Советского бюро БСЕ оно было создано в июле 1973 г. В декабре 1994 г. советские бюро были переименованы в ОБСЕ. Решения в новой организации стали приниматься консенсусом. В случае серьезного нарушения обязательств действует правило «консенсус минус один». ОБСЕ имеет секретариат со штаб-квартирой в Вене.

Первоначально деятельность ОБСЕ осуществлялась в рамках «трех корзин» — по безопасности, экономическому и гуманитарному сотрудничеству, включая права человека. Однако в 2000-х годах западные страны добились сужения деятельности ОБСЕ. В пользу НАТО и ЕС она самоустранилась от обсуждения экономических вопросов, проблем общеевропейского контроля над вооружениями, частично сохранив за собой лишь участие в урегулировании конфликтов на Балканах, в Закавказье и Центральной Азии. Аналогичное сужение наблюдалось и в сфере «третьей корзины».

Таким образом, на Запад в рамках ОБСЕ перестали приниматься решения, интересующие Россию. Одновременно организация подозревается в том, что сохраняющие активность институты ОБСЕ превращаются в инструмент подрыва российского влияния в Европе. При этом самой России пока не удалось использовать ОБСЕ для защиты своих интересов в зоне ее деятельности.

В результате сужения охвата деятельности ОБСЕ России лишена возможность использовать этот общеевропейский форум для отстаивания своих позиций. Особенно осязательно это произошло в сфере «светской» безопасности. Нападение Грузии на непризнанную Южную Осетию в августе 2008 г. продемонстрировало недостаточную эффективность действующих международных институтов в предотвращении конфликтов. Фактический перевод вопросов ДОВСЕ в формат обсуждения Россией — НАТО лишил международную площадку для многостороннего обсуждения этой проблемы со странами, не входящими в альянс.

Существует необходимость закрепить на юридическом уровне и ряд решений, принятых в 1990-х годах. В Основном договоре между Россией — НАТО альянс обязался не разворачивать «существенные» контингенты обычных вооруженных сил на территории новых стран-членов. Россия предлагает, что необходимо конкретизировать и юридически закрепить понятие «существенные» силы. Кроме того, в 2002 г. на саммите РФ — НАТО в Риме стороны договорились о принципе неделимости безопасности. Согласно ему, ни одно государство и ни одна международная организация в Евроатлантическом регионе не смогут укреплять свою безопасность за счет безопасности других стран и организаций. Однако впоследствии страны НАТО отказывались включать положение о неде-

лжности безопасности в совместные документы с РФ, но говоря уже о придании им обязательного характера. Наконец, в Москве считают, что в нынешних условиях следовало бы договориться о дополнительных мерах по укреплению военных мер доверия.

* * *

Судьба ДОВСЕ и ОБСЕ показала неадекватность сложившейся в Европе системы безопасности. В целях приведения ее в соответствие с требованиями времени 5 июня 2008 г. в Берлине президент России Д. А. Медведев предложил заключить Договор о европейской безопасности и провести общезападной саммит для начала соответствующих переговоров. В ноябре 2009 г. Россия опубликовала проект такого договора. Суть его содержания — создать в Евроатлантическом регионе единое пространство военно-политической безопасности.

Российская инициатива вызвала осторожное отношение НАТО. Скептики ссылались на то, что многие положения проекта уже зафиксированы в документах ОБСЕ, а также решениях, принятых в формате Россия—НАТО. Вызывала раздражение и сама идея проводить саммит по инициативе Москвы. Вместе с тем многие европейские государства в принципе и на определенных условиях согласились обсудить российское предложение по линии Россия—ЕС и на площадке ОБСЕ.

Примечания

¹ Договор об ограничении систем противоракетной обороны (Договор по ПРО) 1972 г., Договор о запрещении ракет средней и меньшей дальности (Договор РСМД) 1987 г., Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-1) 1991 г., Договор СНВ-2 1993 г. и Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ или Московский договор) 2002 г.

² После распада СССР его преемниками выступили Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан. Одновременно последовали три постсоветские республиканские присоединения к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО, см. текст) в качестве ядерных держав. Вывод ядерных боезарядов с их территории в РФ был завершён в 1996 г.

³ *CBT* — *Global Ban on Biological Weapons* (переводится как «глобальный биологический»). Эти противоречия создаются на фоне двух или трёхступенчатой американской МБР «Минитмен» и базируются в Китае, аналогичных этапам баллистических ракет средней и малочувствительной дальности.

⁴ Великобритания, Германия, Италия, Канада, Россия, США, Франция и Япония.

⁵ В настоящее время имеются четыре соглашения между странами регионами: Австралия—ГНП, Россия контролирует под руководством ООН (ОКРТ), Высшемаршальские соглашения (регулярный экспорт товаров и технологий двойного назначения) и Австралийская группа (ограничивает поставки, связанные с технологиями по запрещению химического и биологического оружия).

⁶ Постоянными членами СБ ООН являются Великобритания, Россия, США, Франция и Китай. В Совет также входят 10 непостоянных членов, ротировавшихся каждые два года.

⁷ При этом факт стратегичности реактора не был подтвержден независимыми экспертами.

⁸ Резолюция № 1540 Совета Безопасности ООН была принята в 2004 г. Она была нацелена на предотвращение распространения ядерного оружия и массового уничтожения (ОМУ) и связана была с теми материалами и технологиями, в том числе и связанными с в руки террористам. Для наблюдения за compliance с тем указанный резолюции в структуре ООН был создан Комитет 1540.

⁹ Комитетом в первоначальной версии ядерного терроризма были оговорены два подкатегории в сентябре 2005 г. по подкатегории РФ. Комитетом вступила в силу в июле 2007 г. Она стала первым международным документом такого уровня, принятым ООН по национальному России. Документ призывает от государства сотрудничать в обнаружении, предотвращении, преследовании и расследовании актов ядерного терроризма. Но состояли на очереди 2009 г. от подкатегории 115-стран, почти 60 государств ратифицировали этот документ.

¹⁰ Среди шести подкатегории, но не ратифицированными стран: Египет, Нидерланды, Вьетнам, Иран, Китай и США. Не подписали договор Индия, КНДР и Пакистан.

¹¹ Оружием рассредоточены материалы изотопов для создания ядерного взрывчатого устройства. К таким материалам относятся в основном (содержащий более 90% изотопа плутония-239) и оружейный уран (содержащий более 90% изотопа урана-235).

¹² Австрия, Египет, КНДР, Саудовская Аравия.

¹³ Албания, Корея, Индия, Ливия, Россия и США.

¹⁴ Бразилия и Германия, Китай, Франция, Индия, Иран, Ливия, Россия, Сербия, Великобритания, США, Франция, Италия и Корея.

¹⁵ Албания, Вьетнам и Корея.

¹⁶ Бразилия, Центрально-Африканская Республика, Кот-д'Ивуар, Египет, Гайана, Гаити, Ливия, Малави, Мьянма, Непал, Сенегал, Сирия и Таиланд.

¹⁷ Ангола, Камерун, Чад, Кот-д'Ивуар, Джибути, Эритрея, Гвинея, Кувейт, Маршалловы Острова, Мавритания, Мозамбик, Мьянма, Нидерланды, Науру, Наур, Сомали, Тунис.

¹⁸ В 2004 г. в НАТО присоединились Болгария, Латвия, Литва, Словакия, Словения, Румыния, Украина, а в 2009 г. – Хорватия и Албания. Венгрия, Польша и Чехия вступила в НАТО в 1999 г.

¹⁹ В то время как стратегическое НРО считается дестабилизирующей, поскольку увеличивает потенциал ядерного сдерживания, нестратегическое НРО, как и НВО, рассматривается в качестве альтернативного вида оружия.

²⁰ Бразилия, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Франция, Великобритания, Италия, Канада, Нидерланды, Норвегия, Люксембург, Португалия, США, Турция, Франция.

²¹ Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, СССР, Чехословакия. ГДР присоединилась к списку страномании за шесть недель до подписания ДОВСЕ.

²² Россия, Украина, Белоруссия, Молдавия, Грузия, Армения, Азербайджан и Казахстан. Прибалтийские государства отказались от участия в Договоре на том основании, что они «никогда не являлись частью СССР и были оккупированы им».

²³ СЕГ – Совместная консультативная группа (СЖГ), орган по наблюдению за соблюдением Договора.

Список рекомендуемой литературы

Арбатова А. Г. Управление безопасности. М., 2010.

Сербия: Экспертная СНИПН. Вооружения, разоружения, международная безопасность. 2000–2008. М.: ИМЭМО РАН, 2001–2009.

Deffey F. Savage Century – Back to Barbarism. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2007.

Friedman F. Hot, Flat, and Crowded. Farrar, Straus & Giroux, 2008.

Moh B. After Empire: The Birth of a Multipolar World. Nation Books, 2010.

Leading the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World / Crocker, Harrpen and Aull (eds). Washington: US Institute of Peace, 2007.

Zakaria F. The Post-American World. W. W. Norton & Company, 2008.

ТЕНДЕНЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

С конца прошлого столетия до середины 2007 г. в мировой экономике наблюдался явный подъем. Затем его интенсивность снизилась. Падение темпов роста было вызвано финансовым кризисом, развернувшимся сначала в США, а затем перекинувшимся на весь мир. К концу 2008 г. он стал перерастать в глобальный экономический кризис, который по масштабам был самым глубоким со времен Великой депрессии начала 30-х годов XX в.

Парадокс состоит в том, что падение производства было вызвано теми же причинами, что и предшествовавший ему подъем. В их основе — одновременное действие двух фундаментальных факторов: глобализации и ускорения инновационного развития. Глобализация повлияла на количественные параметры происходящих в мировом хозяйстве процессов, инновации — на их качество.

Глобализация и инновации как фундаментальные факторы развития мирового хозяйства

Подъем начала столетия открылся на глобальном уровне. Суть экономического изобретения глобализации состоит, во-первых, в резком возрастании роли интернационального компонента всех уровней общественного воспроизводства на национальных уровнях при преобладании ведущих тенденций развития над внутренними в большем числе государств¹. Во-вторых — в опережающем развитии международной экономики в целом по сравнению с внутренним производством в отдельных странах. В-третьих — в интенсивном укреплении международных экономических взаимосвязей и росте взаимозависимости стран, регионов и хозяйствующих субъектов разного уровня.

По-настоящему нынешний этап экономической глобализации начался на рубеже 1980—1990-х годов, когда к главному течению процесса присоединились протей и особенно второй мир, в прошлом находившийся социалистическим. Страны последней двух групп стали называться «формирующимися рынками», поскольку таковы они кажутся по сравнению с развитым капиталистическим рынком².

Современный этап глобализации характеризуется ее теснейшим переплетением с инновационным развитием. В основе углубления международного разделения труда — растущая дифференциация высоко-

технологичных конечных продуктов и полупродуктов. Этот процесс происходит в условиях формирования глобальных телекоммуникационных сетей, совершенствования информационных технологий, расширения сферы использования интернет-технологий, роста международной транспортной инфраструктуры, применения передовых технических стандартов и методов корпоративного и государственного управления, наконец, развития транснационального предпринимательства, рассматривающего все мировое пространство как единое поле для бизнеса.

В большинстве стран в проведении научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР) возрастает участие иностранных фирм. ТНК создают новые научно-исследовательские центры за пределами своей страны. В последнее время не менее половины всех заявок на патенты, поступающих в патентные бюро США и стран Евросоюза, имели иностранное происхождение.³ Усиливается круг стран, в которых происходит повышение наукоемкости производства, т.е. расширение масштабов НИОКР относительно размеров ВВП. Становятся выравниваться показатели наукоемкости в развитых и ряде развивающихся стран.

На рубеже XXI в. наукоемкое производство давало 85% прироста мирового ВВП. В 2000-х годах возросло значение новых факторов производства и создания стоимости. К ним относятся следующие виды активов:

- нематериальные (марки товаров, портфели акций, лицензионные соглашения, клиентские базы данных);
- интеллектуальные (авторские права, ноу-хау, технологии);
- человеческие (образовательные, профессиональные компетенции, коммуникативные навыки);
- инфраструктурные (удилл — условная стоимость деловых связей, сетевые системы взаимодействия, коммуникационные технологии)⁴. Распространение новых технологий не только приносит новые способы ведения хозяйства, но и формирует новые типы взаимоотношений в мировой экономике.

Сочетание глобализации и инновационного развития обеспечило ускоренный рост мировой торговли товарами и услугами и еще более стремительный перелив капитала, нарастание потока мигрантов, транграничное движение огромных финансовых средств, намного обогнавшие темпы роста обслуживаемых ими производств и торговли, дальнейшую либерализацию внешнеэкономического обмена.

В 1990–2008 гг. объем мировой торговли расширился в 1,8 раза быстрее реального ВВП. Возрастало значение внешнего рынка в экономическом развитии всех стран мира. С 1990 по 2006 г. доля экспорта в мировом ВВП возросла с 20,2 до 30,8%. Подобным же образом увеличивалась роль импортных поставок в удовлетворении внутреннего спроса.

Ускладилось вымывание из товарооборота низкотехнологичных изделий и ресурсоемкой продукции. Отсрочивающими темпами развивалась торговля средне- и, особенно, высокотехнологичными товарами. Нарастали масштабы обмена узкоспециализированной уникальной продукцией. Этот процесс сопровождался развитием кооперации — межфирменной, неархивного кооперирования, совместного производства, договорной специализации. В условиях глобализации увеличивалось значение адресных поставок, а сами торговые связи приобретали кооперационный характер. Вместе с тем за счет роста цен на промышленное сырье в течение 2000-х годов глобальные долгосрочные ценовые пропорции менялись в пользу сырьевого сектора мировой товарной торговли.

Услуги (маркетинг, инженеринг, консалтинг, финансовые), которые локализованы гораздо больше, чем товары, и раньше имели в основном национальную привлекку, активно выходяли в международный оборот. В настоящее время они составляют около 1/3 мирового экспорта товаров и услуг. Причем это те коммерческие услуги, которые пересекали границу в открытой форме. Часть операций с услугами скрыта в торговле товарами. Значительный их объем мигрирует между странами в процессе зарубежного инвестирования капитала. Быстро развивалась такая форма международных экономических связей, как офшорный аутсорсинг услуг — передача компаний отдаленных функций иностранным коммерческим организациям. Глобализация способствовала ускоренно международной миграции. По данным ООН, количество людей в мире, проживающих в иной стране, чем та, где они родились, возросло со 120 млн в 1990 г. до 191 млн человек в 2005 году.

Фактор перетока капитала и глобализации финансов

Важнейшее проявление глобализации — формирование общемирового инвестиционного пространства на основе крупномасштабного перелива капитала, в том числе в производственной форме. Размеры трансграничного перетока капиталов за последние десять лет увеличились втрое быстрее ВВП и вдвое быстрее оборота международной торговли. В 2007 г. прямые частные иностранные капиталовложения (ПКИ) достигли 1,8 трлн долл. Ускладилась зависимость экономики развитых стран

и развивающихся рынков от направлений и размеров международного движения капитала. Если в 1990 г. международные потоки капитала формировали величину более 4% мирового накопления, то в 2007 г. эта величина приблизилась к 15%. Привлечение иностранного капитала становится важным фактором развития национальных хозяйств. При этом ПНИ выступают не просто в качестве источника финансовых средств, но и означают передачу новых технологий, внедрение в дочерних фирмах современных методов управления и сбыта⁵.

Максимального уровня за всю историю наблюдений достигли трансграничные слияния и поглощения. В их число входят масштабные поглощения на сумму свыше 1 млрд долл. Это было вызвано резким повышением цен акций, которые компании использовали для оплаты таких сделок, а также увеличением числа приватизируемых предприятий. К 2007 г. стоимость сделок по слияниям и поглощениям достигла 1,6 трин долл. — на 21% больше, чем в 2000 г. Процессы консолидации бизнеса наблюдались повсеместно и охватывали все сферы деятельности. В результате конфигурация корпоративной системы превратила существенные изменения.

На формирование мировой экономической среды растущее воздействие оказывало нарастание транснационализации производства. В 2007 г. в мире насчитывалось 79 тыс. транснациональных корпораций. ТНК имели около 790 тыс. филиалов за рубежом. С 1990 г. занятость на них ускорилась и в 2007 г. достигла 82 млн человек. Если в 1990 г. на иностранные филиалы ТНК приходилось 7% мирового ВВП, то к 2007 г. эта доля достигла 11%. В 2007 г. их экспорт составлял одну треть мирового экспорта. Важно отметить, что формирование глобальных телекоммуникационных сетей, нарастание использования интернет-технологий позволяло повлечь в трансграничные хозяйственные контакты большее число средних и даже малых компаний.

В 2000-х годах стремительно развивалась глобализация в сфере финансов. Она выражалась в увеличении размеров национальных финансовых рынков, а также в развитии международного финансового рынка. Национальные и международный рынки тесно взаимодействовали, сливаясь в единый мировой финансовый рынок. Происходило расширение финансовых рынков в развитых и развивающихся странах и освоение таких рынков в странах с переходной экономикой. Если прежде передача финансовых излишков из одного региона в другой происходила почти исключительно по каналам внешней торговли, то в настоящее время в связи с ростом мобильности капиталов важнейшим механизмом такой передачи стала финансово-кредитная сфера. Современные

средства коммуникаций и информации расширили возможности и повысили интенсивность перемещения финансовых средств.

Большинство сегментов финансового рынка демонстрировало опережающую динамику по сравнению с темпами роста всей мировой экономики. Основные показатели объема этого рынка превышали величину мирового валового продукта. Возросла роль финансирования предприятий с помощью выпуска ценных бумаг. В 2007 г. объем капитализации фондовых рынков стран мира составил 65,1 трин долл., а стоимость выпущенных во всем мире облигаций — 78,8 трин долл.

Возросли масштабы рынка заемного капитала. В 2007 г. активы коммерческих банков достигли 84,8 трин долл. Стремительно развивался более свободный от банковского контроля рынок международных облигаций и других долговых обязательств. С 1990 по 2007 г. он увеличился с 1,3 до 79,8 трин долл. Причем подавляющая часть операций осуществлялась на мировом рынке в финансовых инструментах, денонмированных в иностранных валютах по отношению к стране кредитора или эмитента ценных бумаг. Это придало такому операциям внешнеэкономический характер и превратило мир в единое финансовое пространство⁶. Быстро расширился мировой валютный рынок, на котором совершаются страховые и спекулятивные операции с валютами разных стран. Суточный объем сделок на валютных биржах мира увеличился с 1,8 трин долл. в 2001 г. до 4,4 трин долл. в 2007 г.

Новым феноменом мировой экономики стали суверенные инвестиционные фонды — организации, оперирующие на международных рынках капитала с бюджетными средствами ряда развивающихся стран. В 2007 г. в мире насчитывалось 47 таких фондов, а их суммарные активы оценивались почти в 3,9 трин долл. Из них 1/3 приходилось на фонды стран-экспортеров нефти, а остальные — на фонды государств, имеющих устойчивый избыток платежного баланса за счет экспорта продукции обрабатывающей промышленности, а также первичного сырья.

Наряду с глобализацией развивалась другая форма интернационализации — регионализация, т.е. организация производства и рынка в определенном географическом пространстве. Число региональных и двусторонних соглашений о свободной торговле или преференциальных торговых соглашений превысило 300. Регионализация представляет собой этап на пути к глобализации. В то же время особые интересы участников региональных объединений ослабляют эффективность механизмов глобального регулирования. Регионализация — основа формирования экономического полицентризма. В диалогении глобализации и регионализации заложено зерно о путях дальнейшего развития мирового хозяйства.

Вследствие глобализации и регионализации экономики, а также либерализации внешнеэкономических связей существенно увеличилась открытость национальных экономик — их вовлеченность в систему международного разделения труда. Транснационализация делает экономические границы более прозрачными. Внешнеторговая квота в мире, рассчитанная как отношение внешнеторгового оборота к суммарному объему ВВП, выросла с 32,4% в 1990 г. до 43% в 2007 г. Международная миграция капитала развиваласьстрее быстрее, чем экспорт товаров и услуг. Рушились институциональные, юридические и технологические барьеры, разделяющие национальные хозяйства.

Результатом стало повышение эффективности производства, в первую очередь производительности труда, которое обеспечило одновременный рост прибыли и реальных доходов населения во многих странах мира. Повышение производительности труда позволило уменьшать негативные последствия роста цен сырья, в первую очередь нефти, для экономики, а также сдерживало инфляционные процессы. В этом же направлении действовали последствия более рационального использования ресурсов, вовлекаемых в мировой воспроизводственный процесс.

Экономический подъем начала XX века и смещение мирового производства в развивающиеся страны

Подъем в мировой экономике охватывал все группы стран мира и был одним из самых синхронизированных за всю историю деловых циклов. Если в ходе предшествующего развития от глобализации экономики выигрывали лишь развитые страны, то в 2000-х годах ситуация изменилась. Благодаря сочетанию глобализации и инновационного развития благополучательными этого процесса стали ведущие развивающиеся страны, которые, наряду с США, стали локомотивами мирового экономического подъема (табл. 1).

Основной вклад в высокую мировую динамику внесли Китай, Индия, Бразилия и Россия. В 2000–2008 гг. ВВП Китая возрос вдвое, а Индии более чем на 70%. По объему этого показателя, измеренного в ценах, и по паритету покупательной способности национальных валют (ППС) в 2007 г. Китай вышел на второе место после США, а Индия опередила Германию.

Сильный импульс глобальному инновационному росту дал перевод исследовательских центров и лабораторий корпораций в развивающиеся страны, куда перемещались промышленное производство, услуги и финансовые центры. Основными реципиентами стали Китай и Индия. По отдельным информационно-коммуникационным технологиям они

Таблица 1

Развитие мировой экономики в 2000-х годах

	Общий объем ВВП, млрд долл., в ценах и по ППС 2007 г.		Доля в мировой ВВП, %	
	2000 г.	2007 г.	2000 г.	2007 г.
ВСЬ МНР	49 493	65 167	100,0	100,0
Развитые страны	30 850	36 134	62,3	55,4
Развивающиеся страны	15 318	24 238	31,4	37,2
Страны с переходной экономикой	3 324	4 796	6,3	7,3

Источник: оценка ИМЭМО.

перешли от «догоняющего» развития к «лидирующему». Быстрое развитие производства в развивающихся странах, особенно Юго-Восточной Азии, во многом опиралось на высокую норму сбережений и огромный приток рабочей силы. Немалую роль в повышении динамики производства в них сыграл чистый приток капитала из развитых стран. Во многих из этих стран повысилась эффективность управления экономикой.

В 2000-х годах увеличилась роль развивающихся стран в международных потоках ПНИ, приток не только в качестве импортеров, но и экспортеров капитала. Свою нишу, пока скромную, заняли страны Центральной и Восточной Европы с переходной экономикой. Рост цен на сырьевых рынках обеспечивал подъем компаний этих стран. Важная черта современной транснационализации — возрастание корпораций из развивающихся стран в числе крупнейших ТНК. Если в 2006 г. среди 500 ведущих корпораций мира насчитывалось 20 компаний из стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), то в 2008 г. их число увеличилось до 62. Участились случаи приобретения нной контроля над западными корпорациями.

Важный вопрос — роль развивающихся стран на мировых финансовых рынках. На них все активнее выходят компании и банки (государственные и частные) быстро развивающихся стран и стран с переходной экономикой — так называемых формирующихся рыночных экономик. Речь идет о Китае, Индонезии, Мексике, Южной Корея, Малайзии, Аргентине, Бразилии и России. Серьезную конкуренцию Нью-Йорку и Лондону создавали новые финансовые центры в Гонконге, Дубае, Сингапуре,Bombae, Шангае.

Изменилось соотношение сил в группе развитых государств. В 2000-х годах по объему ВВП и ВВП на душу населения США увеличили отрыв от стран Европейского союза и Японии. Сохранились также конкурентные преимущества США, как высокий инновационный и технологический потенциал, огромные вложения в человеческий капитал, мощь американских ТНК, а также сохранилось положение доллара как главной резервной валюты.

Крупные изменения происходят в экономике Евросоюза, в которой продолжилось развитие интеграционных процессов. Формирование экономического и валютного союза шло и влуду. В 2004 г. число участников ЕС возросло с 15 до 25, а к 2007 г. оно увеличилось до 27. Завершалось создание единого внутреннего рынка услуг. В 1999 г. была введена единая валюта — евро, начал действовать Европейский центральный банк. С июля 2002 г. национальные валюты большинства стран ЕС были изъяты из обращения и осуществлен переход на хозяйственного оборота на евро. В начале 2009 г. участниками зоны евро были 16 стран. За 10 лет своего существования евро, наряду с долларом, стал одной из двух ведущих валют мира.

В странах с переходной экономикой экономический рост возобновился в 1999 г., а с 2000 г. они стали развиваться динамичнее любой другой группы государств мира. Формирование рыночной экономики и интеграция этих стран в мировое экономическое пространство способствовали ускорению их развития. Вместе с тем их польем произошла после столь глубокого спада, что уровень ВВП на душу населения в этих странах все еще не превысил уровня 1980 г.

В результате произошло перераспределение сил в мировом хозяйстве. Значительно укрепилась позиция развивающихся, прежде всего азиатских, стран в мировой экономике. Заметно возросла роль стран с переходной экономикой. Выстроились экономикой несут старые лидеры. Несколько сохранился разрыв по уровню экономического развития — ВВП на душу населения — между развивающимися и развитыми странами. Формируется новая конфигурация экономической мощи в мире.

Сдвиги в отраслевой структуре мировой экономики и диверсификация

Следствием перераспределения инновационного развития и глобализации стало ускорение преобразований в отраслевой структуре мирового хозяйства.

Важнейшим из структурных сдвигов стала сервисизация экономики. Сфера обращения и услуг развивалась опережающими темпами по отно-

Таблица 2

	1990 г.	2006 г.
Валовой внутреннего продукт	100,0	100,0
Промышленность	33,1	29,1
Сельское хозяйство	5,5	3,9
Сфера обращения и услуг	61,4	67,0

Источники: UNCTAD Handbook of Statistics 2008, United Nations, N.Y. and Geneva, 2008. P. 408, 430.

шению к отраслям материального производства. Усилилась тенденция к преобладанию непроизводного сектора мировой экономики. «Непроизводительная» сфера стала стержнем постиндустриальной экономики. Быстро увеличивались инвестиции в человеческий капитал. Отсюда увеличение значения интеллектуальной сферы — образования, здравоохранения, науки. Развитие этого сегмента экономики преимущественно на рыночных началах, наряду с дерегулированием и приватизацией общественно-го сектора, существенно развили границы рынка и конкуренции в услугах, стимулировало их трансграничную экспансию.

В этом секторе лидировал комплекс деловых и профессиональных услуг — маркетинг; реклама, менеджмент; дизайн; а также информационно-компьютерные, консультационные, аудиторские и бухгалтерские услуги. Бурно развивались телекоммуникационные услуги. Устойчив был перелив общественных ресурсов в услуги социальной и гуманитарной ориентации.

Одна из важнейших особенностей развития мирового хозяйства последнего времени — его финансовализация — гиперпропорциональное расширение финансово-кредитной сферы, бурное развитие фондового рынка. Рынок ценных бумаг создал собственную, искусственную реальность. Произошло разбухание и усложнение денежно-кредитной системы — виртуальной экономики. Она сильнее отрывалась от реальной экономики. Финансовые операции обособились от товарного производства и торговли и развивались по собственной динамике и правилам. Усилилась роль виртуальных факторов в формировании хозяйственных пропорций.

По сути, финансовализация стала периодом доминирования финансового сектора в общей экономической деятельности. Этот процесс представляет собой способ накопления, в котором прибыль производится не посредством торговли или производства товаров, а через финансовые каналы. Характерно, что цены на сырье меньше зависят от

его производителей. Сегодня они в основном формируются на финансовых рынках.

Их быстрое развитие определило расцвет финансовых институтов. Банки, прежде всего инвестиционные, превратились в ведущих экономических игроков, влияние которых превышало их формальную роль в качестве посредников на рынках капитала. В 2000-х годах произошел бум в индустрии ледж-фондов — инвестиционных фондов, операции которых характеризуются высоким риском и агрессивностью, а также фондов частных инвестиций — частных компаний, которые вкладывают капитал в другие фирмы, реструктурируют их и таким образом повышают стоимость их активов, а затем продают эти фирмы с прибылью.

Финансовые службы стали доминировать в управлении компаний, финансовые активы — среди всех активов. Торгуемые ценные бумаги, особенно акции, — среди финансовых активов. Фондовый рынок стал доминировать как рынок корпоративного контроля в определении стратегий компаний, а его колебания начали определять бизнес-циклы. Страны, которые обеспечили быстрое дерегулирование финансовых рынков и финансовализацию экономики, выиграли больше. Модель капитализма «акционерной стоимости» прижилась в странах англосаксонской культуры, что обеспечило максимальное дерегулирование их финансовых рынков — США, Британии, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Ирландии⁷.

Оборотной стороной сервисизации стало ускорение деиндустриализации. В мировом ВВП падала доля промышленности. Однако за этим скрывались разнонаправленные изменения в региональном разрезе. Деиндустриализация активно шла в развитых странах, а также в странах с переходной экономикой. В развитых экономиках происходил процесс, названный «созидательное разрушение», — зарождение и рост новых, наукоемких отраслей и замена отмирающих отраслей производства. Быстро развивались креативные отрасли.

Напротив, в развивающихся государствах нарастала индустриализация производства. Ускорилось перемещение мировой промышленности из развитых в развивающиеся страны, прежде всего в Китай и Индию. Развивающиеся страны стали доминировать во многих отраслях промышленного производства. Китай, Индия, Южная Корея и Индонезия стали ведущими поставщиками массовой продукции — от электроники и текстиля до автомобилей и судов. Китай превратился в «промышленную мастерскую мира».

В условиях падения промышленно-углеводородного топливно-энергетического комплекса. Дефицит и неустойчивость снабжения энергоресурсами в различных регионах мира, а также повышение цен на нефть

до осени 2008 г. способствовали росту капиталовложений в энергосберегающие технологии, ускоренными темпами развивалась электроэнергетика. В общем объеме производства и потребления первичных энергоресурсов возросла роль газа. Повышался интерес к атомной энергетике. Увеличилась, хотя и крайне незначительно, роль альтернативных, экологически чистых источников энергии. В ряде стран принимались меры по замещению традиционных видов топлива биотопливом.

Особенности кризиса конца 2000-х годов

Прежде всего кризис отличали размах и глубина. Если предыдущие кризисы были локальными, характеризовались спадом производства в отдельных странах или группах стран, то нынешний кризис был всеохватным. Спад, по сути, первым глобальным кризисом капитализма, он сильнее сказался на тех, кто был наиболее успешен в последние десятилетия, — государствах с высокой долей финансового сектора и экстенсивно ориентированных хозяйствах.

Способность падения производства состояло в сочетании финансового кризиса и глобально-синхронизированного спада. Экономическое циклы в развитых и многих развивающихся странах оказались синхронными с американским. Оптимизация бизнес-процессов в условиях глобальной конкуренции привела к тому, что игроки ориентировались на прибыльность, быстроту оборота денег и скорость роста сбыта в ущерб надежности.

В отличие от финансового кризиса в азиатских странах 1997–1998 гг. и кризиса в сфере информационных технологий в США в 2001 г. кризис конца 2000-х годов начался как финансовый, но затем охватил все отрасли хозяйства. Он порастил в первую очередь сферу обращения и услуг, наиболее динамично развивавшуюся в период подъема. При этом наблюдалось сужение внутреннего рынка — частного потребительского и инвестиционного спроса, а также внешнего рынка, который прежде рос опережающими темпами.

Падение производства стало реакцией на глобализацию. В последние десятилетия сформировался глобальный рынок, но законов, регулирующих его деятельность, нет. Эффективность межгосударственных соглашений, определяющих правила игры на этом рынке, оказалась низкой. Важно подчеркнуть, что в пиках самого подъема выдвинулись процессы, которые в конечном итоге стали причинами кризиса.

Эпизентром кризиса стала экономика США. Его фундаментальной причиной стал дефицит внутренних сбережений. Истоки кризиса лежали в чрезвычайно мягкой денежной политике Федеральной резервной системы. С начала 2000-х годов, пытаясь предотвратить циклично-

ский спад, а затем и стимулировать рост, она проводила политику низких процентных ставок. Такая политика создавала «эффект теплицы», давая возможность безоглядно наращивать кредиты.

Тотчас, приведшим в действие кризисный механизм, стали проблемы на американском рынке ипотечного кредитования. Рост доходов населения и богатства домашних хозяйств в сочетании с низкими процентными ставками способствовал бурному увеличению спроса на дома и повышению цен на жилье. В этих условиях банки охотно предоставляли дешевые кредиты заемщикам, нередко не из собственных, а из заемных средств, что требовало привлечения новых займов, которое бы обеспечивало функционирование финансового конвейера. На рынке недвижимости начался бум.

Симптомом эйфории стало распространение субстандартных ипотечных кредитов — средств, выдаваемых малообеспеченным слоям населения, безработным и лицам без дохода. Переломной точкой стал август 2007 г. В результате повышения процентных ставок стали увеличиваться расходы населения по обслуживанию ранее привлеченных кредитов под залог недвижимости. Рынок жилья резко пошел вниз. Снижение цен на жилье дома вызвало обесценение залогов. Возникли проблемы с платежеспособностью ипотечных заемщиков. За счет роста невозвратов кредитору стали терять деньги. Ипотечные облигации падали в цене, новые выпуски не находили покупателей. В результате произошли снижение стоимости финансовых активов и их массовый провал.

Ключом к пониманию финансового и последовавшего за ним экономического кризиса стало бегство от реальных в финансовые активы, внедрение инноваций в финансовую сферу. В результате мировое хозяйство оказалось перенасыщенным рискованными активами и операциями. Чрезмерная сложность современных финансовых систем — следствие изменений в механизме и инструментарии мирового фондового рынка, получивших название «финансовая революция». Во-первых, это — отказ государства от прямого вмешательства в финансовую деятельность институтов рынка. Во-вторых, развитие процесса секьюритизации финансового сектора — вытеснение традиционного банковского кредитования операциями с ценными бумагами. В-третьих, масштабные финансовые инновации — возникновение новых финансовых продуктов и совершенствование технологий торговли финансовыми инструментами. В-четвертых, устранение разного рода ограничений, препятствующих движению капиталов между странами. В-пятых, налаживание кооперации между финансовыми институтами разных стран вплоть до их полного слияния.

Огромное воздействие на развитие кризиса оказало сочетание самого дивергентного и неконтролируемого финансовыми регуляторами сег-

мента этого рынка — производных финансовых инструментов (деривативов) — контрактов, дающих право на покупку или продажу лежащего в их основе актива или денежного потока. Валовая рыночная стоимость соглашений на этом рынке только за 2007 г. возросла почти в полтора раза и достигла 14,8 трлн долл. А общий объем накопленных обязательств по всем этим сделкам в декабре 2007 г. составил 596 трлн долл., что почти в 11 раз превысило объем мирового ВВП. В отличие от классических ценных бумаг, предназначенных для привлечения долгосрочного капитала, основная экономическая функция деривативов — хеджирование, т.е. страхование от ценовых рисков. Между тем структура этих инструментов оказалась столь сложной и непрозрачной, что оценить реальную стоимость портфелей финансовых компаний стало практически невозможным. Был раздут «пузырь» из «токсичных» активов. Он лопнул, обрушив рынок ценных бумаг по всему миру. Поскольку кредитный рынок больше не мог выдать потенциально неплатежеспособным заемщиков, он встал в паралич. Финансовые инструменты служили каналом распространения негативных последствий рискованных инвестиций на другие страны.

Ситуацию ухудшало развитие таких непрозрачных структур, как хедж-фонды (в 2007 г. активы под их управлением составляли огромную сумму — 10,1 трлн долл.) и фонды прямых инвестиций. Они, как и новые финансовые инструменты, находятся за пределами традиционного регулирования.

В этих условиях обострилась тенденция к дерегулированию национальных хозяйств и мировой экономики в целом, рефлексивность оценки поведения на рынке, недостаточное управление рисками в финансовых учреждениях и корпорациях привели к кризису доверия, который в конечном итоге обернулся финансовым кризисом, а затем и свертыванием производства.

Возникновение и углубление финансового кризиса стали отражением меняющейся структуры мирового хозяйства. Речь идет о формировании глобального дисбаланса, который на протяжении десятилетия рассматривался как основа устойчивости мирового роста. В результате сложился режим противонаполной прежней модели глобализации. Если в 1990-х годах главным направлением движения капитала и технологий был переток из развитых рынков в развивающиеся, то в 2000-х годах процесс пошел и в обратную сторону. В основе этого лежало нарастание дисбалансов в этих двух группах стран — между производством и потреблением, сбережениями и инвестициями.

В группе развитых стран потребление превышало производство, импорт товаров был больше экспорта, нарастали дефициты платежных балансов по текущим операциям, неслыханно сбережений. Экономика на-

кошелем уступили место экономике потребления, финансируемой за счет долга и эксплуатации богатства, накопленного в недвижимости.

Напротив, хозяйство развивающихся стран в целом характеризовалось преобладанием производства над потреблением, экспорта над импортом. На смену суммарному дефициту платежного баланса по текущим операциям в этих странах пришел профицит. В 2008 г. он достиг 90 млрд долл. Вследствие слабого развития внутреннего финансового рынка в них образовался огромный «избыток» (профицит) сбережений.

В результате развитые государства в целом превратились в чистых импортеров капитала, а развивающиеся — в чистых экспортеров. Поток сбережений из развивающихся стран составлял в последние десятилетия примерно 1% нормы накопления развитых стран, компенсируя нехватку их собственных сбережений. Размещая свои временно свободные резервы на мировом рынке, группа стран с положительным сальдо платежного баланса превратилась в основные мировых кредиторов. Высокий уровень потребления во многих развитых странах обуславливался за счет кредитования, в значительной мере средств, поступающих на развивающиеся государства.

Главный вклад в перемены структуры мировой экономики внесли США, которые к началу XXI в. превратились в крупнейший центр привлечения иностранного капитала. На долю США приходится до 20% всего мирового производства, однако потребляют они значительно больше — около 35%. С 2005 г. норма сбережений в этой стране была отрицательной. В 2008 г. дефицит платежного баланса по текущим операциям в США стране достигал 4,5% ВВП. Модель воспринятости на базе масштабного внешнего финансирования позволяла получать дополнительные ресурсы для роста. С 2000 по 2008 г. приток средств из-за рубежа превысил 5,7 трлн долл., что составило более 40% ВВП США в 2007 г. Экономика США требовала больше ресурсов для рефинансирования долгов за счет роста средств внешних кредиторов.

Одним из важных каналов притока капитала в США являлось накопление долларов через счетами за счет активов их торговли с этой страной. Кредиторы и сегодня предпочитают хранить средства в американских государственных облигациях, а не в иных инструментах. Многие иностранные агенты соглашались на отрицательный доход ради надежности. Это привело к «парадоксальному» укреплению американской валюты в разгар кризиса. Доллар был и остается главным резервным средством в мировой экономике. Долларовые денежные потоки обслуживают 70% международных транзакций.

Ведущим экспортером товаров в США стал Китай, обладающий крупнейшими в мире золотовалютными резервами, и основным в долларах. Инвестирование в американские ценные бумаги Китаем и неф-

тыными фондами, прежде всего стран Персидского залива, способствовало образованию избытка ликвидности — средств, которые могут быть конвертированы в наличность и использованы для покупки других активов — в экономике США, что стало макроэкономической причиной кризиса в этой стране.

Вследствие избыточной ликвидности притупилось чувство риска. В основе кейнсианского механизма, который привел к кризису был чрезмерный оптимизм, порожденный длительным периодом высокого темпа роста и низких процентных ставок. В результате активизировался процесс формирования рыночных пузырей — искаженной, завышенной оценки различных видов активов. В отдельные периоды такие пузыри формировались на рынках недвижимости, акций и сырьевых товаров, что стало составной частью кризисного механизма. Финансовое регулирование не было оснащено инструментами преодоления рисков и искаженных стимулов, сдерживавших за бумом финансовых инноваций.

Дисбалансу на глобальном уровне соответствовали балансы внутри. С одной стороны, в США доля личного потребления в ВВП интенсивно расширялась, а норма сбережений (доля сбережений в совокупном доходе домохозяйств) упала почти до нуля. Американские домохозяйства стали крупнейшими нетто-дебиторами в мировой экономике. С другой стороны, домохозяйства и правительство Китая имели высокую норму сбережений и являлись крупнейшими нетто-кредиторами. По сути дела, высокий уровень сбережений в Китае обеспечивал высокий уровень потребления в США.

Иными словами, глобальный кризис — во многом долговой кризис. И необеспеченная денежная база доллара, и растущая быстрее, чем экономика в целом, денежная масса, увеличение скорости обращения денег — оборотная сторона, отражающая рост финансовых инноваций и деривативов. Понятно, что все это имело объективные границы. Трудно было предположить, что изменения в мировой финансовой системе будут такими быстрыми и кардинальными. Однако глобализация придала новое измерение многим процессам и рискам. Поэтому эффект оказался столь масштабным⁶.

Наконец, у кризиса имелась еще одна фундаментальная предпосылка. За последние десятилетия трансформацию претерпела целевая функция бизнеса. Ключевым ориентиром развития корпораций стал рост капитализации. Этот показатель более всего интересовал акционеров, и именно по нему оценивается эффективность менеджмента. Между тем стремление к максимальной капитализации вступает в противоречие с реальным основанием социально-экономического прогресса — повышением производительности труда.

С конца 2007 г. экономика США, а вслед за ней со второй половины 2008 г. и мировая экономика стали постепенно входить в полосу кризиса. С конца 2008 г. он вошел в острую фазу. Результатом стало резкое замедление роста ВВП — до 3,4% в 2008 г. по сравнению с 5,2% в 2007 г. Вследствие глобализации негативные процессы в финансовой сфере распространялись по миру, тормозя экономическое развитие. Наметься тенденции к снижению цен. Реальной в развитых странах стала угроза дефляции. К началу 2009 г. суммарные потери от кризиса в экономике США и Европы приближались к 3 трин. долл. Не подтвердилось предположение о том, что благодаря глобализации капитализму удалось преодолеть или существенно смягчить циклы бумагов и падений.

Спад в ключевых отраслях начался в США, затем охватил другие развитые страны, наконец, вовлек в сферу влияния развивающиеся государства и страны с переходной экономикой. Наиболее сильный удар кризис нанес по финансовой системе. В 2008 г. глобальные финансовые активы обесценились более чем на 50 трин. долл. Фондовые рынки потеряли 28,7 трин. долл. капитализации — около 40% рыночной стоимости. Падение рынков в развитых странах составило около 30–35%, в развивающихся — до 60–70%.

В развитии кризиса следует выделить три основных события. Первое произошло на середину марта 2008 г., когда финансовые власти США были вынуждены в спешке организовать экстренную покупку инвестиционного банка *Bear Stearns*. Затем ситуация нормализовалась, но ненадолго. Следующее обострение случилось в июле, когда возникли проблемы с американскими ипотечными агентствами *Fannie Mae* и *Freddie Mac*, обслуживающими рынок недвижимости. Эти ипотечные гиганты были переданы под управление властей США. Третье обострение, произошедшее в конце сентября, было связано с решением властей США не спасать от банкротства один из крупнейших американских инвестиционных банков *Lehman Brothers*. Последовавшая массовая паническая распродажа акций на мировых фондовых рынках стала точкой отсчета глобального финансового кризиса. Финансовые институты терпели колоссальные убытки.

Кризис радикально перестроил финансовый рынок США и спровоцировал цепную реакцию в других странах. Произошло разорение ряда крупнейших банков. Кризис сопровождался консолидацией банковского бизнеса, слияниями банков. Некоторые банки целиком ликвидировали подразделения, работавшие на глобальных рынках капитала. В глубоком кризисе оказались инвестиционные банки, которые всегда играли роль главного оценщика стоимости активов и рисков. Был экстренно продан инвестиционный банк *Merrill Lynch*. Легендарные инвест-

банки *Goldman Sachs* и *Morgan Stanley* перешли в разряд «просто коммерческих». Фактической национализации подверглась крупнейшая американская страховая группа *AIG*. В Великобритании в целях поддержания стабильности банковской системы государство увеличило свое присутствие в банковском секторе — светлая светлых британской экономики: оно национализировало банки *Northern Rock* и *Bedford and Bury*, приобрело контрольный пакет акций *Bank of Scotland*, свыше 43% акций *Lloyds Banking Group*. Репутация ведущих финансовых центров в Нью-Йорке и Лондоне нанесен огромный урон.

В конце 2008 г. кризис перешел в острую фазу. Его вытеснили из финансового сектора начали распространяться на реальный сектор. Основным каналом передачи кризиса из финансовой сферы в производственную стало усложнение доступа к кредитным ресурсам. Кризис привел к снижению потребления домохозяйств, которые больше не могли финансировать потребление за счет дешевого кредита, поскольку цены их активов, воплощенных в недвижимости и акциях, упали. Нефтяные компании потеряли возможность выйти на кредитный рынок, что привело к снижению экономической активности. Бизнес отказывался от строительства новых объектов и закупок производственного оборудования. В сфере потребительского спроса пострадали рынки товаров длительного пользования, приобретение которых в последние годы активно опиралось на механизмы банковского кредитования. В наиболее сложной ситуации оказалась автомобильная промышленность. Участились случаи банкротств и закрытия предприятий, перевода их на неполную рабочую неделю. Уменьшилась поддержка, компании снижали зарплату. Нарастала безработица.

Падение производства в развитых экономиках, снижение темпов роста в большинстве развивающихся стран привели к замедлению международной торговли. Если в 2007 г. темпы роста торговли составляли 7,2%, то в 2008 г. — лишь 4,1%. В результате наиболее всего пострадали страны с высокой ориентацией на экспорт, в частности многие восточноазиатские «тигры», а также некоторые европейские государства. Резко ухудшилась конъюнктура на рынках сырьевых товаров, вследствие чего серьезно пострадала экономика производителей и экспортеров этой продукции.

В 2008 г. объем прямых иностранных инвестиций уменьшился на 21% до 1,4 млрд долл. Сократился объем инвестиций, привлекаемых от внешних инвесторов. Иностранные инвесторы досрочно изъяли средства из высокорисковых активов развивающихся стран. В том же году чистый приток капитала из развитых в развивающиеся экономики сократился вдвое — с 927 до 466 млрд долл.

Отсюда всплеск экономического национализма, сползание к протекционизму. Правительства, в первую очередь развитых государств, стали проводить политику дискриминационную по отношению к другим странам: помогать отечественным финансовым институтам, промышленным и сельскохозяйственным производителям, поддерживать «свои» корпорации, прежде всего «национальных чемпионов». Критик способствовал повышению уровня протекционизма в международной торговле. Усилился сдвиг в работе Всемирной торговой организации. В результате медленного прогресса на многосторонних переговорах в рамках ВТО и Доха изменения претерпел межгосударственный механизм регулирования. Если в предыдущие десятилетия центр тяжести смещался в сторону многостороннего экономического сотрудничества, то в последнее время наблюдается отход от многосторонности (=новой регионализации).

Стремясь защитить внутреннюю экономику от кризиса, многие страны использовали меры ограничения импорта, противоречащие нормам ВТО, в первую очередь повышение пошлин, и стимулирования экспорта. Вводились прямые экспортные субсидии. Ужесточились торговые стандарты. В январе 2009 г. число антидемпинговых расследований выросло на 40% по сравнению с тем же периодом 2008 г. Использовались манипуляции с валютным курсом — конкурентная девальвация, т.е. политика понижения курса собственной валюты для поддержания конкурентоспособности национальной экономики.

Политика «национального спасения» сдерживает развитие интеграционных процессов в Евросоюзе. Государства стали решительнее отстаивать свои экономические интересы, выступая против передачи суверенитета в координативных вопросах международным органам.

Эти процессы происходили на фоне падения эффективности международных экономических, торговых и финансовых организаций — Международного валютного фонда и Всемирного банка. Провалом своей системы всех органов надзора, анализа и контроля финансовых рынков. Суть проблемы заключается в низком качестве регулирования, из-за чего огромные риски оказались вне учета, в неспособности регуляторов и рейтинговых агентств адекватно оценивать совокупность рисков в финансовых учреждениях и корпорациях. Неадекватное управление рисками и финансовыми потоками вело к кризису доверия.

Правительства стали предпринимать меры, направленные на поддержание ликвидности и стабильности финансовых рынков. К ним относятся национализация и рекапитализация отдельных финансовых институтов, а также выпуск контрольных пакетов проблемных банков, гарантии по межбанковским кредитам. В большинстве случаев государ-

ство, давая банку деньги, получало взамен его акции или обязательства. Для удешевления кредита центральные банки снижали базовые ставки процента. В отдельных странах государство шло на снижение подоходного налога или налога на добавленную стоимость. Основные меры государства, призванные не допустить резкого снижения доходов и ухудшения условий жизни, включали предоставление пакета социальных мер, в том числе увеличение пособий по безработице, на детей, помощь малозащищенным гражданам, увеличение размера страхования вкладов в банках, отсрочку платежей по ипотеке.

Если в первое время в центре политики государства находились меры по оздоровлению банковской системы, то по мере вхождения в рецессию больше значения придавалось стимулированию реального сектора, в первую очередь автомобильной промышленности. В целях повышения занятости больше внимания уделяли экономической инфраструктуре. Важным направлением антикризисной политики была поддержка малого и среднего бизнеса. Значительное место в деятельности правительства заняло налоговое стимулирование инновационного процесса. На лондонском саммите «группы двадцати» (май 2009 г.) страны-участницы подтвердили стремление бороться с протекционизмом. Принимаемые правительствами антикризисные меры были масштабны, но недостаточны. Банки использовали полученные от властей деньги не для кредитования реального сектора, а для сокращения своей кредитной задолженности. Базовые ставки процента, устанавливаемые центральными банками ведущих западных стран, к началу 2009 г. были снижены настолько, что оказались неспособными эффективно влиять на спрос и динамику производства.

Очевидной стала необходимость совершенствования механизма регулирования мировой экономики. Его деятельность перестала соответствовать потребностям глобальной экономики. Речь идет о выработке новых правил регулирования финансовых рынков, расширении финансовых возможностей МВФ и повышении роли «группы двадцати». Необходимо создание единой системы регулирования деятельности рейтинговых агентств, а также формирование в финансовой сфере новой международной организации, члены которой предпочтительно бы единые правила регулятивной, финансовой, а возможно, и фискальной политики.

* * *

На рубеже второго десятилетия нового века в мировой экономике сохранится неопределенность. Принимаемые решения беспрецедент-

ны в истории рыночной экономики, они во многом противостоят многим фундаментальным ценностям и ориентирам, на которых основывается общество свободного предпринимательства. Нежизно, когда антикризисные меры, предпринятые правительствами и центральными банками ведущих развитых стран, позволят мировой экономике вернуться на траекторию быстрого развития. Бесспорно одно — эти меры создают принципиально новые условия для функционирования рыночной экономики в будущем, в перспективе мировое хозяйство будет развиваться на более эффективной основе. Важную роль в его одорождении сыграет глобализация, которая в конечном экономическом итоге неизбежна. Кризис расчищает путь для перехода к новому экономическому укладу. Серьезную трансформацию, возможно, претерпит отношение собственности. Произойдет укрепление влияния государства в мировой экономике. Однако регулируемый рынок останется его фундаментальной основой.

Примечания

¹ Ивашко Н. Д. Экономическая комплекс России: Взгляд изнутри. М.: Русская Энциклопедия, 2009. С. 4.

² Колоско Гв. В. Мир в движении. М.: Манускрипт, 2009. С. 132.

³ Всплеск мировой экономики 2009 № 1 (91). С. 12.

⁴ WTO. International Trade Statistics 2008. Geneva, 2008. P. 7.

⁵ UNCTAD World Investment Report 2008. Transnational Corporations and the Informatization Challenge. United Nations, NY and Geneva, 2008. P. 10.

⁶ Ивашко Н. Д. Перспективы глобализации // Мировая экономика. Прогноз до 2020 г. М.: Манускрипт. С. 36–37.

⁷ Экспорт. 2009. 19 мая. С. 36.

⁸ Экспорт. 2008. 2 мая. С. 66.

⁹ International Monetary Fund. Global Economic Outlook Update 2009. January 28, Economist, 2009. January 31.

Список рекомендуемой литературы

Филиппов В. П. Глобализация — новое качество мировой экономики. М.: Манускрипт, 2009.

Ивашко Н. Д. Интернационализация производства — новый этап развития мировой экономики. М.: ИМЭМО РАН, 2009; Павлова В. С. Глобализация экономики: Сущность, проявления, вызовы и возможности для России. Ярославль: Верхняя Волга, 2009; Финансовый кризис в России и в мире / Е. Т. Гайдар. М.: Проспект, 2009; Колоско Гв. В. Мир в движении. М.: Манускрипт, 2009; International Monetary Fund. World Economic Outlook, 2010. April; Washington, International Monetary Fund. Global Financial Stability Report, 2010. April.

Раздел II

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ
СОСТАВЛЯЮЩИЕ ГЛОБАЛЬНОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Большинство социально-экономических и международно-политических явлений, которые вызвали к жизни феномен глобализации, связаны с Европой — происхождением, особенностями эволюции и сущностными особенностями. Вместе с тем обретение миром современных глобальных характеристик самым основательным, если не радикальным, образом складывалось на месте Европы в мире. На протяжении столетий европейская культурно-цивилизационная идентичность распространялась ее носителями, переселявшимися из Старого Света с целью завоевания и освоения новых земель. Существенно импульсом к этому движению нередко было стремление преодолеть европейский традиционализм, найти альтернативу его ценностям, поведенческим, мировоззренческим стандартам и стереотипам. Но объективно фактически осуществлялась их пространственная экспансия и в этом смысле — расширение европейского ареала за пределы собственно Европы.

Международная роль Европы и Европейского союза в современном мире

Сегодня потомки переселенцев из Европы составляют немалую часть населения целого ряда стран, которые, по сути, являются ветвями европейской или евроатлантической цивилизации. Последние остаются важным компонентом глобального социума по его историко-генетическим характеристикам. Но не только они определяют значимость «фактора Европы». Элементы европейской культуры, образа жизни и технологии можно обнаружить в любом регионе. Предметом заимствования стали и отброшенные на европейской почве способы организации общественной жизни — хотя далеко не безоговорочно принимаемые как образец для подражания, а нередко и вызывающие отторжение, стремление противопоставить им альтернативные модели. То, чем гордятся многие европейские страны, — эффективное демократическое государство, реальное разделение властей, верховенство закона — утвердилось и востребовано не везде. Европейские стандарты прав человека и гражданских свобод¹ являются во многих странах общепринятым ориентиром, но часто они являются таковыми лишь на уровне общественного сознания — как желательная норма и критерий демократии, но не как официально принимаемое обязательство. Тем не менее сами кате-

горни, с помощью которых отнынешнее состояние и перспективы развития политических систем стран мира, носят на себе отпечаток европейского опыта. По несю судят о характере политической системы, с ним сравнивают практическое воплощение заложенных в нее принципов.

В Европе были выработаны и опробованы не только образцы внутренней организации государства, но и современные модели международного общения. Существование в географически ограниченном пространстве множества разных этносов, религий, культур превращало возможность или невозможность их мирного взаимодействия в центральную тему исторической эволюции Европы. Когда неспособность его обеспечить брала верх, разрушительные последствия становились сигналом предупреждения и для остального мира. Наоборот, из осуществления такого взаимодействия по конкретному вектору проистекали очевидные выгоды для его участников, создавая эффект положительного примера и для тех, кто непосредственно в этот процесс вовлечен не был.

К концу XX в. Европе в целом удалось решить многие из тех проблем, которые подрывали региональную стабильность. При этом европейские страны—члены ЕС смогли достичь небывдального уровня политической и экономической интеграции. Привлекательность международно-политической организации пространства Евросоюза выглядит особенно впечатляющей. В его рамках удалось нормализовать франко-германские отношения, которые 65 лет назад характеризовались столь высокой влашью ненависти, что менее чем за 100 лет это трижды приводило к бешеным войнам².

Опыт интеграционного развития в ЕС стал если не примером, то стимулом для интеграционных начинаний в Африке, Южной Америке и Азии. Другой вопрос, удастся ли где-либо выйти на уровень Европейского союза как по масштабам, глубине интеграции, так и по ее международно-политическим последствиям. Однако мощный стимул к конструктивным взаимоотношениям между государствами, исходный от интеграционного образования в Европе, несомненен.

Парадокс состоит в том, что как раз тогда, когда в мире стала нарастать глобализация, причем в немалой степени по причине освоения европейских культурно-технологических достижений, значимость Европы как части света на мировой сцене начала сокращаться. Ряд традиционных показателей, которые принимаются во внимание при условной оценке относительной «всесоности» отдельных стран или их объединений, свидетельствуют об эрозии позиций Европы в целом, снижении ее роли, сокращении ее влияния на мировые процессы.

Доля европейских стран в мировом ВВП снижалась с 47% в 1913 г. до 26% в 1998 г.¹. Прогнозы на обозримую перспективу показывают сохранение понижавшейся тенденции: в 2030 г. европейские страны могут оказаться по этому показателю на уровне 17% от мирового ВВП². Обеспечение энергетической безопасности стало одной из самых серьезных для большинства государств ЕС, перед ними постоянно маячит угроза сырьевого дефицита.

Неблагоприятны демографические тренды: если в Европе в начале XX в. проживала четверть мирового населения³, то к концу столетия ее доля уменьшилась вдвое (до 12%), а к 2050 г. ожидается снижение до 7% (для сравнения: аналогичные показатели составят к этому времени для Азии — 66%, для Латинской Америки — 9%). Ситуацию усугубляют старение европейского населения и, соответственно, сокращение числа рабочих рук и рост нагрузки на системы социального обеспечения⁴.

При этом во многих странах негативная динамика характерна прежде всего для коренного населения. А достигавшая значительных масштабов иммиграция, в том числе из-за пределов Европы, в некоторых случаях сопровождается усилением культурной неоднородности, нарушением внутреннего этноконфессионального равновесия и социально-политическими коллизиями. Она также становится фактором внешне-политического поведения соответствующих стран, концентрируя в том или ином направлении их взаимоотношения с окружающим миром, накладывая на них определенные ограничения⁵.

В чем-то страны ЕС, например, безусловно остаются на лидирующих позициях, разделяя их с государствами Северной Америки и Персидского залива по такому важному показателю уровня жизни, как ВВП на душу населения⁶. Первенство европейских стран по инвестициям в научные исследования и опытно-конструкторские разработки удастся опередить только Японии, Южной Корее и Соединенным Штатам⁷. Евросоюз занимает пока первые позиции в мировой торговле. Он обеспечивает более 44% мирового экспорта товаров и услуг и является рынком для примерно такой же доли импорта⁸.

По обобщенным параметрам качества жизни «сбывденная Европа» как регион не идет себе равных. Это относится к стандартам социального обеспечения, традициям подготовки и использования человеческого капитала, уровню и качественным характеристикам образования, ряду важных направлений в сфере инноваций и высоких технологий. Но не всегда Евросоюзу удастся поддерживать конкуренцию — в некоторых областях со стороны США и ряда других развитых стран, а нередко и со стороны новых политико-экономических центров развивающегося мира (Китай, Индия, Бразилия).

Строго говоря, в этой динамике не вполне правомерно видеть только ослабление позиций Евросоюза и Европы в целом. Такое же может быть абсолютный, а относительный характер. Есть и другая сторона вопроса, причем, вероятно, более значимая. Идет речь о яву пробуждении той части мира, которая находилась в состоянии внутреннего анабиоза, сочетавшегося с давлением (и подавлением) со стороны внешних сил, — а сегодня из этого состояния выходят. Проявление этой тенденции стало заметным после Первой мировой войны. Одним из главных ее итогов стало преодоление «евроцентризма» международно-политического развития. Последнее в значительной степени оставалось сконцентрированным в Европе — но ее прежнее безусловное превосходство над другими частями света стало уходить в прошлое. А после Второй мировой войны полем развертывания главных международных событий чаще становилась не Европа, а Азия, Африка и Латинская Америка (корейская война, вьетнамская война, Карибский кризис, «шестидневная война» на Ближнем Востоке). Правда, доминирование США и СССР в XX в. стало в определенной мере компенсацией уменьшения международно-политического значения Европы — в том смысле, что новые мировые лидеры тоже представляли евроатлантическую цивилизацию.

В XXI в. ситуация усложнилась. Немало стран из числа тех, которые относились к развивающимся, долгое время выступали не как субъекты, а как объекты мировой политики, были поглощены внутренними проблемами, претендуют на участие в принятии глобальных решений. Особенно впечатляет феномен Китая и Индии. Рядом с ними отдельные европейские страны, даже самые крупные, кажутся малоизвестными и неспособными в одиночку оказывать влияние на глобальные процессы.

Объективная потребность в дальнейшем развитии европейской интеграции обусловлена, в числе прочего, и этим фактором. Вне интеграционного контекста влияние отдельных европейских стран на мировое развитие становится эфемерным. Европейский союз становится не только мощным объединительным механизмом в развитии процессов, происходящих внутри интеграционного сообщества, но и усилителем его внешнего взаимодействия, его влияния на окружающую международно-политическую среду. Страны, остающиеся вне интеграционных процессов, могут попытаться сформулировать собственный ответ на новые глобальные вызовы, но шансов на то, что он окажет какое-то влияние на позитивные дела в связи с этими вызовами или даже вообще окажется услышанным, становится призрачными. Надо либо сослаться на вовлечение в интеграционный проект (через присоединение к ЕС), либо

взаимодействовать с ним и накладывать скоординированную, а затем и совместную политику:

Всегда с этим стоит отметить терминологическую коллизия, которая важна в судебном споре. В общественных дискуссиях между понятиями «Европа» и «Евросоюз» часто ставится знак равенства. В зарубежной публицистике такой подход вообще является нормой. Не стоит считать это проявлением сознательных политических манипуляций или отражением стремления изложить реальную картину, которую представляет собой сегодняшняя Европа. Европейский союз в самом деле занимает важные позиции в современном мире, а входящие в него страны играют центральную роль в формировании европейской идентичности. Но отождествлять ЕС с Европой (или Европу с ЕС) — неверный подход, ставящий под сомнение европейскую природу стран, не входящих в число участников этого интеграционного объединения.

Данное обстоятельство представляется особенно важным, когда ставится вопрос о роли Европы в глобальном социуме, о ее ответе на глобальные вызовы, о ее участии в глобальных процессах. Возникает понятие общеевропейских интересов в экономике и политике, которое, с точки зрения реалий сегодняшнего дня, предполагает согласование устремлений стран не только в Европейском союзе, но и вне его рамок. Речь должна идти о гармонизации интересов всех европейских государств — как входящих, так и не входящих в эту структуру.

Это непростая задача. Даже внутри ЕС разногласия нередко оказываются сильнее общих устремлений. Тем не менее есть основания рассчитывать на возможность достижения европейского консенсуса по ключевым вопросам мирового развития. Среди них немало таких, по которым обнаруживается совпадение интересов всех европейских государств, — например, в обеспечении устойчивого экономического роста, минимизации международных и внутренних конфликтов, улучшении положения более бедных регионов мира.

Если проводить сравнение с политическим процессом в традиционных национально-государственных рамках, то на общеевропейском уровне добиться эффективности решений в отношении глобальных проблем на порядок труднее. И единство общеевропейского политического пространства в контексте глобализации будет определяться не формальным единогласием по всем вопросам. Важнее реальная готовность стран к практической совместной работе. Возможность такой работы зависит от наличия каналов и сетей, формирующих и поддерживающих между участниками устойчивые связи, взаимопонимание, психологические привычки. В этом отношении Европа обладает преимуществом. Ее особенность — высокая плотность разнообразных мно-

государства институты и механизмы, посредством которых осуществляется взаимодействие.

Таблица 1

Основные структуры многостороннего взаимодействия государств в Европе

Название	Количество государств-членов	Примечание
ОБСЕ	36	В числе участников — США и Канада, государства Закавказья (3) и Центральной Азии (5)
Совет Европы	47	В числе участников — государства Закавказья (3)
Европейский союз	27	
NATO	28	В числе участников — США и Канада
СНГ	10	В числе стран-членов — государства Закавказья (2) и Центральной Азии (4)
ОСДБ	7	В числе участников — государства Закавказья (1) и Центральной Азии (4)
ООН	192 (в том числе 45 — из Европы)	Из пяти постоянных членов Совета Безопасности — три европейца (Россия, Великобритания, Франция). Вместе с США их роль наиболее отчетлива в евроатлантическом регионе
Субрегиональные структуры (10+)	5+	Из наиболее активных: Совет государств Балтийского моря, Совет Баренцева/Евроарктического региона, Организация Черноморского экономического сотрудничества

Все это создает в Европе потенциал институциональной организованности. Он более значителен, чем в любом другом регионе мира, — хотя не гарантирует ни автоматического разрешения коллизий, ни возникновения совместной реакции на вызовы глобального порядка. Можно предположить, что в результате европейцы отчетливей становятся более восприимчивыми к глобальным проблемам, предрасположенными к их осознанию. С общеевропейского уровня эти проблемы кажутся более понятными и — что важно — допускающими возможность регулирующего воздействия.

Место Европы и ее позиции в отношении проблем развития будут определяться не только эффективностью интеграционных и иных ме-

запасов многостороннего сотрудничества, но и характером осознания жителями своей принадлежности к Европе. Может ли общеевропейская идентичность со временем играть такую же консолидирующую роль, которую сегодня играет идентификация по принципу этнической и государственной принадлежности? Пока нет оснований ожидать, что это произойдет в обозримом будущем. Общеевропейские процессы не замещают, а дополняют развитие отдельных государств. Европейская идентичность, поддерживаемая в рамках ЕС символической атрибутикой (12-звездный флаг, ода «К радости» Бетховена в качестве гимна), не становится заменителем национально-государственной идентичности. Более того, формирование транснационального европейского пространства не привело к исключению сепаратистских устремлений.

На формирование европейской идентичности оказывает влияние международная миграция. Поскольку транснациональные миграционные потоки возрастают, государствам-реципиентам необходимо разрабатывать меры для интеграции в общество новых жителей из неевропейских Азии и Африки. Новые иммигранты приносят уклады жизни стран происхождения. Происходит определенная трансформация и адаптация этих укладов к нормам окружающей европейской культуры. Но и последнее этот процесс видоизменяет — в чем-то обогащая, а в чем-то подвергая стрессу. Феномен «европеизации», понимаемый в широком смысле слова как формирование некоторых общин для стран и народов региона неформальных структур, элементов самоорганизации и идентичности, коммуникационных взаимодействий, поведенческих инстинктов, противоречив.

Механизмы обеспечения безопасности

На протяжении нескольких веков понятия европейской и международной безопасности были синонимичны. Над владениями европейских колониальных держав никогда не заходило солнце, и, хотя они не имели право голоса в международных делах, любой серьезный европейский конфликт обретал глобальное звучание. Была и другая сторона взаимозависимости европейского и глобального измерения конфликтов: раздел мира европейскими «грандами» и storma на этой почве стали одним из источников Первой мировой войны. После Второй мировой войны проблематика европейской безопасности концентрировалась в себе варьированный потенциал и противоречивую динамику взаимоотношений между странами двух систем и двумя сверхдержавами — США и Советским Союзом. При этом Европа рассматривалась как основной потенциальный театр военных действий.

С выходом из биполярной конфронтации в конце 1980-х — начале 1990-х годов положение дел изменилось. Проблемы европейской безопасности сегодня продолжают занимать важное место в дипломатической практике, но их не увеливают с угрозой глобального конфликта. Сместился фокус внимания — оно уже направлено не столько на то, чтобы минимизировать угрозы военного нападения, сколько на обсуждение возможностей выстроить сотрудничество по вопросам безопасности.

Вместе с тем наступление в XXI век не привело к маргинализации проблематики безопасности. Конфликтный потенциал по линии Восток—Запад утратил свою актуальность, однако его возросли многочисленные проблемные ситуации, возникшие на волне распада старых государств. Некоторые из этих ситуаций были урегулированы относительно безболезненно — как это произошло в случае с мирным разделением Чехословакии на два государства. Но на территории бывшей Югославии развернулась тяжелая, многоступенчатая и кровопролитная драма. На пространстве бывшего Советского Союза конфликты не раз переходили в стадию вооруженного противоборства. Оно не стало долговременным, но иррегулярные споры и неопределенности статуса тех или иных территорий остаются скрытой проблемой.

Для большинства европейских стран наиболее привлекательным механизмом сотрудничества в интересах безопасности стала Организация Североатлантического договора — НАТО²¹. Вместе с тем о роли этой структуры в ее функциональном предназначении ведутся широкие дискуссии, временами приобретающие острый характер. Внутри НАТО обнаруживаются неодинаковые понимания этого альянса войны, разные суждения о характере присутствия в масштабах альянса США в Европе. Отсутствует единство в оценке пределов солидарности союзников, различной в суждениях о том, как обеспечить безопасность внутри региона НАТО и за его пределами, споры о деятельности бюрократических институтов, созданных в рамках этого альянса. В некоторых случаях трансатлантическая взаимосвязь в сфере безопасности подвергалась особенно серьезному испытанию — как это произошло в связи с началом войны в Ираке в 2003 г.

Есть понимание, что альянс НАТО не очень хорошо приспособлен к борьбе с современными угрозами и нуждается в реформах. Такие осуществляются и носят достаточно масштабный характер. В 2003 г. было осуществлено преобразование внутренней структуры НАТО. В частности, на смену географическому разделению на европейское и атлантическое командования пришло разделение функциональное; прежние органы были преобразованы в Командование трансформации (биполу-

етя в Норфолке, США) и Командование операций (Менс, Бельгия). Немало критиков полагают, что реформа сводится к бюрократическим корректировкам, не оказывая существенного влияния на развитие вооруженных сил блока. Нет единства в вопросе о военных расходах. Большинство европейских членов альянса уверены, что непосредственные военные опасности им не угрожают. На этом основании они игнорируют рекомендации НАТО расходовать 2% ВВП на оборону.

Серьезная для альянса тема — расширение зоны его деятельности за пределы территории стран-членов. Ведь именно ее «совместная оборона» и составляла *raison d'être* (смысл существования) блока, его функциональное предназначение и стержень его организационной структуры во второй половине XX в. Расширение сферы ответственности НАТО увеличивало бы периметр защищаемых рубежей, развивало бы плотность обороны, делало бы ее более углубленной. Но главное — выход за пределы зоны ответственности во времена биполярной конфронтации мог дать толчок напряженности по линии Восток—Запад. Не случайно, что за сорок с лишним лет — с середины 1950-х годов до конца 1990-х годов — даже увеличение круга участников представляло лишь однажды (когда в НАТО вступила Испания). Однако после 1991 г. изменился общий международно-политический контекст. Выход блока за пределы его непосредственного арعала перестал быть табуированной темой. Он стал реальностью с проведением операции НАТО против Югославии в 1999 г.

Концептуально новое положение вещей было закреплено в том же году Стратегической концепцией НАТО. А в следующем десятилетии в развитии данной тенденции произошел новый качественный сдвиг — когда в 2001 г. полем военных усилий блока стал Афганистан. Проникло это, как известно, в русло борьбы с международным терроризмом²⁷ и носило легитимный характер, поскольку оппелалось от соответствующих решений Совета Безопасности ООН. Однако был принципиально-новым момент, возникший впервые за время существования блока, — развертывание военной активности далеко за пределами Европы. Исключительные ход и итоги военной операции в Афганистане вновь сделали эту проблему предметом острых дискуссий.

Повидно, что нестабильность способна распространиться за пределы зоны своего зарождения и вызывает желание сутировать ее на дальних полостуях. Однако на практике даже сильнейший в мире военно-политический блок, пользующийся поддержкой стран-членов, может оказаться неспособным справиться с ситуацией в проблемном регионе. Поэтому, когда НАТО нуждается в поддержке или в силу каких-либо причин участникам альянса не удается достичь согласия о проведении

той или иной операции, на первый план могут теоретически выйти структуры, формируемые по линии Европейского союза.

В рамках ЕС, с целью организационного обеспечения Европейской политики в области безопасности и обороны (ЕПБО)¹¹, в 2000 г. были созданы состоящий из начальников Генштабов стран-членов Военный комитет и предоставляющий необходимые экспертные и финансовые оценки в области обороны Военный штаб. При Военном штабе с 2003 г. действует Военно-гражданская группа планирования. Группа обеспечивает координацию деятельности ЕС в целях прогнозирования кризисов и подготовки необходимых превентивных мер и действий по устранению последствий конфликтов. Кроме того, группа должна оказывать содействие при планировании и проведении операций гражданского характера и обеспечивать необходимое взаимодействие гражданских и военных элементов в случаях, когда операции носят смешанный военно-гражданский характер. Экспертные оценки для формирования оборонной политики ЕС также обеспечивает Институт исследования проблем безопасности, дислоцированный в Пармаге. Загляную для решения оборонных задач информацию предоставляет Спутниковый центр ЕС в Торресоне (Испания). Вопросы совместной разработки вооружений ведет Европейское оборонное агентство. За подготовку кадров отвечает Европейский колледж безопасности и обороны.

В соответствии с принятым в 2004 г. решением Европейский союз в осуществлении ЕПБО опирается на создание мобильных формирований, получивших наименование «боевых групп». Каждая из них, численностью около 1500 человек, представляет собой структуру батальонного формата, обеспеченную необходимыми поддерживающими ресурсами. «Боевые группы» могут создаваться либо одной страной — членом ЕС, либо совместно несколькими странами. Они должны быть при необходимости развернуты в течение десяти дней, а быстроту их перемещения в район применения должно обеспечить развитие в рамках ЕПБО потенциала военно-транспортной авиации. Ставование этих структур должно происходить во взаимодействии с развитием появившихся в 2003 г. сил быстрого реагирования НАТО.

Иными словами, в ЕС создана разветвленная инфраструктура многостороннего взаимодействия в вопросах обеспечения безопасности, причем со все более заметной «экологичной» в военно-политическую часть спектра. В ЕС предусматривается и проведение операций гражданского характера. Для этого ставится задача обрести возможность развертывания по линии ЕПБО соответствующих сил и средств в течение тридцати дней. На практике существующие «боевые группы» исполь-

знались пока только в ходе учений, а ряд осуществляемых ЕС военных и полицейских операций реализуется через традиционное делегирование обычных военных соединений странами-членами.

Соотношение усилий в области обеспечения безопасности по линии НАТО и по линии ЕС является объектом внимания стран, участвующих в этих двух организациях. Проблемы возникают из неодинаковой функциональной специфики этих двух структур, как и в связи с разным кругом их участников (хотя многие из них являются членами обеих организаций). Так, некоторые из участников ЕС, не входящих в НАТО, опасались, что активизация военного намерения политики безопасности в деятельности интеграционного объединения угрожает размытанием их нейтрального статуса. Для них нежелательны ни трансформация ЕС в военно-политическое образование, ни его постепенное включение в сферу деятельности НАТО. А с другой стороны, перспективы активизации военно-политического сотрудничества на базе ЕС вызвали беспокойство у приверженцев «атлантического» альянса в военно-политическом сотрудничестве — как неужелюбимое дублирование механизмов НАТО или даже как развитие альтернативной по отношению к альянсу линии. По этой причине сдержанное отношение к планам на сей счет не раз демонстрировали США.

В 2000–2003 гг. была отработана схема взаимодействия НАТО и ЕС, получившая название «Берлин плюс»¹¹. Его основой является возможность использования ресурсов НАТО в операциях ЕПБО, равно как и привлечение к ним не входящих в ЕС стран НАТО. В 2005 г. были достигнуты договоренности о «искрестном представительстве» обеих структур в соответствующих институтах друг друга — в Координации операций НАТО и в Военном штабе ЕС.

Сложность взаимодействия ЕС и НАТО в сфере обеспечения безопасности объясняется в равной мере и самим генезисом двух организаций. Альянс НАТО возник как военно-политический блок, сориентированный на организацию коллективной обороны от внешней угрозы. А Европейский союз обратился к военно-политической тематике лишь в 1990-х годах, причем для него приоритетным остаются иные направления интеграционного взаимодействия. К тому же в отсутствие непосредственной внешней опасности возникает дефицит поддержки в отношении затрат на военные цели — по линии ЕС даже в большей мере, чем по линии НАТО.

И в контексте НАТО, и в контексте ЕС актуальным является вопрос о соотношении индивидуальных и коллективных усилий в плане обеспечения безопасности. Из-за ограниченности ресурсов некоторые страны порой оказываются перед выбором — использовать имеющийся

военный потенциал в рамках НАТО или ЕС либо вообще ограничиться участием в консультациях, воздерживаясь от затратных полевых операций. НАТО и ЕС не «заменяют» оборонные структуры стран-членов, а предназначены для организации взаимодействия их вооруженных сил.

Меняются представления о характере угроз, на которые должны реагировать государства и их многосторонние структуры. В 2003 г. ЕС принял Европейскую стратегию безопасности. В этом документе, содержание которого определялось под влиянием терактов 11 сентября 2001 г., угрозы безопасности увеличивались с терроризмом, распространением оружия массового уничтожения, региональными конфликтами, «несостоявшимися государствами», организованной преступностью. Роль традиционных военных механизмов в решении такого рода проблем не была решающей, в то время как одно из центральных мест должны занимать сотрудничество служб внутренней безопасности и подготовка специальных миссионерских контингентов. Соответственно должны быть скорректированы и формы международного взаимодействия в этой области.

В НАТО поводом для новых дискуссий о роли альянса стало его участие в операции в Афганистане. В 2010 г. в НАТО приняли новую Стратегическую концепцию. В ней акцент был сделан на сочетании традиционных задач блока (коллективная оборона) с ответом на новые вызовы безопасности, а также на необходимости международного взаимодействия в этой сфере.

Россия в 2008 г. поставила вопрос о формировании новой архитектуры европейской безопасности. В 2009 г. она конкретизировала предложение выдвинутом проекте соответствующего договора. Главным аргументом в пользу разработки новых подходов стала неудача существующих механизмов в урегулировании конфликта вокруг Косово и предотвращении войны из-за Южной Осетии в августе 2008 г. В российских предложениях поднималась тема «евроатлантической безопасности» — что, по всей видимости, следует понимать как взаимодействие в трехстороннем формате США—ЕС—Россия в вопросах обеспечения безопасности. Актуальны и задачи поиска адекватных ответов на «нетрадиционные» вызовы безопасности — неконтролируемый наплыв беженцев, международная организованная преступность, незаконные поставки оружия, наркотиков и расщепляющихся материалов, трансграничные экологические проблемы.

Структурная специфика европейского пространства

Современная Европа как часть глобального международно-политического пространства характеризуется двумя принципиальными особенностями. Во-первых, центр тяжести европейского регионального пространства

сменяе в сторону НАТО и ЕС, которые играют в нем консолидирующую роль и объединяют большинство европейских государств. Этот центр выступает как своего рода сдвоенный полюс притяжения и одновременно дуга для европейского развития. Во-вторых, в европейском территориальном ареале есть и другой полюс — образуемый Россией и ее реальными либо потенциальными партнерами.

Нет оснований специально говорить о противопоставлении указанных полюсов. Его проявления возможны по большому счету в форме выдвижения альтернативных позиций по идеологии, принципам организации экономики, способам обеспечения безопасности. Речь может идти, очевидно, об элементах взаимной конкуренции, инерционных тенденциях, ориентированности на самостоятельность и продвижение собственных интересов. Взаимоотношения на таком поле могут выстраиваться в широком диапазоне вариантов — от конфронтационного до кооперативного.

Если и возможны споры о том, насколько правомерно считать НАТО и ЕС ядром региона, то очевидно, что они выступают в качестве важнейших опор в той его части, которая характеризуется высоким уровнем стабильности. Серьезных вызовов безопасности, связанных с развитием внутри пространства ЕС—НАТО, по большому счету не существует. В то же время страны-участники располагают значительными возможностями, чтобы противостоять возможным внешним угрозам (возможное нападение). Но и угроза такого рода в обозримой перспективе не просматривается.

Ключевое значение имеет способность европейских стран эффективно решать внутренние задачи: осуществление структурной адаптации, проведение эффективной социально-экономической политики, поддержание конкурентоспособности экономики. Разные страны используют разные методы. Некоторые из них могут иметь высокую цену, которую не все готовы — или в состоянии — платить (за поддержание сбалансированного бюджета или обеспечение дорогостоящих программ социальной защиты). Неудивительными могут оказаться и результаты. Отсюда определенная неоднородность пространства ЕС—НАТО, его мозаичность.

Играют роль и иные обстоятельства — неодинаковое положение тех или иных стран в системе мировых координат, особенности их исторической эволюции, традиции внешнеполитического и стратегического мышления¹². В результате в территориальном ареале ЕС—НАТО складываются структурные сегменты, которые не имеют четких очертаний и могут возникать *de facto*, вне юридически договоренностей, согла-

шений, заявлений о намерениях. Например, на исходе 1990-х годов в аналитике и на политическом уровне стали различать «новую Европу» и «старую Европу». В первом случае имелись в виду вступающие в ЕС и в НАТО бывшие участники Варшавского договора и некоторые бывшие республики СССР. Они нередко проявляют признаки «новообращенных» — чрезмерной энтузиазма и рвения, излишнюю прямолинейность, демонстративную лояльность США и вызывающий остатитизм в отношении России. Такое поведение выглядело совершенно неуместным в глазах «старой Европы», к которой относят прежде всего «ядро ЕС», но также и многих других участников ЕС и НАТО со стажем. Более опытная, умеренная и способная к широкому пространственному и временному видению «старая Европа» склонна к более сбалансированному и повзрослому внешнеполитическому поведению, без экзальтированного возмущения в отношении США и без задорного разоблачительского критцизма в отношении Москвы.

Разделение на «старую Европу» и «новую Европу» не было никак оформлено, однако оно не носило и чисто метафорического характера. «Новообращенные» с Востока принесли в повестку для ЕС и НАТО свои исторические обиды и комплексы в отношении России. Хотя Москва отчасти преувеличивала негативное влияние этого обстоятельства, оно внесло свой вклад в общее нарастание напряженности между Россией и указанными двумя структурами. Не раз возникали и ситуации, когда при обсуждениях в ЕС и НАТО конкретных аспектов взаимоотношений с Россией «старая Европа» оказывалась ближе к Москве, чем к позиции стран «новой Европы»¹⁶.

В ЕС внутренняя структуризация выражается в формировании как минимум двух пространств, конфигурация которых не совпадает с формальными контурами этого интеграционного объединения¹⁷. Во-первых, речь идет о Шенгенском пространстве¹⁸, в рамках которого отменен пограничный контроль между государствами-участниками и введены единые визовые правила в отношении внешнего мира. Оно не распространяется на некоторых членов ЕС (Великобританию и Ирландию), зато включает в свой состав государства, не входящие в интеграционное объединение (Норвегию, Швейцарию, Исландию). Во-вторых, в пространстве единой европейской валюты — зоне евро¹⁹ — с самого начала отказались участвовать Великобритания, Швеция и Дания. Присоединение к зоне евро новых членов ЕС не является автоматическим и требует выполнения определенных условий бюджетного и валютно-финансового характера.

В ЕС одной из серьезных проблем стала внутренняя дифференциация по социально-экономическим показателям, которая усугублялась

по мере возрастания числа участников интеграционного объединения и обострилась вследствие последнего раунда расширения в 2004–2007 гг. Многие вступающие в ЕС государства по параметрам социально-экономического развития в несколько раз уступали среднему по ЕС уровню. Это сказалось на достоянии ЕС и породило проекты «разноскоростной интеграции». Традиционным возражением против них был аргумент о несостоятельности структурного раскола.

Но на исходе 2000-х годов ЕС оказался перед вызовом финансовой несостоятельности некоторых входящих в него стран. Их объединили под не слишком эпатирующей на английском языке аббревиатурой *PIGS* (Португалия, Ирландия, Италия, Греция, Испания). Таким образом, можно говорить о выделении внутри Евросоюза пространства повышенного риска, которому грозит финансовый крах и которое ставит более устойчивые страны, равно как многосторонние структуры ЕС в целом, перед необходимостью спасения партнеров. Иллюстрацией в этом плане стали в 2010 г. ситуация в Греции. Евросоюзу предстояло либо выступить первопродолжителем разрешения финансового кризиса на коллективной основе, либо согласиться с тем, что мир окажется свидетелем разрушительных последствий безответственной социально-экономической политики.

По параметрам международно-политической стабильности в европейском ареале выделяется пространство «Балканы—Юго—Восточная Европа (ЮВЕ)». Войны на территории бывшей Югославии продемонстрировали наличие в кризисном потенциале территориального размежевания по этноконфессиональным основаниям. Общая усталость от войны в сочетании с международными широтворческими усилиями способствовали установлению относительного спокойствия в регионе. Однако возможность новых всплесков конфликтноопасного развития исключать не приходится.

Наиболее серьезным его источником может стать проблема Косово, если по этому вопросу не будет найден приемлемый *modus vivendi* с участием Сербии. Еще один возможный сценарий дестабилизации — коллапс политического режима в какой-либо из стран региона (как это произошло в 1997 г. в Албании).

Можно ли купировать такого рода угрозы, выдвигая эту зону потенциальной нестабильности в структуры, которые, как ожидается, будут генерировать социально-экономическое благополучие, — в ЕС и НАТО? С принятием в НАТО Хорватии и Албании в 2009 г. начался процесс освоения этим блоком балканского пространства. Всеми странами региона провозглашается цель вступления в ЕС. Однако на другой чаше весов — высказываемые и в ЕС, и в НАТО скептические оценки эти-

пухшей стратегия расширения этих структур²⁰. Для них самих в результате могут возникнуть не столько новые возможности, сколько новые проблемы. Не гарантировано и благотворное влияние посольного членства в интеграционном сообществе и/или военно-политическом альянсе на проблемы региона.

На этот счет в Юго-Восточной Европе остраготовидный опыт. Речь идет о Греции, Турции и Кипре. Хотя участники этого треугольника входят как в НАТО (Греция и Турция), так и в ЕС (Греция и Кипр), имеющиеся в нем линии напряженности сохраняют серьезный характер. Особых перспектив их сглаживания не просматривается. Правда, может быть полезен аргумент доказательства от обратного: из-за того, что Турцию не собираются принимать в ЕС²¹, она чувствует себя «отстраненной от Европы», и в результате возникают ограничения в плане влияния на развитие этой страны и ее политику с европейского направления.

При всем драматизме событий в Юго-Восточной Европе после распада Югославии на них можно посмотреть под углом зрения обретения международным сообществом позитивного опыта. Балканы стали испытательным полигоном для развития механизмов внешнего вовлечения с целью урегулирования конфликтов и принуждения к миру. Достигнутые результаты противоречивы, однако войны были остановлены. Стоит отметить возникший на этой почве первый опыт реального сотрудничества между Россией и НАТО.

Важной структурной особенностью европейского пространства является организация взаимодействия ЕС и НАТО с окружающим миром. Оно реализуется разными способами — как «проецирование силы», через вовлечение новых членов, путем развития взаимосвязей с внешними контрагентами. Для НАТО такой ориентированный воле политик реализуется в программе многостороннего взаимодействия с третьими странами «Партнерство ради мира», которая развивается с 1994 г. Она, в сущности, сформировала в европейском международно-политическом арсенале структурное подпространство «НАТО плюс». Оно не стало постоянным внешним контуром, поскольку немало участвовавших в нем государств со временем переместились в лонно альянса. Особняком стоят специальные двусторонние форматы сотрудничества (такие, как Совет Россия—НАТО²²). Альянс выстраивает партнерские отношения и со странами за пределами Европы — Австралией, Японией, Южной Кореей. Наконец, существуют идеи трансформации НАТО в глобальный «союз демократий», но они далеки от воплощения.

Европейский союз осуществляет взаимодействие с внешним миром с использованием широкого набора экономических и политических инструментов. Важным нововведением, которое вводится в жизнь вступающим в

олу в 2009 г. Лиссабонским договором, является создание единой Службы внешней деятельности ЕС — некоторого подобия министерства иностранных дел на уровне интегрированного объединения. Если эффективность указанной службы будет высока, возможности ЕС в плане реагирования на вызовы глобального характера расширятся.

Важным направлением ориентированной во вне деятельности ЕС является его линия на формирование благоприятной внешней среды в своем непосредственном окружении. «Политика добрососедства»²⁸ была расширена в 2003 г. и нацелена на две группы стран — составляющие «оконное предполье» ЕС и расположенные на территории бывшего СССР. Задача состояла в том, чтобы стимулировать в них процессы, которые бы уменьшали угрозу дестабилизации и пограничье ЕС и вместе с тем отодвигали бы присоединение указанных стран к интеграционному сообществу²⁹. Последнее обстоятельство вызвало у некоторых кандидатов на присоединение к ЕС ощущение, что к ним относятся как к «пассажирам второго класса». В их восприятии «политика добрососедства» означала не формирование привлекательных отношений с ЕС, а дискриминацию и возведение барьера на пути к возможной интеграции в него.

В дальнейшем линия на формирование углубленных отношений с ближайшими соседями была модифицирована. Одной ее ветвью стал курс на образование Средиземноморского союза (2007–2008 гг.), другой — политика «восточного партнерства» в отношении бывших советских республик (2008–2009 гг.). В обоих случаях можно было говорить как об инициативе, исходящей от ЕС, так и о линии на структурную организацию части «европейского территориального ареала и/или прилегающих к нему пространств по формуле «ЕС плюс». Пространство Средиземноморского союза предполагалось создать на базе всех нынешних и возможных участников ЕС, а также еще десяти стран Средиземноморья. В пространстве «восточного партнерства» собиралось включить трех участников СНГ (Украину, Белоруссию и Молдавию) и государства Закавказья (Азербайджан, Армению, Грузию)³⁰.

В последнем случае, вероятно, можно говорить о структурировании пространства бывшего СССР. Это одна из важных новелл международно-политического развития. Сторожем этого пространства является Россия, и протеканию на нем процессов касается ее откровенней как с ближайшими соседями из числа бывших республик СССР, так и с западными странами. Ареал постсоветского пространства выходит далеко за пределы Европы (если иметь в виду и Закавказье, и Центральную Азию, и большую часть территории самой России). Иными словами,

структуризации европейского международного политического пространства в данном случае происходит через формирование более широкого по территориальным параметрам образования.

Другой пример такого — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Эта структура как по кругу участников, так и по территориальному ареалу охватывает не только европейские страны, но и Закавказье, Центральную Азию и Северную Америку²⁶. В оценке ее реальной роли и потенциала преобладают скептические мотивы. Однако возможность вернуть ей востребованность существует. ОБСЕ имеет многопрофильный характер, обладает опытом многостороннего взаимодействия между широким кругом стран.

В европейской территориальной ареал включается и Совет Европы. В него входят все европейские государства, а членство неевропейских государств не предусмотрено. Совет Европы играет важную структурообразующую роль в рамках европейского пространства в плане консолидации его демократической составляющей. По этой проблематике могут возникать идеологические и концептуальные разногласия — что регулярно приводит к международно-политическим коллизиям. Есть и другие издержки — например, в связи с возникающими импульсами к проведению пропагандистских баталей. Но роль данной организации как структурного элемента европейского международно-политического пространства следует признать значимой²⁷.

В Европе, как отмечалось, возникают и субрегиональные модели меж- или трансгосударственного взаимодействия. Такое, конечно, создаст эффект фрагментарности пространства Европы²⁸. Вместе с тем структуризация регионального пространства на уровне ниже панъвропейского может способствовать формированию в нем более жизнеспособных сегментов, ориентируя участников на решение конкретных проблем через развитие многостороннего сотрудничества.

Участие России в структуризации европейского политического пространства происходит по нескольким направлениям. Во-первых, Россия стремится преодолеть тенденцию консолидации этого пространства *вокруг* НАТО и ЕС. В Москве считают, что такая тенденция затекает идеологические и международно-политические интересы России, может негативно сказаться на ее безопасности. Прямые попытки противодействовать двум раундам расширения НАТО²⁹ оказались безуспешными. Но во второй половине 2000-х годов, когда в повестку дня был поставлен вопрос о вступлении в НАТО Украины и Грузии, российская реакция оказалась на порядок более болезненной. Москва довела до западных стран сигнал о своей решимости энергично противодейство-

вать расширению. В результате вопрос приема Украины и Грузии был отложен. Свою роль в этом сыграл и вооруженный конфликт вокруг Южной Осетии в августе 2008 г.

Во-вторых, параллельно проводится линия на развитие сотрудничества с ЕС и НАТО. Эта линия не всегда выдерживала последовательность, и сама необходимость курса на сотрудничество была предметом внутривнутриполитической полемики¹⁷. Тем не менее в 2009 г. был поставлен вопрос об активизации деятельности Совета Россия—НАТО и внешнеполитическом сотрудничестве. Стал активнее диалог о взаимодействии в связи с положением дел в Афганистане. В отношениях с ЕС акцент по-прежнему состоял в обновлении договорно-правовой основы взаимоотношений — подписании нового Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, в обмен прежнего, срок действия которого истек в 2007 г. Не сбит с обсуждения и вопрос о реализации проекта «четыре пространства», который стороны пытаются заполнить конкретным содержанием с 2005 г.

В-третьих, Россия заинтересована в формировании вокруг себя международно-политического поля формального и неформального притяжения для близкого расколоченных государств. В этом смысле наиболее заметным результатом можно считать главным образом ЕврАзЭС с присутствием ему акцентом на прагматике почти исключительно экономического сотрудничества ограниченного круга явно заинтересованных в нем «постсоветских» и неевропейских государств (Россия, Казахстан, Белоруссия, Киргизия и Таджикистан), а также «примыкающих» в роли наблюдателей Украины, Молдавии и Армении. Возможно, границы этих стран и определяет со временем контуры того, что внутри европейского пространства можно будет назвать предлом «Россия плюс».

Примечания

¹ Соглашение Европейской комиссии о защите прав человека и основных свобод (открыто для подписания в 1950 г.) и протоколы к ней, среди прочих государства должны обеспечивать гражданам право на жизнь, защиту от пыток, рабства, принудительного труда, дискриминации, личная свобода от долга, высылки граждан и коллективной наказания иностранцев, светской власти, право на свободу личную неприкосновенности, уважение частной жизни, участие в браке, право на справедливое судебное разбирательство, наказание — только по закону, право на правовую защиту, свободу мысли, совести и религий, свободу собраний и объединений, защиту собственности, право на образование, право на свободные выборы, свободу передвижения.

² Франко-прусская война 1870—1871 гг., Первая мировая война 1914—1918 гг., Вторая мировая война 1939—1945 гг.

³ Рассчитано по: The World Economy: Historical Statistics. OECD. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.theworldconomy.org/statistics.htm>

⁴ Методы не претерпели по EC. Shift in World Economic Power means a decade of seismic change. PriceWaterhouseCoopers. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pwc.com/us/en/pwcc-releases/2010/Shift-in-World-Economic-Power.jhtml>.

⁵ См. The World at Six Billion. The United Nations, 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/en/population/publications/worldat/sixbillion/sixbillionpart1.pdf>; Definition of major areas and regions. The United Nations. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://esa.un.org/unpp/definition.html#Europe>. Цифры по Европе включают данные по России и не включают данные по Турции. Definition of major areas and regions. The United Nations. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://esa.un.org/unpp/definition.html#Europe>.

⁶ *Handbook of The World in 2009*. PriceWaterhouseCoopers, 2009. P. 14–15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pwc.com/en_CX/gx/world-2009/pdf/world2009handbookgoconomics.pdf.

⁷ Почти десятилетний пример на этот счет – политика Франции относительно увеличения доли на Ближнем Востоке, в которой Парламент прилагается учитывать фактор увеличения в стране значительного количества мусульман из числа иммигрантов не только первого, но также и второго-третьего поколений.

⁸ *Country Comparison. GDP per capita (PPP)*. The World Fact Book, CIA. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/html/2004rank.html>.

⁹ *Expenditure on R&D. OECD Factbook 2008. Economic, Environmental and Social Statistics*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1787/ebo-2011338-cl-62/iso-4/eng/factbook/070604-g3.htm>.

¹⁰ *Trade by region*. WTO. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wto.org/english/sectors/statistics/t/2003_e/03_tradebyregion_e.pdf.

¹¹ НАТО была создана в 1949 г. девятинадцатью странами: США, Канадой, Великобританией, Францией, Италией, Бельгией, Нидерландами, Люксембургом, Португалией, Данией, Норвегией, Исландией. В период холодной войны в организацию присоединились Греция и Турция (в 1952 г.), ФРГ (в 1955 г.), Италия (в 1959 г.). После выхода международной системы из bipolarной конфронтации число членов НАТО возросло до 28 – за счет Испании, Чехии и Венгрии (в 1999 г.), Словакии, Словении, Латвии, Литвы, Эстонии, Румынии и Болгарии (в 2004 г.), Хорватии и Албании (в 2009 г.).

¹² Борьба с международным терроризмом стала приоритетной темой международной сотрудничества после событий в США 11 сентября 2001 г., когда объектом нападения террористов, вызвавшего многочисленные жертвы, стало небогородца Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и здание Пентагона в Вашингтоне.

¹³ *European Security and Defence Policy (ESDP)*.

¹⁴ Наименее связано со историей министерство иностранных дел НАТО в Берлине в 1998 г., где было решено укрепить евроатлантическую связь альянса.

¹⁵ К примеру, Париж с избранном на пост президента Н. Саркози, оказался бы, вероятно закрыл тему френдоамериканского отношения Франции к США и ее «особого статуса» в НАТО – но влияние этих политических мотивов на дипломатическую деятельность обнаруживается и сегодня.

¹⁶ В качестве одного из примеров на этот счет можно привести обращение на session министров иностранных дел стран НАТО в Таллинне в мае 2010 г.: Франция впервые заявила об намерении американского тактического ядерного оружия на Европе, тогда как «наши» члены альянса «определили эту тему критично».

¹⁷ На исходе 2003-го гг. Европейский союз насчитывал 27 стран-членов. К пятому в 1953 г. шестью странами – Францией, Германией, Италией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом – евроатлантическому интеграционному процессу со временем присоединились новые государства: в 1973 г. – Великобритания, Ирландия, Дания, в 1981 г. – Греция, в 1986 г. – Испания, Португалия, в 1995 г. – Австрия, Швеция, Финляндия, в 2004 г. –

Польша, Чехия, Венгрия, Словакия, Словения, Литва, Латвия, Эстония, Кипр, Мальта, в 2007 г. — Румыния, Болгария.

¹⁹ Первоначально участниками соглашения об унификации правового и экономического режима, подписанного в 1986 г. в Шенгене (Люксембург), были пять стран — Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Франция и ФРГ. По Амстердамскому договору (1997 г.) Шенгенское пространство было официально интегрировано в ЕС.

²⁰ В Карлову в 2005 г. вступили Франция, Германия, Италия, Польша, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Ирландия, Греция, Испания, Португалия, Австрия, Финляндия, Словакия, Словения, Кипр, Мальта.

²¹ Например, вступлению в Европейский союз требует соответствия «экономическим критериям», в число которых входят фундаментальные демократические институты, обеспечение законности и соблюдение прав человека и прав меньшинств, мера по развитию экономики и гармонизация законодательства законодательства с практикой в ЕС (оригинал). На оригинале термин о соблюдении или несоблюдении указанных критериев страной-кандидатом может выноситься с учетом политической целесообразности. Некоторые из стран, вступивших в ЕС на фоне расширения 2000-х годов, явно не соответствовали параметрам членства в полной мере.

²² Страна, вступившая (на крайний случай, на уровне политической элиты) вопреки европейским правилам игры, но не отказывающаяся от исполнения кортик, является членом ЕС представляется чужеродной.

²³ Сформирован в 1992 г. Совет Россия—НАТО (СРН) объединил страны НАТО и Россию в случае возможной мобилизации на сотрудничество. Предполагалось, что страны НАТО и СРН не станут выступать с согласованными заявлениями, предостерегая Россию против или опровергая уже сформированную точку зрения, а будет выработать подходы к существующим проблемам вместе с Россией на равных. Россия считает, что в практике СРН этот принцип соблюдается далеко не всегда.

²⁴ European Neighborhood Policy (ENP).

²⁵ Европейский союз испытывает «усталость от расширения» и не склонен его форсировать. Наоборот, в интеграционном объединении преобладают настроения в пользу того, чтобы восстановить точку в процессе территориальной экспансии (или обозначить его предельные границы, за которые ЕС выходить не будет, — к примеру, согласиться с коллективным предостережением «ближнего зарубежья» расширения и одновременно объявить его нежелательным).

²⁶ Принадлежность трех государств Закавказья к Европе не соответствует географической традиции. Политически и с точки зрения политики это обозначается участием этих государств в ОБСЕ и Совете Европы (тоже, шажок).

²⁷ Возможность этой структуры возникла в начале 1970-х годов, в 1985 г. она официально обрела статус организации. Ее членами являются 34-стран, в том числе новозеландские — США, Канада и страны Центральной Азии.

²⁸ В составе Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) входят представители национальных парламентов, считается, что они более и в прошлом избирательнее, чем правительственные бюрократы или международные чиновники, заседающие в традиционных межгосударственных структурах.

²⁹ Это, например, произошло с Визegradской группой, починив которой оказались практически сведенными на нет в свете вступления всех ее членов — Польша, Чехия, Венгрия и Словакия — в НАТО и ЕС.

³⁰ В 1999-м году в НАТО вступились бывшие союзники СССР во Центрально-Восточной Европе (Польша, Чехия, Венгрия). В 2004-м году в НАТО вступили еще семь стран, в том числе три бывшие советские республики (Латвия, Литва, Эстония).

³¹ Под названием главным образом ставилась целесообразность такого курса и отношения НАТО, ЕС и других институциональных структур к проблеме безопасности — а иногда предлагался и как альтернативная альтернатива НАТО-центризму.

Список рекомендуемой литературы

Зверский А. В., Зинин М. В. Зачем уходить из ОБСЕ? // *Россия в глобальной политике*, 2008, №4.

Расширение Европейского Союза в Россию / Под ред. О. В. Бутариной, Ю. А. Барка. М.: Деловая литература, 2006.

Саймонска Д. Федералистское будущее Европы. От Европейского сообщества до Европейского союза. М.: РГГУ, 1998.

Справочник НАТО. Брюссель: НАТО, 2006.

Шинков В. Мечты о Европе. Европа с XIX века до рубежа третьего тысячелетия. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

Шоляченко В. Г. Европейская интеграция: Учеб. пособие. М.: Международные отношения, 2003.

**СТРУКТУРИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА В ПОЯСЕ «НОВОГО ПЕРИМЕТРА»
ГРАНИЦ РОССИИ**

Вопрос развития политического пространства по периметру границ России тесно связан с ее стремлением перевести свой международный статус из разряда региональных на уровень крупнейших мировых держав. Ключевой задачей анализа этих тенденций является стремление понять, что представляют собой основные проблемные узлы международных отношений в этом политико-географическом формате.

Политические трансформации на пространстве постсоветского зарубежья России получили отражение в эволюции терминологии, используемой для обозначения региональных комплексов с момента распада СССР как на официальном, так и на экспертном и даже бытовом уровнях.

Для начала и первой половины 1990-х годов в российском и зарубежном политическом дискурсе характерно использование терминов «ближнее зарубежье» и «новые независимые государства» для обозначения государств, образовавшихся на пространстве бывшего Советского Союза. Оба термина отражают, с одной стороны, некоторую разнородность в характеристике союзных республик, получивших государственную независимость, с другой — их принадлежность ко все еще единому количественному, экономическому и культурному пространству.

Примерно с середины 1990-х годов на смену этим терминам приходит более широкое рамочное формулирование «постсоветское пространство» и «государства СНГ». К территориям, определяемым первым из этих терминов, относили государства Прибалтики, которые не были участниками Содружества Независимых Государств и стремились отмежеваться от советского наследия. Сохранившийся некоторое время акцент на аспектах, все еще объединявших все рассматриваемые государства, определил постепенное «отставание» терминов от реалий разноформатной, разноскоростной и разнонаправленной интеграции на пространстве бывшего СССР. Малочисленные государства все более самостоятельно стали устанавливать необходимую для них дистанцию от России.

К середине 2000-х годов этот разрыв стал очевиден, но его преодоление было затруднено по причине отсутствия готовых формулировок, которые могли бы адекватно отражать существующую ситуацию. В западном экспертном сообществе предпочли вернуться к терминологии

«новых независимых государств». Однако обоснованность этого термина вызывала сомнения, поскольку с момента получения этими государствами независимости прошло около 20 лет. Для российского политического дискурса было характерно доминирование нейтральных определений — «приграничные государства», «перубские». Однако эти формулировки не вполне отражали специфику отношений на пространстве бывшего Советского Союза, указывая на незавершенность перехода соответствующих стран от положения «просто бывших частей» некогда большой и единой державы к позиции «полностью самостоятельных» государств.

Основные векторы развития и комплексы ориентаций на пространстве бывшего Советского Союза

Ключевой характеристикой, определяющей векторы развития постсоветского пространства, является поиск новыми независимыми государствами по периметру России привлекательного интеграционного ядра. Очевидно, что их автономное развитие невозможно в условиях глобальной тенденции к обложению экономических и политических региональных комплексов. Для большинства стран нового периметра России характерно осознание собственной периферийности по отношению к ней и стремление найти новый системобразующий центр.

При этом ряд стран этой группы активно стремится «обратить» «пограничность» своего нового геополитического положения («маргинальность» — *marginality* — по историческому словоупотреблению некоторых авторов). Имеются в виду попытки сделать географически промежуточное положение некоторых молодых государств (между Россией и ЕС, отчасти между Россией и Турцией и т.п.) основой международно-политической идентичности и даже более международно-экономической ориентации. Это полностью относится к странам Прибалтики. В этом ключе в значительной степени строится логика внешней политики Украины (ее фактический статус «транзитной страны» с точки зрения поставок российских энергоносителей на Запад). Подобные тенденции характерны для Грузии и, в меньшей степени, для Белоруссии¹.

Обретение новой внешнеполитической идентичности окрашено рядом характерных черт. Во-первых, за последние два десятилетия территория «нового периметра» границ России стала зоной, открытой для всех видов деятельности транснациональных игроков. Притязания России на особую роль воспринимаются как необоснованные. Новые независимые государства зачастую оказываются перед необходимостью выбора между конкурирующими моделями интеграции в Евросоюз или СНГ.

Однако политика доверования и игры на конкуренции не вполне освобождает молодые государства от роли порубежья России. Существуют факторы, которые предопределяют определить взаимозависимый характер отношений между «лимитрофами» и Россией. В первую очередь это экономическая зависимость, а шире — взаимозависимость — от транзита энергоносителей. Немаловажным фактором остается проблема русского населения вне России и даже общего исторического наследия как до советской, так и советской эпохи.

Дополнительную сложность процессам внешнеполитического самоназначения придает проблема регионализации. Возникнув во многом в результате советской политики этнического размежевания 1920—1930-х годов и изменений границ после Второй мировой войны, новые независимые государства испытывают объективные трудности при формировании региональной идентичности. На сегодняшний день в политическом лексиконе устоялись более или менее устойчивые формулировки для разделения стран бывшего СССР по региональному принципу: государства Прибалтики; западные новые независимые государства (Украина, Белоруссия, Молдавия); страны Закавказья; государства Центральной Азии.

И ни один из этих «условно-политических» субрегионов — за исключением, пожалуй, Прибалтики — не имеет как четких внешних географических рубежей, так и достаточно мощные внутренние интегрирующие факторы. Напротив, внутри ряда названных выше зон существуют более или менее жесткие деструктивные противоречия.

Украину, Белоруссию и Молдавию не связывает ничего, кроме сложного положения между Россией и Европейским союзом. Существующий комплекс конфликтов и противоречий в Закавказье — это единственное, что заставляет рассматривать три страны в своем друг с другом. Между Грузией, Арменией и Азербайджаном не существует устойчивых трехсторонних торгово-экономических связей, они придерживаются различных внешнеполитических ориентиров, но международные отношения в этом условном регионе оказывают существенное влияние внешние факторы (тесные связи с российским Северным Кавказом, турецкая составляющая в отношениях с Ираном и Турцией).

Центральная Азия является более целостным субрегионом с точки зрения внешних географических ограничений. Однако состояние отношений между пятью государствами, различный уровень их экономического и политического развития, различное отношение к интеграции на пространстве СНГ не позволяет рассмотреть Центральную Азию как сформировавшийся международно-политический регион². Заметно разрастающаяся «связка» развития Таджикистана, Узбекистана, Аф-

Гиндана и Пакистана еще более осложняет определение параметров регионализации в этой части мира.

Внешнеполитические стратегии новых независимых государств в российском зарубежье определят на региональной границе, а их отношения к России. По этому признаку очевидно разделение на три группы: страны, активно отторгающие преференциальные отклонения с Россией (Прибалтика, Грузия, частично Украина); государства, стремящиеся частично сохранить специфику связей с Москвой при сохранении свободы внешнеполитического маневра (Молдавия, Азербайджан, Узбекистан, Туркменистан, Киргизия, Таджикистан); страны, согласные с принадлежностью к адрам ориентированным на Россию интеграционных процессов (Казахстан, Белоруссия, Армения).

Возможности формирования политического пространства нового российского зарубежья

Процессы, которые в России принято анализировать через призму интеграции на пространстве бывшего СССР, начались с центробежных тенденций в рамках бывшего единого государства. Борьба за власть между республиканским и союзным руководством в конце 1980-х годов закончилась образованием с сентября по декабрь 1991 г. пятнадцати независимых государств. Оказывая необходимость поддержания общего экономического, транспортного, военного пространства, одиннадцать из них (кроме прибалтийских стран и Грузии) подписали Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. Констатация в документе «прекращения существования СССР» и намеченные в учредительных документах СНГ инструменты координации для решения проблем, остро вставших в условиях распада Союза, позволили приступить к осмыслению условий, перспектив, форм и сроков превращения бывших союзных республик в «обычные» суверенные государства.

Первый этап существования СНГ (1991–1993) характеризовался настроением на формирование уставных органов Содружества, целью которых было сохранить сотрудничество между его членами. Общим фоном институционального строительства были сильные центробежные тенденции. Асинхронно начавшиеся экономические реформы во всех бывших советских республиках вели к постепенному выхождению векторов внешнеполитических связей, попыткам найти привлекательных экономических партнеров за пределами пространства бывшего СССР. Апогеем дезинтеграционных процессов в экономической сфере стал распад единой рублевой зоны в 1993 г. С образованием к 1993 г. национальных вооруженных сил завершился распад единого военно-промышленного комплекса.

Завершение активной фазы дезинтеграционных процессов стало началом нового этапа, который можно охарактеризовать как период стабилизации (1994–2000). Формирование анциклопедической идентичности новых государств, отказ от незначительной идеи «глубокой» координации многонациональной деятельности и сохранения единого экономико-хозяйственного комплекса привели к пониманию целесообразности сотрудничества на межгосударственном уровне в интересах взаимовыгодного сохранения зоны бы чьих преференциальных связей и решению реально острых экономических и военно-политических проблем. На этом этапе впервые применительно к пространству СНГ стали употребляться термины «разноскоростная и разноформатная интеграция»¹.

Специфика «контротрофию-порубежного» характера новых независимых государств делала процессы стабилизации пространства зависимыми от импульсов со стороны России. Последняя была заинтересована не только в сохранении СНГ как сферы своих приоритетных интересов, но и в стабильности своих границ, прежде всего на Кавказе и в Центральной Азии.

Для поддержания приемлемого уровня экономического развития стран СНГ Россия располагала специфическими ресурсами: от обеспечения дотационных цен на экспортные товары до сохранения особых условий для свободного перемещения рабочей силы в Россию и капитала из нее. Определяющей стала логика «интеграции выживания»².

В значительной степени специфику порубежности передают международные отношения вокруг межэтнических конфликтов на постсоветском пространстве, выходящих в войны на фоне распада СССР. Неуправляемые первоначально, к середине 1990-х годов они были переведены в фазу «замороженности».

В поддержании относительной стабильности в зоне конфликтов ключевую роль играла Россия, в силу нежелания и невозможности на тот момент эффективного участия в процессах урегулирования других (интеррегиональных) игроков. В 1994 г. вступил в силу подписанный двумя годами ранее Договор о коллективной безопасности, в целях которого помимо создания оборонительного сообщества девяти государств-участников³ вводили и вводили по урегулированию конфликтов на их территориях. Недовольство заинтересованных стран результатами деятельности Договора привело к тому, что в 1999 г. Азербайджан, Грузия и Узбекистан вышли из ДКБ.

Численность российских миротворческих контингентов постепенно сокращалась, несмотря на отсутствие реальной силы для их замещения. Присутствие российских войск в странах СНГ становилось пред-

метом властников в международных организациях, основанном для уроков России в попытках реализации «неоимперских амбиций».

К началу 2000-х годов стали очевидны две дополняющие друг друга тенденции: нежелание государств СНГ принять доминирующее положение России и отсутствие альтернатив во внешнеполитических курсах, с одной стороны, и нехватка у России средств и политической воли, чтобы убедить их в обратном, — с другой. С этого времени фокус внимания политиков и специалистов стал переключаться на возможности надать в СНГ не всеобъемлющее, а «избирательное» сотрудничество интеграционного типа. Речь шла об избирательности в выборе партнеров по интеграции и сферам ее приоритетного развития.

Несмотря на значительные трудности в конце 1990-х годов, Договор о коллективной безопасности был преобразован в Организацию (ОДКБ) в 2001 г. и получил новые стимулы для развития при более сбалансированном составе участников с точки зрения их международных ориентаций.

Тенденция к выравниванию экономико-политического институционального развития на фоне взаимной заинтересованности и сотрудничестве в ряде ключевых областей сделала наиболее перспективной для интеграционного обложения организацию Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Программные документы ЕврАзЭС в качестве главной цели постулируют формирование единого экономического пространства. Однако специфика экономических связей обуславливает существование в рамках одной организации разных режимов сотрудничества. Локомотивом выступают Россия, Казахстан и Белоруссия, которые подошли к созданию Таможенного союза, присоединение к которому остальных стран-участниц в принципе возможно по мере их готовности.

Наиболее «броский» проект политической интеграции — создание Союзного государства России и Белоруссии, — задуманный во второй половине 1990-х годов, сохраняет определенные стимулы для реализации благодаря конвергенции экономических систем стран-участниц. Если в момент подписания уставных соглашений идеология Союзного государства форсировала события, то в 2000-х годах они перешли на прагматические позиции.

Категория сотрудничества и механизмы переговоров

Сочетание центробежных и центростремительных тенденций нашло свое отражение в переговорных практиках. При этом на всех уровнях сотрудничества можно отметить специфические черты, присущие по-

литике государств СНГ. Их классификация возможна и на основе статуса участия в механизмах сотрудничества. Наиболее активную группу представляют полноценные универсальные участники интеграционных процессов (Россия, Казахстан, Белоруссия, Киргизия, Таджикистан): государства, заинтересованные в углубленном сближении с Россией, страны — двигатели ключевых инициатив. Это Армения, активно включенная в механизмы оборонного сотрудничества, но не включенная в процессы экономической интеграции.

Позицию остальных стран можно характеризовать как официальных, или фактических, наблюдателей. К числу первых относится государство—участник (но не член) СНГ* — Молдавия, Украина и Туркменистан. Они частично включены в процессы разноскоростной интеграции. Фактическими наблюдателями, соблюдающими лишь формальные процедуры участия, можно считать Азербайджан, Грузию и Узбекистан (после того как в октябре 2008 г. он объявил о приостановлении своего членства в ЕврАзЭС).

Наиболее широкой рамкой взаимодействия являются ежегодные саммиты глав государств и правительств стран СНГ. Целью этих встреч является не обсуждение проблем интеграционных процессов, а, скорее, профилактика разногласий. Показательно, что даже в моменты обострений двусторонних отношений лидеры «недовольных» государств не отказывались от посещения многосторонних встреч в этом формате. Нейтрализующую функцию саммитов дополняет их роль по поддержанию психологического климата историко-культурной общности пространства Содружества.

Наметился поворот СНГ к решению практических вопросов, вызывающих общую озабоченность. В основном это меры по интегрированию экономического, транспортного и образовательного пространства на основе осуществления конкретных проектов.

География мероприятий СНГ (почти все страны-участницы принимали у себя те или иные встречи) и разносторонность программ сотрудничества говорит об интересе к сотрудничеству. Объявившая о своем выходе из Содружества Грузия формально сохранила свое членство до августа 2009 г., заявила о намерении и в дальнейшем соблюдать договоры и соглашения, подписанные в рамках СНГ. Туркмениция является ассоциированным членом СНГ с 2006 г. При этом она сохраняет свой официальный статус нейтрального государства⁷. Существенным моментом является общая «прагматизация» деятельности СНГ, которая во многом отражает рост прагматизма внешнеполитических концепций России, Казахстана и некоторых других государств⁸.

Проблема экономического сближения

Комплекс проблем экономического сближения может быть рассмотрен через призму анализа эволюции межгосударственных экономических отношений. Характерные для первой половины 1990-х годов сдвиги на опыт западноевропейской интеграции заложили основы для неадекватного видения ситуации в российском зарубежье, которую отличает кардинально иное соотношение центростремительных и центробежных тенденций. На момент создания Содружества происходили процессы разрушения старого интегрированного хозяйственного комплекса. Вместе с тем даже сегодня в СНГ собрано пространство общеглобального рынка труда и социально-культурная общность, к достижению которой Европейский союз только стремится.

Изначально прозрачные границы способствовали развитию тесного и достаточно эффективного трансграничного сотрудничества, которое со временем стало основой для межгосударственных интеграционных инициатив. В первую очередь это касается российско-белорусских и российско-казахстанских отношений.

Сложившаяся в эпоху СССР система вертикальных экономических связей до сих пор предопределяет ориентацию внешнеторговых и производственных обменов новых независимых государств. Попытки нарушить эту логику были проведены в сфере экспорта энергоресурсов, когда при помощи США и Европейского союза были построены новые маршруты транспортировки углеводородов из Каспийского региона в обход территории России. Но это изменение не привело к активизации горизонтальных экономических связей между государствами, включенными в «обходной» проект. Импортозамещающий характер экономики государств зарубежья России, основанный на использовании традиционных технологий, делает для них российский рынок едва ли не единственной возможностью для торгового обмена.

Однако, несмотря на заложенную базу для сближения, для его реального наполнения ее недостаточно. Эффективная интеграция экономических систем возможна только при условии их модернизации, гарантирующей уровень экономического развития, взаимовыгодной полессовместности унификации процедур и практик. Показатели экономического сотрудничества на пространстве СНГ не позволяют делать оптимистические выводы. Доля партнеров России по Содружеству в мировом ВВП составляет чуть более 1%, а в мировой торговле — 0,8%.

За период с 1995 по 2006 г. доля новых независимых государств во внешней торговле России сократилась с 22,5 до 14,7%². Активный поиск альтернатив внешнеэкономического сотрудничества является след-

ствием неспособности мелких государств модернизировать экономику самостоятельно и результатом отсутствия у России средств и воли, чтобы помочь им сделать это.

Инструменты «интеграции выживания» недостаточны для перевода отношений на уровень эффективного сотрудничества. С момента распада единого государства процесс интеграции завершился лишь созданием частичной зоны свободной торговли между странами со сходными политико-экономическими системами (Россия, Белоруссия, Казахстан).

Отдельной проблемой в процессах экономического сближения в СНГ является кризис модели закрытого регионализма. Предлагаемые Россией интеграционные форматы закрытого типа не могут удовлетворить потребности независимых государств во внешнеэкономической дифференциации. Например, как Киргизия может участвовать в Таможенном союзе в рамках ЕвразЭС, являясь единственным государством—членом ВТО. Наиболее остро проблема закрытого регионализма проявляется на западном фланге СНГ, где очень наглядно ощущается соперничество двух конкурентных моделей интеграции. Идея создания Единого экономического пространства (ЕЭП) с участием России, Белоруссии, Казахстана и Украины не была реализована из-за сопротивления Киева. Позиция Украины, территория которой «отсекает» Молдавию от России, ставит под вопрос возможность Молдавии полноценно участвовать в экономических интеграционных группировках на пространстве СНГ.

Вместе с тем закрытый характер региональных объединений обусловлен исходными условиями их создания: существование (полу)продуманных границ между новыми независимыми государствами при достаточно жесткой общей внешней границе. При этом, став государственными, бывшие административные линии наделились в особый блок проблем международных отношений на постсоветском пространстве. Сформирование новых границ проходило медленно, и по существу они остались прозрачными. С одной стороны, это создаст фон «общности постсоветского пространства», с другой — влечет обострение проблем безопасности (инфильтрация террористов, наркотрафик).

Вопросы, связанные с прозрачностью границ, тревожат также в Центральной Азии, где их юридическое закрепление сопровождалась межгосударственными противоречиями. С целью перевести урегулирование конфликтных отношений на многосторонний уровень был создан механизм «Шанхайской пятерки» (Китай, Казахстан, Россия, Киргизия и Таджикистан), впоследствии Шанхайская организация сотрудничества (после вступления в 2001 г. Узбекистана). В отличие от других

субрегиональных объединений на постсоветском пространстве ШОС, в которой лидирующую роль играют Россия и Китай, вышла за географические рамки бывшего СССР. Постепенное развитие экономической и внешне-политической составляющих сотрудничества свидетельствует об определенном потенциале азиатского вектора регионализации. Однако сложные отношения России и Китая привносят в ней¹⁷ не позволяют пока говорить о кардинальных изменениях векторов развития центральноазиатского порубежья России. В ответ на экономическую экспансию Китая Россия настаивает на развитии механизмов экономического сближения только в рамках ЕврАзЭС, при этом Китай отказывается фереспроводить военно-политическое сотрудничество, преследуя внешнеполитические цели глобального уровня.

Создании ШОС отчасти отражает рост безопасности на пространстве безопасности СНГ вследствие усиления американского военного присутствия в Центральной Азии. Эта тенденция выражается не столько в создании военных баз после 11 сентября 2001 г., сколько в фактическом расширении зоны военной ответственности Североатлантического блока на центральноазиатском территории.

Принятое на саммите НАТО в Бухаресте в 2008 г. принципиальное решение о предоставлении в будущем Украине и Грузии членства в Альянсе пока не реализовано, и вопрос о возможностях и сроках реализации этого решения остается непроясненным. Изменения соотношения военно-политических возможностей в Черноморском регионе воспринимаются как угроза системе коллективной безопасности в СНГ. Расширение НАТО на пространство бывшего СССР определяется не только стремлением «ядра» этой организации, но и результатом настоятельных просьб молодых государств, желающих в нее вступить.

Фактор энергоресурсов в СНГ

Каспийские углеводороды шельфа и территории прибрежных государств стали предметом активного международного торга с середины 1990-х годов. Разделенное до 1991 г. между СССР и Ираном Каспийское море долгое время оставалось по сути закрытым для outsiders, и его ресурсы разрабатывались весьма ограниченно. После распада СССР наибольшие выгоды от возросшего внимания к каспийским углеводородам извлек Азербайджан. Подписанный в 1993 г. «контракт века», который открыл для крупнейших международных нефтяных компаний доступ к месторождениям на азербайджанской части каспийского шельфа, казался залогом успешного экономического развития страны.

Грузия стремилась наиболее выгодно реализовать свой «транзитный потенциал», нацелившись на экспорт каспийских углеводородов через грузинские земли в Турцию в обход территории России по новым маршрутам, в первую очередь по нефтепроводу Баку—Тбилиси—Джейхан. США демонстрировали крайнюю заинтересованность в проекте этого нефтепровода, поскольку сохранение контроля России над поступлением энергоресурсов из региона Каспия рассматривается в США как фактор, негативно влияющий на глобальную энергетическую безопасность¹¹. Россия, напротив, не желала появления обходного экспортного маршрута и появления новых конкурентов.

Стремясь укрепить позиции сторонников расширения сферы экономической взаимовыгодности от России, западные страны помогли в 1997 г. оформиться новой организации ряда стран Черноморско-Каспийского моря. Так появилась ГУАМ, задуманная как организация государств—экспортеров каспийских энергоресурсов и стран, через которые проходили главные транзитные артерии транспортировки нефти и газа из России и соседних с ней восточных и южных стран в западном направлении. В новую организацию вошли Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия. В 1999 г. к этой структуре присоединил на время Узбекистан, оставшийся ее членом до 2005 г. Малые государства стремились использовать свой экспортный и транзитный потенциал для того, чтобы усилить свои позиции на региональной арене и по возможности повысить геополитический статус.

Надо отметить, что такой догмой руководствуется и Армения. Уже долгое время эта страна стремится осуществить проект строительства через свою территорию газопровода из Ирана. Теоретически в случае успеха такого начинания Армения могла бы приобрести рычаг влияния на транзит иранского и туркменского газа в Европу и таким образом существенно изменить региональную картину транспортировки энергоресурсов¹².

Есть основания полагать, что, в сущности, регулярно происходящие по второй половине 2000-х годов «газотранзитные кризисы» между Россией, с одной стороны, и Украиной и Белоруссией, с другой, вынуждают в основе стремление Каспия и Минска привлечь к себе международное внимание, поддержать в глазах стран ЕС свою геополитическую значимость и, наконец, вынудить Запад в целом направить на Украину и Белоруссию заемные средства и инвестиции с целью модернизации украинской и белорусской газотранспортных сетей. Тем не менее бурная политическая полемика в связи с «кризисами» негативно влияет на отношения России с ЕС, провоцирует между ними разногласия, отвлекая дивиденды из которых старается транзитные страны. Актуальной зада-

чей российской дипломатии остается налаживание взаимодействия с этой группой государств.

Последние тем временем ориентируются на более тесное сотрудничество с ЕС. В это пространство включается провозглашенное в 2006 г. создание Каспийско-Черноморско-Балтийского энерготранспортного пространства. Хотя экономическая целесообразность¹⁷ этого проекта дает основания для сомнений, руководство Украины и лидеры ряда «новых» членов ЕС стремятся использовать этот план для повышения роли Каспийско-Черноморского пояса в стратегических планах Евросоюза и НАТО.

Политическая составляющая проектов транспортировки энергоресурсов в обход российской территории определенно превышает экономическую. Страны-экспортеры и импортеры энергоносителей, так же как и транзитные государства, понимают всеобщее стремление к энергетической безопасности неодинаково. Во многом в ответ на действия Украины и Белорусии в связи с «газовыми кризисами» российская дипломатия с середины 2000-х годов стала активно проводить политику диверсификации экспортных маршрутов. Ее цель — найти обходные пути доставки энергоносителей на Запад, минуя украинские и белорусские территории.

«Демократизация» или «на пространстве бывшего СССР

Одну из причин нестабильности транзита энергоресурсов из России в ЕС западные страны не без оснований видят в несовершенстве моделей политического устройства бывших советских республик. Отсюда — отчасти объяснимое стремление западной общественности «помочь» демократическому развитию соответствующих молодых государств и в чем-то «подтолкнуть» его. При этом желание ускорить либерализацию в ряде случаев мало соотносится с местными условиями и основано не столько на изучении конкретных условий в каждой стране, сколько на идеализированной вере в демократизацию как универсальный инструмент преодоления экономических и политических трудностей модернизации.

С подобными настроениями было отчасти связано преобразование в 2006 г. блока ГУАМ в Организацию за демократию и экономическое развитие, членами которой остались Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия. Символическое переименование объединения с подчеркиванием «демократической» составляющей ее деятельности было связано с влиянием «цветных» революций, произошедших на пространстве СНГ.

Смена правящих элит в трех государствах — Грузии, Украине и Киргизии — происходила по сложному сценарию. Опозиция при широкой

массовой поддержке отказывались признать результаты очередных выборов. В обстановке общественных протестов в форме более или менее пассивных демонстраций (Украина), «похода» оппозиционеров из провинций на столицу (Киргизия) или прямого захвата органов государственной власти (Грузия) антиправительственные силы добивались отставки действующей власти и приходили к власти сами. При этом силовые структуры не препятствовали оппозиционерам. Такого рода перевороты были произведены в форме «революции роз» в Грузии в ноябре 2003 — январе 2004 г., «оранжевой революции» на Украине в ноябре—декабре 2004 г. и «тюльпановой революции» в Киргизии в марте 2005 г.

Отчасти «цветные» революции произошли в русле реализации американской концепции «распространения демократии»¹⁹ и были престижмудренованы гражданской активностью неправительственных организаций в Грузии, на Украине и Киргизии, создававшихся на средства западных благотворительных фондов и организаций. Вместе с тем «революции» отражали глубокие трансформационные процессы в соответствующих странах. Начавшийся с распадом СССР переходный период в них в основном завершился, и накопившееся недовольство отражало явное отставание политических и экономических реформ от реальных потребностей общественного развития молодых государств.

Важно иметь в виду, что ни в одной из названных стран «цветные» революции не привели к радикальной смене политических моделей, хотя внесли определенные коррективы в правила функционирования этих моделей и позволили изменить баланс правых и левых групп на другом. Более заметны на неинституциональном уровне эти сдвиги оказались в Киргизии, менее — на Украине и в Грузии.

При этом первая из названных, по сути дела, не изменила своей внешнеполитической ориентации, продолжила линию осторожного лавирования между Россией, Китаем и США с акцентом на отношения с Москвой. Внешние политики Украины и Грузии во второй половине 2000-х годов стали демонстративно прозападными. В них усилилась антироссийская составляющая.

Но в целом переход стран СНГ на антироссийские позиции не преобладает. Прозападные, проевропейские тенденции части общества в Молдавии скрывают нерешенность проблемы Приднестровья, население которого придерживается воинственной пророссийской ориентации. Вместе с тем «отсеченность» Молдавии от российской территории Украины не позволяет реализовать и вектору промолдавских настроений в молдавском обществе.

Азербайджан, оставшийся членом Организации за демократию и экономическое развитие, который Каса и Тбилиси стремится придать атлантоиндусийскую направленность, сохраняет конструктивные отношения с Москвой по всему комплексу двусторонних отношений. Расхождение между Россией и Азербайджаном по вопросу о Карабахе остается препятствием для более тесного сближения, но не блокирует вполне конструктивного диалога Москвы и Баку.

Страны Центральной Азии в целом тщательно избегают «каспийских перегибов», случавшихся в политике некоторых из них в 1990-х годах. Казахстан, существенно расширив за последние два десятилетия пространство независимого действия во внешней политике, стремится развивать отношения с США, ЕС и Китаем не в ущерб «особым связям» с Россией. Таджикистан, сознавая свою уязвимость в контексте обширного международного конфликтного узла Иран—Афганистан—Пакистан, старается проводить предельную осмотрительность, развивая партнерство с Россией, Индией, США и Китаем, но не отходя от курса приоритетности связей с Москвой.

Узбекистан последовательно идет линией максимально возможной независимости в региональных делах. Утратив надежды стать привилегированным региональным партнером США, узбекское руководство не стремится более связывать собственными жесткими партнерскими обязательствами, пробуя выстроить курс «равноудаленности» в отношении одновременно со многими властельными странами.

Наконец, Туркмения, сохранив статус нейтрального государства, в конце 2000-х годов стала осторожно, но более активно развивать сотрудничество с Россией и другими государствами СНГ, не отказываясь от возможностей углубления отношений с Ираном, Азербайджаном, а потенциально — с Афганистаном.

Проблема непризнанных государств

Непризнанные государства на территории СНГ оказывают «непропорционально большое» влияние на международные отношения¹⁷ и соответствующие дискуссии в СМИ. Возникшие в результате территориальных и этнических конфликтов после распада СССР, за период своего существования непризнанные государства доказали возможность стабильного существования в современных условиях.

Многоступенчатая система административно-территориального деления в СССР в сочетании с религиозной и этнополитической чересполосицей создали в конце 1980-х годов условия для параллельного стремления к независимости как союзных республик в составе Советского Союза, так и автономных республик в составе самих союзных.

Абхазия, Южная Осетия и Аджария, включенные в состав Грузинской ССР в период с 1921 по 1931 г., отстаивали свое самоопределение. В Аджарии оно приняло только политические формы — власти республике, населенной аджарцами (грузинами-муслиманами), не признавали власти Тбилиси. Конфликт был разрешен при помощи «мирного посредства» сторонников грузинского президента М. Саакашвили на Батуми в 2004 г. и последующего «политического растворения» Аджарии в собственно Грузию.

Ситуации в Абхазии и Южной Осетии были гораздо сложнее, так как в этих областях проживало этнически негрузинское население. Конфликт автономий с Тбилиси приобрел характер вооруженной борьбы в 1992–1993 гг. Обострению ситуации способствовали правовой вакуум начального периода формирования государственности и неспособность первого президента Грузии З. Памсухридзе контролировать ситуацию.

При посредничестве России, вовлеченность которой в ситуацию приобрела военный характер (в зоне конфликта были размещены российские миротворцы), боевые действия удалось прекратить, но конфликт остался нерегулированным. Особой сложностью ситуации для России состояла в том, что в Южной Осетии (к югу от Главного Кавказского хребта) проживали осетины, добивавшиеся объединения с осетинами, проживавшими в Северной Осетии в составе Российской Федерации по северную сторону Главного Кавказского хребта.

В замороженном состоянии они оставались до «революции роз», в результате которой был отстранен от власти умеренный президент Э. Шеварднадзе, безуспешно пытавшийся найти компромисс с автономными политическим путем. Но с приходом к власти нового «революционного» грузинского руководства в Тбилиси стали преобладать сторонники силового решения споров. Новый режим послал целую армию восстановить полный контроль над фактически независимыми государствами на территории Южной Осетии и Абхазии.

В августе 2008 г. грузинские войска попытались силой нарушить статус-кво в зоне разделительной линии в Южной Осетии и захватить ее административный центр — город Цхинвал. Между тем эту линию с южноосетинской стороны охраняли российские миротворцы. Возник вооруженный конфликт, на второй день которого Грузия официально объявила войну России. В течение нескольких дней российские войска вытеснили грузинские силы с административной территории бывшей Юго-Осетинской автономной области в составе Грузинской ССР. В этих пределах Российская Федерация признала Южную Осетию в качестве независимого государства. Одновременно была признана независимость

Абхазии. Широкой международной поддержки оба этих решения не встретили.

Сложной также остается ситуация вокруг Нагорного Карабаха. Эта автономная область с преимущественно армянским населением в составе Азербайджанской ССР претендует с 1991 г. на статус независимого государства. Борьбу за независимость сопровождал до 1994 г. довольно кровопролитный конфликт с участием вооруженных сил самого Нагорного Карабаха и регулярных формирований Азербайджана и Армении, которая воевала на стороне карабахцев. Россия связана с Арменией двусторонним военно-политическим договором.

Фактически Нагорный Карабах действует в экономическом и в значительной степени политическом единстве с Арменией, хотя считает себя независимым армянским государством. В ходе боевых действий против Азербайджана карабахские силы заняли значительные территории, ранее не входившие в состав Нагорно-Карабахской автономной области в составе бывшей Азербайджанской ССР, и удерживают их за собой. Ни одно государство, в том числе и Армения, не признало независимость Нагорного Карабаха. Его территория признается составной частью Азербайджана. После прекращения огня в 1994 г. посредником в мирных переговорах выступает Минская группа Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

Провозглашение независимости Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) в 1991 году, не будучи ogłosено этническим, религиозным, культурным фактором, так и в Закавказье сопровождалось вооруженными столкновениями, которые были остановлены при помощи давления со стороны 14-й армии РФ по командованию генерала А. И. Лебедя.

В Приднестровье проживает смешанное русско-украинско-молдавское население, преимущественно говорящее на русском языке. Оно считает себя дискриминируемым в Молдавии, частью которой оно было в годы пребывания бывшей Молдавской ССР в составе Советского Союза после Второй мировой войны. Самый болезненный вопрос для приднестровцев — проект объединения Молдавии с Румынией, который отталкивают молдавские националисты. Жители Приднестровья требуют гарантий своего права на отказ от присоединения к Румынии в случае осуществления подобного плана. Компромисса между Приднестровьем и собственно Молдавией не удастся достигнуть, несмотря на попытки России и Евросоюза посредничать между двумя сторонами спора.

Перспективы «федерализации Молдавии» — включения ПМР в состав единого государства при сохранении широкой автономии — в принципе могут считаться благоприятными.

Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия и Приднестровская Молдавская Республика в той или иной степени являются объектами экономического субсидирования со стороны России. Помимо тесных преференциальных экономических связей большинство жителей этих территориальных образований (за исключением населения Нагорного Карабаха, обладающего армянскими паспортами) имеют российское гражданство, исключительно благодаря наличию которого они имеют возможность выехать за пределы непринятых государственных границ.

Некоторые непринятые или (после августа 2008 г.) частично признанные государства в полной мере пользуются своим положением пограничны между более сильными странами. Политика осознанной игры на противоречиях стран становится дополнительным стимулом привлечения внимания и средством достижения элитами своих целей. Особую остроту ситуация приобретает для Молдавии и Грузии в связи со стремлением этих государств включиться в процессы евроатлантической интеграции. Однако более высокий накал полемик вокруг независимости Абхазии, Южной Осетии, а потенциально — Приднестровья. Наоборот, долгосрочное сохранение неофициального статуса Нагорного Карабаха представляется более вероятным в связи с иным геополитическим положением НКР между Арменией и Азербайджаном и отсутствием видимого желания сильных «игроков» (Россия, США) резко менять ситуацию.

* * *

При анализе структурирования политического пространства в поясе «новых границ» России необходимо тщательно учитывать соотношение центробежных и центростремительных тенденций на территории бывшего СССР. На этом пространстве более или менее свободно и не всегда достаточно стабильно идет процесс дифференциации, в результате которого один фрагмент оказывается в векторе дистанцирования от России, а другие — в векторе сближения с ней. За минувшие два десятилетия Россия не обнаруживала политической воли «рентгенизировать постсоветское пространство» путем давления на сопредельные государства. В равной степени Москва не выказала готовности раскошелиться на эти цели частично восстановленной в 2000-х годах экономико-финансовой потенции. При этом пояс стран — соседей России является зоной международной конкуренции, которая временно приобретает особую остроту в связи с энергорырышными или военно-политическими проблемами.

Россия сохраняет свое положение позитивного или негативного ориентира для самоидентификации государств по периметру ее границ.

Увеличение роли внешних игроков на постсоветском пространстве (США, ЕС, Китай) на фоне общей прагматизации политики РФ по отношению к своим соседям способствует развитию нового формата «особых» отношений на пространстве СНГ.

Примечания

¹ В стремлении занять выходы на своего «периферийного» соседа многие крупные государства сталкиваются с конкуренцией империферной политики, основной особенностью которой является использование своего правового статуса в игре за абсолютные отношения.

Термин «империфера», появившийся в политическом лексиконе XX в. после распада Российской империи и примененный в 1920-е годы по отношению к Финляндии, Латвии, Литве и Эстонии, в 1990-е годы получил новое дыхание. Он стал активно использоваться для характеристики едва ли не всех государств бывшего СССР по отношению к России. В большей степени империферный характер политики характерен для государств, избравших путь полного разрыва сложившихся связей с Россией и использующих свое географическое положение для повышения своей привлекательности для государств Евросоюза и НАТО.

² Мильев А. В. 10 лет СНГ. Попытка подведения некоторых итогов. Доклад // Публикации ИНИСС. 2001. № 3.

³ Указ Президента РФ от 11.09.1995 г. № 948 «Об утверждении стратегического курса Российской Федерации в отношении государств — участников Содружества Независимых Государств».

⁴ Лейман А. Устойчивость международных союзов в ретроспективе СНГ // Международная проблематика. 2006. Т. 4. № 3(12). Сентябрь–декабрь. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/twoFile/004.htm>.

⁵ Армения, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан, Узбекистан.

⁶ По решению Экономического суда СНГ членами Содружества являются девять стран (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан), подписавшие и ратифицировавшие Минские соглашения и Ашхабадский протокол. Три страны, не ратифицировавшие Минские соглашения участники Содружества. При этом формального разрыва между членами и участниками не существует.

⁷ Преподобный решением Генеральной Ассамблеи ООН в 1993 г.

⁸ Кайнов А. А., Кайнова И. В. Эволюция подходов к политике в СНГ // Аналитические материалы Центра постсоветских исследований ИСА РАН МГИМО (У) МИД России. 2009.

⁹ Варфоломеев Л. Б. Российское зарубежье в условиях глобализации. М.: Калужский дом «Глобус», 2006. С. 73–75.

¹⁰ Подробнее см.: Друк А. Е. Шляхейская организация сотрудничества: Что дальше? // Россия и глобальная политика. 2007. № 3. Май–июнь. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/content/36/7399.html>.

¹¹ Карповый Ю. В. Мировая система международных отношений. М.: Наука, 2008. С. 115.

¹² Подробнее см.: Там же. С. 138–132.

¹³ Кайнов И. Р. Транзитное единство и прелесть гробов // Фонд стратегической культуры. 2008. 15 мая. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.obshchestvo.ru/articles/3/136.html>.

¹⁰ Предложена в 1993 г. сенатором по национальной безопасности США Э. Лейтом, в 1994 г. одобрена в директиву Совета национальной безопасности «Стратегия национальной безопасности, безопасности и расширения» (*A National Security Strategy of Enlargement and Enlargement*).

¹¹ Э. Феллоузи «Империализм государства» (из: Бельшинец А. Империализм государства европейской периферии и империализм // *Международные процессы*. 2007. Т. 5. № 3(15). Сентябрь—декабрь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intotrends.ru/116001/088.htm>.

Список рекомендуемой литературы

Борисский Ю. В. Политизация мировой энергетики // *Международные процессы*. 2008. Т. 6. № 1(16).

Воробьевский Л. Б. Регионализация постсоветского пространства: факторы, особенности, тенденции: Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2008.

Земельская И. Д. Становление государств Центральной Азии. Политические процессы. М.: Аспект Пресс, 2009.

Милькин А. В. Проблемы интеграции на постсоветском пространстве // *Интеграционные процессы в современном мире*. М.: МАКС Пресс, 2005.

Маркелович С. М. Региональные конфликты: переизобретение // *Россия и глобальной политике*. 2008. № 5. Сентябрь—октябрь.

Николаев Ю. А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. М.: Наука, 2009.

Савин В. Ю. Двадцать лет распадаются курсом // *Россия и глобальной политике*. 2009. № 5. Сентябрь—октябрь.

**СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ СТРУКТУРЫ
МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЯГОТЕНИЙ В РЕГИОНАХ
БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА**

Согласно отечественной традиции, Ближний Восток — это территория на западе Азии и северо-востоке Африки, на которой расположены Египет, Судан, Иран, Иордания, Сирия, Ливан, Турция, Ирак, Саудовская Аравия, Йемен, Кувейт, Бахрейн, Катар, ОАЭ, Оман, а также Республика Кипр.

Средний Восток — условное наименование района Западной Азии, расположенного между Европой и Пакистаном. В отечественной историографии в настоящее время чаще всего применяется для обозначения территории, где расположены Иран, Афганистан и Пакистан. Некоторые исследователи включают сюда и Турцию.

Следует отметить, что границы геополитических регионов во многом условны, и некоторые отечественные последователи, когда ведут речь о Ближнем Востоке, подразумевают все арабские страны, в том числе расположенные в Северной Африке (Ливия, Тунис, Алжир и Марокко). Подобный подход объясняется исторической, культурной, политической и экономической близостью стран Северной Африки со странами Ближнего Востока.

С помощью объединенного термина «Ближний и Средний Восток» обозначается макрорегион, включающий страны Ближнего Востока вместе с Турцией, Ираном, Афганистаном и Пакистаном. Ближний и Средний Восток целесообразно рассматривать как единое целое в связи с тем, что страны этих двух регионов связаны друг с другом давними исторически сложившимися отношениями, поддерживают интенсивные контакты друг с другом, оказывают заметное взаимное влияние, сталкиваются с общими проблемами, выступают с единых позиций на мировой арене.

Необходимо учитывать, что некоторые страны Ближнего и Среднего Востока могут принадлежать к нескольким региональным подсистемам. Например, Пакистан, который является частью как Среднего Востока, так и Южной Азии. Промежуточное положение занимает Иран, который одновременно является частью Среднего Востока, Центральной Азии и Ближнего Востока в силу активного вмешательства в дела региона.

Новые политические очертания региона Ближнего и Среднего Востока

В зарубежной (западноевропейской и американской) литературе, официальных документах и публицистике страны Ближнего Востока вместе с Ираном и Афганистаном обозначаются термином «Middle East»¹ (букв. Средний Восток)². Термин, используемый в арабских странах, представляет собой кальку «Middle East» и имеет аналогичное смысловое наполнение. Вместе с тем французские исследователи нередко включают в Ближний Восток только Ливан, Сирию, Иран, Иорданию и Египет.

Отдельно нужно упомянуть появившийся в начале 2000-х годов термин «Большой Ближний Восток» (ББВ) — «*Broader Middle East*», позднее расширенный и преобразованный в «Большой Ближний Восток и Северная Африка» (ББВСА). Своим возникновением этот термин обязан США, которые в 2002–2004 гг. выступили с рядом инициатив по установлению партнерства с израильскими странами в различных сферах, прежде всего демократизации³. Основная цель этих инициатив заключалась в том, чтобы не допустить возникновения условий для роста терроризма в регионе и нейтрализовать усиление антиамериканских настроений, а также облегчить проведение политики США в отношении ближневосточного урегулирования и Ирака.

Позднее в феврале 2004 г. американцы распространили в рамках «группы восьми» рабочий документ о действиях в регионе Большого Ближнего Востока, в который они включили помимо арабских стран Пакистан, Афганистан, Иран, Турцию и Израиль⁴. В документе предлагалось установить долгосрочное партнерство с лидерами-реформаторами ББВ и согласовать действия по поддержке политических, экономических и социальных реформ в регионе.

Значение Ближнего и Среднего Востока для мировой экономики и политики

В силу уникального геостратегического положения и ресурсного потенциала Ближний Восток на протяжении многих десятилетий занимает одно из важных мест во внешней политике многих стран. Кроме того, даже если рассмотреть только арабские страны, речь идет о крупном регионе, площадь которого составляет как минимум 13,5 млн км², а численность населения превышает 300 млн человек.

Еще в начале 1950-х годов президент США Г. Трумен указывал на важность Ближневосточного региона для США и их союзников. В послании конгрессу 24 мая 1951 г. он заявил: «Страны Ближнего Востока, в большинстве своем, менее промышленно развиты, чем европейские

государств. Тем не менее они имеют огромное значение для безопасности всего свободного мира. Этот регион является жизненно важным пересечением сухопутных, морских и воздушных коммуникаций между Европой, Азией и Африкой. Свободные нации Ближнего Востока располагают половиной мировых запасов нефти...»⁴

«Нефтяной шок» 1973 г. продемонстрировал, что стабильность и энергетическая безопасность многих промышленно развитых стран зависят от развития политической и экономической ситуации на Ближнем и Среднем Востоке. Такое положение сохраняется и в настоящее время. По сей день Саудовская Аравия остается крупнейшим в мире производителем и экспортером нефти. По данным Международного энергетического агентства (МЭА), в 2006 г. на ее долю приходилось 12,9% мировой нефтедобычи (507 млн т), в 2005 г. она обеспечивала примерно 16,7% поставок на мировой рынок (264 млн т). Кроме того, еще три страны региона входят в десятку крупнейших производителей и экспортеров нефти. В 2006 г. Иран занимал 4-е место в мире по уровню добычи (5,5% — 216 млн т), Кувейт — 9-е (3,5% — 139 млн т), ОАЭ — 10-е (3,4% — 134 млн т). При этом среди экспортеров Иран занимал в 2005 г. 3-е место (6% — 132 млн т), ОАЭ — 8-е (4,5% — 97 млн т), Кувейт — 9-е (3,9% — 84 млн т)⁵.

По американским данным, в 2008 г. 18,4% импорта нефти и нефтепродуктов в США составил импорт из стран Персидского залива, причем почти 12% пришлось только на Саудовскую Аравию⁶. В случае с Японией доля стран Ближнего и Среднего Востока в нефтяном импорте существенно выше — в 2007 г. она составила 82% (Саудовская Аравия — 28%, ОАЭ — 25%, Иран — 12%, Катар — 9%, Кувейт — 7%, Ирак — 1%)⁷.

Доля стран Ближнего и Среднего Востока в нефтяном импорте Европейского союза в 2005 г. составила около 35,3%. Наиболее крупными поставщиками являлись Саудовская Аравия (10,6%) и Ливия (9%)⁸.

В начале 2000-х годов Китай получал 60% нефти с Ближнего и Среднего Востока. Его основными поставщиками были Иран, Оман, Судан, Йемен и Саудовская Аравия. По оценкам специалистов МЭА, к 2010 г. 80% нефтяного импорта КНР будут поступать с Ближнего и Среднего Востока⁹.

В мировой добыче и экспорте природного газа роль региона скромнее. Тем не менее в 2006 г. Иран занимал 4-е место в мире по добыче газа (98 млн м³ — 3,3% общемировой добычи), а Аджар — 6-е (89 млн м³ — 3%). При этом в десятку ведущих экспортеров входили только Аджар (4-е место — 64 млн м³, 7,3%) и Катар (9-е место — 31 млн м³, 7,3%)¹⁰.

Как отмечалось выше, значение Ближнего и Среднего Востока определяется не только запасами углеводородного сырья. Через этот регион проходят морские, сухопутные и воздушные коммуникации, связывающие Европу, Азию и Африку и имеющие общемировое значение, как с экономической, так и с военно-стратегической точки зрения. Среди них, прежде всего, выделяются Суэцкий канал, Ормузский и Гибралтарский проливы. Через Суэцкий канал и Аденский залив пролетает кратчайшей морской путь из Азии в Европу. Через этот район ежегодно проходит тысячи судов, в том числе контейнеровозы с товарами из Китая и ЮВА, а также нефтяные танкеры. По данным агентства *Woodward*, через Аденский залив осуществляется 11% морских перевозок нефти.

Важность Суэцкого канала и Аденского залива для мирового судоходства проявилась в 2008 г. Тогда из-за резкого роста пиратской активности у побережья Сомали (в том числе в Аденом залив) крупные судоходные компании стали отказываться от использования Суэцкого канала, что сразу вызвало удорожание перевозок и колебания цен на нефть.

Значение Ормузского пролива, который соединяет Персидский залив с Аравийским морем, для мировой экономики определяется тем, что через него проходят танкеры с нефтью, направляющиеся и в Азию, и в Европу, и в США. Через этот пролив осуществляется около 20% мировых перевозок нефти¹³.

С 1971 г. Иран контролирует три стратегических острова в Ормузском проливе, принадлежность которых оспаривают ОАЭ. Регулярные угрозы военно-политического руководства Исламской Республики Иран (ИРИ) блокировать пролив в случае военной агрессии США и их союзников вызывают большую озабоченность в странах-импортерах углеводородов. Когда в июле 2008 г. Тегеран в очередной раз угрожал перекрыть Ормузский пролив, цены на нефть достигли рекордных показателей¹⁴.

Серьезность ситуации подтверждается и тем, что в настоящее время ОАЭ реализуют дорогостоящий проект создания нефтепровода *Абу-Даби—Фуджайра*, чтобы в случае конфликта транспортировать углеводороды в порт на берегу Оманского залива, минуя Ормузский пролив. Ожидается, что строительство будет завершено в 2011 г., а мощность трубопровода составит 1,5 млн баррелей в день.

Значение Ближнего и Среднего Востока связано не только с его нефтяными богатствами и стратегическим положением, но также с тем, что там расположены главные святые мекки. Еще более очевидным влияние региона на ситуацию в мире стало после того, как он превратился в глав-

ный центр религиозного экстремизма и деятельности многочисленных террористических группировок.

Исторически Ближний Восток является центром распространения исламского радикализма. В 1928 г. в Египте Хасаном аль-Банхой были основаны самые многочисленные и влиятельные из исламистских группировок — «Братья-мусульмане». Ее целью провозглашалось объединение всех мусульман в рамках исламского государства, в котором конституцией должен быть Коран, а источником права — шариат. Ради этого считалось допустимым использовать любые средства борьбы, включая террор. Уже в начале 1940-х годов в рамках этой организации были созданы военизированные отряды, предназначенные для вооруженной борьбы за власть.

Один из лидеров «Братьев-мусульман» Сейид Кутб, казненный в 1966 г., считается основоположником современного исламского радикализма. Он дал теоретическое обоснование радикализма и провозгласил единственно возможным способом установления власти ислама насилье.

В 2007 г. по меньшей мере в десяти странах Ближнего и Среднего Востока (Афганистан, Пакистан, Алжир, Египет, Ирак, палестинские территории, Норддига, Ливан, Саудовская Аравия, Йемен) действовали вооруженные исламистские группировки¹⁴. По оценкам западных экспертов, в зоне племен на западе Пакистана находятся основные базы и скрывается руководство международной террористической сети «Аль-Каида», имеющей свои ячейки примерно в 100 странах мира¹⁵.

«Аль-Каида» была создана приблизительно в 1988 г. саудовским миллионером У. бен Ладеном, который до этого был одним из финансистов и организаторов международной мусульманской бригады, воевавшей в 1980-х годах против советских войск в Афганистане на стороне моджахедов. Бен Ладен решил использовать прошедшую военную подготовку и полученный боевой опыт бывших моджахедов для продолжения джихада за пределами Афганистана.

«Аль-Каида» поддерживает тесные связи с террористическими группировками по всему миру. Египетский исламский джихад, Ливийская исламская группа борьбы, Исландская армия Адена (Йемен), «Джихад ат-тауад ва аль-джамал» (Ирак), «Лашкар-э-тайба» и «Джейш-э-Мухаммад» (Кашмир), Исламское движение Узбекистана, «Аль-Каида» в исламском Магрибе (Алжир), Вооруженная исламская группа (Атанир), «Абу Салаф» (Малайзия, Филиппины), «Джихад исламийа» (ЮВА).

По оценкам специалистов Совета по национальной безопасности США, основная цель исламских экстремистов (не только «Аль-Каиды») носит глобальный характер — дестабилизировать Ближний Восток и

превратить стратегически важные страны в базу для борьбы с неверными, среди которых христиане, иудеи, индуисты и даже противники джихадаистов из числа мусульман¹⁷. Примерами реализации этих планов стали теракты в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., взрывы в Лондоне и Мадриде, террористическая активность исламистов в Ираке, Суданской Аравии, Алжире.

Место Ближнего и Среднего Востока в политике ведущая держава

Во второй половине 1990-х годов была разработана программа развития отношений России с арабскими странами, которая базируется на нескольких принципах: обеспечение национальной безопасности РФ, недопущение распространения военно-политических конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке на территорию СНГ, развитие экономического сотрудничества особенно в области добычи и переработки углеводородного сырья¹⁸.

С конца 1990-х — начала 2000-х годов Россия активизировала политику на Ближнем и Среднем Востоке и приступила к восстановлению политических и экономических связей со странами региона. В новой редакции Концепции внешней политики Российской Федерации (2004) Ближний Восток и Северная Африка названы «стратегически важным для российских национальных интересов районом мира». В этом же документе перечислены основные направления политики РФ на Ближнем Востоке.

В первую очередь, Россия намерена «вносить весомый вклад в стабилизацию обстановки на Ближнем Востоке, используя свой статус постоянного члена Совета Безопасности ООН и участника квартета международных посредников». Главная цель состоит в мобилизации коллективных усилий для достижения всеобъемлющего урегулирования арабо-израильского конфликта во всех его аспектах, включая создание независимого палестинского государства. В частности, РФ выступила с инициативой проведения в Москве международной мирной конференции по Ближнему Востоку.

В данном аспекте российская политика имеет ряд особенностей. РФ выступает за всеобъемлющее урегулирование арабо-израильского конфликта, указывая на то, что все его трекки тесно связаны друг с другом. При этом для достижения прогресса необходимы дипломатические усилия самих сторон конфликта при вспомогательной роли международного сообщества.

Россия активно развивает политические и экономические связи с обеими сторонами конфликта: как с Израилем, так и с арабскими странами. РФ также считает необходимым привлекать к участию в урегули-

ровании негосударственных акторов — ливанское шиитское движение «Хизбалла» и радикальное палестинское движение «ХАМАС», поскольку данные группы имеют значительное влияние в Ливане и на палестинских территориях, и без их поддержки не удастся возложить в жизнь ни одно мирное соглашение с Ираком.

Российская Федерация выступает за наращивание коллективных усилий, направленных на содействие прекращению насилия и на достижение политического урегулирования в Ираке. Россия с 2003 г. выступает за вывод иностранных войск из Ирака и восстановление стабильности в этой стране путем общенационального диалога с учетом интересов всех политических сил и этноконфессиональных общин.

Одним из приоритетных направлений российской внешней политики является развитие взаимовыгодного экономического сотрудничества, в том числе в энергетике, с государствами Ближнего Востока и Северной Африки⁷⁸. Например, российские компании заключили контракты на разработку нефтяных и газовых месторождений в Ливии, а также участвуют в тендере на разработку месторождений углеводородов в Ираке. Обсуждаются возможности сотрудничества в области мирного атома с Египтом, Саудовской Аравией и Ливией. С рядом стран региона (Алжир, Сирия, Ливия, Ирак, Саудовская Аравия) осуществляется военно-политическое сотрудничество.

Россия выступает против возможного решения иранской ядерной проблемы. С точки зрения РФ, которая входит в «шестерку» международных посредников, оптимальным средством урегулирования сложившейся ситуации является поиск политического решения, учитывающего законные интересы всех государств региона в сфере безопасности. В частности, Россия выразила готовность осуществлять на своей территории дообогащение иранского урана в рамках предложенного МАГАТЭ компромиссного решения.

РФ поддерживает усилия международного сообщества по стабилизации ситуации в Афганистане, становлению в этой стране демократии и эффективных институтов власти. Москва придает большое значение наращиванию барьеров с террористической угрозой, исходящей от талибов и «Аль-Каиды», а также с производством и контрабандой наркотиков. Россия считает присутствие иностранных военных в Афганистане необходимым, но при этом добивается повышения их ответственности в вопросах защиты гражданских лиц и строгого соблюдения норм международного гуманитарного права.

Согласно последней редакции Стратегии национальной безопасности, подготовленной в 2006 г., многие из угроз безопасности Соединенных Штатов Америки исходят именно с Ближнего и Среднего Востока.

В частности, американские эксперты исходят из того, что международные террористы стремятся взять Ближний и Средний Восток под свой контроль и использовать страны региона как базу для нанесения ударов по США и их союзникам. Авторы документа указывают, что победа в войне с террором невозможна без победы в Ираке и Афганистане²¹.

Серьезную озабоченность у США вызывает Иран, режим которого, по американским оценкам, проводит безответственную политику. С точки зрения Вашингтона, Тегеран не только нарушает Договор о нераспространении ядерного оружия, но также подрывает международных террористов, угрожает Ираку, стремится destabilизировать обстановку на Ближнем Востоке, подрывает демократию в Ираке, а также подавляет демократические устремления собственных граждан²². Формально США сдерживают Иран, запрещая свою военную и экономическую безопасность. Однако опасность в том, что американское руководство в 1990-х годах стремилось добиться смены режима в Тегеране, угрожа силой. Американские политики заявляют о желании добиться изменения политической системы Ирана и его внешней политики.

Ближний и Средний Восток занимают центральное место во внешней политике нынешней администрации президента Барака Обамы²³. Основные направления внешней политики администрации Обамы можно определить следующим образом. Во-первых, перенаправление усилий по борьбе с «Аль-Каидой» из Ирака в Афганистан и Пакистан. Новая стратегия ставит цель уничтожить ячейки и инфраструктуру «Аль-Каиды» в этих странах и исключить ее возвращение туда. Эта стратегия предполагает переброску в Афганистан дополнительных сил и выделение ресурсов в рамках гражданских проектов развития.

Во-вторых, «ответственное» завершение войны в Ираке. Согласно плану, одобренному Обамой 27 февраля 2009 г., к 31 августа 2010 г. боевые операции американских войск на территории Ирака должны быть прекращены, а основная ответственность за обеспечение безопасности в стране ляжет на иракские силы. С этого момента военные США должны будут сосредоточиться на оказании содействия в подготовке и оснащении иракских сил безопасности, проведении точечных контртеррористических операций и обеспечении собственной безопасности. Обама также намерен выхолотить положение американо-иракского Соглашения о статусе войск и осуществить полный вывод американских военных с территории Ирака до конца 2011 г.

В-третьих, обеспечение мира и безопасности в Ираке и на Ближнем Востоке. Обама исходит из того, что нельзя откладывать мирное урегулирование. Президент воз на себя обязательство добиваться прогресса ближневосточного урегулирования.

В-четвертых, завершение кризиса в Дарфуре и обеспечение стабильности в Судане.

Регион Ближнего и Среднего Востока имеет приоритетное значение для экономической и военно-политической безопасности Европейского союза (ЕС). В силу географической близости Ближнего Востока к Европе и исторически сложившихся тесных связей события, происходящие в этом регионе, могут иметь серьезные последствия для европейского государства. Например, политическая нестабильность и ухудшение социально-экономического положения в странах Ближнего Востока привели в начале 1990-х годов к росту нелегальной иммиграции в страны ЕС, что, в свою очередь, породило там новые социальные проблемы и конфликты, рост расизма и ксенофобии.

В сфере экономики для ЕС принципиально важно обеспечить стабильные поставки углеводородов из стран Персидского залива и Северной Африки, которые обеспечивают значительную долю европейского импорта энергоресурсов. Кроме того, страны региона представляют собой важный рынок для продукции европейских компаний.

С точки зрения обеспечения военной-политической безопасности, политика ЕС на Ближнем и Среднем Востоке имеет следующие аспекты: борьба с распространением оружия массового уничтожения, противодействие международному терроризму, урегулирование региональных конфликтов, предотвращение появления в регионе так называемых «независимых государств», борьба с различными формами организованной преступности (нелегальной иммиграцией, контрабандой наркотиков, торговлей людьми).

Президент Франции Н. Саркози после прихода к власти в 2007 г. значительно активизировал политику страны на данном направлении. Он принял решение развить отношения с Ливией, Ираком, Сирией, странами Северной Африки и Персидского залива. Наблюдатели также отмечают его посреднические усилия в Ливане и мероприятия по сбору донорских средств для палестинцев (к примеру, конференция доноров в Париже в декабре 2007 г.).

Саркози выступил с инициативой создания Средиземноморского союза, который бы объединил европейские и арабские страны этого региона и способствовал налаживанию между ними сотрудничества в области борьбы с терроризмом, иммиграции, энергетикой, торговлей, использования водных ресурсов и обеспечения устойчивого развития. Сенсацией стало предложение Франции о налаживании сотрудничества в области мирного использования атомной энергии с рядом арабских стран, в том числе с Саудовской Аравией, Египтом, Ливией, ОАЭ и Марокко.

В мае 2009 г. состоялось открытие французской военной базы в ОАЭ, которая стала первым подобным объектом, созданным Францией после окончания колониальной эры. Кроме того, в том же году Саркози выступил с инициативой проведения в Париже международной маршей конференции по Ближнему Востоку.

Ближний Восток, Северная Африка, Афганистан и Пакистан имеют ключевое значение для обеспечения национальной безопасности Великобритании в сфере энергоснабжения²¹. Основными направлениями британской политики на Ближнем Востоке — урегулирование арабо-израильского конфликта, борьба с терроризмом и содействие стабилизации в Афганистане.

Афганистан является главным приоритетом внешней политики Великобритании. Соединенное Королевство приняло участие в операции в Афганистане, считая, что эта страна стала источником терроризма. После свержения талибов в 2001 г. основная цель Великобритании в Афганистане — не допустить их возврата к власти и дать новому правительству возможность окрепнуть и самим контролировать ситуацию.

Великобритания также сотрудничает со странами Северной Африки, чтобы обеспечить стабильность в этом регионе, снизить угрозу терроризма как против стран региона, так и против Соединенного Королевства, бороться с незаконной миграцией, а также гарантировать стабильность поставок энергоресурсов.

Руководство Германии исходит из того, что безопасность и благополучие Евросоюза в значительной степени зависят от ситуации на Ближнем Востоке. По мнению немецкого руководства, основными угрозами стабильности на Ближнем Востоке являются арабо-израильский конфликт, исламский терроризм и ядерная программа Ирана²².

Ближневосточная политика Германии проводится в русле общей политики Евросоюза в этом регионе. Однако немецкое руководство подчеркивает, что в свете исторического прошлого Германия несет особую моральную ответственность за безопасность Израиля. В то же время она признает право палестинцев на создание собственного государства. В Берлине исходит из того, что единственным решением конфликта является палестино-израильское урегулирование по принципу «два государства для двух народов», а также признание арабскими странами права Израиля на существование.

Германия разделяет озабоченность международного сообщества в связи с реализацией ядерной программы Ирана. Совместно с постоянным членом Совета Безопасности ФРГ ведет поиски выхода из сложившейся ситуации. В этом вопросе Берлин ведет работу по двум направлениям: с одной стороны, немецкие дипломаты добиваются про-

должна двояко с Тегераном, с другой — Германии поддерживает усилия в рамках Совета Безопасности ООН, направленные на то, чтобы обеспечить соблюдение положений международного права, прежде всего Договора о нераспространении ядерного оружия.

Германия принимает активное участие в международных усилиях по стабилизации положения в Афганистане. В этой стране находится контингент немецких войск численностью около 4,5 тыс. человек. Руководство ФРГ исходит из того, что необходимо помогать новым властям Афганистана, пока они не смогут самостоятельно контролировать ситуацию в стране, поскольку в противном случае Афганистан вновь превратится в убежище международных террористов.

В 1960—1970-х годах КНР не проявлял большого интереса к Ближнему Востоку, ограничиваясь формальным выражением поддержки радикальным элементам в арабском мире и палестинцам в рамках политики поддержки национально-освободительных движений по всему миру. С началом внутренних реформ политика КНР в регионе стала меняться. Ближний и Средний Восток превратился в важный рынок для китайского вооружения. Пекин поставил оружие обеим сторонам ирано-иракского конфликта, сотрудничал с Израилем в сфере разработки боевых самолетов и даже продал в 1988 г. партии баллистических ракет среднего радиуса действия Саудовской Аравии. Однако Ближний Восток по-прежнему играл второстепенную роль во внешней политике КНР.

Начиная с конца 1990-х годов Китай наращивал политическую и экономическую активность на Ближнем Востоке, что было продиктовано его растущими потребностями в углеводородном сырье. В 1993—2002 гг. потребности страны в нефти выросли на 90%, а внутреннее производство только на 15%. В результате к началу 2000-х годов Китай занял третье место среди крупнейших импортеров нефти, уступив только США и Японии.

С 2002 г. КНР перестала полагаться только на международные рынки нефти как источник углеводородов, и китайские госкомпании стали проявлять интерес к непосредственной разработке месторождений в других странах. Ближний Восток является основной ареной реализации этой стратегии. Пекин ведет работу по расширению связей с ближневосточными странами-нефтеэкспортерами. КНР развивает сотрудничество с Оманом и Йеменом, а также налаживает контакты с Кувейтом, ОАЭ, Алжиром, Египтом, Ливией и Суданом. Причем в Судане китайские нефтяные компании играют ведущую роль. Пекин также стремится получить доступ к ресурсам более крупных нефтеэкспортеров, таких как Ирак, Иран и Саудовская Аравия.

Энергетическое сотрудничество КНР с Ираном приобретает стратегический характер, китайский рынок имеет большое значение для иранского руководства ввиду возможных санкций со стороны США и их союзников. В свете кризиса вокруг иранской ядерной программы усиливается политическая составляющая двусторонних отношений, поскольку стабильные контакты с Китаем спасают Тегеран от международной изоляции.

В связи с растущими потребностями КНР в ближневосточной нефти западные эксперты предсказывают, что в скором времени интересы Пекина могут столкнуться с интересами Вашингтона в этом регионе. Таким образом, в перспективе Ближний и Средний Восток могут стать полем конкуренции США и Китая.

Источники «ядерной тревоги» в регионе

Исламская Республика Иран (ИРИ) занимает особое военно-стратегическое положение, являясь одновременно и средневосточной, и южнокавказской, и центральноазиатской, и южноазиатской страной. Иран располагает значительными запасами углеводородов, а также контролирует стратегически важные пути транспортировки нефти и газа (Ормузский пролив). Кроме того, Иран имеет одну из самых больших армий в мире (около 300 тыс. человек). Все это делает его одним из основных игроков региональной политики в Западной Азии.

ИРИ оказывает большое влияние на ситуацию на Ближнем Востоке и в зоне Персидского залива. Иранское участие проследимы во многих конфликтных точках региона. Тегеран оказывает поддержку радикальному шиитскому движению «Хизбалла» в Ливане, контролирующему сектор Газы движению «ХАМАС», шиитским партиям и движениям в Ираке. В 2009 г. шиитские власти объявили об обнаружении на своей территории подпольной ячейки «Хизбаллы», члены которой, по утверждению официального Каира, вели подрывную деятельность на территории Арабской Республики Египет (АРЕ). Тогда же Саудовская Аравия обвинила Иран в поддержке шиитских повстанцев, вторгшихся на территорию королевства из Йемена.

Внешняя политика шиитского Ирана вызывает беспокойство многих стран региона. Обозреватели отмечают существование скрытого противостояния Ирана с суннитскими режимами — Саудовской Аравией и Египтом. Эксперты не исключают, что оно может вылиться в региональную конфронтацию и гонку вооружений в зоне Персидского залива.

Важнейшей проблемой остается ядерная программа Ирана. Ее реализация была начата еще в конце 1950-х годов. Иран является участником ДНЯО и заявляет, что его ядерная программа имеет исключительно

мирную цель — увеличение производства электроэнергии. Пока Иран располагает только исследовательскими реакторами. В Бушере при содействии России завершается строительство первой иранской АЭС.

В 2002 г. выяснилось, что на протяжении 18 лет Иран в нарушение своих международных обязательств осуществлял секретные ядерные исследования, а также построил завод по обогащению урана в Натанзе. В 2009 г. стало известно о существовании второго подобного предприятия неподалеку от города Кум. Официальный Тегеран заявляет, что действует в соответствии с требованиями международных соглашений, а обогащенный уран необходим ему как топливо для АЭС и исследовательских реакторов.

Однако выяснилось, что ИРИ долгое время скрывала ряд компонентов своей ядерной программы. Это дало основания для подозрений относительно того, что Тегеран намеревается использовать высокообогащенный уран для производства ядерного оружия. Особое беспокойство по этому поводу выражает США, их западноевропейские союзники, а также Израиль, спецслужбы которого полагают, что Иран сможет создать атомную бомбу к 2013 г.

Израиль, территория которого находится в пределах досягаемости иранских баллистических ракет, неоднократно давал понять, что может решиться на нанесение превентивного удара по ядерным объектам ИРИ. Более того, израильские ВВС несколько раз проводили учения, на которых отработывали проведение дальних воздушных рейдов. Но самое опасное, возможно, состоит в том, что по зарубежным оценкам сам Израиль является фактически незаконным обладателем ядерного оружия. Это задает его противостоянию с Ираном ядерное измерение.

Превентивная военная акция Израиля может спровоцировать крупномасштабный конфликт на Ближнем Востоке, в который рискуют быть втянутыми и ведущие державы. Тегеран обещал, что в ответ на нападение Израиля нанесет удары не только по израильской территории, но и по американским военным базам в районе Персидского залива, а также блокирует Ормузский пролив, по которому проходит танкеры и газозавы, доставляющие топливо покупателям в Европе и Азии.

Представители США неоднократно давали понять, что Вашингтон не исключает возможное решение иранской ядерной проблемы, но отдает предпочтение дипломатическому. За политическое решение выступают другие великие державы, включая Россию. С 2006 г. Совет Безопасности ООН принял шесть резолюций (последняя — в 2008 г.) с призывами к Ирану прекратить обогащение урана и выполнить все требования МАГАТЭ. СБ также ввод санкции в отношении ИРИ: запретил продажу Ирану товаров и технологий, пригодных для использования в

ядерной программе, заморозил счета для и организаций, причастных к ядерной программе, запретил экспорт оружия из Ирана и ограничил поставки вооружений иранским законникам.

В рамках поисков дипломатического решения проблемы в июне 2006 г. «шестерка» передала Ирану пакет предложений по налаживанию сотрудничества в экономической, политической и ядерной сферах в обмен на выполнение требований СБ ООН. Тегеран дал формальный ответ на это предложение, но отказался выполнить требования СБ, подчеркнув, что своими действиями он не нарушает ДНЯО.

Россия поддерживает международные усилия для урегулирования вопроса о ядерной программе Ирана. Она выступала против ужесточения санкций в отношении ИРИ, настаивая на продолжении политического диалога. Более того, РФ поставила Ирану зенитно-ракетные комплексы (ЗРК) «ТОР-15М», которые тот использовал, чтобы усилить ПВО своих ядерных объектов.

Однако осенью 2009 г., после обнаружения в Куэре второго, секретного завода по обогащению урана, позиция РФ начала претерпевать изменения в пользу усиления давления на Иран. 27 ноября 2009 г. Россия поддержала резолюцию Совета управляющих МАГАТЭ, в которой содержалось осуждение строительства Ираном второго завода по обогащению. Российские дипломаты дали понять, что Москва может поддержать ужесточение антииранских санкций.

Арабо-израильский конфликт

Арабо-израильский конфликт остается в числе самых сложных проблем современных международных отношений. К 2009 г. только две арабские страны — Египет и Иордания — подписали мирный договор с Израилем и поддерживали с ним дипломатические отношения. Сохраняющаяся конфронтация мешает развитию региона: тормозит хозяйственный рост, сдерживает приток инвестиций, препятствует экономической интеграции, порождает социальные проблемы, создает условия для террористической активности и укрепления позиций экстремистских группировок исламистского толка. Отдельно следует упомянуть стремление некоторых стран Ближнего Востока получить в свое распоряжение оружие массового поражения. Эксперты указывают на потенциально опасный характер ядерной программы Ирана (или кризис вокруг создания Ираном промышленных мощностей для обогащения урана).

Попытка Ирана в 2006 г. уничтожить вооруженные отряды шиитского движения «Хизболла» в Южном Ливане, а также операция «Литой свинец» в секторе Газа против бойцов «ХАМАС» показали, что

отсутствие прогресса в урегулировании вопроса новыми всплесками насилия. В ходе конфликта в Ливане Иран и Сирия выступили в поддержку «Хизбаллы», что привело к новому обострению в отношениях этих стран с Израилем.

Специалисты по региону и дипломаты традиционно выделяют несколько направлений, или треков, урегулирования. В настоящее время актуальность сохраняют палестинский, сирийский и ливанский треки. Кроме того, по-прежнему стоит вопрос о нормализации отношений Ирана с остальными арабскими государствами.

В 2002 г. Совет Лиги арабских государств одобрил мирную инициативу, в соответствии с которой Ираном был предложен мир и нормализация отношений в обмен на освобождение оккупированных арабских территорий (возвращение к линии по состоянию на 4 июня 1967 г.), создание независимого палестинского государства и справедливое решение проблемы палестинских беженцев в соответствии с резолюцией 194 (III) Генеральной Ассамблеи ООН.

После неудачи переговоров в Женеве в марте 2000 г. переговорный процесс на сирийском треке урегулирования переживает стагнацию. В 2006–2008 гг. Дамаск и Тель-Авив вели при посредничестве Турции непрямые переговоры о возобновлении мирного диалога, однако из-за израильских силовых операций в секторе Газа эти контакты были прерваны. С тех пор, несмотря на неоднократные заявления с обеих сторон заявления о готовности к мирным переговорам, они не возобновились. Камнем преткновения остается то, что Сирия добивается от Ирана выполнения резолюции СБ № 242 — прекращения оккупации Голанских высот и возвращения к линии перемирия, существовавшей до арабо-израильской войны 1967 г. Однако для Ирана такой шаг будет означать эвакуацию поселений с Голанских высот, а также утрату контроля над частью береговой линии Тивериадского озера, являющегося для него источником пресной воды.

Переговорный процесс на палестинском треке также переживает стагнацию с начала 2000-х годов. Ее предпосылками стали нарастание к концу 1990-х годов разочарование палестинцев и их недовольство отсутствием реальных изменений на местах (несмотря на имеющиеся договоренности) и продолжавшейся израильской оккупацией Западного берега реки Иордан и сектора Газа. В 2000 г. не принесли успеха организованные президентом США У. Клинтоном палестинско-израильские переговоры в Кэмп-Дэвиде.

В сентябре лидер правой израильской партии «Ликуда» Ариэль Шарон 28 сентября 2000 г. посетил Храмовую гору в Иерусалиме, что

спровоцировало вторую палестинскую интифаду (восстание) — интифаду «Аль-Акса». Ее возглавили радикальные исламские организации.

Израильское правительство приняло жесткие меры против палестинцев, но это спровоцировало лишь ответный рост террористической активности. На протяжении 2001 г. сокращалась напряженность обстановки. В этих условиях стало очевидно, что для возрождения мирного процесса необходимы скоординированные международные усилия.

Начал работу механизм «четверки» международных посредников в составе США, ЕС, России и ООН. Этот механизм стал частью международных усилий по урегулированию кризиса на Ближнем Востоке и получил международно-правовой статус, зафиксированный в резолюции СБ № 1397 от 12 марта 2002 г. Работа «четверки» велась в рамках регулярных встреч на уровне спецпредставителей или на министерском уровне.

В 2002 г. «четверка» согласовала окончательный текст «дорожной карты» окончательного палестинско-израильского урегулирования, которая должна была стать основой для примирения²⁷. Она предусматривала создание к 2005 г. независимого палестинского государства, возобновление переговоров на сирийско-израильском и ливано-израильском треках, достижение всеобъемлющего урегулирования²⁸. Палестинцы приняли «дорожную карту» без оговорок. 25 мая 2003 г. правительство Израиля одобрило ее, но стало настаивать на внесении ряда важных поправок.

19 ноября 2003 г. Совет Безопасности принял резолюцию № 1418 (русский проект), в которой выразилась поддержка плану «четверки» и содержался призыв к сторонам выполнять его положения в сотрудничестве с «квartetом»²⁹. Несмотря на усилия международных посредников, реализация «дорожной карты» была заблокирована.

В 2004 г. премьер-министр Израиля А. Шарон подготовил «План размежевания» с палестинцами. Он предусматривал эвакуацию всех израильских поселенцев и большую часть войск из сектора Газа и четырех поселенцев на Западном берегу, а также ускорение строительства «разделительной стены», которая должна была помешать проникновению террористов с населенных палестинцами районов Западного берега на «основную» территорию Израиля.

В 2004 г. умер лидер палестинского национально-освободительного движения Я. Арафат. Его преемником на посту главы Палестинской национальной администрации (ПНА) стал представитель умеренного крыла палестинцев М. Аббас. С его приходом связывались надежды на урегулирование, однако они не оправдались.

В 2006 г. в результате победы «ХАМАС» на парламентских выборах в Палестинской автономии в руководстве палестинцев произошли из-

численные изменения. В июне 2007 г. боевики «ХАМАС», которые получили большинство голосов в секторе Газа, отказались подчиниться М. Аббасу. Возник раскол палестинцев: Западным берегом и сектором Газа стали править разные фракции палестинского движения. В первом — умеренные политики ФАТХ, во втором — радикалы «ХАМАС». «ХАМАС» с территории сектора Газа до начала 2009 г. осуществляла единичные ракетные обстрелы юга Израиля.

Попытка оживить мирный процесс была предпринята в ходе международной конференции в Ашшамлонне в ноябре 2007 г., в ходе которой палестинцы и израильтяне договорились возобновить диалог с тем, чтобы до конца 2008 г. заключить мирный договор. В течение 2008 г. шли переговоры, которые, несмотря на посреднические усилия американских дипломатов и лично президента США Дж. Буша, закончились неудачей.

Новый президент США Б. Обама в 2009 г. объявил о намерении вернуть стороны за стол переговоров, однако после прихода к власти в Израиле правой партии «Ликуда» во главе с Б. Нетаньяху ситуация осложнилась. Палестинцы обусловили возобновление мирных переговоров полным прекращением строительства еврейских поселений на оккупированных территориях. Израильский кабинет отказался выполнить это требование.

Ситуация в Ираке

В марте—апреле 2003 г. США и Великобритания предприняли военную акцию для свержения режима С. Хусейна, в результате которой Ирак был оккупирован войсками международной коалиции. После захвата страны в ней резко обострилось противостояние между двумя основными конфессиональными общинами — шиитами и суннитами. Шиитское большинство (около 65% населения), которое при Саддаме страдало от притеснений, с приходом войск США заняло во власти ключевые позиции, что вызвало недовольство суннитов. В 2006—2007 гг. в стране была отмечена вспышка межобщинного насилия, приведшего к значительным жертвам среди мирного населения. В Ираке началась гражданская война. Страна оказалась расколота по религиозному признаку на шиитский юг — суннитский центр. По данным ООН, в 2006 г. погибли 34 тыс. гражданских лиц. Конфликт серьезно затруднил восстановление экономики и строительство политической системы страны.

Силы международной коалиции, прежде всего войска США, сыграли основную роль в борьбе с суннитскими боевиками. С января 2007 г. был значительно увеличен американский военный контингент:

се 137 тыс. в январе 2007 г. до 160 тыс. в январе 2008 г. Подкрепления позволили усилить меры безопасности в Багдаде и ряде других районов страны. В результате к октябрю 2007 г. число террористических атак заметно сократилось. В 2008 г. число терактов и вылазок боевиков еще больше снизилось, что связано прежде всего с изменением позиции суннитов, ублажившимися в неэффективности вооруженной борьбы и начинавших постепенно интегрироваться в политическую систему.

К началу 2008 г. премьер-министр Нури аль-Малики укрепил позицию центрального правительства. Осенью того же года Багдад и Вашингтон заключили соглашение о безопасности, которое предусматривает полный уход военных США из Ирака к 2011 г. В 2009 г. американские военные покинули населенные пункты Ирака, функции обеспечения безопасности в которых были переданы национальным силам безопасности. Несмотря на то что за этот период возросли теракты в различных частях страны, в целом удалось сохранить контроль над ситуацией.

Серьезной проблемой Ирака является противостояние арабов, населяющих центральные и южные районы Ирака, и курдов, проживающих на севере страны. Территориальные споры, а также и разногласия по поводу раздела нефтяных доходов неоднократно приводили к вооруженным конфликтам между этими этническими группами. В настоящее время курды претендуют на ряд спорных районов у границ автономии, в частности на богатый нефтью регион Киркука. Конфликт может серьезно повлиять на экономику страны, поскольку на севере Ирака ведется добыча нефти. Открытый конфликт между курдами и центральным правительством может поставить под вопрос стабильность режима, так как курдские партии являются основными участниками правящей коалиции.

Политика в Афганистане после свержения талибов

Значение Афганистана для мировой политики объясняется его стратегически важным географическим положением. Страна находится в центре Среднего Востока, на Западе она граничит с Ираном, на севере со странами Центральной Азии, на востоке с Пакистаном и КНР. После свержения в 1992 г. режима президента Наджибуллы страна погрузилась в хаос и стала прибежищем для международных террористов. Афганистан стал главным мировым производителем героина, который контрабандным путем попадает в развитые страны.

К началу 2000-х годов около 90% территории Афганистана контролировало исламское фундаменталистское движение «Талибан». В октяб-

ре 2001 г., после отказа талибов выдать лидера террористической сети «Аль-Каида» Усаму бен Ладена, ответственного за теракты в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., США и их союзники начали военную кампанию в Афганистане. В ноябре таджикские и узбекские отряды Северного альянса выбили талибов из Кабула и большинства крупных городов.

Первоначальной целью вторжения была поимка бен Ладена и отстранение от власти предоставивших ему убежище талибов. Однако затем, чтобы не допустить возвращения к власти в Афганистане талибов, западные страны провозгласили цель — создание в стране светского демократического режима.

В 2001 г. в соответствии с резолюцией СБ ООН были созданы Международные силы для содействия безопасности в Афганистане, ядро которых составили войска США и некоторых других стран НАТО. Были также сформированы временные органы власти, переходное правительство страны возглавил проживавший на Западе афганский эмигрант Х. Карзай. В 2004 г. была принята новая конституция и Х. Карзай был избран президентом страны. Но он не смог контролировать положение дел в Афганистане. Талибы сумели в 2003—2005 гг. вновь захватить сеть. Источником финансирования для них стали торговля наркотиками. Успеху талибов способствовала борьба за власть между афганскими племенными командирами, которые контролировали обстановку в провинциях.

В Афганистане сложилась очень тяжелая обстановка. Талибы расширили свое присутствие в южных и западных районах страны, а под контролем правительства остались лишь Кабул с прилегающими районами и северные провинции, населенные таджиками и узбеками. Оккупационные силы западных стран не справились со своими задачами и несли потери.

Афганская проблема заняла заметное место во внешней политике ряда западных стран. В 2009 г. США ответили на усиление талибов увеличением своих контингентов и проведением крупных операций на юго Афганистана и в его западных районах, прилегающих к границе с Пакистаном. Президент Б. Обама в рамках новой стратегии объявил об увеличении воинского контингента США в Афганистан на 30 тыс. солдат. При этом он заявил о намерении в 2011 г. начать вывод американских войск из Афганистана.

На фоне эскалации конфликта в Афганистане обстановка стала накаляться и в Пакистане. Проблема состоит в том, что западные районы Пакистана (район Пешавара) являются частью исторических афганских земель. Большинство населения в этой части Пакистана составляют пуштуны — собратья и часто родственники тех пуштунов, которые

ведут в Афганистане вдоль границы с Пакистаном. При этом талибы — это в основном этнические пуштуны, сторонников которых в равной мере много и в Афганистане, и в Пакистане. Изыск сторонников и базы на пакистанской территории, талибы и ведут операции на афганской территории против американских войск.

В 2009 г. пакистанские пуштуны — сторонники талибов — организовали мятеж против пакистанского правительства. Захватив долину Сват вблизи пакистанской столицы Исламабада, они перестали подчиняться пакистанским властям. Последовавшие за этим войсковые операции правительственных войск в Свате, а также в зоне проживания пуштунских племен в целом спровоцировали в Пакистане волну терактов с участием смертников. На сопредельных территориях Афганистана и Пакистана стала формироваться зона контроля талибов, неподдающаяся ни Афганистану, ни Пакистану.

Такое развитие событий вызывает беспокойство международного сообщества. Пакистан является ядерным государством. В случае расширения мятежа и усиления влияния радикальных исламских групп в Пакистане может возникнуть угроза захвата экстремистами власти в этой стране в целом. Они в таком случае могут получить контроль над пакистанским ядерным арсеналом. Ситуация осложняется еще и тем, что подавляющее большинство населения Пакистана враждебно по отношению к Западу и сочувствует исламистам.

Примечания

¹ В 1850–1960-е гг. термин «Средний Восток» использовался преимущественно исследователями для обозначения региона, который теперь называется Ближним Востоком, однако со временем его содержание изменилось.

² Термин «Middle East» был введен в научный оборот в 1902 г. американским конно-морским историком адмиралом Альфредом Тиссоном, который изначально применял его в отношении стран, расположенных вокруг Персидского залива.

³ В настоящее время в зарубежной литературе принято ставить знак равенства между терминами «Near East» (близкий Восток) и «Middle East» (близ. Средний Восток), которые в первой половине XX в. использовались для обозначения разных регионов, поэтому сейчас «Middle East» переводится на русский язык как «Ближний Восток».

⁴ 12 декабря 2002 г. госсекретарь США К. Пауэлл объявил о создании «Инициативы Ближневосточного партнерства» (Middle East Partnership Initiative — MEPI), направленной на поощрение реформы в арабских странах за счет поддержки гражданского общества, стимулирование развития частного предпринимательства, расширение политического участия и гражданского общества. На основе этой и других инициатив президент США Дж. Буш-младший в ходе визита в Вашингтон 19 ноября 2003 г. сформулировал задачу «судорожной помощи» в регионе Ближнего Ближнего Востока.

⁵ Географические границы ЕВРОСА окончательно не определены. Этот вопрос остается предметом обсуждения. Представители европейских стран и Японии, а также большая часть арабского мира выступают за то, чтобы ЕВРОСА определялась главным об-

ранее арабскими государствами. Предложения включить в него Алжирский, Иран и Пакистан вызывают возражения. Тем не менее администрация считает, что в EEDCA входят и арабские государства — международные Арабский и Пакистан.

¹ Thomas W. Message to Congress, 1951, May 24, American Foreign Policy: Basic Documents, 1950–1952, II, 2167.

² Key World Energy Statistics 2003, International Energy Agency. [Доступный по-русски] — *Ресурсы доступа:* http://www.iea.org/textbase/tppdf/free/2003/key_stats_2003.pdf.

³ U.S. Imports by Country of Origin, Total Crude Oil and Products, Energy Information Administration. [Доступный по-русски] — *Ресурсы доступа:* http://onto.eia.doe.gov/dnav/pet/pet_move_imports_all_usa_0000_tot_0000pd_0.htm.

⁴ Oil Imports by Source, Japan 2007. [Доступный по-русски] — *Ресурсы доступа:* <http://www.eia.doe.gov/renov/cuba/japan/Oil.html>.

⁵ EU Crude oil imports. [Доступный по-русски] — *Ресурсы доступа:* http://ec.europa.eu/energy/observatory/oil/import_export_en.htm.

⁶ China's Worldwide Quest for Energy Security, International Energy Agency, P 50–53. [Доступный по-русски] — *Ресурсы доступа:* <http://www.iea.org/textbase/tppdf/free/2009/china2009.pdf>.

⁷ Key World Energy Statistics 2007, International Energy Agency. [Доступный по-русски] — *Ресурсы доступа:* http://www.iea.org/textbase/tppdf/free/2007/key_stats_2007.pdf.

⁸ Oil Tanker Attack May Spur Increased Security, New Routes, 2008, Nov. 18, Bloomberg. [Доступный по-русски] — *Ресурсы доступа:* <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=newsarchive&aid=446542243>.

⁹ Oil Tanker Attack May Spur Increased Security, New Routes, 2008, Nov. 18, Bloomberg. [Доступный по-русски] — *Ресурсы доступа:* <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=newsarchive&aid=446542243>.

¹⁰ Conflict Resolvers 2007, Heidelberg Institute for International Conflict Research. [Доступный по-русски] — *Ресурсы доступа:* http://www.hiik.de/en/index_0.htm, 20.08.2008.

¹¹ Where does al-Qaeda operate? Council on Foreign Relations. [Доступный по-русски] — *Ресурсы доступа:* <http://www.cfr.org/publication/9126/>.

¹² National Security Strategy 2006, The White House, George W. Bush site, P. 12. [Доступный по-русски] — *Ресурсы доступа:* <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/>.

¹³ Евгений В. В. Неустойчивые тенденции и перспективные отношения на Арабском Востоке и российско-арабские отношения на современном этапе // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (история, экономика и политика), М., 2006. Вып. 4. С. 48–47.

¹⁴ Коммуналы экономический потенциал Российской Федерации. Сайт агентства России. [Доступный по-русски] — *Ресурсы доступа:* <http://archive.komm.ru/text/docs/2006/03/201188.shtml>.

¹⁵ National Security Strategy 2006, The White House, George W. Bush site, P. 12. [Доступный по-русски] — *Ресурсы доступа:* <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/>.

¹⁶ National Security Strategy 2006, The White House, George W. Bush site, P. 20. [Доступный по-русски] — *Ресурсы доступа:* <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/>.

¹⁷ The White House, Foreign Policy. [Доступный по-русски] — *Ресурсы доступа:* <http://www.whitehouse.gov/issues/foreign-policy>.

¹⁸ The National Security Strategy of the United Kingdom, Security in an interdependent world, March 2008, P. 49.

¹⁹ Germany's Middle East policy. [Доступный по-русски] — *Ресурсы доступа:* <http://www.auswaertiges-amt.de/diplo/en/Aussenpolitik/RegionaleSchwerpunkte/MaherUndMitteOsten/Übersicht.html>.

¹⁶ Joint Statement by the Quartet, Washington, DC, 2002, December 28. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ostia.gov/1/qa/289/28/2002/101168.htm>.

¹⁷ Middle East Quartet Communique of September 17, 2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ostia.gov/1/qa/17/172002.htm>.

¹⁸ Резолюция 1515 (2003), принятая Советом Безопасности на его 5862-м заседании 15 ноября 2003 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/infa/DOCUMENT/SC/resol/res2003/res1515.htm>.

Список рекомендуемой литературы

Зеленская И. Д., Карасова Г. А., Федорова А. В. Государство Израиль. М., 2005.

Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные / Под ред. А. Д. Воскресенского. М., 2008.

Ландо Р. Г. История арабских стран. М., 2005.

Мезюхо Е. С. Регион Заика: Конфликты, компромиссы, сотрудничество. М., 2008.

Мировая экономика: Учебник / Под ред. А. С. Булатова. М., 2008.

Паркин Е. Д. Трудный и долгий путь к миру: Взгляд из Москвы на проблему ближневосточного урегулирования. М., 2002.

Quartet W. E. Peace Process: American Diplomacy and the Arab-Israhel Conflict Since 1967. Rev. ed. Washington, D.C., Berkeley, Los Angeles, London, 2003.

НОВАЯ КОНФИГУРАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ И ЮЖНОЙ АЗИИ

В условиях растущей взаимосвязи между мирополитическими и мироэкономическими тенденциями в различных частях земного шара восточная «половина» Евразии стала приобретать черты целостного политико-экономического пространства. Рассматриваемый в данной главе регион включает Центральную, Восточную, Юго-Восточную и Южную Азию. Он простирается от Каспийского моря на северо-западе до Японии на востоке и Индонезии на юго-востоке. В 2000-х годах все большее число процессов, ранее протекавших в отдельных уголках Евразии, распространилось на весь макрорегион. Новые масштабы и динамика этих процессов сделали их последствия глобальными, т.е. оказывающими воздействие на отдаленные от Азии части мирового политического и экономического пространства.

Формирование макрорегиона Центрально-Восточной Азии

Одной из важнейших тенденций, происходивших в Азии, но накладывавших отпечаток на всю мировую политику, стало формирование нового политического и экономического региона Центрально-Восточной Азии (ЦВА). Под складыванием нового региона мы понимаем образование устойчивых связей между географически соседними, но ранее слабо взаимодействовавшими государствами. На данную тенденцию обратили внимание российские и зарубежные эксперты в середине 2000-х годов¹.

Политико-экономический регион Центрально-Восточной Азии возник благодаря усилению взаимодействия таких игроков, как Россия, Китай, постсоветские государства Центральной Азии, Афганистан, Пакистан, Индия, Иран, а также ряда внерегиональных государств — США, стран—лидеров Европейского союза и др. На протяжении конца 1990-х — начала 2000-х годов в новом регионе возросла интенсивность дипломатических контактов, увеличился объем легальной и нелегальной торговли и транзита, усилились миграционные потоки, укрепился интерес крупных внешних субъектов к экономическому и военно-стратегическому присутствию в Центрально-Восточной Азии. ЦВА стала полем перемещения восточноевропейской политической и экономической подсистем с южно- и центральноазиатской, а также евроатлантической. Более конкретно,

несколько тенденций позволяют рассматривать Центрально-Восточную Азию как сложившийся макрорегион и продуктивно применять соответствующее представление о ЦВА в анализе международных отношений на всем евразийском пространстве.

1) Как о мощных региональных силах, стремившихся к глобальному влиянию, заявили о себе на протяжении 2000-х годов Россия и Китай. В течение этого десятилетия до наступления кризисных явлений в мировой экономике экономический рост Китая продолжался темпами, достигавшими 8–9% ежегодно. В то же время Россия выдвинулась в десятку крупнейших мировых экономик к середине 2000-х годов. Оборот российско-китайской торговли вырос с примерно 3 млрд долл. в 2000 г. до 56,8 млрд в 2008 г. Москва и Пекин стали главными источниками влияния — торговыми, дипломатическими и военными партнерами стран Центральной Азии.

Институциональными рамками российского и китайского участия в Центральной Азии, одновременно охватившими более широкий регион ЦВА в единое целое, стали с начала 2000-х годов Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)². В то время как Москва через ОДКБ стремилась укрепить военно-политическое сотрудничество с четырьмя из пяти (за исключением нейтрального Туркменистана) бывшими советскими республиками Центральной Азии и обеспечить свои интересы в Центральной Азии в сфере нефтегазового бизнеса, Пекин стал главным торговым партнером стран региона и занялся поиском путей дальнейшей либерализации торгового режима с государствами Центральной Азии. В этих целях Китай полагался на двусторонние связи с центральными партнерами, а также стремился развить торговое и инвестиционное взаимодействие в рамках ШОС.

2) Важнейшим фактором, «скрепившим» Центрально-Восточную Азию в единое политико-экономическое пространство, стал рост добычи и экспорта углеводородных энергоресурсов из российской Сибири, Каспийского и Центрально-Азиатского регионов. В условиях взлета цен на нефть и газ, достигших пика летом 2008 г., страны—соседи нефтегазовых пространств стали высказывать растущий интерес к покупке энергоресурсов или их транспортировке на международные рынки через свою территорию. В итоге на пространстве Центрально-Восточной Азии укрепились старые и сформировались новые сети трубопроводов, а в более широком смысле — отношения поставщиков и покупателей, благодаря которым «монтировался» макрорегион ЦВА. Игроков на поле энергоснабжения в ЦВА связывали как отношения со-

трешности (например, транзит природного газа, добытого в Туркменинии, через территорию России), так и конкуренции (например, между российскими и китайскими покупателями нефти Казахстана или между потенциальными китайскими и японскими покупателями нефти из российской Восточной Сибири). Можно было ожидать, что спад мировой экономики в 2008–2009 гг. не повлечет в перспективе нескольких лет интереса к разработке и экспорту углеводородного сырья в ЦВА.

3) Некоторые из формирующихся регион процессов носили характер нарастающих угроз безопасности как стран региона, так и других членов международного сообщества. Так, с середины 2000-х годов был отмечен рост производства и контрабанды наркотического сырья из Афганистана через страны Центральной Азии. Обладание бизнеса по выращиванию опиумного мака в Афганистане и дальнейшей его переработки в героин требовало комплексных мер силового и социально-экономического характера, прежде всего в Афганистане, но также и в «транзитных» государствах ЦВА.

Другими угрозами безопасности, пронизывавшими ЦВА, стали исламский экстремизм и миграционные потоки, вызванные плачевной социально-экономической ситуацией в большинстве стран региона. На протяжении конца 1990-х — 2000-х годов имел место ряд случаев проявления экстремизма. Группы исламских боевиков-радикалов неоднократно промывались из Афганистана на территорию Таджикистана и Киргизии. В мае 2005 г. в городе Андижане, находящемся в юбеской части Ферганской долины, произошло столкновение протестующих масс людей с силами правоохранки и частями армии Узбекистана. В результате андижанских событий погибли, по разным оценкам, до нескольких сотен человек. Поскольку власти стран региона зачастую проводили излишне жесткую и неадекватную политику в борьбе с экстремизмом и не принимали эффективных мер по улучшению социально-экономической ситуации, число сочувствующих экстремизму жителей государств Центральной Азии росло. В таких условиях возрастали также потоки мигрантов, направлявшиеся из стран Центральной Азии в Россию в надежде найти лучше оплачиваемую работу и поддержать свои оставшиеся на родине семьи посредством денежных переводов. Подобные переводы в середине 2000-х годов формировали до 50% валового национального дохода такого государства, как Таджикистан. С ухудшением экономической конъюнктуры в России часть трудовых мигрантов была вынуждена вернуться в страны происхождения, что в условиях безработицы было чревато возрастанием социальной напряженности в южной части Центральной Азии.

Москва и Пекин выказывали заинтересованность в снижении рисков внутренней дестабилизации стран Центральной Азии, а также «переливания» нестабильности на сопредельные территории Китая и России. Исходя из подобных соображений, многосторонние структуры, действовавшие в регионе, были явно или неявно ориентированы их лидерами на противодействие масштабным проявлениям экстремизма. Так, в список приоритетных задач Шанхайской организации сотрудничества была включена борьба с «терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», а в рамках Организации Договора о коллективной безопасности в начале 2009 г. были учреждены Коллективные силы оперативного реагирования. Целью последних должно было стать, в том числе, противодействие насильственным актам экстремизма.

4) Макрорегион ЦВА также характеризовался нарастающим присутствием в нем вооруженных контингентов экстремистских джихадов. В начале 2000-х годов в свете проведения военной операции против режима талибов в Афганистане интерес к развертыванию авиабаз в Центральной Азии проявила Соединенные Штаты и их союзники по НАТО. В 2001 г. были развернуты базы «антитеррористической коалиции» (в основном использовались ВВС США) на аэродромах Манас около Бишкека и Хашбад неподалеку от города Карши (Кашкардарьинская область Узбекистана). Последняя база была закрыта в 2005 г. по требованию узбекских властей, не удовлетворенных реакцией Вашингтона на анджийские события мая 2005 г. В свою очередь, руководство Карши требовало вывода американских контингентов из Манаса в начале 2009 г., мотивируя свое решение нежеланием сохранять иностранное военное присутствие на своей территории на неопределенный срок, однако база так и не была ликвидирована.

Присутствие иностранных контингентов на территории Афганистана росло с осени 2001 г., когда после разгрома войск движения «Талибан» перед США и их союзниками велся вопрос о последующей реконструкции Афганистана и превращении его в единое политико-экономическое пространство, поддающееся управлению из Кабула. Борьба с отсутствующими, но не побежденными окончательно силами талибов, а также с наркопродовольствиями и торговцами требовала многотысячных вооруженных контингентов. По состоянию на начало 2009 г. численность Международных сил содействия безопасности (МССБ) в Афганистане (*International Security Assistance Force — ISAF*), находившихся под командованием структур НАТО, превышала 55 тыс. человек, направленных 40 государствами — членами и партнерами НАТО. Еще около 13 тыс. американских военнослужащих были развернуты в Афганиста-

не для ведения операции «Несокрушимая свобода» (*Enduring Freedom*), направленной на силовую ликвидацию талибских формирований. Президент США Б. Обама еще во время предвыборной кампании провозгласил борьбу с экстремизмом в Афганистане и Пакистане одной из основных целей политики безопасности США. В 2009 г. администрацией США был разработан план постепенного сокращения военного присутствия в Ираке и наращивания континентов в Афганистане.

Поскольку как этнополитическое пространство Афганистан составлял единое целое с западными и северо-западными областями Пакистана (Белуджистаном, племенными территориями и Северо-Западной пограничной провинцией), для эффективной борьбы с силами движения «Талибан» требовались возможности преследования талибских формирований на территории Пакистана. Однако подобные меры и политический нажим со стороны США и их союзников вызвали протесты пакистанского руководства, поскольку власти Пакистана находились под постоянным давлением со стороны религиозных экстремистов, требовавших полного отказа Исламабада от сотрудничества с Западом.

Распространение ядерного оружия и политика стран-распространителей

Большинство случаев состоявшегося и потенциального распространения ядерного оружия в конце 1990-х — начале 2000-х годов имели место в Центрально-Восточной и Южной Азии. Источником крайней озабоченности международного сообщества стали ядерные программы и испытания ядерных взрывных устройств Индии, Пакистаном и Северной Кореей. Иран, ядерная программа которого вызвала острое противоречие в международном сообществе в 2000-х годах, находится на западных границах ЦВА и является активным игроком на политическом и экономическом пространстве этого макрорегиона.

До середины 2000-х годов ядерная программа каждой из упомянутых стран рассматривалась в качестве отдельного случая проблемы распространения ядерного оружия. Однако позднее стали проследиваться связи между ядерными программами Северной Кореи, Пакистана, Индии и Ирана. Расследование обстоятельств деятельности частично раскрытой в 2004—2005 гг. сети торговли ядерными технологиями под руководством пакистанского финанса Абул Кадир Хана показало, что ядерной программой Северной Кореи оказывал поддержку Пакистан. Согласно ряду источников, Пакистан (с ведома или без ведома высшего государственного руководства) передал ряд важных ядерных технологий Ирану и Ливии.

Практически все страны-распространители, оправдывая свою позицию, ссылались на опыт Израиля, косвенно призывая к наличию у себя ядерного арсенала, который мог бы быть применен в случае возникновения угрозы высшему Израилю государству. По мнению новых государств-распространителей, случай Израиля, предположимое наличие у которого ядерного оружия не вызвало острой реакции стран Запада, создавал важный прецедент политики нераспространения и позволял требовать аналогичного отношения к другим государствам, стремившимся к обладанию двойными ядерными технологиями.

При этом необходимо отметить, что Израиль (не проводивший ядерных испытаний), Индия (испытывавшая ядерные взрывные устройства в 1974 и 1998 гг.) и Пакистан (проведший испытания в 1998 г.) не участвовали в ДНЯО. В то же время Иран и Северная Корея приняли на себя обязательства по ДНЯО, и поэтому к ним могли применяться санкции за нарушение установленного Договором режима нераспространения. Вместе с тем указанное различие носило во многом формальный характер и не снимало вопроса о том, каким образом международному сообществу следует относиться к государствам, не придерживающимся нормы ДНЯО.

В контексте адаптации международной политики нераспространения ядерного оружия к новым реалиям на передний план вышел вопрос о влиянии политического режима, сложившегося в конкретной стране-распространителе, на уровень опасности для международного сообщества, создаваемой данным государством. Было неясно, следовало ли проводить различия между «новыми ядерными» странами, оказывая больший нажим на те государства, руководители которых заявляли о своих наступательных намерениях во внешней политике. Не было понимания и в том, что именно следовало считать признаками потенциальной агрессии страны-пролиферанта, делавшей ее особенно опасной для других членов международного сообщества. Все это затрудняло выработку глобальной политики нераспространения в свете усложнявшегося расположения ядерных технологий.

Наибольшую тревогу международного сообщества вызывали внутренняя нестабильность и внешнеполитическое поведение двух новых ядерных государств — Пакистана и Северной Кореи. С определенными оговорками можно было утверждать, что ядерное оружие Исламабаду и Пхеньяну потребовалось для защиты от потенциальных внешних угроз и повышения собственного веса на международной арене. Пакистанское руководство заявляло о необходимости сдерживать Индию, обладавшую превосходством над Пакистаном в обычных вооружениях, а северокорейские лидеры ссылались на угрозы в адрес КНДР со сторо-

ны США и их союзников в Восточной Азии. В то же время значительное влияние радикальных исламистских сил на пакистанской внутриполитической арене и постоянный риск прихода этих сил к власти создавали угрозу использования пакистанского ядерного арсенала в наступательных целях.

В свою очередь, Пхеньян использовал угрозы развертывания ядерного оружия для обеспечения поставок в КНДР гуманитарной помощи, необходимой для выживания государства при действующем режиме. Чтобы поддерживать статус-кво в условиях нарастающего раздражения со стороны стран — участниц переговоров по северокорейской ядерной программе, Пхеньяну на протяжении 2000-х годов требовалось постоянно «попылять спички». Начав в 2002–2003 гг. с признания наличия скрывающейся от инспекций МАГАТЭ ядерной программы, Северная Корея перешла к демонстрации имеющегося в ее распоряжении сырья для производства ядерных боезарядов, а затем в сентябре 2006 г. произвела испытание ядерного прыжкового устройства, продолжая активно развивать программу создания средств доставки — баллистических ракет.

На сопредельном ЦИВА Среднем Востоке иранская ядерная программа вынуждала тем большую обеспокоенность международного сообщества, что на протяжении второй половины 2000-х годов иранское руководство допускало крайне враждебные высказывания в адрес Израиля, а также США. В свою очередь, политические лидеры Израиля в 2008–2009 гг. заявили о необходимости для их государства обретения Ираном ядерного оружия и о готовности Израиля поехать этому всеми доступными средствами, включая военные. Таким образом, возможное развитие иранской ядерной программы по военному пути могло привести к редкому нарастающему опасениям вооруженного столкновения в регионе с вероятным применением ядерных арсеналов.

Несколько иное отношение было продемонстрировано международным сообществом к факту обретения потенциала ядерного оружия Индией — более демократическим и внутренне стабильным государством, чем Пакистан, КНДР или Иран. Кроме того, поскольку Индия являлась крупным поставщиком ядерных технологий и материалов для использования в гражданской ядерной энергетике, никто из крупных поставщиков подобной продукции (в первую очередь Россия и США) не проявил готовности придерживаться долгосрочной политики изоляции Индии или даже воздерживаться от дальнейшего коммерческого сотрудничества с Индией в сфере ядерной энергетике. Так, в июле 2005 г. Вашингтон заключил с Дели соглашение о сотрудничестве в сфере мирного использования ядерной энергии. В обмен на данное соглашение

США удовлетворялась согласием Дели признать равный статус своим гражданским и военным ядерным объектам и допустить на первые инспекторов МАГАТЭ.

Реализация американо-индийского соглашения началась с конца 2008 г. после необходимых изменений в американском законодательстве, регулирующих условия сотрудничества США с другими государствами в ядерной области. Продолжить или начать новые коммерческие проекты с Индией в сфере ядерной энергетики поспешили также Россия и Франция.

Подход США к Индии (как и другим ядерным державам), таким образом, резко контрастировал с жесткой политикой Вашингтона в отношении Ирана и КНДР и нажимом на Пакистан, усилившимся в 2009 г. после прихода к власти в США демократической администрации Б. Обамы. Подобные различия в подходах давали основания утверждать лидеров режима нераспространения в применении «двойных стандартов». Для успешного решения проблемы распространения ядерного оружия или смягчения последствий такого распространения для региональной и глобальной безопасности международному сообществу предстояло выработать новые международные нормы в данной сфере. Эти нормы должны были представляться справедливыми и убедительными максимальное широкое кругу государств — потенциальных распространителей. В противном случае у последних появлялись убедительные основания отвергнуть главные установления режима нераспространения как несправедливые. Кроме того, от легитимных ядерных держав требовалось добросовестное выполнение собственных обязательств — прежде всего в сфере разоружения в соответствии со статьей 6 Договора о нераспространении ядерного оружия. Усиление тенденций распространения ядерных технологий и материалов в 2000-х годах подтолкнули Россию и США к обсуждению возможности всеобщего и полного ядерного разоружения или хотя бы глубокого сокращения своих ядерных арсеналов.

В то же время тенденция 2000-х годов в сфере распространения ядерного оружия в Восточной и Южной Азии послужила, что универсальных международно-правовых норм, даже подкрепленных силой легитимных ядерных держав и других стран — защитников режима нераспространения, недостаточно, чтобы успешно бороться с ядерным распространением. Примеры Индии, Пакистана, КНДР, Ирана и Ливии показали, что каждый случай возможного распространения требовал особых подходов: участия оптимального круга посредников, применения «индивидуально подобранных» стимулов к сотрудничеству и санкций и т.д.

Таким образом, наиболее успешно удерживать от создания ядерного оружия или широкого использования технологий двойного назначения те

страны, которые еще не встали на путь распространения, можно было через укрепление системы универсальных правовых норм и словесными прелек. Однако, если распространение ядерного оружия или соответствующих технологий уже состоялось, от международного сообщества требовались срочные специальные меры, чтобы остановить нарушителя режима нераспространения, который мог поддаться соблазну проводить новую, более агрессивную внешнюю политику. Подобные меры, предпринимавшиеся против распространителей в Южной и Восточной Азии в 2000-х годах, предполагали сочетание жесткого давления и санкций с готовностью международного сообщества принять новый статус-кво и адаптироваться к нему.

Интеграционные процессы

На протяжении 2000-х годов в Центральной, Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии развивались несколько значимых многосторонних механизмов сотрудничества. Наиболее развитой формой такого сотрудничества, граничащей с интеграционными процессами в их узком определении, являлась Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Созданная в 1967 г. пятью государствами, к концу 2000-х годов АСЕАН расширилась до десяти членов. На протяжении 1990-х годов АСЕАН сформировала институты взаимодействия с другими державами и организациями. Наиболее значимыми из них стали с 1997 г. «АСЕАН плюс 3» (совещания стран АСЕАН с представителями КНР, Японии и Южной Кореи), а с 2005 г. — Восточно-Азиатский саммит (страны АСЕАН, КНР, Япония, Южная Корея, а также Австралия, Индия и Новая Зеландия). В 2007–2008 гг. АСЕАН приняла и ввела в действие устав — новый основополагающий документ организации.

В начале 2000-х годов, перед лицом растущей экономической конкуренции со стороны Китая, страны АСЕАН наметили программу усиления интеграции в политической и экономической областях. В 2003 г. они заявили о намерении создать Сообщество АСЕАН (*ASEAN Community*). Данная инициатива, направленная на развитие сотрудничества в экономической и социально-культурной сферах, а также в области безопасности, была на уровне риторики во многом схожа с целями Мадридского договора о создании Европейского союза (1992), опыт которого АСЕАН планировала заимствовать. Одной из конкретных наметенных АСЕАН целей стало создание Экономического сообщества АСЕАН к 2015 г. Первым шагом на этом пути, сделанным еще в 1992 г., стало учреждение зоны свободной торговли стран (ЗСТ) шестью странами — членами АСЕАН.

Развитие экономического сотрудничества в условиях координации внешних политик стран АСЕАН дало возможность называть процессы, протекавшие в Юго-Восточной Азии, интеграционными. Специалисты, изучавшие АСЕАН, предлагали использовать более широкое определение интеграции, чем то, которое было выработано на основе анализа Европейского союза как классической интеграционной группировки. Исходя из более широкого определения интеграции, можно утверждать, что в Юго-Восточной Азии интеграция протекала в форме последовательного воплощения в жизнь устремлений к сотрудничеству между странами региона. Отмечалось также, что «по признаку устойчивости интеграционных настроений страны ЮВА не уступали европейским, если не превосходили их»¹. Непрерывное желание согласовывать действия во внутренней и внешней политике и внешнеэкономической деятельности было характерно для стран АСЕАН на протяжении более 40 лет. Это давало возможность плодотворно анализировать динамику сотрудничества среди малых и средних стран Юго-Восточной Азии с позиций теорий интеграции.

Вместе с тем, анализируя процессы многостороннего сотрудничества в АСЕАН интеграцией, необходимо сознавать качественные отличия данных тенденций от пути, по которому шли Европейские сообщества даже на разных стадиях своего развития. Главное различие двух путей интеграции заключается в роли, которую играют в ЕС и АСЕАН национальные органы. Если в ЕС традиционные институты были утверждены в момент запуска первого интеграционного проекта — Европейского объединения угля и стали (1951), то страны АСЕАН на протяжении всей истории сотрудничества избегали фактора национальности.

Учредив АСЕАН в том числе для утверждения суверенитета стран-участниц перед лицом давления со стороны великого держав, государства АСЕАН в последующих документах этой организации подчеркивали уважение к суверенитету друг друга. Так, в уставе АСЕАН был зафиксирован принцип невмешательства во внутренние дела стран-членов организации. Предложения ряда стран АСЕАН учредить органы, которые наблюдали бы за исполнением взятых членами АСЕАН на себя обязательств (например, в сфере соблюдения прав человека), наталкивались на сопротивление других государств АСЕАН.

Вместе с тем именно национальными институтами Европейских сообществ, наделенные правом привлекать санкции к государствам-членам за нарушение достигнутых договоренностей, являлись мощной движущей силой интеграции в рамках ЕС. Эти институты также выработали повестку дня интеграции и зачастую убеждали правительства стран-участниц ЕС в необходимости выводить интеграционные про-

цессом на новый уровень. Именно благодаря напору со стороны национальных органов страны ЕС смогли принять непростые и непопулярные, но необходимые меры по экономическому объединению — например, полностью унифицировать внешние таможенные тарифы и уредить зону свободной торговли. Только после этого Европейским сообществам удалось начать движение к новым этапам строительства экономического союза. В свою очередь, объявив о создании зоны свободной торговли ASEAN в 1992 г., шесть стран—участниц ASEAN не смогли в дальнейшем полностью обеспечить выполнение этих договоренностей присоединившимся к ASEAN позднее Вьетнамом, Лаосом, Камбоджей и Мьянмой. Помимо очевидных различий в уровнях экономического развития и типе политических режимов стран ASEAN, это было связано с отсутствием наднациональных институтов и нежеланием национальных правительств передавать часть своих полномочий на надгосударственный уровень.

Объединившись в ASEAN, малые и средние страны ЮВА стали практически равноправными партнерами крупных держав региона в обсуждении вопросов экономической интеграции в более широком составе. Учредив Восточно-Азиатский саммит (ВАС) — институт сотрудничества ASEAN с шестью другими государствами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), члены ВАС стали задумываться о том, каким образом возможно было бы поддержать поступательную динамику сотрудничества в АТР. Следующую фазу интеграционного процесса они назвали Восточно-Азиатским сообществом. При этом в данный термин не было вложено никакого разделяемого потенциальными участниками смысла: среди членов ВАС существовали разногласия о том, кого следовало бы включить в будущее Восточноазиатское сообщество — только участников форума «ASEAN плюс 3» или все страны ВАС. Тем более проблематичным оказалось достичь договоренности о содержательной стороне Сообщества — на каких конкретно проектах оно должно быть построено.

В этих дискуссиях проявилась специфика интеграции в Азии. Страны-участницы создавали институциональные структуры, оставляя решение вопроса об их содержательном наполнении на более позднее время. Этим государствам, отличающимся друг от друга по большинству параметров политических систем и уровня экономического развития, было трудно убедить соседей по региону, что сотрудничество является их долгосрочной стратегией. Данные намерения воплощались большей частью в консультативные структуры, которые появлялись в большом количестве в Азии на протяжении двух десятилетий после распада bipolarности. К числу таких структур можно отнести Азиатско-Тихо-

экономическое сотрудничество (АТЭС создана по инициативе Австралии в 1989 г., к 2009 г. насчитывала 21 страну-участницу), Ассановский региональный форум (АРФ начал функционировать с 1994 г. и к 2009 г. включил 27 государств) и др.

Крупные державы — политические и экономические лидеры в Азии — придерживались различных взглядов на желательное направление развития многостороннего сотрудничества и интеграции. Если Китай стремился повысить свое влияние на многосторонние институты в Азии, не привлекая в них новых участников, то Япония, проводившая политику «открытого регионализма», хотела привлечь к сотрудничеству с азиатскими институтами инкrementальные державы. Заинтересованность в участии в восточноазиатских интеграционных институтах выказывала Индия. Россия, участвовавшая в АТЭС и проводившая встречи со странами АСЕАН в формате «АСЕАН плюс один», в 2005 г. добилась участия во встречах Восточно-Азиатского саммита в качестве наблюдателя и подала заявку на вступление в ВАС. В целом Россия стремилась утвердить себя в качестве полноправного участника развивающихся интеграционных процессов в Азии.

Нетрадиционные угрозы безопасности

Помимо таких проблем, как распространение ядерного оружия, межгосударственные конфликты и религиозный экстремизм, в Азии проявлялись новые тенденции, несущие осязаемую угрозу безопасности как государствам, так и социальным группам и отдельным индивидов. Многие из этих тенденций носили трансграничный характер, и, соответственно, их нейтрализация требовала многостороннего межгосударственного сотрудничества.

Крупной угрозой безопасности в Азии стало производство и экспорт наркотического сырья. Главными очагами его производства являлись Афганистан, а также территории «золотого треугольника» — смежные районы Мьянмы, Таиланда, Лаоса и Вьетнама. В «золотом треугольнике» к концу 1990-х годов тайские, лаосские и вьетнамские власти достигли ощутимых успехов в борьбе с выращиванием и переработкой опиийного мака. Производство опиатов продолжалось в основном на территории Бирмы (Мьянмы), однако и бирманские власти смогли с 1998 по 2006 г. добиться 80-процентного сокращения площадей, засеянных маком. Часть из этих земель стала использоваться для выращивания других сельскохозяйственных культур. При том, что в середине 2000-х годов производство опиоидного сырья в «золотом треугольнике» снизилось до нескольких сотен тонн в год, население стран региона про-

должало страдать от наркотической зависимости, сформировавшейся во времена никевого производства героина.

В то же время после свержения режима талибов производство опиатов резко возросло в Афганистане, где в условиях фактического бессилия центральной государственной власти опиийный мак являлся наиболее рентабельной культурой. Объем выращенного в Афганистане наркотического сырья достигал 8200 т в 2007 г., что более чем на треть превысило показатель 2006 г. Для успешной борьбы с наркобизнесом, ежегодный экспортный оборот которого в конце 2000-х годов достигал 4 млрд долл., требовались как массированные полицейские операции, так и общие улучшение социально-экономической ситуации в Афганистане и усиление его экономических связей с сопредельными странами и регионами. Последнее позволило бы засадить трансграничную торговлю альтернативными опиийному маку культурами и обеспечить афганским крестьянам, получающим лишь около четверти средств от реализации опиия-сырца, удовлетворительный доход.

Борьба с героино-уоруженными и многочисленными бандами волевыми командиров — верховодящих предположительно присутствие в Афганистане дееспособных и готовых вступить в масштабные вооруженные правительственных военизированных формирований. Поскольку власть кабульского правительства под руководством президента Афганистана Х. Карзая была весьма шаткой, а сам Карзай избегал проведения массированных антинаркотических операций в афганских провинциях, единственной силой, способной противостоять наркобизнесу, оставалась МОСБ.

Один из основных маршрутов вывоза афганского героина на международные рынки пролегал через государства Центральной Азии и Россию. Это приводило к криминализации экономики таких стран, как Таджикистан и Туркмения, где наркотранзит становился главным источником дохода организованных преступных групп. Тем самым вытеснялись и подавлялись другие формы экономической активности, которые могли бы приносить легальный доход широкому слою населения беднейших государств Центральной Азии. Социально-экономические последствия данных тенденций ощущались на обширной территории Евразийского континента и в первую очередь отражались на соседней с Центрально-Азиатским регионом России. В условиях фактически необузданного производства опиатов в Афганистане невозможно было добиться радикального сокращения употребления наркотиков в России и сопредельных ей государствах.

Растущую тревогу наблюдателей вызывал масштаб торговли людьми как криминальный бизнес в Азии. Количество лиц (в основном жен-

вин и детей), незаконно переселившихся через границы или перемещаемых внутри отдельных стран против своей воли, достигал в конце 2000-х годов нескольких сот тысяч. Основные потоки незаконного перемещения людей в криминальных целях были направлены из наименее развитых стран Азии (таких, как Бангладеш, Лаос, Камбоджа, Филиппины) в более благополучные (Япония, Южную Корею, арабские страны Персидского залива и др.). По сведениям службы новостей Британской вещательной корпорации (Би-би-си), в одном только городе Дели ежегодно помещались в различные тюрьмы более 6 тыс. детей в возрасте до 10 лет¹.

Густонаселенная Азия также более многих других частей мира подвержена риску многочисленных человеческих жертв в случае природных катаклизмов или техногенных катастроф. Именно беднейшие части Азии в первую очередь пострадают от глобального изменения климата, проявляющегося в форме ураганов, наводнений, засух и других катастрофических явлений. Это может, в свою очередь, иметь глобальные последствия в виде неконтролируемых миграционных потоков, потребности в значительных финансовых средствах для предоставления гуманитарных кризисов, разрушения производственной инфраструктуры, работавшей на потребителей в странах Запада. Данный прогноз подтвердился в декабре 2004 г., когда в результате цунами, порожденного землетрясением у берегов Индонезии, в Юго-Восточной и Южной Азии погибли до 300 тыс. людей, еще свыше полутора миллионов были вынуждены покинуть места постоянного проживания. Объем помощи пострадавшим странам со стороны международного сообщества составил около 7 млрд долл.

Кроме того, как было доказано научными исследованиями приречные изменения климата, в случае если развитие КНР, Индии и других крупных индустриальных стран региона продолжится по пути экстенсивного промышленного роста, экологическая ситуация в Азии и в мире в целом резко ухудшится. Так, в конце 1990-х годов в атмосфере над регионом, простирающимся от Пакистана до восточных областей Китая, образовалось так называемое азиатское коричневое облако (*Asian Brown cloud, Asian Brown haze*). Причиной его появления стали, во-первых, увеличившиеся промышленные выбросы в атмосферу в развивающихся странах Южной и Юго-Восточной Азии. Во-вторых, в ряде стран ЮВА (наибольшие масштабы эта деятельность приняла в Индонезии) практиковалось выжигание лесов для использования освобожденных от растительности площадей под сельскохозяйственные угодья. Дым искусственных лесных пожаров скапливался над регионом ЮВА, фор-

мируя плотную атмосферную завесу, состоящую из мелких частиц — продуктов сгорания. «Коричневое облако» могло перемещаться в пространстве, приближаться к земле или распространяться на другие регионы, что сделало данную проблему глобальной.

Следствием столь сильного загрязнения атмосферы в Азии, помимо прямого ущерба здоровью людей, стало повышенное выпадение осадков, а также снижение урожаев сельскохозяйственных культур в ряде регионов. С другой стороны, по имеющимся оценкам, атмосферный «окран», создаваемый облаком загрязненного воздуха над Азией, снижал темпы нагрева Земли под воздействием солнечных лучей, т.е. несколько замедлял нарастание «парникового эффекта». Если бы в условиях падения промышленного производства в Азии выбросы в атмосферу уменьшились, то глобальное потепление могло бы начать развиваться быстрее⁴. В этом случае таяние ледников Гималаев и Гиндукуша могло бы ускориться, что привело бы к крупным наводнениям на протяжении ряда лет, за которыми вследствие истощения водных ресурсов последовали бы засухи в Индии и на полуострове Индостан.

Сформировавшиеся в Азии угрозы безопасности как отдельных индивидов, так и целых государств требовали от национальных правительств эффективной и скоординированной реакции. Тем не менее в конце 2000-х годов наподобие развития событий остались незначительными. Во-первых, большинство государств Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии не планировали отказываться от индустриального пути развития, который приводил к масштабному ущербу для окружающей среды, однако видела правительства азиатских государств в качестве единственно возможного пути преодоления бедности. Во-вторых, качество государственного управления во многих странах Азии оставалось низким. Это было связано с авторитарностью и коррумпированностью правительств, которые были ориентированы на сохранение власти в своих руках и обогащение узкого круга элит, но не на проведение дорожествующей и требующей эффективного расходования средств социально-экономической и экологической политики.

Авторитарные правительства в таких странах, как Мьянма или Пакистан, порождали гуманитарные проблемы и были не в состоянии оперативно реагировать на природные катастрофы — такие, как цунами декабря 2004 г. или землетрясения в Пакистане в октябре 2005 г. В результате землетрясения в Пакистане погибли до 80 тыс. человек и пострадали свыше 100 тыс.

Сам по себе политический экстремизм внутри государств, практиковавшийся как правительствами, так и оппозиционными силами, со-

завал серьезные угрозы международной безопасности. Так, если бы исламистам-радикалам удалось захватить власть в одной из азиатских стран (например, в Пакистане, Афганистане или Индонезии), то радикальное движение по всему миру получило бы новый импульс.

Многостороннее сотрудничество в регионе в сфере безопасности

При всех сложностях противодействия неблагоприятным тенденциям в сфере безопасности в Азии сложились несколько важных многосторонних механизмов сотрудничества, позволившие на протяжении 2000-х годов преодолеть или смягчить последствия ряда острых кризисов. Во-первых, АСЕАН и консультативные механизмы, созданные с ее участием, позволили разрешать возникающие противоречия в конструктивном ключе. Вместе с тем страны АСЕАН все больше входили в орбиту влияния Китая, без учета мнения которого в конце 2000-х годов они не могли принимать значимых политических решений в сфере интеграции.

Во-вторых, для стабилизации положения в Афганистане — государстве, породившем значительные угрозы безопасности как Азии, так и мира в целом, — Соединенным Штатам и их ближайшим союзникам удалось собрать значительный многосторонний контингент. Россия, развернув свои воинские подразделения непосредственно в Афганистане, оказывала содействие антиталибским силам на протяжении конца 1990-х — начала 2000-х годов, а затем обеспечивала транзит через свою территорию грузов, необходимых Международным силам содействия безопасности. Несмотря на некоторые разногласия в вопросах проведения операции, как коалиция сил под командованием НАТО, так и Россия ценят сам факт сотрудничества и видели для себя значительные издержки, если бы разногласия привели к провалу операции.

В-третьих, ядерная программа Северной Кореи стала первой проблемой международной безопасности, для решения которой даже склонная к односторонним действиям республиканская администрация США, оставаясь одним из посредников, سعی целесообразным делегировать значительные полномочия по урегулированию другим региональным игрокам — России, Китаю, Японии и Южной Корее. В 2003–2009 гг. в шестисторонних переговорах с КНДР (с участием России, США, Китая, Японии и Южной Кореи) произошло несколько кризисов. Они были связаны с попыткой заморозить северокорейские астеры в международных банках, ядерным испытанием, проведенным КНДР в сентябре 2006 г., а также развитием ракетной программы Северной Кореи. Тем не менее шестисторонний механизм позволил наладить постоян-

ный канал связи с Пекинском и обеспечить удовлетворительную прозрачность действий КНДР на международной арене.

Наконец, благодаря согласованным действиям международного сообщества удалось ослабить разрушительные последствия цунами 2004 г. и землетрясения в Пакистане 2005 г. Для восстановления пострадавших от землетрясения районов Организацией Объединенных Наций было собрано свыше 270 млн долл., а в оперативном реагировании на стихийное бедствие существенную роль сыграли силы НАТО.

* * *

В большинстве регионов Азии традиционные угрозы безопасности (конфликты, распространение оружия массового уничтожения и др.) переплетались в конце 2000-х годов с новыми вызовами (изменением климата, наркобизнесом и т.д.), что создало принципиально новые проблемы для всего мирового сообщества. Например, наличие в новой ядерной державе (Пакистане) рисков социальной дестабилизации оттягивало значительные ресурсы других государств на минимизацию возможных последствий попадания ядерного оружия в руки радикалов или негосударственных субъектов.

Большинство стран Азии, в которых проживало около 90% населения субконтинента, являлись развивающимися. Зачастую это препятствовало углублению сотрудничества между ними в решении наиболее актуальных проблем современности, носивших экологический или гуманитарный характер. Даже один из экономических лидеров Азии — Китай неохотно участвовал в международных мерах по снижению ущерба от человеческой деятельности для экологии Земли, ссылаясь на необходимость достичь западных стандартов благосостояния своих жителей прежде, чем вводить более строгие природоохранные нормы. Вместе с тем в Азии успешно развивалось многостороннее сотрудничество с участием интререгиональных держав, которые в возрастающей мере оказывались затронутыми последствиями проблем, пронизывающих из регионов Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии.

Примечания

¹ См., например: Бондарев А. Д. Центральная-Восточная Азия в современной мировой политике // Восток. 2005. № 1. С. 102–114. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.colibrionline.ru/pdf/083.pdf>; S. Frederick Starr. A Partnership for Central Asia. Foreign Affairs. 2005. July–August. P. 164–178.

² Подробнее ШОС и ОАЭС см.: Alroy J. K. *Beilin, Fu Deng, Pan Guang*. The Shanghai Cooperation Organisation // SIPRI Policy Paper No. 12. Stockholm: SIPRI, 2007. May. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://books.sipri.org/product_info?_product_id=338

Сафранова И. А. Культурная и Безопасность в Центральной Азии // Россия и глобальной политике. 2007. Ноябрь–декабрь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/issue/28_8833.html

³ См.: Байков А. А. «Интеграционные маршруты» Западно-Центральной Европы и Восточной Азии // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 3(15). Сентябрь–декабрь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://intotrends.ru/issue/001.html>

⁴ Delhi notebook – story of missing children. BBC News. 2009. March 13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/2/hi/world_asia/7926283.stm

⁵ См., например: Barnett A. The Strategic Implications of Climate Change. Survival. 2008. Vol. 38. No 3. June–July P. 31.

Список рекомендуемой литературы

Байков А. А. Веклинография сравнительной интеграции в 2000-х годах // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 1(22). Январь–апрель.

Бокочуров А. Р. Центральная-Восточная Азия в современной мировой политике // Восток. 2005. № 1. С. 102–118. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.obshchestvo.ru/pdf/003.pdf>

Бушова Е. В. Безопасность перемещаемых пространств // Международные процессы. 2007. Май–август. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://intotrends.ru/issue/003.html>

Тришн В. Наркотики: Новое лицо афганской трагедии // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 11. С. 99–106.

Тришн М. А. Глобальный рационализм и внешняя политика России // Свободная мысль. 2009. Ноябрь. С. 35–46.

Paul F. Herman Jr., Gregory F. Treverton. The Political Consequences of Climate Change. Survival. 2009. April–May. P. 137–148.

Rajon Memon. The Limits of Chinese-Russian Partnership. Survival. 2009. June–July P. 99–130.

Раздел III

**ПРОБЛЕМЫ ОСНОВНЫХ
СФЕР ГЛОБАЛЬНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

ГЛАВНЫЕ УЗЛЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ И ИХ ОСОБЕННОСТИ

События международной политики начала XXI в. не дают усомниться в том, что международные конфликты остаются важными элементами международного взаимодействия. Начало 1990-х годов дало крупную надежду на общее сокращение уровня международной напряженности ввиду окончания конфронтационной биполярности и относительно успешного процесса урегулирования застарелых конфликтов времен холодной войны. Однако уже в середине 1990-х — начале 2000-х годов стало очевидно, что этим мечтам сбыться не удалось. Распад Ялтинско-Потсдамского порядка повлек за собой довольно резкое изменение соотношения сил на мировой арене. Он разрушил в мире многие политические преграды и ускорил процесс глобализации. Одновременно в международной системе стала происходить новая поляризация и децентрализация.

Наиболее развитая и сильная группа государств, ознававшая свое превосходство в политической, экономической и военной сферах, стала переходить к более активной, наступательной политике. В ряде случаев ее политика ломала сложившиеся во второй половине XX в. структуры отношений. Стала возникать новая очаги нестабильности в постиндустриальных государствах Африки, Азии, Латинской Америки. Наконец, стало заметным влияние новых негосударственных участников международного общения (террористические сети, международные криминальные организации наркоторговцев, сбытчиков оружия и распечатывающих материалов). Мир оказался в полосу новых и иногда довольно тревожных международно-политических перемен.

Общая характеристика международной конфликтности в новом веке

По данным исследователей Университета города Утсала (Швеция), публикующих ежегодные аналитические обзоры по вооруженным конфликтам, в мире в 2008 г. находилось в активной фазе 36 вооруженных конфликтов в 26 точках земного шара¹. Это на семь больше, чем в 2003 г., когда было отмечено наименьшее число вооруженных конфликтов с середины 1970-х годов.

Всего с момента окончания Второй мировой войны было зафиксировано 240 вооруженных конфликтов в 151 точке мира. В 2008 г. было

зарегистрировано пять войн — вооруженных конфликтов, где в результате боевых действий погибли более 1000 человек. Хотя по сравнению с 2007 г. войн было зафиксировано на одну больше, это все еще достаточно низкий показатель. Годом же с наименьшим числом войн в XX в. считается 1957 год, когда их было всего три. По числу жертв боевых действий в 2008 г. высшие строки мирового рейтинга занимает конфликт в Шри-Ланке. За ним следуют конфликты в Афганистане, Пакистане, Ираке и Сомали.

В 2008 г. возобновившийся конфликт между Движением Эритрей и прервал четырехлетний период (с 2003 по 2007 г.), когда не было отмечено вооруженных конфликтов между государствами, что дало некоторым исследователям основания выдвинуть теорию, видимо, преждевременной, об окончании классических межгосударственных войн. Кроме того, по мнению экспертов Утальского университета, в 2008 г. пять конфликтов были интернационализированы, что, в их понимании, подразумевает помощь вооруженных сил третьей стороны одному из участников конфликта. В качестве примера интернационализации приводится событие августа 2008 г., когда Россия вмешалась в грузино-осетинский конфликт на стороне Южной Осетии.

Конфликты нового века сохранили многие неоднократно разбиравшиеся базовые особенности конфликтов конца XIX в. Среди таких особенностей — феномен интернационализации внутргосударственных конфликтов, учащение конфликтов идентичности, рост количества конфликтов с участием негосударственных субъектов. В связи с последней чертой стало происходить значительное снижение управляемости конфликтов, усложнен процесс их регулирования. Региональные и даже локальные конфликты стали чаще приобретать глобальные измерения.

Общественные предельные конфликтности

Потенциал современной международной конфликтности во многом связан с особенностями существующего международного порядка. Как представляется, можно выделить для него три определяющие черты. Во-первых, период преобладания международно-правового регулирования международной системы, которое было характерно для последних десятилетий XX в., завершился. Сложно было бы ожидать, что нормы и механизмы, созданные для регулирования отношений СССР и США, а также между сверхдержавами и остальным миром, были бы востребованы после распада Советского Союза. Если конфликт вокруг Косово мог казаться «изолированным инцидентом» на фоне общего преобладания международного права, то войны США и Британии про-

тия Ирака в 2003 г. без санкции Совета Безопасности ООН свидетельствовала о кризисе политико-правовой парадигмы устройства мирового порядка.

Конечно, действующие международно-правовые нормы и прецеденты не утратили своего значения. Но они стали утрачивать с трудом обретенную главную ценность — универсальность. В 2000-х годах международное право стало применяться избирательно, ситуативно — в зависимости от конкретных международно-политических условий и ситуаций.

Во-вторых, несмотря на множество дискуссий о мирном решении споров на основе универсальных ценностей и прав человека, стала возрождаться роль силового фактора в решении международных проблем. Военная мощь западных стран, совершивших так называемую «революцию в военном деле», объективно гарантировала им силовое превосходство. В вооруженных конфликтах в Афганистане и Ираке военные победы достигались относительно быстро и бескровно. Вооруженные конфликты с применением новых технологий (высокоточное оружие, системы наведения из космоса и тому подобное) стали считаться эффективным и относительно малозатратным инструментом быстрого достижения внешнеполитических целей. Соединенные Штаты Америки при двух администрациях Дж. Буша-младшего оказались главным сторонником силового решения конфликтов международных вопросов¹. Их внешнеполитическое поведение нередко провоцировало другие страны.

В-третьих, в контексте политической децентрализации мировой системы малые и средние страны стали ощущать себя (не всегда обоснованной в большей степени «на равных» с крупными государствами, чем в XX в. Малые и средние страны стали стремиться не только формально повысить свой международный статус, но и просто привлечь к себе внимание более сильных государств, желая добиться от них предоставления экономической или военно-технической помощи. Малым странам стало выгодно «завышать» свое геополитическое значение в глазах потенциальных доноров и иногда провоцировать конфликты, которые эту значимость могли бы подтвердить. Такой, например, была природа конфликта Грузии с Россией после нападения грузинских войск в августе 2008 г. на южноосетинские города и села.

Один из значимых сдвигов в международной среде, вытекающий из возрождения силового фактора на международной арене, связан с изменением восприятия роли и места ядерного оружия в системе международного взаимодействия. В конце 1940-х — начале 1950-х годов ядерное оружие рассматривалось США как новое, гораздо более раз-

руководство, чем раньше, но все же средство ведения войны, что и было продемонстрировано во время бомбардировок городов Хиросима и Нагасаки в августе 1945 г.¹ Однако во второй половине XX в. в результате периода жесткой конфронтации капиталистического и социалистического лагерей, поставившего мир в период Карибского кризиса 1962 г. на грань ядерной войны, американское и советское руководство приняло к заключению о возможности победы в гипотетической ядерной войне видку взаимной уязвимости перед ядерным ударом. В результате была создана система поддержания стратегической стабильности в военной сфере, основанная на взаимном ядерном сдерживании и закрепленная в ряде двусторонних договоров, подписанных между США и СССР в 1970–1980-х годах. Сложилась так называемая культура ядерного табу, определявшая в значительной степени мышление политиков и военных в ядерных государствах (США, СССР, Великобритания, Франция, Китай) и предотвратившая развитие мировой войны с использованием ядерного оружия.

Сегодня ядерный фактор претерпевает существенные трансформации. Это связано как с изменением его восприятия, так и с фактом его распространения. Современное распространение ядерного оружия может быть «горизонтальным» (от государства к государствам) и «вертикальным» (от государства к негосударственным участникам международного общества). В 1960-х годах известные исследователи международных отношений Д. Сингер и К. Дейч допускали, что повсеместное распространение ядерного оружия будет благом для мирового сообщества. Они думали, что если порог применения ядерного оружия будет значительно повышен, то сама неопределенность возможных последствий от его применения будет служить сдерживающим фактором для тех, кто в принципе такое оружие может применить.

Эта точка зрения не стала преобладающей. Политика ядерных государств во второй половине XX в. была направлена на то, чтобы ограничить число членов официального «ядерного клуба», для чего был создан режим нераспространения ядерного оружия, основанный на Договоре о нераспространении ядерного оружия от 1968 г.

Правда, этот режим оказался эффективным только отчасти. Он не смог предотвратить появления новых ядерных держав. Индия испытала ядерное устройство в 1974 г. и провела полноценные ядерные испытания в 1998 г. одновременно с Пакистаном. С высокой долей вероятности ядерным оружием владеют Иран и Северная Корея². Серьезные опасения относительно возможности создания ядерного оружия имеются у международного сообщества по отношению к Ирану.

По оценкам МАГАТЭ, на сегодняшний день около 39 стран имеют технологическую возможность для разработки ядерного оружия⁶, и с развитием технологического прогресса эта цифра будет только расти. Тем не менее в случае с государствами существуют инструменты воздействия, направленные на предотвращение появления у тех или иных государств ядерного оружия. Они дали положительные результаты в случае с ядерной программой Южно-Африканской Республики, которая в конце 1980-х — начале 1990-х годов по своей воле увеличивала свой ограниченный ядерный арсенал и присоединилась к ДНЯО. На сегодняшний день ЮАР первая и единственная страна в мире, добровольно отказавшаяся от обладания ядерным оружием.

Ситуация, однако, значительно усложняется, когда речь идет о возможном получении ядерного оружия негосударственными участниками международного общения, в частности террористическими группами. Во-первых, потому, что принцип ядерного сдерживания перестает работать. Террористы могут угрожать взрывом ядерного устройства на территории какого-либо государства в случае невыполнения их требований, а государствам, ввиду отсутствия у террористов-физического «обратного адреса», просто некуда будет направить ответный удар.

Во-вторых, для радикальных экстремистских группировок ядерное устройство будет тактическим, а не стратегическим оружием. По мнению большинства экспертов, если террористические организации, особенно экстремистские, получат как доступ к ядерному оружию, так и возможность его использовать, оно, с высокой долей вероятности, будет применено. В 1995 г. следным образом радикальная религиозная этническая секта «Аум Синрикё» применила отравляющий боевой газ зарин в токийском метро, положив начало терроризму с использованием оружия массового уничтожения. Эксперты прогнозируют, что масштабный террористический акт возможен и с использованием ядерного оружия.

Наиболее вероятным региональным ядерным межгосударственным конфликтом считается гипотетическая ядерная война между Индией и Пакистаном по поводу спорной провинции Кашмир. Эти опасения могут усиливаться с учетом шансов на приход к власти в Пакистане тем или иным путем радикальных исламистских группировок. Предположительно именно на территории Пакистана нашла убежище лидер движения «Талибан» и террористической организации «Аль-Каида».

Весьма высоко оценивается возможность применения ядерного оружия Израилем в случае широкомасштабной войны с коалицией арабских государств. Хроническая нестабильность внутри Израиля, связан-

ная с неурегулированностью ситуации вокруг Палестинской автономии, повышает вероятность негативных сценариев развития арабо-израильского конфликта во всех его измерениях. В дополнение ко всему крайне острый остается противоречия Израиля с Ираном, руководство которого придерживается радикальной антиизраильской позиции. Израильское руководство с беспокойством высказывается о ядерной программе Тегерана, угрожая нанести ускоренный удар по иранским ядерным объектам в случае выявления их военного характера.

Повышение роли силового фактора в международных отношениях побудило исследователей задуматься о наличии трех факторов, способных вызвать глобальный ядерный конфликт, в том числе с участием России и США.

Во-первых, нельзя исключить возможность ядерного конфликта, направленного на силовое изменение существующего мирового порядка и бросающего вызов существующему соотношению сил в мире. Любые международные системы, построенные на равновесии сил, рано или поздно существенно трансформируются или даже рушатся в связи с изменением этих соотношений прежде всего среди великих держав. Новая система международных отношений, образовавшаяся в начале 1990-х годов на руинах биполярного порядка, не являясь результатом крупной войны с четким разделением на победителей и побежденных. Ее контуры остаются не до конца определенными и изменяются под воздействием международных обстоятельств.

Основываясь на историческом опыте, можно предположить, что перестройка современной системы будет проходить в рамках конфликтного взаимодействия различных стран, сопоставляющих свои силовые, экономические и иные потенциалы. Если мир ждет напряженная борьба за лидерство, то вероятнее всего она может перерасти в глобальный конфликт с использованием, помимо прочего, ядерного оружия — как минимум его некоторых видов. Если ядерное оружие действительно переставет быть крайним средством, фактором, сдерживающим глобальный конфликт, и применение тактического ядерного оружия, например, будет приравнено к использованию обычных вооружений, то мир может оказаться на пороге глобальной катастрофы.

Во-вторых, в высших эшелонах власти и в России, и в США произошла смена поколений политического руководства. И. Д. А. Медведев, и Б. Обама начали свои политические карьеры уже после окончания холодной войны, и поэтому «ядерное табу» и связанная с ним культура ядерной стабильности может оказаться для них лишь анахроничным пережитком биполярного противостояния. В принципе, Россия значительно пони-

шла порог применения ядерного оружия еще в конце 1990-х годов, зафиксирован в Вашингтонской доктрине: «Российская Федерация оставляет за собой право на применение ядерного оружия... в ответ на крупномасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических для национальной безопасности Российской Федерации ситуациях»⁶.

Выход США в 2002 г. из Договора о противоракетной обороне 1972 г., «неопределенность в вопросах российско-американского взаимодействия в сфере контроля над вооружениями осложняют российско-американские отношения. Другим источником тревоги является распространение сферы военной ответственности НАТО на поле государств, пострадавших с Россией, не сопровождающееся пропорциональным военно-политическим обменом НАТО с Россией».

В-третьих, возможность конфликта между США и Россией может быть связана с действиями официальных и неофициальных союзников Вашингтона, направленными на провоцирование конфликта с Москвой. Обязательства США по договору НАТО, в частности по отношению к прибалтийским государствам, время от времени играют провоцирующую роль. Обрета теоретическую уверенность в военных гарантиях со стороны Вашингтона, эти страны нередко совершают политические и дипломатические действия в отношении России, которые в Москве рассматривают как провоцирующие попытки довести до предела трений. Другая и, в меньшей степени, Украина тяготеет с соответствующими поправками к воспроизводству линии прибалтийских стран. Хотя Вашингтон и Москва до сих пор ни разу не позволили третьим странам вступить себя в широкомасштабное противостояние, подобный сценарий в современных условиях нельзя считать невероятным.

Типы современных международных конфликтов трансрегионального и глобального уровней

Современные международно-политические конфликты глобального уровня можно условно разделить на две большие категории.

- конфликты, связанные с трансформацией мирового порядка и перераспределением влияния в мировой системе (включая ситуации, связанные с действиями неблагоприятных стран, которых в США относят к «оси зла»);
- «внесистемные» конфликты, связанные с угрозами от негосударственных участников международного общения (в том числе международная борьба с новыми угрозами международной безопасности, такими как транснациональный терроризм, международная преступность и наркоторговля).

Одной из особенностей международных конфликтов можно считать их «экономизацию». Однако для выявления и последующего изучения экономической составляющей международных конфликтов необходимо сначала получить неоспоримые доказательства как ее присутствия, так и способности оказывать доминирующее влияние на выстраивание конфликтной ситуации. Во-первых, потому, что она в равной степени практически всегда присутствует в международных конфликтах, а во-вторых, потому, что тема экономической составляющей современных международных конфликтов находится за рамками изучения самих конфликтов⁷.

Даже марксистско-ленинская парадигма, единственная из школ теории международных отношений считающая основой взаимоотношений на международном уровне экономику, предлагает весьма упрощенные варианты экономической детерминированности конфликтов. Это не значит, что экономические факторы не играют сегодня конфликтообразующую роль. В рамках функционалистского подхода была сформулирована дихотомия высокой и низкой политики. Согласно ее основному постулату компромиссы в менее приоритетных областях «низкой политики», в том числе экономической, достигаются легче, чем в сфере «высокой политики», когда речь идет о престиже государства и его геополитических приоритетах⁸. Сегодня экономические вопросы могут содержать в себе больше конфликтного потенциала, чем политические. Если заключены об «экономизации» политики можно считать отчасти преждевременными, то факт «политизации» экономики как дополнительного источника международной конфликтности отрицать сложно.

В рамках «политизации» экономики особую важность сохраняет «энергетическая безопасность». В мире нет страны, которая была бы полностью энергетически независимой. Даже основные страны — поставщики энергетического сырья — Саудовская Аравия, Россия, Норвегия, Объединенные Арабские Эмираты и Нигерия — импортируют энергоресурсы в виде нефтепродуктов, электричества, природного газа или угля. В связи с высокой зависимостью современных экономик развитых стран от поставок энергоресурсов проблема обеспечения энергетической безопасности ставится многими странами на вершину списка своих национальных приоритетов. Даже военно-политический блок НАТО, никогда ранее не занимавшийся экономическими проблемами, изучает возможность своего участия в обеспечении международной энергетической безопасности.

Конфликты в энергетической сфере можно условно разделить на две категории. Во-первых, это конфликты, связанные с текущим обеспече-

нием энергоресурсов. Для России речь прежде всего идет о спорах с транзитными государствами, как, например, Украина, неоднократно сокращавшая транзит российского природного газа в страны ЕС через свою территорию по различным причинам — прежде всего финансовым. Энергетические конфликты могут иметь и чисто политическую подоплеку. Именно политические соображения побудили в феврале 2008 г. президента Венесуэлы У. Чавеса отказать на время поставку нефти в США. Политически мотивированной была и угроза руководства Ирана перекрыть в январе 2006 г. Персидский залив, по сути заблокировав поставки нефти с Ближнего Востока.

Во-вторых, это «отложенные» конфликты, связанные с будущим обеспечением мира энергетическими ресурсами, включая расхождение относительно маршрутов их транспортировки. К этим типам конфликтов относятся противоречия, касающиеся развития нефте- и газотранспортной системы России и Центральной Азии, изменения структуры энергопотребления в мире, геологоразведки на континентальном шельфе, новых альтернативных источников энергии.

Другое направление международных конфликтов в экономической сфере связано с темпами экономического развития и экологической безопасностью. Экстенсивное экономическое развитие в ущерб экологической обстановке уже поставило задачу обеспечения устойчивого мирового развития, понимаемого как развитие, укрепляющее нынешний и будущий потенциал для удовлетворения человеческих потребностей. В этом смысле наиболее вероятным сценарием выглядит противостояние между развитыми странами, вынужденными совмещать экономическое развитие с обеспечением высокого уровня экологической безопасности, и развивающимися странами, которые жертвуют экологией ради достижения более высоких темпов развития своих экономик.

Новое в региональных конфликтах 2000-х годов

В 2000-х годах сохранили свою актуальность военные интервенции. Они перестали быть, даже и формально, преимущественно гуманитарными и стали проводиться, как правило, под предлогом самообороны от террористических организаций и государств, оказывающих им поддержку. Такими были операции США и их союзников в Афганистане в 2001 г. и в Ираке в 2003 г.

Собственно гуманитарные интервенции, характерные для 1990-х годов, позднее стали терять привлекательность. Проблематика гуманитарных вмешательств была популярной среди политологов прежде всего

в связи с Косовским кризисом (1999) и международным гуманитарным вмешательством в Восточном Тиморе в 1999 г. В те годы были разработаны теоретико-философские основания гуманитарных интервенций — в частности, концепции «ограниченного суверенитета» и «ответственности по защите» (*responsibility to protect*). Но после событий 11 сентября 2001 г. интерес к гуманитарным интервенциям угас. Угроза транснационального терроризма отвлекла от них общественное внимание.

К концу 2000-х годов стал заметен спад интереса уже к борьбе с транснациональным терроризмом. Одновременно снова стали слышнее голоса сторонников гуманитарных вмешательств, в частности в связи с необходимостью пресечения таких явлений, как этнические чистки, насилие, голод (например, в суданской провинции Дарфур).

Новым типом конфликта 2000-х годов, связанным с ростом активности малых и средних государств, можно считать конфликты «смажжа», «нарочитые конфликты». Их суть состоит в том, что небольшие страны, преследуя цель привлечь к себе внимание, начинают вести себя вызывающе по отношению к заведомо более сильной стране, не предполагая вовсе оказаться вовлеченным в военный конфликт с ней. Либо в этом случае малое государство твердо расценивает за поддержку какой-то третьей мощной державы, либо только на отсутствие у той страны, которую оно провоцирует, политической воли или потенциала применить силу против малого государства.

«Эпатажные конфликты» — неоднократно вспыхивавшие споры между прибалтийскими странами и Россией вследствие резких высказываний прибалтийских политиков по поводу истории 1940-х годов или представлений России в связи с дискриминацией в странах Прибалтики проживающего там русского населения.

Эстония в апреле 2007 г., в канун празднования годовщины победы в Великой Отечественной войне, приняла заведомо провокационное для отношений с Россией решение демонтировать в центре Таллина памятник советскому солдату-освободителю. Эта акция носила явно демонстративный характер, поскольку была приурочена именно ко Дню Победы. Она вызвала острый протест русского населения Эстонии и осложнение российско-эстонских отношений, оживленно обсуждавшиеся в международных СМИ.

Сходным образом Польша в 2006 г. при правительстве Я. Качиньского в ответ на отказ России импортировать недоброкачественное мясо польского производства (при этом предположительно даже не польского, а реэкспортированного из КНР) выступила с рядом резких выступлений в управляющих структурах Европейского союза. Смысл

польских деклараций касался не конкретных торговых трений между Варшавой и Москвой, а долгосрочной стратегии ЕС в отношении России. Понимая, что исполнительные органы Евросовета не были заинтересованы в обострении противоречий с Москвой и желали погасить конфликт, польские представители предельно звучно выступали против работы по подготовке нового базового соглашения между Россией и ЕС. При этом акция Варшавы носила явно демонстрационный характер, поскольку было очевидно, что большинство стран ЕС было заинтересовано в стабильном импорте российских энергоносителей и не желало ссоры с Москвой из-за частного торгового конфликта Польши с Россией в связи с партией продукции сомнительного качества и происхождения.

Но «эпизодические конфликты» могут перерасти в «настоящие» — в этом их реальная опасность. Нападение грузинских войск в августе 2008 г. на российских миротворцев в Южной Осетии вряд ли планировалось грузинской стороной как полномасштабный вооруженный конфликт с Россией. Речь скорее шла о силовой демонстрации — своего рода эпизода. Грузинское руководство хотело продемонстрировать миру свою отвагу и политическое бесстрашие России. Расчет строился на том, что Москва, точно не желавшая осложнять из-за Грузии отношения с Западом, будет вынуждена смириться с действиями грузинских военных в Южной Осетии и отказаться от мысли дать им военный отпор. В итоге «эпизодный» изначально конфликт перерос в обычный асимметричный конфликт между равноветковыми участниками — Грузией и Россией. Очевидно, асимметричные¹⁷ межгосударственные конфликты могут стать более важным фактором международной конфликтности.

Еще одной актуальной проблемой стал расцвет пиратства. Существовавший уже много лет, например, в Малаккском проливе между Малаккским полуостровом и индонезийским островом Суматра очаг пиратства, в последнее время он расширил географию. Наибольшее международное звучание приобрели нападения сомалийских пиратов¹⁸ на суда, следующие из них в Красное море. Только в 2008 г. сомалийскими пиратами было совершено более 100 нападений на транспортные суда различных государств. Их основной добычей стали украинский сухогруз «Фанна», перевозивший танки Т-72, а также гранатометы и зенитные установки в Кения (по другим данным, конечным пунктом груза был Судан). Другим громким случаем пиратства был захват судовского сухогруза под либерийским флагом «Сарнус Стар», транспортировавшего сырую нефть общей примерной стоимостью 100 миллионов американских долларов.

Патрулированием этого района занимается ВМФ стран НАТО, России, Индии, Малайзии, Республики Корея, Саудовской Аравии и Швеции. 7 октября 2008 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1838, разрешающую государствам применять свои силы ВМС и ВМФ для борьбы с сомалийскими пиратами в зоне Африканского Рога. Однако пока против пиратов никаких широкомасштабных системных действий, предполагающих проведение в полномасштабной операции с целью уничтожения их баз, не предпринимается. Вероятно, пока для этого не хватает политической воли и финансовых возможностей ведущих мировых держав. В XIX в., когда пиратство также представляло существенную угрозу безопасному мореплаванию, только решительные действия «владельцев морей» Великобритания помогла решить эту проблему.

Замороженные и «обратно замороженные» конфликты

Сложности, с которыми столкнулось мировое сообщество при урегулировании некоторых конфликтов XX в., привели к тому, что вместо их полного и окончательного решения применялась формула «замораживания» в надежде на изменение политической ситуации и достижение согласия сторон в будущем. На постсоветском пространстве таких конфликтов в 1990-х годах возникло несколько — вокруг Нагорного Карабаха, Приднестровья, Южной Осетии и Абхазии. События августа 2008 г. показали, несколько быстро «замороженные» конфликты могут снова вспыхнуть. Очевидно, любое неосторожное и непродуманное действие может привести к изменению ситуации. Конфликты грузинского руководства с бывшими грузинскими автономиями Абхазия и Южной Осетия были заморожены еще в начале 1990-х годов и с тех пор оставались в этом состоянии. Обе автономии юридически оставались в составе Грузии, хотя фактически были ей неподконтрольны. Однако авантюристическая попытка грузинского руководства установить свой контроль над этими территориями при помощи военной силы спровоцировала вооруженный конфликт с участием России, в котором Грузия потерпела поражение.

Признав независимость Южной Осетии и Абхазии осенью 2008 г., Россия не только взяла на себя ответственность за экономическое выживание и безопасность этих двух новых государств, но и открыла новый этап грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов. Из конфликтов внутри Грузии они превратились в международные конфликты.

Ситуация в Нагорном Карабахе и Приднестровье осталась в замороженном состоянии. Но в обоих патристических образованиях внима-

тельно следят за развитием ситуации вокруг Абхазии и Южной Осетии. Легкость, с которой замороженные конфликты в двух этих республиках перешли в открытую стадию, позволяет говорить о том, что четыре конфликта на пространстве бывшего Советского Союза — это «обратно замороженные» конфликты.

В этом смысле они резко отличаются от, условно говоря, «необратимо замороженных» конфликтов вокруг Тайваня и Северного Кипра, для которых относительная неурегулированность ситуации стала своего рода порогой жизни, а возобновление конфронтации кажется маловероятным. Отчасти основанием для таких оценок является примерное равенство сил противостоящих сторон и отсутствие реальных перспектив для резкого изменения этого соотношения. Тем не менее и «обратно», и «необратимо» замороженные конфликты требуют постоянных усилий для разрешения, так как состояние неопределенности не может вечно удерживать стороны конфликта и мировое сообщество.

В качестве своего рода разновидностей замороженных конфликтов в мире существуют еще и так называемые потенциальные, или «отложенные», широкомасштабные конфликты. В силу разных причин они не находятся в настоящее время в активной стадии, но могут в нее перейти в любую минуту в случае изменения международно-политической ситуации.

Во-первых, это потенциальные международные конфликты, связанные с распространением оружия массового уничтожения, что напрямую касается Ирана, Северной Кореи и Пакистана.

Во-вторых, это конфликтные ситуации, связанные с нерешенностью этнических споров. К числу таковых относятся острая этническая напряженность на Балканах (на территории Сербской Республики, включая мусульманский край Косово, признанный странами Запада в качестве независимого государства) или в Иранде (конфликт с Палестинской автономией). Оба названных конфликта начались как субгосударственные. Сегодня они могут быстро перерасти в полномасштабные международные конфликты и, при неблагоприятном развитии, в региональные.

В-третьих, это спор между Индией и Пакистаном по поводу Кашмира. Уже много лет этот конфликт не получается урегулировать в рамках дипломатических усилий. На пакистанской части исторической кашмирской земли существует непризнанное государство Свободный Кашмир. Этот конфликтный узел в любой момент может породить развитие широкомасштабных боевых действий.

Идеологии в современных конфликтах

Для понимания текущих международных процессов необходимо обратиться к рассмотрению особенностей современных международных конфликтов. Как отмечалось, некоторые из них продолжаютс с конца XX в., другие возникли в начале нового века. Прежде всего, важно понимать, что современная конфликтность развивается на фоне «обратной идеологизации» международных отношений. С 1990-х годов возросло число конфликтов, которые велись под эгидой защиты прав человека и распространения демократии силовыми методами.

В 2000-х годах в республиканском истеблишменте США сформировалась своего рода политико-философская платформа для обоснования силового вмешательства за рубежом Соединенных Штатов. Она состояла из трех взаимосвязанных концепций: «смены режимов», «демократизации» и «превентивных действий». По сути, они составляли единый комплекс теоретических представлений американской администрации об оптимальной внешнеполитической линии поведения США.

Первые две концепции давали политическое, а третья — военное обоснование политики односторонних действий во имя обеспечения национальной безопасности США. Новые концепции строились на трех идеях. Первая была напрямую связана с так называемыми «государствами-изгоями», которые, по мнению США, несут в себе угрозу всему мировому сообществу и поэтому подлежат замене на более дружественные Вашингтону. Вторая идея заключалась в том, что в результате успешной при участии США смены режима в этих странах должна быть создана политическая система, соответствующая американским представлениям о демократии. Третья идея представляла собой набор тезисов, оправдывающих силовое вмешательство США под предлогом профилактики опасности, которая, по мнению американских руководителей, исходит или даже только может исходить от государства, против которого замышляется интервенция¹⁷.

Особенности протекания конфликтов

Важной новой особенностью современных конфликтов является их более ярко, чем прежде, выраженная асимметричность. Все чаще участниками становятся либо страны, несопоставимые (несимметричные) по своим ресурсам (великие державы и малые или средние страны), либо государства и субгосударственные образования (местные территории, повстанческие движения, престо нерегулярные воензированные формирования, криминальные сети).

Другой характерной чертой конфликтности является резкое падение *цели риска региональных войн для мультимиллиардных переходных слоев* и связанное с этим резкое повышение их воинственности вследствие эффекта «безнаказанности». Число убитых военнослужащих технологически передовых стран в региональных конфликтах постоянно уменьшается в сравнении с потерями, которые, например, несли американцы в годы войны во Вьетнаме или вооруженные силы СССР во время первой афганской войны (1979–1989).

При этом — такова еще одна особенность конфликтов — *большинство жертв региональных конфликтов составляют гражданское население*, потери среди которого непропорционально велики по отношению к потерям среди военных. Использование детей-комбатантов⁹ также становится обычной практикой в развивающихся странах.

Интернационализация внутренних конфликтов является следующей характеристикой, отчасти унаследованной от конфликтов конца XX в. Интернационализация происходит «автоматически», как правило, из-за большого количества беженцев, пытающихся найти убежище в странах, соседних с зоной конфликта. Проблема беженцев нередко перерастает в гуманитарную катастрофу для принимающих или ограниченных масштабов которой требуется международное вмешательство. Интернационализация может быть и просто инструментом укрепления политических позиций одной из сторон конфликта, если она имеет основания считать, что выдест внимательных зарубежных союзников или покровителей. Наконец, в ряде случаев интернационализация является своего рода экономически выгодным предприятием, поскольку она может обеспечить одной или обеим сторонам конфликта приток международной помощи, нередко используемой местными элитами не по ее прямому назначению. Утверждение, что любой внутрисоциальный конфликт может приобрести международное звучание, уже не кажется преувеличенным.

Сохраняется и широкое международное вмешательство в урегулирование конфликтов. Это включает вмешательство отдельных стран, межправительственных организаций, международных гуманитарных организаций, международных правозащитных организаций и даже отдельных граждан. Со времени окончания холодной войны в конфликты было вовлечено более 300 различных субъектов, среди которых лишь 80 государств¹⁰.

Характерной чертой современных конфликтов является *расширенная сфера вовлеченных во участие*. Наряду с регулярными войсками в вооруженной борьбе стали участвовать самые разнообразные от-

ряды милиции, формирования партизан, кулацких или религиозных организаций, преступные, повстанческие или террористические группировки, криминальные банды, организованные группы этнических диссидентов, этнические партии, наемники. Большое количество участников и сложность (в ряде случаев) оценить мотивы их поведения снижает управляемость конфликта и затрудняет процесс урегулирования.

Расширение спектра негосударственных участников конфликтов отражает возникающую в 2000-х годах конкуренцию между государствами и негосударственными игроками, главным образом в третьем мире, за право применять силу. Слабые правительства терпят монополию на применение силы на своей территории, а власть фактически переходит в руки локальных политических группировок. Такая ситуация, например, в современном Афганистане, а также в ряде стран Африки.

Важная особенность развития международных конфликтов связана с активным участием в них СМИ. Роль информации в возникновении, развитии и урегулировании конфликтов чрезвычайно велика и многогранна. С одной стороны, журналисты привлекают общественное внимание к проблеме конфликта, вызывают чувства сострадания и участия к жертвам конфликтов. С другой — СМИ нередко превращают локальные боевые действия, конфликты, смерти и убийства в своеобразное «реалити-шоу», мощный и выгодный вид новостного бизнеса. Зрители привыкают к насилию, заинтересовываются им, способствуя размыванию психологических барьеров против убийства и насилия.

Наиболее яркими примерами дурмысленного воздействия СМИ на массовую аудиторию были показы в прямом телеэфире сцен бомбардировок силами НАТО городов и сел Югославии в конце 1990-х годов, а также начальных фаз нападения США на Афганистан и Ирак в 2001 и 2003 гг. Кадры боевых действий не вызвали отторжения, а казались занимательным зрелищем.

Основные возможные сценарии конфликтов XXI века

Порог применения ядерного оружия снижается. Это можно считать обратным эффектом «революции в военном деле» и односторонним результатом его «вертикального» и «горизонтального» распространения. Шансы возникновения ограниченных конфликтов с использованием ядерного оружия становятся выше.

Использование ядерного оружия может последовать со стороны негосударственных участников международного общения, например террористических организаций. В то же время речь может идти о регио-

нальным ядерном конфликте (между Индией и Пакистаном или Ираном и одной из исламских стран). Теоретически, в связи с кризисом концепции «ядерного табу», повышается шанс глобального ядерного конфликта.

По мере истощения невозобновляемых природных ресурсов (нефти и газа), а также сокращения возможности использования некоторых видов возобновляемых ресурсов (в первую очередь водных) могут возникнуть конфликты за право обладания ими. Значительные запасы возобновляемых и невозобновляемых природных ресурсов повышают шансы России быть втянутой в конфликты подобного рода.

Велика вероятность дальнейшего распространения асимметричных конфликтов любого типа — с участием государств, национально-освободительных, религиозных, сепаратистских и других радикально-политических межэтнических и повстанческих движений.

Новым типом международных конфликтов может стать противоборство, порожденное созданием передовых технологий, способных оказать значительное влияние на темпы экономического развития. Речь может идти, например, о технологиях замещения невозобновляемых природных ресурсов, значительного сокращения энергопотребления, промышленных выбросов¹². Ускорение конкуренции в сфере создания и применения нано-, био- и других технологий, нововышедшие средства коммуникации и виды оружия также может стать фактором возрастания конфликтного потенциала.

Международные конфликты органически присущи системе международных отношений, построенной на соотношении сил, между нациями и государственными субъектами множества сталкивающихся интересов. Человечество не выработало новый тип бесконфликтного взаимодействия. Поэтому важно понимать тенденции формирования потенциала международной конфликтности и стремиться действовать в направлении его сокращения.

Примечания

¹ Pridem L., Wolfenson P. *Armed Conflict, 1946–2008* // *Journal of Peace Research*. 2009. Vol. 46. Iss. 4.

² Подробнее об этих аспектах см.: Бончуров А. Д. «Конфликты децентрализованной мировой системы» // *Экономика и политика в современных международных конфликтах* / Отв. ред. А. Д. Бончуров. М.: Восток-Лекс, 2008.

³ Арбатова А. Дипломатия силы в начале XXI века // *Свободная мысль*. 2004. № 4.

⁴ Индия, Пакистан и Израиль никогда не участвовали, а Северная Корея вышла из договора в 2003 г. после того, как его нарушила. Израиль никогда не берет участия не проводил, а Северная Корея провела свое первое испытание ядерного оружия 9 октября 2006 г. Однако эксперты многих стран полагают, что это могло быть не ядерное устройство, а конвенциональный заряд высокой мощности.

⁵ Фельдман, Г. М. Россия перед будущими международными конфликтами // *Взгляд*, 2007. № 12.

⁶ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена указом Президента Российской Федерации В. В. Путина № 760 от 21 апреля 2000 г.

⁷ Подробнее об этом см. Барановский В. Г. «Сбалансированный» исследование о конфликтах // *Экономика и политика в современных международных конфликтах* / Отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

⁸ Там же.

⁹ Суданская провинция Дарфура является ареной противостояния гражданского населения и регулярных правительственных вооруженных подразделений «Джашида» с местными антиправительственными военизированными группировками. Возникший в 2003 г. вооруженный конфликт, в основе которого лежит вопрос о разделе доходов от добычи нефти в Дарфуре, уже в 2004 г. привел к гуманитарной катастрофе, предельные последствия которой стало невозможно без вмешательства мирового сообщества. Всего с начала конфликта в 2003-м году количество погибших, в том числе от голода и болезней, оценивается в 300–400 тыс. человек, а количество беженцев – в 2,5 млн человек.

¹⁰ «Асимметричный конфликт – вооруженное столкновение, в котором силы участников явно несимметричны или противники опираются на тактически разные ресурсы борьбы. Подробнее см.: Дарманян Д. В. Асимметричные конфликты. Уравнение со многими неизвестными. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009.

¹¹ Социально-экономические перемены создали различную угрозу безопасности и маргинализации в Аденском заливе и у восточных берегов Африки, вдоль которых проходит морские пути из Индийского океана в Средиземное море и из Красного моря к мысу Доброй Надежды.

¹² Подробнее см.: Барановский А. Д. «Конфликты децентрализованной мировой системы» // *Экономика и политика в современных международных конфликтах* / Отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 25–45.

¹³ Большинство лиц моложе 18 лет в вооруженные конфликты противостоят международному гуманитарному праву. Конвенция о правах ребенка и Факультативную протокол к ней, касающуюся участия детей в вооруженных конфликтах. Однако в некоторых конфликтах противоборствующие стороны систематически похищают детей для использования их в военных действиях. Во время гражданской войны в Сьерра-Леоне примерно 10 тыс. подростков были вовлечены в вооруженные столкновения. По данным ООН, сегодня 300 тыс. детей-солдатов участвует в военных действиях в 30 странах мира.

¹⁴ Вильям В. Современные западные исследования международного конфликта // *Международные процессы*, 2005. Т. 3. № 2 (8).

¹⁵ Фельдман Г. М. Россия перед будущими международными конфликтами // *Взгляд*, 2007. № 12.

Список рекомендуемой литературы

- Барановский В. Г. Конфликты и мировая политика. М.: АСТ Москва, 2008.
- Дарманян Д. В. Асимметричные конфликты: Уравнение со многими неизвестными. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009.
- Косидовы В. Пороговый уровень и вероятность конфликта США с Россией // *Международные процессы*, 2008. Т. 6. № 3 (18). Сентябрь–декабрь.
- Политическая конфликтология / Под ред. С. А. Лаврова. СПб.: Питер, 2008.

Финке А. Современные военно-политические конфликты США // *Международные процессы*. 2009. Т. 7. № 1 (18). Январь—апрель.

Внешняя и политика в современных международных конфликтах / Отв. ред. А. Д. Вострунов. М.: Изд-во ИКП, 2008.

Kahle M. *New & Old Wars: Organized Violence in a Global Era*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2007.

Nye Joseph S. Jr. *Understanding International Conflicts*. Seventh Edition. N.Y.: Longman, 2009.

ГЛОБАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НЕРАВНОМЕРНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Среди общепланетарных проблем есть особая — проблема неравномерности мирового развития, его уровня и качества. Именно неравномерность развития задает разделенность мира на Центр и Периферию, Север (Запад) и Юг (Восток). Проблема состоит не в неравномерности как таковой — общественные процессы нередко протекают неравномерно, асинхронно, и это является скорее правилом и нормой. Сложность в том, что в ряде случаев неравномерность означает серьезные диспропорции между различными обществами и государствами и создает непримиримые противоречия в мировом сообществе.

Неравномерность такого рода имеет последствия экономического, политического и социокультурного характера, накладывая отпечаток на международные отношения, порождая различного рода конфронтации и конфликты. Поэтому неравномерность развития находит в одном ряду с «классическими» глобальными проблемами — демографической, экологической и другими.

Историко-политические предпосылки неравномерности

Выражение «Центр–Периферия», обозначающее развитые и развивающиеся страны, основано на исторических реалиях. Экспансия Запада в другие регионы мира началась со времени Великих географических открытий и приобрела регулярный характер с началом промышленной революции в Европе. К началу XX в. завершился колониальный раздел Африки и Азии, в полуколониальную зависимость попал Китай. Немногом лучше было положение формально независимых государств Латинской Америки.

Сырьевая специализация стала уделом зависимых стран. В Латинской Америке она обозначилась еще при испанцах. После освободительных войн начала XIX в. в этой части мира произошла svolta «ооциана», в роли которой выступила Великобритания. Британцы, стимулируя латиноамериканский сырьевой экспорт, «продавливали» на местные рынки собственные промышленные изделия. В XIX в. Британция контролировала, помимо значительной части экспорта Латинской Америки, примерно половину ее импорта и формировала местную производственную и финансовую инфраструктуру.

В Латинской Америке начали строиться железные дороги, вошелся телеграф, создавалась коммерческая компания. Но этот модернизаци-

ционный прогресс был лишь внутренним источником развития. Технологические новшества и предприятия современного типа оплачивались в основном заемными средствами. В результате возникали периодические долговые кризисы, закреплявшие ситуацию зависимости.

В Аргентине в конце XIX в. многие крупнейшие предприятия, банки и железные дороги принадлежали иностранному капиталу. В Уругвае экспортный сектор был в руках владельцев крупных ранчо — нескольких сотен семей аргентинского происхождения. Латифундистская олигархия вместе с прослойкой коопрадорской буржуазии и вероушечкой чиновничества блокировала реформы. Доходы от экспорта редко направлялись в смежные отрасли и процесс развития в целом.

Примерно с последней трети XIX в. роль «золотина» Южной и Центральной Америки перешла к США. Новая «рука» оказалась тяжелее прежней — помимо внешнеэкономической экспансии, усилилось политическое и военное давление. За полтора века — от провозглашения доктрины Монро до 1970-х годов — США вмешивались в дела латиноамериканских государств в среднем раз в год. Принуждение к заключению кабальных экономических договоров, насаждение удобных Вашингтону правителей и организация военных переворотов стали обычным делом. Сильные акции были призваны обеспечивать интересы могущественных североамериканских компаний, получивших повышенные прибыли при разработке природных ресурсов континента — благодаря дешевой рабочей силе, льготным условиям налогообложения и пр.

Внешние факторы оказали крайне неблагоприятное воздействие и на положение Африки. Прежде всего, следует сказать о работорговле (XVI—XIX вв.) — предводил колониализма. Следствия были трагическими. Количество «унесенных ветром» работорговцев (если считать не только добравшихся, но и умерших в пути, а также погибших во время набегов с целью захвата рабов) исчисляется десятками миллионов человек. Значительным был урон культурный и моральный — западные работорговцы привлекали к своему ремеслу африканских правителей, спрашивали местные этносы. Коррупция, предательство, жестокость, милитаризм, унижение — все это стало порождением охота на людей.

Европейский колониализм пришел в Африку во второй половине XIX в. — когда промышленная революция охватила западные страны. От новых владений колонизаторам нужно было сырье и продукты сельскохозяйственного экспорта. Развивались плантации, создавались горнодобывающие производства, строились железные дороги. На эти объекты привлекалась туземная рабочая сила — путем найма или принудительно. Уход значительной части мужского континента на зарпа-

ботки, а также илтыеие наиболее плодородных земель под плантации подрывали традиционную систему хозяйства.

Хозяйственные неурядицы дополнялись социальным разбродем. Колонизаторы подкупали вождей, создавая узкую прослойку выдвигавших на низшие управленческие должности, которые оказывались оторванными от остального населения и противопоставленными ему. Отход на заработок в города способствовал усилению социального неравенства. В городах скапливались неустрашенные люди, привлеченные посулами легких доходов, но на деле попиравшие риты люмпенства.

Наконец, колонизация принес культурную дезинтеграцию. Не случайно с приходом колонизаторов среди африканцев усилился страх перед вдовством, стремление объяснить возникающие проблемы действием негативных магических сил. Вещная модернизация оборачивалась феноменом аутовой архаизации.

В период между Первой и Второй мировыми войнами сложилась преимущественно монокультурная привязка хозяйства стран Азии и Африки к мировому рынку. В 1929 г. экспорт составлял 32% экспорта Индонезии и Филиппин, чай — 49% вывоза Цейлона, натуральный каучук — 49% экспорта Малайи. Последовавший в начале 1930-х годов мировой экономический кризис, вызвав падение цен на сырье, больно ударил по хозяйству большинства колоний. Тем не менее монокультурная специализация в международной торговле сохранялась и усиливалась. Фактически экспортный сектор зависимых стран был не столько частью местного хозяйства, сколько дополнением экономики метрополий.

Социально-экономический разрыв между колониями и метрополиями продолжал нарастать в межвоенный период, его сокращение в рамках сложившейся сырьевой специализации колоний казалось невозможным. В то же время к середине XX в. появились первые примеры отсчитываемых успехов в продолжении отсталости (латиноамериканские страны 1930–1940-х годов, СССР в частности его среднеазиатские республики). Необходимой предпосылкой успехов выступала политическая самостоятельность.

Ослабление европейских метрополий в ходе Второй мировой войны облегчало борьбу за политическую независимость. В 1943–1950 гг. независимость обрели Вьетнам, Индия, Индонезия, Норданныя, Республика Корея, КНДР, Лавос, Ливан, Пакистан, Сирия, Филиппины, Цейлон (Шри-Ланка). В октябре 1949 г. была образована КНР. Основная часть населения азиатских колоний и полуколоний вступила на путь самостоятельного политического развития. В 1950–1970-х годах независимость получили Камбоджа, Малайзия, Сингапур, Кувейт,

Мальдивская Республика, Бангладеш, Бразилия, Катар, Оман, ОАЭ. После воссоединения с КНР британского Гонконга (1997 г.) и португальского Макао (1999 г.) в Азии не осталось колониальных владений.

Распад колониальной системы стал одним из главных событий XX в. В освободившихся странах Азии и Африки развернулся процесс модернизации. Его экономическое содержание обычно сводят к постепенной замене традиционных методов производства (основанных на ручном инструментальном труде) современными, базирующимися на применении машинной техники. Понятие «модернизации» в такой трактовке близко к сочетанию «промышленный переворот», «индустриальная революция». Оно включает урбанизацию и «зеленую» революцию.

Модернизация подразумевает взаимодействие у более развитых стран с развивающимися там систем организации производства, образования, науки, обороны и их адаптацию к местным условиям конкретной страны. И взаимодействие, и адаптация сопряжены с трудностями. В ходе их преодоления возникала разнообразная форма синтеза традиций и современности, взаимостранового и анднационального. Успешный синтез проявлялся в стабильных темпах экономического роста, сокращении бедности, расширении кадровой базы модернизации, более самостоятельном развитии науки и техники.

Ускорение темпов роста развивавшихся стран в 1950–1960-х годах базировалось на внутренних факторах. Достижение политической независимости создавало благоприятные условия для экономического роста из-за устранения дискриминации, ликвидации неэкономического принуждения, сокращения насильственного изъятия чистого продукта, ограничения внешней конкуренции. Модифицировалась роль национального государства. Оно устраняло наиболее архаичные отношения, создавало приоритетные объекты инфраструктуры и промышленности, поддерживало местное предпринимательство. В ряде развивавшихся стран и территорий с помощью государства был успешно запущен механизм экспортной ориентации.

Движение за новый международный экономический порядок

Во второй половине 1960-х и начале 1970-х годов в рамках ООН и ее институтов набрало силу движение за новый международный экономический порядок (НМЭП). Он предусматривал облегчение положения развивавшихся стран за счет улучшения условий торговли сырьем и экспорта технологий, увеличения экономической помощи, уменьшения долгового бремени. В 1974 г. Генеральной Ассамблеей ООН были

принята Декларация об установлении нового международного экономического порядка и Хартия экономических прав и обязанностей государств. Однако воплотить в практику большую часть положений этих документов не удалось во-из-за сопротивления развитых государств.

Разумеется, проблемы на пути модернизации развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки нельзя объяснить только внешними причинами. Свои руководители этих государств нередко оказывались не готовыми к выработке адекватной стратегии развития и проведению ее в жизнь. Торжеством успешного развития стал бюрократический аппарат освобожденных государств. Его костяк в Азии и Африке часто составляли кадры колониальной администрации, перенесшие в практику управления худшие черты чиновничьей среды тех времен — приниженность, кастовую замкнутость, консерватизм, мздоимство. Этим оказалось заражено и новое поколение управленцев, как правило, неопытных и малограмотных. В бедном обществе власть становилась привлекательной и престижной как главный способ обогащения.

Экономические неудачи порождали политическую нестабильность, частую смену лидеров и режимов путем военных переворотов, которые объяснялись их неинтересом необходимостью «наведения порядка» и борьбы с коррупцией, но на деле приводили к еще большим беспорядкам и коррупции. За первые сорок лет независимости только в Африке произошло около сорока военных переворотов. К этому надо прибавить гражданские войны, которые начались почти сразу после освобождения от колониализма (Заир, Нигерия). Один только атакейский конфликт между племенами тузен и хуту в Руанде в 1994 г. унес жизни более чем миллиона людей. В этом же ряду — межплеменные войны в Либерии и Сьерра-Леоне.

Измерение неравномерности развития

Современные экономисты сталкиваются с трудностями при измерении благосостояния отдельных стран с помощью стоимостных индикаторов. Колебания на финансовых рынках затрудняют сопоставление ВВП отдельных стран на основе валютных курсов. Сложным является и измерение ВВП по паритету покупательной способности (ППС). Этот показатель учитывает разницу в уровнях цен на рынках разных стран.

Поэтому оценки уровня развития дополняют с помощью натуральных или комбинированных индикаторов. Среди последних выделяется индекс человеческого развития (*Human Development Index — HDI*). Он учитывает, помимо ВВП, ожидаемую продолжительность жизни и дос-

товления в сфере образования. Этот индикатор появился недавно, но в дальнейшем будет приобретать более важное значение. Он показывает возрастающую роль социальных и интеллектуальных факторов в процессах развития и будет способствовать преодолению экономоцентризма в обществоведении. Уровень НИИ заметно выше у стран Севера (Запада), но ряд стран Юга (Востока) в последнее время добились немалых успехов в прогрессе своего человеческого потенциала.

Темы экономического роста (прироста ВВП) — еще один важный показатель. Он позволяет оценить скорость, с которой меняется благосостояние отдельных стран, их конкурентоспособность и инвестиционная привлекательность.

Некоторое представление об общих сдвигах в благосостоянии отдельных стран и регионов дают данные о душевом ВВП (табл. 1). С одной стороны, принципиально не изменилось деление мира на «богатый Север» и «бедный Юг». Абсолютный разрыв в уровне душевых доходов между развитыми и развивающимися странами продолжает сохраняться.

Таблица 1

ВВП на душу населения, тыс. долл. США (ППС, цены 2005 г.)

Страны и регионы	Годы			
	1980	1990	2000	2005
Весь мир	6,2	7,1	8,3	9,8
Развитые страны	21,0	26,6	31,9	34,2
Развивающиеся страны	2,4	2,9	4,2	5,6
Латиноская Америка	7,6	7,0	8,1	8,5
Азия (без БСВ ¹)	1,4	2,3	3,9	5,6
Китай	0,9	1,7	4,3	7,7
Индия	1,4	1,9	2,8	3,5
БСВ и Северная Африка	5,8	5,8	6,0	7,0
Африка (кроме Сахары)	2,1	2,0	1,9	2,1
Восточная Европа	8,6	8,7	10,2	12,7
Россия	13,4	13,0	8,0	11,0

Примечание. ¹ Включает в Средний Восток.

Источник: Мировая экономика. Прогноз до 2020 г. / Под ред. А. А. Давыдова. М.: Милград, 2007 (с поправкой на корректировку ВВП в 2005 г.).

В относительном выражении ситуация выглядит лучше: средние доходы в развитых странах в 1990 г. превышали аналогичный показатель развивающихся государств в 9,2 раза, в 2000 г. в 7,6, а в 2005 г. — в 6,1 раза. Главным образом этот положительный сдвиг достигнут благодаря высоким темпам экономического роста в Азии, особенно Китае и Индии.

Высокие темпы хозяйственного роста и приближение стран Азии к среднему показателю дохода демонстрируют возможность выхода из традиционной связи «Центр–Периферия», в которой уделом последней является бедность, отсталость и зависимость, или, по крайней мере, уменьшения данных диспропорций. Среди азиатских мега-экономик на ведущую промышленную дорожку — Китай — приходится более 25% мирового промышленного производства, и этот показатель ежегодно увеличивается на 1,7%.

Примечательно, что в лидеры мировой хозяйственной динамики к началу нового века вышли крупнейшие азиатские государства (табл. 2), в которых несомненно факторы играют относительно меньшую роль, хотя и активно используются. Наиболее стабильных темпов роста добился Китай, в котором государство сохраняет контроль над ключевыми отраслями хозяйства, включая банки, инфраструктуру и связь, информационную и внешнеэкономическую сферу.

Таблица 2

Среднегодовые темпы прироста ВВП, %

Страны и регионы	1971–1980	1981–1990	1991–2000
Весь мир	3,5	2,9	2,6
Развитые страны	3,1	2,7	2,1
Развивающиеся страны	5,3	4,5	5,1
Латинская Америка	6,6	1,2	2,6
Азия (без БСВ ¹)	4,4	8,1	6,8
Китай	3,1	11,1	7,8
Индия	4,1	5,3	7,9
БСВ и Северная Африка	6,0	2,0	3,1
Африка (кроме Сахары)	2,3	1,7	1,3
Восточная Европа	2,3	0,5	1,1
Россия	2,1	0,5	-6,3

Примечание: ¹ Ближний и Средний Восток.

Источник: Мировая экономика. Глобальные тенденции на 100 лет / Под ред. Н. С. Корольева. М.: Экономика, 2003. С. 302–308.

Вместе с тем в среднем по уровню развития и технической оснащенности разрыв между центральными и периферийными странами остается еще весьма высоким. В частности, по производству промышленных изделий на душу населения первые превосходят вторые в 6,4 раза, по производству продукции машиностроения — в 9 раз¹.

Наиболее эффективным реальным средством преодоления отставания остается индустриализация. В 2001–2005 гг. темпы роста промышленного производства опережали увеличение объема производимых услуг в КНР, Индии и Малайзии. Та же тенденция отмечалась в Монголии, Вьетнаме, Лаосе, Камбодже, Таиланде, а также Турции, Иране, Пакистане, Бангладеш, Узбекистане и Туркменистане. С учетом роста цен на нефть выросла и доля добывающей промышленности в ВВП стран-нефтеэкспортеров. В Сингапуре, на Филиппинах, в Индонезии и Республике Корея промышленный рост по темпам лишь немного уступал динамике третичной сферы.

Уровень и качество жизни — не одно и то же. Среди прочих поправок к уровню душевого дохода при вычислениях качества жизни учитывают равномерность распределения доходов в данной стране: более равномерное распределение означает при прочих равных условиях и более высокое качество жизни.

В таблице 3 приводятся данные об индексе Давни в отдельных странах (чем ближе к 100 этот показатель, тем ниже неравномерность распределения доходов). Хорошо видно отставание развивающихся стран в этой области. Заметим, что российский показатель (по разным оценкам составляющий 0,32–0,60) близок к худшим моделям.

Таблица 3

Социальные разрывы в отдельных странах мира

Страны и территории	Индекс Давни (по доходу)	Индекс Давни (по количеству)	Капитальный разрыв ²
КНР	47,25	55,0	11,37
Индия	36,22	66,9	5,32
Вьетнам	24,90	64,7	3,37
США	39,42	80,1	8,44
Республика Корея	31,33	57,9	3,47
Таиланд	33,85	65,4	6,05
Франция	27,00	75,0	4,11
Германия	25,00	67,1	3,50

Обобщенная табл. 3

Страны и территории	Индекс Давни (по доходу)	Индекс Давни (по неравенству)	Качественный разрыв*
Бразилия	56,99	78,3	23,00
Мексика	51,20	74,8	16,90
Индонезия**	34,30	76,3	5,13
Таиланд**	41,96	70,9	7,71
Малайзия**	40,33	—	7,70
Вьетнам	37,08	68,0	6,24
Пакистан	31,18	69,7	4,46
Китайская**	33,85	—	5,61
Белоруссия	27,67	—	3,97
Монголия**	32,84	—	3,44
Нигерия	43,66	73,5	9,80
КАР	57,77	—	20,50

Примечания. * Отношение доходов 20% наиболее обеспеченных к доходам 20% наименее обеспеченных слоев населения.

** Страны, где разрыв в доходах за последние десять лет сократился.

Рассчитано по: Key Indicators of Developing Asian and Pacific Countries. ADB, 2007.

Международные программы пока не в состоянии оказать заметное смягчающее воздействие на разрыв в уровнях благосостояния развитых и развивающихся стран или ликвидацию социальных разрывов в последние. Официальная помощь развитию (*Official Development Assistance — ODA*) сокращается в относительном выражении. В начале 1990-х годов она составляла 0,35% ВВП развитых стран, к середине десятилетия этот показатель упал до 0,22% и несколько повысился (до 0,25%) к 2005 г. В абсолютном выражении этот поток возрос с 62 млрд долл. в 1997 г. до 78 млрд долл. в 2005 г. Но этого далеко не достаточно, не говоря об эффективности использования этих средств местной бюрократией.

Добиться существенного сокращения относительной и абсолютной численности населения, проживающего за чертой бедности, пока удалось лишь в Азии — в основном опираясь на собственные силы. Так, в КНР с 1990 по 2005 г. число бедняков уменьшилось более чем вдвое. В то же время массово бедноты охватывает 42% населения в Индонезии и Гондурасе, 62% — в Ботсване. В целом же в зоне бедности или за чертой бедности в мире находится порядка 3 млрд человек — главным образом в развивающихся странах¹.

Неравномерность развития проявляется не только в диспропорциях между странами Севера и Юга, но и внутри самих стран мировой Периферии. Среди них все более выделяются крупные развивающиеся страны — Китай, Индия, Бразилия. Фактор «крупности», а также целенаправленная экономическая стратегия развития позволяют им концентрировать значительные ресурсы на нужных направлениях и наращивать свой промышленный, технологический и научный потенциал, соответственно повышая доходы значительных групп населения, душевой ВВП. Но одновременно растет число стран, где душевой ВВП стагнирует или даже сокращается. Это так называемые наименее развитые страны. Если лет 30–40 назад на обочине социально-экономического прогресса находилось около четверти развивающихся, то к концу XX в. их стало уже более трети (35 стран) — из Азии, Латинской Америки и особенно Африки. Разрыв в уровне жизни и душевом ВВП между этими «исolation» и развитыми странами особенно внушителен и постоянно растет. Это отставание видно на сравнительные показатели всего развивающегося мира. Если четверть века назад страны Севера/Запада по душевому ВВП превосходили страны Юга в 20 раз, в конце XX в. — в 42 раза, то к 2015 г. эти цифры могут вырасти до 62 раз¹.

Периферия в условиях глобализации

С середины 1970-х годов центропериферические отношения складываются под воздействием глобализации. Последняя на современном этапе² представляет собой объемный процесс интенсификации — на основе достижений научно-технической революции — различного рода контактов между государствами, народами, национальными хозяйственными субъектами, что в принципе создает новые возможности для их сотрудничества и взаимосодействия.

Но процесс этот пока идет преимущественно в односторонней форме «сладкой жизни» (термин А. А. Зиновьева), навязываемой западными политиками, экономическими и культурными элитами своих стереотипов сознания, политического устройства, рыночных механизмов, культурных ценностей незападным областям. Это — субъективная сторона глобализации, форма, в которой она протекает, порождает конфликты, осложнения, контрреакции. Политико-идеологический прессинг Запада осуществляется прежде всего в форме демонстрации превосходства американской и западноевропейской моделей политического и экономического устройства (по критериям инновационности, рационализма, эффективности). «Философским обрамлением» этого натиска являются некоторые идеологизированные постулаты либерализма и

стереотипы понимания демократии, редуцированные, суженные до 66 американских и западноевропейских трактовок.

Для восточных обществ такая ситуация воспринимается не только как угроза всеобщей унификации, «усреднения», утраты своей идентичности (на сознательной основе рыночного фундаментализма и культуры потребительства), но и открывающая другие негативные перспективы — попадание под диктат того, что испано-американский ученый Мануэль Кастельс назвал «фундаментальной асимметрией»¹.

Эта асимметрия пролегает не только между Центром и Периферией, но и внутри самой Периферии. Часть периферийных элит включается процессами глобализации в международную элиту — так называемую Давосскую цивилизацию — по названию ежегодной встречи в швейцарском курорте Давосе ведущих политиков, предпринимателей и экспертов из многих стран, на которой вырабатываются рекомендации по экономической политике для мирового сообщества. Носители «давосского сознания» из числа лидеров развивающегося мира лучше чувствуют себя в окружении международного истеблишмента, чем в среде своих собственных стран. В итоге внутри соответствующих государств происходит социокультурный раскол.

О глобализации как факторе изменений в отношении стран Центра и Периферии можно говорить начиная с рубежа конца 1970-х годов. Тогда страны Севера (Запада) отказались принять предложения стран Юга (Востока) по установлению более равноправного в плане торговли и хозяйственного сотрудничества нового мирового экономического порядка. Тогда же возник всемирный кризис задолженности. В его основе — увлеченность развивающихся стран избыточными денежными кредитами, возможность предоставления которых была связана с перестановкой мировых финансовых каналов легкими «нефтяными деньгами». Их выдавали в западные банки арабские страны — экспортеры нефти после того, как в ходе первого «нефтяного шока» 1973–1974 гг. резко выросли мировые цены на нефть. Вскоре выяснилось, что развивающиеся страны не могут вернуть долги. Произошло то, что экономисты называют *debt trap* — «обременение долгом», причем непопулярным.

В это время страны Запада и международные финансовые организации (МВФ, МБРР и ГАТТ) стали менять отношение к экономикам, появились программы «структурной адаптации» — «забыли помощи», которые предоставляются периферийным странам, но под жесткие условия либерализации внешнеэкономической деятельности, девальвации национальной валюты, приватизации госпредприятий, сокращения социальных расходов.

Некоторые из этих мер позволили добиться экономии государственных расходов. Но прежде всего их цель состояла в ограничении prerogative государства по проведению самостоятельной экономической политики и созданию механизмов для управления этой политической гоним. Логика управления заключалась в стимулировании возврата долгов.

Результаты принятых мер были противоречивыми. В Латинской Америке 1980-е годы считались «потерянным десятилетием». Внешний долг скорее рос, чем сокращался, — ибо, помимо самого долга, надо было обслуживать растущие проценты по нему. В ряде случаев имело место увеличение долга в 2–4 раза. В некоторых странах (Мексика, Перу, Филиппины, Алжир, Кат-д'Ивуар) снижался ВВП на душу населения¹.

В 1990-х годах стратегия «структурной адаптации» переросла в осуществление неолиберальных реформ в развивающихся странах. Эта система мер, разработанная американским экономистом Ф. Вильямсоном, предназначалась для Латинской Америки, но затем стала рекомендоваться всем развивающимся странам. Суть ее заключалась в поощрении открытости рынков периферийных стран, либерализации торговли, финансовой сферы, приватизации государственных предприятий, значительном сокращении функций государства в экономике по принципу «рынок сам решит все проблемы». Чрезмерная открытость не способствовала развитию национальных экономик и приносила краткосрочные дивиденды их партнерам из числа развитых стран, а также укрупняла группы местного бизнеса.

Показателен пример Аргентины. Какое-то время неолиберальные реформы создавали иллюзию развития, хотя экономический рост, так же как и финансовая система, поддерживался главным образом внешними заимствованиями. За счет этого высокие доходы некоторые время имели аргентинская верхушка и часть среднего класса. Но реформы не смогли стимулировать реальное развитие. Долги оказались нечем платить. В итоге наступила социально-экономическая катастрофа Аргентины в 2001–2002 гг. Крупные экономические и социальные потрясения имели место также в Мексике (1994–1995 гг.) и Бразилии (1998 г.). Вслед за «потерянным десятилетием» пришло «потерянное пятилетие» 1999–2003 гг. с нулевым приростом душевного ВВП. Неолиберальная модель способствовала обострению социального неравенства на Периферии. По Латинской Америке бедные слои населения составляли в последнем десятилетии XX в. порядка 50% населения.

Катастрофической оказалась ситуация в Тропической Африке. Пример этого региона иллюстрирует никакую эффективность экономического содействия со стороны развитых стран, в том числе по каналам

официальной помощи развитию. В этом регионе доля бедняков составляет более половины населения. В целом в странах к югу от Сахары, ближневосточных и латиноамериканских государствах среднестатистовой темп роста эффективности экономики за последние четверть века (с 1980 по середину 2000-х годов) был близок к нулю⁷.

Сокращение бедности и выравнивание уровня доходов — не только важнейшая социальная задача, но и действенный рычаг экономического роста. Более равномерное распределение доходов ведет к увеличению массового потребительского спроса и расширению внутреннего рынка.

Эта закономерность прослеживалась на примере новых индустриальных стран первой волны — Южной Кореи, Сингапура (Бонксонга), Сянганура и Тайваня. Крутые условия в перераспределении доходов предпринимались с 2003 г. в Китае: к настоящему времени крестьяне освобождены от всех налогов, растут дотации хлеборобам, государство активно инвестирует в сельскую инфраструктуру. Это свидетельствует о том, что некоторые периферийные страны (прежде всего Китай и Индия) не только не пострадали в процессе глобализации, но даже смогли воспользоваться выгодами от нее. Эти страны избежали увлечения историческими догмами и неолиберальными реформами.

Неравномерность развития и финансовые кризисы

Фактором усиления неравномерности экономического развития стали различные валютно-финансовые кризисы. Их первые примеры во второй половине XX в. дала Латинская Америка. Либерализация финансового рынка в Аргентине, Чили и Уругвае, ослабление государственного контроля над банками, их приватизация, а также отказ от регулирования уровня процента и операций по счетам международного движения капитала («двойная либерализация») в начале 1980-х годов привели к девальвациям национальных валют и острому банковскому кризисам. Схожие меры, в те же годы принятые в Турции и на Филиппинах, привели к аналогичным результатам. По данным нобелевского лауреата Дж. Стиглица, в 1980–1990-х годах на Периферии произошло около ста финансовых кризисов. В большинстве случаев они были связаны, так или иначе, с либерализацией финансовых потоков и ослаблением государственного регулирования в этой сфере.

Трудности нередко усугубляются действиями МВФ и международных спекулянтов. Как правило, последние оперируют деньгами, которые поступают во государственных бюджетов за счет кредитов МВФ. В каком-то смысле международные финансовые институты, если они не до конца контролируют движение средств, которые они представляют тем или

ными правительствам, фактически помиривают спекулятивный бизнес. Такая ситуация характерна прежде всего для развивающихся стран.

Как отмечает Дж. Стиглиц, миллиарды долларов, которые МВФ предоставляет этим странам, предназначены для поддержки валютных курсов, на что отводится определенное время. Но местные и иностран- ные держим нередко успевают использовать это время для того, чтобы вывести деньги из страны и вложить («обернуть») их где-либо на более выгодных для себя условиях. При этом государство выступает гарантом выплаты долга МВФ, т.е. его обслуживание ложится на плечи налого- плательщиков. Если государственные деньги попадают в частные руки, то фактически выгоды от «обкрутки» денег идут частному бизнесу, а проплата по обслуживанию долга оплачивает государство — «...происхо- дит фактическая национализация частных обязательств. Во время ази- атского кризиса это было выгодно только американским и европейским кредиторам»⁴.

Кризис 1997–1998 гг. в развивающихся странах привел к значитель- ному усилению государственного контроля над финансовым сектором. Он прервал начавшийся в 1980-х годах процесс либерализации креди- тной сферы. Его воздействие оказалось особенно тяжелым в Таиланде, Южной Корее, Малайзии и Индонезии. Во всех этих государствах од- ной из причин кризиса была слишком рискованная практика местных кредитных учреждений, включавшая чрезмерные зарубежные заимствова- ния. В Малайзии было осуществлено 30 слияний (поглощений) креди- тных организаций (до кризиса их насчитывалось 90). В Индонезии из 238 банков на плыву осталось 155. Продолжение кризиса потребовало круп- ных затрат, составивших от 4% ВВП в Малайзии до 16% в Таиланде. К кон- цу 1999 г. на содержание банков в Индонезии было израсходовано 14 млрд долл., в Таиланде — 11 млрд, в Малайзии — 3,5 млрд, в Республке Корея — 47 млрд. Пришлось прибегнуть к новым заимствованиям. В пострадавших от кризиса странах резко увеличился внешний долг.

Уроки из кризиса извлечли почти все развивающиеся страны. Имен- но тогда укрепилась позиция сторонников осторожного подхода к фи- нансовой либерализации в Китае и Индии. В КНР после кризиса была начата программа санации банковской системы. Проблема «плохих дол- гов» стала одной из главных забот Резервного банка Индии. Существен- но сократились заимствования азиатских государств на международном рынке ссудного капитала, повысилась избирательность в отношении портфельных инвестиций.

Кризис «новой экономики», начавшийся в 2001 г., сильно ударил по экспорту ряда азиатских стран. Его сокращения составило от 6% в Гонконге, до 7–13% в Таиланде, на Тайване, в Сингапуре, Малайзии,

Республике Корея и Индонезия и почти 16% на Филиппинах. Падение экспорта вызвало снижение ВВП на Тайване (более 2%) и в Сингапуре (2%), а также резкое сокращение темпов роста в остальных восточноазиатских странах. Меньше пострадали страны Южной Азии и Китая. Темпы экономического роста оказались выше в странах с относительно низкой степенью открытости хозяйства.

К середине 2000-х годов стало очевидно, что развивающиеся страны не воспринимали неолиберальную формулу развития «финансы Запада плюс ресурсы Востока». Страны периферии не допустили полной либерализации своих финансовых рынков, как рассчитывали западные эксперты. Более того, крупнейшие развивающиеся страны взяли курс на самообеспечение капиталом, избирательное использование иностранных инвестиций и фактически сбавили монополистную цену на кредит. Деньги и институты развитых стран оказались в определенной мере «лишними» в той схеме финансовой глобализации, которую пытаются отложить развивающиеся страны.

В особенно сложном положении оказались США. Доллар перестает представлять собой мировые монополии — производственную, технологическую, информационную, рейтинговую. Кондиционность этой валюты стала подвергаться сомнению — в особенности в роли средства накопления (сбережения). Как средство расчетов и платежей доллар продолжает выполнять свои функции. Но известно, что «лишние деньги» нередко долго остаются в обращении. Новые валютные деньги нужны прежде всего для увеличения или сохранения богатства.

Развивающиеся страны и кризис 2008–2009 годов

Кризис проник во все секторы современного мира — Север и Юг, Восток и Запад. Для стран Периферии и Полупериферии он стал преградой развитию, фактором, ограничивающим доступ к кредитам. Снижение цен на нефть и другие сырьевые товары (даже с учетом того, что в предшествующий период цена на нефть была непомерно высока)⁷ означало для развивающихся стран потерю от 270 до 700 млрд долл.⁸ Сократился экспорт промышленных товаров стран Восточной Азии и Восточной Европы в развитые страны. В Бразилии впервые за многие годы возник значительный торговый дефицит (28%). Снизилась темпы роста, в том числе в наиболее успешных странах Восточной Азии. Повсюду — от Латинской Америки до Африки — росла безработица, закрывались предприятия. Например, в Демократической Республике Конго закрылись 60% предприятий, остались без заработка 300 тысяч человек. В ЮАР потеряли работу 5 тыс. шахтеров⁹. С серьезными пробле-

мами сталкивался и развитый Север (Запад). Кризис носил глобальный характер и свидетельствовал о взаимосвязанности и взаимозависимости мирового экономического пространства.

Одной из составляющих кризиса были структурные диспропорции. Происходила смена ведущего технологического уклада, которым должны были стать, но не стали пока биотехнология, генная инженерия, нанотехнология, системы искусственного интеллекта. Резкие колебания цен, банкротства крупных компаний и связанные с ними панические настроения спровоцировали обесценивание капиталов в одних отраслях и перетекание его в другие. Это открывало новые технологические и коммерческие перспективы, но на их освоение требовалось время. С теоретической точки зрения, должно было начаться формирование нового ведущего хозяйственного уклада. Но пока он еще не просматривается.

Другая составляющая кризиса связана с гипертрофией финансовой сферы и ее отрывом от реального производства. Постоянные возмеление «финансовых пирамид», обилие различных заместителей денег (деривативов), избыточная долларова эмиссия, валютные и биржевые спекуляции — все это подорвало финансовую стабильность. Потребовалась серьезная коррекция всей системы финансовых и хозяйственных связей, «правил игры».

Импульсы кризиса (как и импульсы технологических новаций) шли из развитого, постиндустриального мира. В 1980-х годах финансовые кризисы поражали прежде всего, если не исключительно, страны Периферии или Полупериферии. В 2000-х годах они поразили Центр, а наиболее крупным и успешным странам Юга (Китай, Индия) удалось минимизировать последствия кризиса за счет переноса акцента развития на внутренний рынок. Это не значит, что развивавшиеся страны неуязвимы. Обратной стороной экономических достижений наиболее крупных из них являются экологические и социальные потери — истощение природных ресурсов, ухудшение окружающей среды, растущая социальная поляризация. При неблагоприятном стечении обстоятельств это может стимулировать трудности в дальнейшем.

Тем более что средние и малые развивавшиеся страны пострадают довольно сильно. Они не успели справиться даже от удара, понесенного в результате навязанной им в 1980–1990-х годах неомилитарной политики и «стабилизационных» программ МВФ. По расчетам Всемирного банка, как следствие глобального кризиса проблемы, связанные с ростом бедности и нищеты, могут возникнуть примерно в половине развивавшихся стран¹¹. А по прогнозу ЮНКТАД¹², в 2009 г. развивавшиеся страны ожидают падения темпов экономического роста до 1–

3%. Несмотря на определенные успехи в развитии, достигнутые периферийными странами, за последние полвека, разрыв по душевому ВВП между странами Севера и Юга возрос на $\frac{1}{3}$, по сравнению с 1950 г. Это обстоятельство является тормозом развития мировой экономики в целом.

Новые параметры зависимости Центра от Периферии

С 1970-х и до середины 2000-х годов для мирового хозяйства в целом было характерно постоянное снижение темпов прироста ВВП. С 4,6% в 1960-х годах этот показатель снизился до 3,5% в 1970-х годах, 2,9% в 1980-х и 2,6% в 1990-х годах. Еще ниже были темпы роста в развитых государствах. Это означало, что в ходе кругооборота производительный капитал в странах Запада не мог быть реализован полностью. Стремление найти новые сферы его применения дало мощные импульсы интернационализации или неоконсервативной (неолиберальной) глобализации.

Основное противоречие между Югом и Севером в ходе глобализации — адекватность неолиберализма задачам повышения уровня развития и решения социальных проблем развивающихся стран. Лишение государства активной роли в экономике обернулось провалом модернизации в большинстве стран Африки и многих государствах Латинской Америки. В Азии, где традиции госкапитализма («рыночного социализма») остались прочными, напротив, произошли крупные положительные перемены.

В ходе глобализации западный капитал из промышленности быстро перетекал в торговую, финансовую и информационную сферы, а также в те зарубежные страны, где отдача инвестиций была выше. Произошло резкое усиление крупных ТНК и ТНЕ. Бурно росли информационный и телекоммуникационный секторы и сфера услуг. При этом в мире в целом сохранялась валютно-кредитная монополия Запада, которая предопределяла подчиненное положение Периферии в отношении с Центром. Под влиянием экономических трудностей и зависимости от международных финансово-экономических институтов многие развивающиеся страны лишились возможности самостоятельного формирования промышленной и экономической структуры.

Глобализация в ее неолиберальной «редакции» оказала негативное воздействие на общие темпы хозяйственного роста в мире. Больше других страдали страны, не сумевшие диверсифицировать промышленность и экспорт (тропическая Африка, СНГ), а также государства, попавшие в «долговую петлю» и слишком широко открывшие внутренний рынок (Латинская Америка в 1980-х годах, Россия в 1990-х). Разрушительный

эффект оказала либерализация финансовых рынков, приводившая к жестоким валютно-финансовым кризисам (Мексика, Южная Корея, Таиланд, Индонезия, Малайзия).

Неолиберальная фаза глобализации достигла пика во второй половине 1990-х годов и способствовала формированию моноцентричного мира. Противоречия прохождения этой фазы проявляли себя крайне остро. Критика неолиберальной глобализации резко усилилась после азиатского кризиса 1997–1998 гг. Она заставила ряд развивающихся стран и Россию определить соразмерное соотношение между внутренней модернизацией, международной интеграцией и социальной политикой. Отказ от «рыночного радикализма» и «либерального экстремизма» в экономике и политике отчасти способствовала в 2000-х годах «восмирная левая волна» (прежде всего в лице альтерглобализма), возникшая как реакция на поддержку глобализации и социального расслоения. Механизмы односторонней модернизации Периферии Центром дают сбой. Наиболее мощные страны Юга становятся более самостоятельными субъектами глобализации, влияя на ее ход в, отчасти, на идеологично.

В результате модифицируется неравномерность мирового экономического развития. Успешно развивающиеся страны Периферии — Китай, Бразилия, Индия и некоторые другие — тяготеют к превращению в новые центры силы.

Индустриализация Периферии и перенос сюда ряда промышленных отраслей из Центра создает ситуацию исторически своеобразной зависимости Центра от Периферии, которая никак не связана с торговлей природными ресурсами. Это имеет далекоидущие последствия — очевидным становится неадекватность упрощенных представлений об однополярности мира.

Наряду с глобальными («центральными») регулирующими органами мировой экономики (МВФ, ВТО, Мировой банк, «группа двадцати», «группа восьми») продолжает расти влияние региональных институтов международного регулирования. К ним относятся АСЕАН, СААРК, ШОС, Меркосур и другие организации, призванные защищать интересы стран-участников от тех или иных глобальных рисков. Эти организации нацелены прежде всего на решение экономических задач, но преследуют также и политические цели. Продолжается международное соперничество за мировые сырьевые ресурсы, прежде всего невозобновляемые. Иногда она доходит до самых крайних форм (захват Ирака Соединенными Штатами).

Наиболее острой остается проблема наименее развитых стран — «кандидатов» и «изгоев» в мировом сообществе. Экономическая — это

аутсайдеры мировой системы. Политически — источник нестабильности и угрозы. Число таких стран, к сожалению, постоянно растет. Опыт последних десятилетий свидетельствует о том, что самостоятельными усилиями выйти из нагой пред. ля возможно. Соответственно, им необходимо содействие развитых стран¹⁷.

Кризис системы не только изменит глобальную финансовую структуру, но в более широком смысле — неустойчивость реального сектора мировой экономики и существующей системы международного разделения труда. Кроме того, продолжает накапливаться потенциал локальной конфликтности в странах Юга и Востока как результат накопившихся социальных дисбалансов и неравномерности развития. Это вынуждает предполагать, что мировое развитие в ближайших десятилетиях будет нестабильным и трудноуправляемым.

С учетом текущей ситуации и перспектив происходит корректировка позиции России в системе «Центр—Периферия». От «интеграция и цивилизованное сообщество», т.е. попыток войти «в Центр», страна поворачивается к обеспечению (возобновлению) процесса внутренней модернизации. Параметры процессов глобализации в XXI в. могут быть существенно иными, чем они были в XX в.

Примечания

¹⁷ Мир на рубеже тысячелетий: прогноз развития мировой экономики до 2015 г. М.: Новый век, 2003. С. 328.

¹⁸ Мировая экономика: Прогноз до 2025 г. М.: Маннстр, 2005. С. 76.

¹⁹ Мир на рубеже тысячелетий. С. 373, 383.

²⁰ После развала империи возникла с новой силой географическая открытость, колониализм, империализм конца XIX — начала XX в.

²¹ Национально-религиозный мир в России. М.: УРСС, 2001. С. 23.

²² Там же. С. 264—267.

²³ Металаре В. А. Развитие и разномощность страны в эпоху верхов. М.: ИД «Восток», 2009. С. 173.

²⁴ Сивилев Д. В. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003. С. 134.

²⁵ International Herald Tribune. N.Y., 2009. March 8.

²⁶ United Nations Development Program. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.unhcr.org/economic/social/africa.shtml>.

²⁷ The World Bank. World Development Indicators, 2009. Washington, D.C., 2009. P. 11.

²⁸ World Economic Situation and Prospects 2009. N.Y.: UNCTAD, 2009.

²⁹ Как уже указывалось, многие из стран-аутсайдеров находятся в Тропической Африке. Российский ученый А. Ф. Волков убедительно доказал, что слаборазвитость многих африканских государств связана с разрушением традиционной системы земледелия, приспосаблившейся к африканским условиям, и, соответственно, с деградацией окружающей среды. Поэтому, по его мнению, в Африке необходимо проводить целенаправленную урбанизацию и стимулировать поправочные части экономики и деревни. Это можно не только ради экономических целей, но и для сохранения африканских связей, кото-

ран, как латиноамериканская семья, российская Сибирь и некоторые другие террито-
рии, являются «слепыми» планетами. Такой деталью для африканского сельского хозяй-
ства может стать экологическая реформа. Эта планта вполне по силам развитым странам
(когда сельскохозяйственной «помощью» с их стороны и кредитов, лишь уполномочивая афри-
канский сельский долг), и она вполне бы вывел не только по экологическому сбаланси-
рованию, но и как средоточие компенсации за тот ущерб, который был нанесен Африке
во времена колониализма (да и после него). Другое дело, что мировое сообщество долж-
но контролировать расходование этих средств, с тем чтобы они шли по своему действи-
тельному назначению (см.: Африканская цивилизация и глобализирующийся мир. М.:
ИМЭМО РАН, 2006. Т. 2. С. 38–39, 164).

Список рекомендуемой литературы

Аврам, Дж. Адам Смит в Пекине: Что получила в наследство XXI век. М.: Ин-т
общественного проектирования, 2009.

Баломбо Дж. В защиту глобализации. М.: Ладомир, 2005.

Габриэль Дж. Справедливое общество. Гуманистический подход // Новая
постиндустриальная война на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Николенко.
М.: Акадентик, 1999.

Мельниченко В. А. Восток и Запад во втором тысячелетии. Экономика, истори-
я и современность. М.: Изд-во МГУ, 1996.

Мельниченко В. А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен (срав-
нительная оценка эффективности роста в 1990–2000 гг.). М.: Ключ-С, 2009.

Мир на рубеже тысячелетий: Прогноз развития мировой экономики до
2015 г. М.: Новый век, 2001.

Мировая экономика: Прогноз до 2020 г. М.: Магистр, 2007.

Политические системы и политические культуры стран Востока / Под ред.
А. Д. Векренского. М.: Восток–Запад, 2006.

Постиндустриальный мир в России / Под ред. В. Г. Хороса и В. А. Краси-
вилькова. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Попович М. А., Саломский А. И., Шаломатов А. В. Экономика современной
Азии: Учебник. М.: Международные отношения, 2007.

Попович М. А., Саломский А. И., Шаломатов А. В. Экономика современной
Азии: Учебник. М.: Международные отношения, 2008.

Севър–Юе–Россия 2008: Ежегодник. М.: ИМЭМО РАН, 2009.

Смелкин Дж. Глобализация: Трехтомные томоны. М.: Мысль, 2003.

ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПА К ЭНЕРГЕТИЧЕСКИМ И ДРУГИМ СЫРЬЕВЫМ РЕСУРСАМ¹

Основные запасы природных ресурсов распределены по поверхности Земли крайне неравномерно. Поэтому регионы и страны, располагающие избыточным ресурсным потенциалом, призваны обеспечивать минеральным и прочим сырьем всю мировую экономику, и в частности отдельные, небогатые в ресурсном плане государства. Если эта логика не работает, например, в силу эгоистической политики сырьевых стран или каких-то объективных факторов, связанных, например, с фактической нехваткой сырья в мире, проблема доступа к природным ресурсам приобретает в международных отношениях конфликтный характер.

Начало XXI в. было отмечено существенным ростом мировой экономики, прежде всего ее азиатской части, и, как следствие, повышенным мировым спросом на сырьевые товары. Одновременно эксперты констатировали: наиболее рентабельные и легкодоступные месторождения, содержащие некоторые ключевые полезные ископаемые (например, нефть), находятся по всему миру в стадии естественного истощения, а инвестиций для освоения новых, более капиталоемких залежей сильно не хватает. На таком фоне, вплоть до середины 2008 г., мировые цены на сырье были все мыслимые рекорды, а неконструктивная политика ряда сырьевых государств, действительная или нет, стала восприниматься в странах, испытывающих сырьевой дефицит, как угроза национальной безопасности.

Не случайно в итоговых документах, принятых на Рижском саммите глав государств и правительств Североатлантического альянса (июль 2006 г.), было зафиксировано: нарушение поставок жизненно важных сырьевых товаров отныне входит в число главных, пусть даже потенциальных, рисков для НАТО в обозримой перспективе².

Мировой финансовой кризис, разразившийся летом 2008 г., несколько снизил напряжение вокруг сырьевой проблемы, поскольку мировой спрос почти на всю гамму ископаемых и прочих ресурсов, в том числе дефицитных, временно сократился. Однако вопрос об истощении большинства видов сырьевых товаров и даже о сырьевом голоде в ближайшие пятьдесят лет по-прежнему остается на повестке дня. Никто не сомневается, что после глобальной финансовой ошеломляющей, долготерпимых или краткосрочных, наступит очередной период экономи-

ческого роста, а значит, опять будут нужны природные и иные ресурсы, причем не исключено, что в больших, чем прежде, объемах.

В преддверии нового десятилетия вокруг сырьевых товаров развитые страны делают ставку на ресурсные сбережения и развитие альтернативных источников, прежде всего в энергетике. Вот несколько примеров.

В декабре 2008 г., в результате серьезных дебатов и согласований, появился текст с начала 2008 г., Европейский совет одобрил единую политику ЕС в сфере энергетик и борьбы с глобальным потеплением. В ее рамках в период до 2020 г. Европейский союз должен сократить потребление энергии на 20% (по сравнению с уровнем 1990 г.) за счет энергоэффективности, а также увеличить долю возобновляемых энергетических источников в своем энергобалансе до 20% (против 7% в 2007–2008 гг.), включая обеспечение 10-процентной доли биотоплива на транспорте.

Энергетический план американского президента Б. Обамы призван сократить до нуля импорт нефти в США из стран Ближнего Востока и Венесуэлы за десять лет, а также довести долю возобновляемых источников в электроэнергетике до 10% к 2012 г. и до 25% к 2025 г.⁷

Немаловажно, что инициативы США, ЕС, Японии и ряда других стран в сфере возобновляемых, а значит, чистых источников энергии выносятся в глобальный контекст — в международную борьбу с глобальным потеплением, во главе которой должна стать международная система ограничений и торговли парниковыми газами.

Глобальный рынок сырьевых товаров

В начале XXI столетия — вплоть до середины 2008 г. — развитие мировой экономики сопровождалось прогрессирующим и при этом беспрецедентным ростом потребления сырьевых товаров: нефти, природного газа, угля, черных, цветных и благородных металлов, драгоценных камней, урана и даже воды. Как тогда писала *The Mining Journal*, мировая промышленность достигла в 2007 г. очередного, седьмого краду рекордного показателя добычи железной руды. По итогам года было произведено на 9% железной руды больше, чем в 2006 г., который, в свою очередь, был отмечен 12-процентным ростом железно-рудного производства в сравнении с 2005 г. В целом в 2000–2008 гг. мировая добыча железной руды увеличилась в мире на 48%⁸. Также высоким темпы роста оказались возможным главным образом благодаря росту четырех стран — производителей железной руды: Бразилии, Австралии, КНР и Индии.

Мировая добыча бокситов, выступающих сырьем для второго по значимости мирового рынка металлов, алюминия, также демонстрировала в начале столетия высокие темпы роста. Согласно *U.S. Geological*

Bauxite, в период с 2000 по 2008 г. мировая добыча бокситов выросла на 62%. В результате мировое производство алюминия достигло в 2008 г. нового, седьмого крауде абсолютного рекорда. Примечательно, что Китай, мировой лидер алюминиевой отрасли с 2003 г., обеспечил в 2008 г. треть (34%) мировой выработки алюминия, впрочем, вопреки кризису, свой же показатель производства 2007 г. на 7%.

Поступательные тенденции были свойственны в новом веке и рынку торючих полезных ископаемых. За первые восемь лет нового века ежегодное потребление нефти возросло в мировом масштабе на 11%, а в странах АТР почти на 20%. В 2007 г. мир потребила природного газа в утя соответственно на 20 и 36% больше, чем в 2000 г.⁶

Вместе с тем конъюнктура мирового сырьевого рынка складывается в новом столетии таким образом, что наиболее востребованными минерально-сырьевыми ресурсами являются нефть и газ, руды, содержащие цветные и благородные металлы, алмазы и уран. Причина такого положения дел весьма очевидна: спрос на указанные виды минерального сырья прогрессивно растет в мире, а наиболее богатые и легкодоступные месторождения, в которых заделаны востребованные ископаемые, истощаются — прежде всего в индустриально развитых странах, потребляющих свыше 50% минерального сырья, ежегодно добываемого в мире.

Месторождения иных видов минерального сырья, особенно используемых в черной металлургии, считаются сейчас менее привлекательными для потенциальных инвесторов, поскольку уже имеющаяся ресурсная база позволяет обеспечить потребности мировой промышленности на десятилетия вперед. В этих условиях крупнейшие мировые производители сырья из индустриальных стран (например, *BHP Billiton* и *Rio Tinto*), способные влиять на торговую политику своих государств, не заинтересованы в увеличении новых продаж, предлагая оном сырье по низким ценам⁷. Иными словами, ими проводится политика по поддержанию мировых цен на таком уровне, который позволил бы сохранить рентабельность сырьевого производства прежде всего в развитых экономиках, отличающихся относительно высокими фондами оплаты труда в сравнении с развивающимися рынками.

Сырьевые товары — это также, согласно классификации Всемирного банка, некоторые виды сельскохозяйственной продукции, которые служат сырьем для последующего вторичного производства, например, пшеница и хлопок. Статистика показывает: на протяжении большей части 2000-х годов мировым рынкам первичной сельскопродукции была присуща определенная волатильность, которая на исходе текущего десятилетия, как прогнозируют эксперты, может смениться некото-

рым ростом. Если это произойдет, то еще больше обострится мировая проблема нехватки водных ресурсов.

По данным Всемирного водного совета (*World Water Council*), на протяжении XX в. население мира утроилось, а потребление водных ресурсов увеличилось шестикратно. В период до 2050 г. количество жителей Земли увеличится, по прогнозам Совета, на 40–50%. И этот рост вместе с процессами индустриализации, урбанизации, а также глобального переселения приведет к увеличению мирового потребления воды до критической отметки⁹. В результате вода станет камнем преткновения не только между некоторыми региональными государствами, но и на глобальном уровне.

Новому веку присуща еще одна немаловажная особенность: наряду с традиционно спорящими в сырьевой сфере отношениями Север—Юг стремительно набирают значимость контакты по другой линии — Юг—Юг. Явное тому доказательство — выстраивание КНР и Индии стратегических отношений с сырьевыми странами развивается мира.

Описанные выше особенности и тенденции, характерные для нового века, носят объективный характер. Тем не менее нельзя не учитывать фактор мирового финансового кризиса, разразившегося в середине 2008 г. Не исключено, что вектор некоторых, казалось бы, неизбежных процессов будет, пусть даже временно, обращен вспять, а логика мировых сырьевых отношений претерпит определенные изменения. В частности, со второй половины 2008 г. и, возможно, в течение ряда лет следует ожидать снижение спроса на сырьевые товары в силу мирового экономического спада.

Вместе с тем в среднесрочной и особенно долгосрочной перспективе, вероятно, произойдет относительное снижение спроса на нефть и ряд прочих ископаемых ресурсов. Причина — ожидаемое внедрение энергосберегающих технологий и возобновляемых источников энергии как в развитых, так и в ряде развивающихся стран. Однако абсолютная потребность в углекислотных и других востребованных ресурсах будет оставаться в ближайшие десятилетия на высоком уровне.

От сырьевой географии к сырьевой геополитике

География распределения дефицитных ресурсов Земли — один из наиболее актуальных вопросов нового столетия. Сырьевая база индустриально развитых стран, потребляющих более половины всех добываемых минеральных ресурсов, истощается. Китай, Индия и целый ряд экономик развивающегося мира также сталкиваются с растущим сырьевым дефицитом и от года к году наращивают объемы импортиру-

мого сырья, подталкивая тем самым повышение темпы экономического роста. На таком фоне регионы и страны с избыточными запасами сырья приобретают в XXI в. не просто ключевое, а стратегическое значение для подавляющего большинства экономических и промышленных лидеров мира.

Нефть и газ — наиболее востребованные горючие полезные ископаемые современности. Их добычи ведется во всех регионах мира. Однако потенциалы этих регионов, если учитывать уровень нефтегазового потребления расположенных в них государств, не могут считаться сопоставимыми. Так, в Северной Америке, АТР и Южной Азии, Западной и Восточной Европе наблюдается явный дефицит нефтегазовых ресурсов. В то же время регионы Ближнего Востока (прежде всего Саудовская Аравия, Кувейт, Иран, Ирак и ОАЭ), СНГ (Россия, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан и Узбекистан), Африки (Нигерия, Ливия, Алжир, Ангола и Египет), Южной и Центральной Америки (Венесуэла, Бразилия, Эквадор и Колумбия) демонстрируют избыточное нефтегазовое производство⁷.

В перспективе ситуация на нефтяном рынке мира вряд ли изменится. На регионы, отличающиеся избытком углеводородов, приходится почти 90% мировых доказанных запасов нефти⁸ и 84% мировых доказанных запасов природного газа⁹. Если использовать данные по возможным и вероятным нефтегазовым запасам, а также перспективным ресурсам углеводородов, то соотношение будет опять-таки не в пользу регионов, испытывающих сегодня дефицит углеводородов.

Примечательно также, что подавляющее большинство стран мира, в том числе Австралия, Индия, ЮАР, лишены существенных нефтегазовых резервов. Одновременно всего двадцать государств контролирует примерно 85% мировой нефтегазовой добычи и около 90% мировых доказанных запасов нефти и газа¹⁰.

Несбалансированное распределение нефтегазовых ресурсов отчасти компенсируется более равномерным распределением углей. Нет ни одного континента, который бы не располагал крупными угольными месторождениями. Но и этот вид сырья обратит anomальные скопления в Китае, США, России, Австралии, Индии, Польше и Южной Америке.

В странах, не обладающих избытком нефти и газа, уголь широко используется в качестве основного энергетического сырья, что характерно для Европы, США, Индии, КНР, ЮАР и Австралии. В частности, одни только КНР и США покрывают почти 60% мирового потребления угля¹¹.

Бесспорно, уголь — один из ключевых энергетических ресурсов, обеспечивающей свыше четверть мировых потребностей в энергии¹². Одна-

ко уголь в силу невысоких экологических показателей, достаточно ограниченного отраслевого применения и относительно меньшей дефицитности в мире складается сейчас менее востребованным в сравнении с нефтью и газом. Поэтому не случайно что страны Ближнего Востока, СНГ, Африки и Латинской Америки, обладающие избыточным нефтегазовым потенциалом, являются ареной самого активного глобального сырьевого соперничества.

Список наиболее востребованных полезных ископаемых современности представлен также ураном, свыше 50% которого ежегодно добывают всего две страны — Канада и Австралия. В первую десятку основных добытчиков и экспортеров уранового концентрата также входит Казахстан, Россия, Нигер, Узбекистан, США, Украина и Китай¹⁰. Перечисленные страны вместе покрывают около 96% мировой добычи урана¹¹. Учитывая, что ведущие страны мира планируют укрепить свой атомный электроэнергетический потенциал, места мирового залегания урана, равно как и нефти и газа, притягивают к себе не только многочисленных корпоративных игроков, но и государства. Ведущим атомной энергетики, например, таких стран, как Япония, Индия, Китай, Германия, Южная Корея, почти всецело зависит от внешних поставок урановых ресурсов.

Основные запасы рудных и нерудных ресурсов сконцентрированы в определенных мировых поясах и зонах. Запасы железных и марганцевых руд сосредоточены главным образом в России, США, Канаде, Бразилии, Австралии. Медные ресурсы залегают на тихоокеанском побережье обеих Америк (Канада, США, Мексика, Перу, Чили), в странах «медного пояса» Африки (Замбия и Конго), а также в Австралии, Казахстане, России и Польше. Большие запасы алюминиевого сырья сосредоточены в Австралии, Гвинеи, Ямайке, Бразилии. Запасы свинца и цинка преобладают в Австралии и Северной Америке. Уникальные запасы никеля — в Канаде, России, Австралии и на острове Новая Каледония. Олово и вольфрам залегают в Тихоокеанском (от Якутии к острову Ява) и Атлантическом поясах (Боливия и Перу). Значительные залежи золота и платины имеются в ЮАР, России, США и Канаде.

Существенные запасы калийных солей находится в США и Канаде, а также в Германии, России, Белоруссии. Апатиты, служащие сырьем для производства фосфорных удобрений, фосфора и фосфорной кислоты, есть на Кольском полуострове (Россия), а также на полуострове Лабрадор (Канада). Огромные запасы фосфоритов осадочного происхождения сконцентрированы в Западной Африке (Марокко), на Аравийском полуострове и в США (Флорида).

Значительными запасами драгоценных и полудрагоценных камней располагают Россия, Канада, Австралия, Индия, Шри-Ланка, Ангола, Конго, Сьерра-Леоне, Намибия и ЮАР, а также ряд стран Западной Африки.

■ **Новом веке**

Главную роль в мировой экономике играют крупные и уникальные месторождения полезных ископаемых. Абсолютным лидером среди них является месторождение «Олимпик Дам» в Австралии, подконтрольное *BHP Billiton* — крупнейшей горнодобывающей компании мира с австралийско-британским происхождением. В недрах месторождения сконцентрированы уникальные запасы по нескольким видам элементов: меди (пятое по величине мировые запасы), урана (крупнейшие мировые запасы), золота (пятое по величине мировые запасы), редкоземельных элементов и железа¹⁷.

Вместе с тем основные мировые запасы меди установлены в 10³ месторождениях, золота — в 99, свинца — в 55, молибдена — в 41, серебра — в 24, олова — в 22¹⁸.

Приведенные данные свидетельствуют о крайне неравномерном распределении сырьевых ресурсов на нашей планете. При этом ряд стран, например Австралия, Россия, США, ЮАР, выступают в роли мировых кладовых, хранящих в своих недрах многие стратегические и при этом крайне дефицитные природные ресурсы. В таком контексте процессы эрозии государственного суверенитета, стимулируемые в XXI в. рядом заинтересованных держав, могут только усиливаться, а геополитическое соперничество за доступ к источникам сырья может выйти на новые рубежи.

■ **Природные ресурсы Арктики и Антарктики**

В отличие от Антарктики (Договор об Антарктике 1959 г.) не существует универсального международного договора, который юридически отделил бы границы Арктики. Под Арктикой, согласно преобладающим взглядам, принято принимать часть земного шара, центром которого обозначен Северный географический полюс, а окранный границей — Северный полярный круг¹⁹.

В начале нового века обострилась борьба пяти государств Арктического бассейна — России, США, Канады, Норвегии и Дании (Гренландия) — за претендующие к району территории и ресурсы. Важной тому глобальное потепление: арктические льды с каждым годом становятся все меньше, а значит, появляется реальная возможность добыть ранее недоступные богатейшие минерально-сырьевые ресурсы Арктики.

Первой о своих интересах в Арктическом регионе заявила Россия. В 2001 г. российское правительство подало заявку в Организацию Объединенных Наций на права в отношении 460 тыс. квадратных морских миль акватории Северного Ледовитого океана, богатой природными ресурсами. Для справки следует отметить, что Конвенция ООН по морскому праву (*UNCLOS*) 1982 г. ограничивает территориальные права «арктических» держав 200-мильной исключительной экономической зоной (если государство, конечно, заявило о своих правах на эту зону).

Вопрос о национальных претензиях на новые районы решается отдельно — через обращения в ООН. Конвенция была ратифицирована всеми государствами Арктики, за исключением Соединенных Штатов Америки. Однако высшая исполнительная власть США наряду с неправительственными организациями по охране окружающей среды, командованиями Военно-морским флотом и Береговой охраной, а также видные представители частного сектора поддерживают данную конвенцию²⁶.

До сих пор ООН так и не признала претензий Москвы. Тем не менее российское руководство, как видно, не намерено отступить. В августе 2007 г. оно пошло на демонстративный шаг: отправило к Северному полюсу атомный ледокол и две подводные лодки, экипажи которых установили флаг России на морском дне. Несколько позже, в том же 2007 г., Кремль объявил о возобновлении, впервые со времен холодной войны, полетов российских стратегических бомбардировщиков над Северным Ледовитым океаном²⁷. А в марте 2009 г. заместителем начальника Главного штаба ВМФ РФ было заявлено, что подводные лодки Северного флота будут задействованы либо в охране, либо в изучении прилегающего к территории России арктического шельфа²⁸.

В ответ на действия Москвы премьер-министр Канады Стивен Харпер объявил о выделении средств на строительство новых патрульных судов для Северного Ледовитого океана, глубоководного порта и тренировочного центра по подготовке к работе в условиях холодного климата вдоль Северо-Западного прохода. Дания и Норвегия, которым принадлежат соответственно Гренландия и архипелаг Шпицберген, также склонны отстаивать свои права на Арктику.

Пока другие государства Арктики торгуются поделить между собой этот регион, Соединенные Штаты, так и не ратифицировавшие Конвенцию ООН по морскому праву (*UNCLOS*), предпочитают оставаться в стороне, и на это есть объективные причины. В распоряжении Вашингтона находится лишь один ледокол, годный для океанского плавания, но не приспособленный для арктических экспедиций. В то же самое время флот ледоколов России насчитывает 18 судов. Даже у Ки-

тия, не имеющего выхода к Северному Ледовитому океану, есть один достоящий человек²³.

Поэтому получается, что единственная в мире сверхдержава — страна, омываемая Беринговым проливом и береговая линия Северного Ледовитого океана которой составляет более 1000 миль, — вынужденно остается в стороне из-за собственного невнимания к этому вопросу²⁴. Тем не менее такое положение дел вряд ли будет вечным, и Вашингтон попытается наверстать упущенное и также заявит о своих правах на огромные ресурсы северного побережья Аляски за пределами особой экваториальной зоны.

В общем и целом Арктика и ее природные ресурсы — проблемный вопрос мирового сообщества, который осложняется отсутствием эффективной и, в том числе, достаточной правовой базы, способной справиться острою углы. В частности, по мнению экспертов, уникальные географические условия Арктического региона не позволяют безоговорочно применять UNCLOS и рождает ряд более или менее юридически проблем, включая раздел между пятью государствами самого протяженного в мире некартированного и слабого в геологическом отношении континентального шельфа²⁵.

В мае 2008 г. в Амстердам, в городе Нидерланды, состоялась первая в своем роде международная конференция, посвященная вопросам Арктики. В ходе мероприятия, объединившего представителей всех пяти арктических государств, звучали призывы воздерживаться от односторонних территориальных претензий в регионе до соответствующих решений ООН, а также подчеркивалась необходимость согласования позиций в случае, если процессы глобального потепления сделают Арктику судовой. Нет сомнения в том, что это событие принесло относительную предсказуемость процессам, связанным с определением правового статуса Арктики.

Еще один спорный, но пока еще не столь проблемный регион мира — Антарктида. Правовой статус богатейшего на ресурсы региона определен Договором об Антарктике 1959 г., а также рядом иных международно-правовых актов, составляющих Систему Договора об Антарктике (СДА)²⁶. Эта система позволяет регулировать проблему территориальных претензий в Антарктике, которые были официально заявлены Австралией, Аргентиной, Великобританией, Новой Зеландией, Норвегией, Францией и Чили. Договором не предусмотрено ни отказ от ранее заявленных претензий, ни признание таких претензий со стороны тех государств-участников, которые не признали эти претензии ранее. Фактически вопрос территориальных претензий в Антарктике «заморожен» на весь период действия (по сути, бессрочного) Договора.

Важным является еще одно обстоятельство: Протокол об охране окружающей среды к Договору об Антарктиде, подписанный в 1991 г. в Мадриде, предусматривает как минимум 50-летний запрет всякой деятельности (с момента вступления протокола в силу), имеющей отношение к минеральным ресурсам, за исключением научно-последовательской²⁷. Считается, что подписание этого документа, вместе подготовленной конвенции о минеральных ресурсах «восточного континента», связано с опасением ряда стран ополдчить с созданием соответствующей техники к разделу антарктического «пирола»²⁸. Тем не менее в свете уже сложившейся борьбы за ресурсы вышедшие статус-кво, пусть даже подкрепленные юридическими документами, может быть нарушено.

Вывод: в XXI в. продолжится борьба за природные ресурсы Арктики и Антарктики, разведка и добыча которых становится более доступными в связи тающим льдом.

«Особые отношения» и другие формы мягкой борьбы за первичные ресурсы

Растущая нехватка собственных минеральных и прочих ресурсов — ключевой вопрос, а скорее угроза поступку экономик развитого и развивающегося мира, сырьевая база которых переживает в новом веке стадию своего естественного истощения. При этом текущему столетию присуща одна немаловажная особенность: число государств, зависящих от импорта сырьевых товаров, а также потребности этих государств в импортируемой сырье беспрецедентно высоки за всю историю человечества.

Боязнь остаться не у дел при будущей нехватке углеводородного и много востребованного сырья вынуждает импортирующие страны совершенствовать свои подходы в обеспечении внешних поставок. Прежде всего нужно говорить о стремлении импортеров к укреплению прежних или учреждению новых «особых» или «близких» отношений с экспортерами. Так, например, китайское правительство пытается строить подобные отношения по всему миру: от Венесуэлы в Латинской Америке, Судана в Африке и Ирана на Ближнем Востоке до России, Казахстана в Европе и Австралии в АТР.

Непомерные потребности Китая в железной руде и других полезных ископаемых не только целый ряд лет стимулировали рост австралийской экономики, но и создали почву, на которой сформировались «особые» отношения КНР и Австралии. Примечательно, что бывший премьер-министр Австралии Джон Ховард только за четыре года своего нахождения у власти два раза приглашал председателя КНР Ху Дуншэна совершить официальный визит на Зеленом континент. А на парламент-

ских выборах 2007 г. Д. Ховард, свободно говоривший по-китайски, пытался разыграть китайскую карту. И хотя выборы выиграл Кевин Радд (*Kevin Rudd*), новый премьер-министр Австралии заявил государственному телевидению Китая о том, что на своем посту попытается вывести отношения с КНР на еще более высокий уровень⁷⁹.

Известно, что Китай часто идет на установление тесных отношений с сырьевыми государствами — даже вопреки их проблемам внутри страны или на международной арене. В частности, китайские компании уже инвестировали значительные средства в нефтегазодобывающую отрасль Ирана и Венесуэлы. Поэтому Пекин, как полагают эксперты, вряд ли когда-либо поддержит болезненные санкции или иные, более серьезные действия международного сообщества в отношении Тегерана и Каракаса, даже если того захочет Вашингтон.

В новом веке Соединенные Штаты Америки также всерьез задумываются об укреплении своих «особых» отношений с сырьевыми странами мира, и прежде всего это касается Саудовской Аравии. Известно, что с окончанием холодной войны, ослаблением и последующим утерянением режимом Саддама Хусейна в Ираке «особых» отношений Вашингтона и Эр-Рияда потеряли свою быструю востребованность и актуальность. Многие в Саудовской Аравии даже стали склоняться к мнению, что королевству, отныне меньше нуждающемуся в гарантиях со стороны США, пора начать преследовать курс на максимизацию прибыли от продажи нефти и утверждение своей ведущей роли в исламском мире. Параллельно американская общественность, особенно после событий 11 сентября, стала обсуждать связь Саудовской Аравии с «Аль-Кандой» и требовать от Белого дома кардинального пересмотра отношений с этим арабским государством.

Тем не менее растущий дефицит углеводородного сырья в мире, а также возрастающая зависимость США от внешних источников нефти заставляют Вашингтон отдавать приоритет энергетическим аспектам в сто взаимоотношениях с Эр-Риядом.

Поэтому в начале 2008 г., после довольно продолжительного периода охлаждения двусторонних отношений, президент Джордж Буш впервые посетил Саудовскую Аравию и ряд ближневосточных стран с официальным визитом. Во время поездки тогдашний глава Белого дома настойчиво призывал Эр-Рияд предоставлять условия по стабилизации мировых цен на нефть, заявляя также о готовности США на продажу Саудовской Аравии ряда новых видов вооружений. Очевидно, что новая администрация США также вряд ли откажется от «особых отношений» с ведущим нефтяным экспортером мира, даже несмотря на то, что Б. Обама

планирует за десять лет свести к нулю текущий импорт нефти из стран Ближнего Востока и Венесуэлы.

В новом веке рядом государств, остро нуждающихся в импортных сырьевых ресурсах, предпринимаются попытки строить взаимовыгодные отношения не только с отдельными экспортёрами, но и с целыми континентами. В данную логику, в частности, укладываются попытки Индии и Китая добиться первенства на богатом сырьём Африканском континенте.

В апреле 2008 г. в Нью-Дели состоялся первый в истории саммит Африка—Индия, собравший 14 стран Африканского континента. Сбор участников был специально осуществлён Африканским советом. Показательно, что главной целью мероприятия, как было объявлено, заключалась не только в том, чтобы укрепить различные аспекты двусторонних связей, но и извлечь взаимную выгоду «из богатого исторического прошлого, а также имеющихся у обеих сторон природных ресурсов»²¹.

Индийские официальные лица настаивают, что проведение саммита никак не связано с индийско-китайским соперничеством за сырьевые товары континента. Однако ряд экспертов придерживается иного мнения, полагая, что саммит Африка—Индия — зеркальное повторение мероприятия, которое было организовано китайской стороной двумя годами ранее²².

В ноябре 2006 г. по приглашению КНР в Пекине собрались главы и министры 50 африканских государств. Итогом саммита стало обещание Китая удвоить к 2009 г. объём предоставляемой континенту помощи, а также увеличить к 2010 г. уровень двусторонней торговли, который должен достичь к названному году 100 млрд долл. Параллельно было объявлено о бесплатных двусторонних торговых и инвестиционных сделках на сумму 1,9 млрд долл. Среди таких сделок, в частности, были названы проекты строительства завода по производству алюминия в Египте и разработки месторождений меди в Замбии. Немаловажно, что КНР также пообещала предоставить африканским партнерам 5 млрд долл. в качестве займов и кредитов²³.

Нет сомнения в том, что КНР и Индия остро соперничают за доступ к зарубежным сырьевым рынкам. Для этого они, как уже было отмечено, практикуют как «особые» отношения с сырьевыми странами, так и более широкие форматы, например те, что охватывают весь Африканский континент. На фоне провальной Пекином и Дели активности развитые страны, как отмечают эксперты, начинают сдвигать свои позиции в Африке и ряде других традиционных для них сырьевых регионов.

Сегодняшняя международная борьба за ресурсы находит отражение не только на самом высоком, многосударственном уровне, о котором речь шла выше, но и, безусловно, на межкурпоративном. Ведь, несмотря на транснациональный характер многих корпораций, принадлежность компании к той или иной стране, к развитому или развивающемуся миру имеет значение, порой определяющее значение.

В наиболее ярком виде межкурпоративное соперничество проявляется в новом веке в энергетической сфере. За многие десятилетия мир привык к преобладанию западных энергетических корпораций, которые почти исключительно контролировали или стояли во главе мировой энергетической индустрии. В первые годы XXI столетия, отмеченные многократным ростом цен на нефть, уга, казалось бы, несомыбная традиция была поставлена под сомнение. В это время на первый план начали выходить группа независимых, государственных или полугосударственных по своему статусу нефтегазовых корпораций. Консолидировав свою мощь, эти новоиспеченные хозяйствующие субъекты стали теснить гигантов мировой энергетики, заставив мировое сообщество спорить относительно возможной смены «семи (иные четыре) — после процесса консолидации, имевшего место в 1980–2000-х годах) сестер на энергетическом олимпе»⁷¹.

Как писала *Financial Times*, в современной энергетике появились новые семь лидеров. Это *Saudi Aramco* из Саудовской Аравии, российский «Газпром», Китайская национальная нефтяная корпорация (СNPC), Национальная иранская нефтяная компания (NIOC), венесуэльская PDVSA (*Petrolera de Venezuela S.A.*), бразильская *Petrobras* и малайзийская *Petronas*⁷². Новая «семёрка» контролирует почти треть мирового производства нефти и газа и, главное, более трети их запасов. В противоположность им четыре старых «сестры» добывают около 10% нефти и газа и владеют не более чем 3% общемировых запасов углеводородов.

На фоне такой статистики западным нефтегазовым корпорациям — наследницам *Standard Oil* приходится, как писала *Corriere della Sera*, заискивать перед могущественными новыми сестрами. Ведь они в тобыбдин располагают запасами углеводородов, которых так не хватает ТНК из развитых стран, особенно в новом веке.

Деятельность крупнейших в мире компаний — производителей историчеких минеральных ископаемых представлена в XXI в.: британско-аустралийскими *BHP Billiton* и *Rio Tinto*, британской *Vale*, британско-южноафриканской *Anglo American plc.*, американскими *Freeport-McMoRan*, *Alcoa*, *Newmont Mining*, *Koch Industries*, *Kaiser Aluminum*, *Southern Copper*, британской *Lonmin Plc.*, швейцарской *Kybur*, российскими «Норильскими

никелем» в РУСАЛем, канадской *Vale* и, мексиканской *Grupo Mexico*, норвежской *Hydro*, японской *Sumitomo* и *Steel* AG, японской *Nippon Steel*, южноафриканской *De Beers Group*.

Перечисленные корпорации определяют сегодня правила игры на некоторых сырьевых рынках мира. В частности, Китай посылает половину экспорта *ВНР* *Bilbao* и *Keo Tien* — двух крупнейших сырьевых корпораций мира, которые, в свою очередь, контролируют 40% импорта железной руды в КНР²². На сегодняшний день Китай выступает в роли крупнейшего в мире потребителя железно-рудных ресурсов и, следовательно, крупнейшего в мире производителя стали.

Как представляется, корпорации развитых стран, вовлеченные в добычу ископаемого сырья, пока не испытывают угрозы (в отличие от их энергетических аналогов) со стороны конкурентов из развивающихся рынков. Причина тому — их контроль над крупнейшими и одновременно самыми рентабельными месторождениями мира, в первую очередь в Австралии и Южно-Африканской Республике.

Фактор воды в решении ресурсных проблем

В ближайшие 20 лет возрастет риск международного конфликта из-за нехватки ресурсов, в том числе воды. Такой прогноз содержится в 120-страничном докладе под названием «Глобальные тенденции — 2025: изменившийся мир», опубликованном в ноябре 2008 года Национальным разведывательным советом — главным консультационным органом директора Национальной разведки США²³.

Действительно, в XXI в. дефицит сырьевых товаров приобретает угрожающий характер для значительного числа стран мира, когда их собственная ресурсная база приближается к своему полному истощению, а зарубежные запасы нередко оказываются недоступными из-за усиливающейся политики «сырьевого эгоизма». Суть такой политики заключается в том, что государства с истощившимися запасами полезных ископаемых не допускают иностранных участников к неконтролируемому им месторождению, предпочитая разрабатывать свои ресурсы самостоятельно или оставлять их в законсервированном состоянии. В результате как отдельные страны, так и весь мир в целом лишаются возможности получить необходимые объемы сырья.

Военная кампания, инициированная Соединенными Штатами Америки в 2003 г. с целью свержения режима Саддама Хусейна, может считаться (если верить возраставшему числу свидетелей) одной из наиболее масштабных попыток добиться доступа к зарубежным сырьевым ресурсам силовым образом. Ведь именно контроль над Ираком, обла-

данным третьими по величине нефтяными запасами в мире, постоянно считался центральным звеном внешнеполитической и энергетической стратегий США, разработанной при активном участии вице-президента Дика Чейни. Американские стратеги рассчитывали, что рост мирового предложения нефти за счет резкого увеличения добычи в Ираке позволит достичь нескольких ключевых целей. Во-первых, решить проблему нехватки углеводородных ресурсов для индустриально развитых стран. Во-вторых, обрушат мировые цены на нефть, а с ними и ряд альтернативных, по мнению США, режимов Ближнего Востока и некоторых других регионов, благосостояние которых напрямую зависит от экспорта энергоресурсов.

В свете растущего сырьевого, особенно энергетического, дефицита вооруженный конфликт на сырьевой почве становится все более возможным практически во всех ресурсных регионах мира. Например, острый углеродный, а также военный противостояние, существуют в Прикаспийской зоне, государства которой пока так и не договорились относительно заключения основополагающего договора о правовом статусе Каспия.

В настоящее время Туркменистан и Иран выдвигают серьезные претензии на шельфовые нефтяные месторождения Каспийского моря, которые уже разрабатывает или планирует разрабатывать Азербайджан. Инцидент, произошедший в июле 2001 г., когда по судам азербайджанских нефтяников открыли огонь три иранские боевые корабля, пока нельзя назвать урегулированным, хотя он больше и не повторился. В то время иранский военный корабль заставил геофизическое судно Азербайджана покинуть углеводородный блок, который Баку называет «Азов», а Иран — «Азбор». Стороны оспаривают принадлежность этого богатого нефтью участка. Все работы на месторождении, в разработке которого партнером Азербайджана была «БиПи», с того момента были приостановлены, так как британская компания заявила, что не станет там работать до тех пор, пока юридически не будет решен вопрос о национальной принадлежности этого месторождения.

Сохраняются претензии Венесуэлы на богатую нефтью территорию Эсскибо, составляющую $\frac{1}{3}$ территории соседней Гайаны. Возможное ухудшение экономической и политической ситуации в Венесуэле или разразившийся мировой кризис могут обострить этот конфликт. В АТР остроблизились территориальные споры КНР, Вьетнама, Малайзии и Филиппин из-за суверенитета над Парасельскими островами в Южно-Китайском море, прибрежная акватория которых содержит углеводороды — столь нужные в АТР.

Вместе с тем международные эксперты полагают, в XXI в. битва за нефть может смениться битвой за воду. Уже сейчас 11 страна мира и более 1 млрд человек (около 15% от населения Земли) не имеют регулярного доступа к чистой воде²⁷ и минимум на 50% зависят от поставок воды из зарубежных источников²⁸. И хотя такая картина не может вызвать оптимизм, в будущем проблема мирового дефицита водных ресурсов станет куда более критичной. Важной тому процессы глобального потепления, сопровождающиеся продолжительными засухами в самых разных регионах планеты; неконтролируемый рост численности населения Земли; продолжающаяся урбанизация в развивающихся странах, а также рост мирового сельскохозяйственного производства, поглощающего с каждым годом все большие объемы воды в ирригационных целях.

По оценкам международных организаций, в 2025–2035 гг. когда население земного шара превысит 8 млрд человек, более 3,4 млрд жителей будут лишены доступа к чистой питьевой воде. Такая перспектива обострит межгосударственную борьбу за водные ресурсы. По данным ООН, за последние произошло более 500 конфликтов, связанных с водными ресурсами, семь из них были с применением насилия²⁹. В будущем печальная статистика вооруженных конфликтов из-за воды может пополниться новыми примерами. Нельзя исключить межгосударственных столкновений из-за раздела водных ресурсов Нила.

Известно, что египетско-суданский договор 1959 г. дает привилегированные права на пользование водными ресурсами Нила лишь Египту и Судану³⁰. Такое положение дел не устраивает Эфиопию (население — свыше 76 млн человек, 2007 г.) и другие страны Нильского бассейна, поскольку их население (как и Египта и Судана) растет с каждым годом, требуя все больших объемов воды. Пересмотр египетско-суданского договора и заключение нового международного соглашения с участием всех 10 стран бассейна Нила приведет к снижению квоты Египта, а это равносильно, как считают в Каире, угрозе национальной безопасности страны. Как заявил исполнительный директор Асуанской высотной плотины Мухаммед аль-Амир-Орман, «нарушение договора 1959 г. равносильно нарушению нашей границы»³¹. В среднесрочной перспективе население Египта превысит отметку в 100 млн человек.

В ближайшие два десятилетия дефицит пресной воды будет остро ощущаться в ряде стран Северной и Южной Африки, Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии, Центральной и Южной Америки, а также АТР, включая Австралию³². При этом богатые страны, скорее всего, решат проблему нехватки воды за счет иностранных инвестиций в

заводы по опреснению морской воды. Уже сейчас страны Аравии получают таким способом около 70% потребляемой воды. Правительствам небогатых стран такие расходы будут непоколебимы, и риск силового решения вопросов доступа к чужим водным ресурсам будет выше¹⁷.

В XXI столетии межгосударственные конфликты почти вероятны из-за раздела вод Нила, Замбези и Волги — на Севере, Юге и Западе Африки соответственно. Воды Панга могут стать камнем преткновения и привести к усугублению отношений между Индией и Бангладеш¹⁸.

* * *

Начало XXI в. наглядно показало: сырьевые товары, в силу их растущей дефицитности, будут оказывать все возрастающее влияние на решение широкого комплекса стратегических вопросов, касающихся как отдельных государств или групп государств, так и всей международной системы. Поэтому нельзя исключать, что естественными атрибутами нового столетия станут «сырьевой атомизм», с одной стороны, и силовая борьба за доступ к минеральным и прочим ресурсам — с другой.

Не кажется случайным, что американский сенатор Ригард Лусар, выступая на саммите НАТО в Риге (ноябрь 2006 г.), предложил рассматривать «использование энергетикой в качестве оружия» в рамках 5-й статьи Вашингтонского договора, по которой нападение на одного из членов блока считается нападением на весь союз¹⁹.

Мировой финансовый кризис несколько снизил напряжение вокруг мирового сырьевого снабжения. Кризисы не продолжаются вечно и сменяются новым, более высоким уровнем экономического развития, который вкупе с ростом населения Земли и процессами глобального населения потребует больше, чем прежде, сырьевых товаров.

Примечания

¹⁷ Сырьевые товары (или материал, *primary goods* или *commodities*) — товары, которые производятся для последующего потребления или переработки в том состоянии, в котором они найдены в природе. В эту категорию входят нефть, газ, ископаемая руда и др. См.: Glossary. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: // www.worldbank.org.

¹⁸ Comprehensive Political Guidance, Endorsed by NATO Heads of State and Government on 29 November 2006. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nato.int/docu/Annexes/Annex11296.htm>.

¹⁹ Eliminate Our Current Imports from the Middle East and Venezuela within 10 Years! Цит. по: The Obama Administration Plan for Energy: an Overview. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.whitehouse.gov/agenda/energy_and_environment/.

²⁰ U.S. Geological Survey. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://minerals.usgs.gov>.

¹ U.S. Geological Survey. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minerals.usgs.gov>

² BP Statistical review 2008.

³ Колосовский Е. А. Минерально-сырьевая безопасность страны // Промышленные ведомости. 2008. № апр.

⁴ Water Crisis // World Water Council. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.worldwatercouncil.org.

⁵ На регион Ближнего Востока приходится 31% мировой добычи нефти и 12% мировой добычи газа, на регион СНГ – 16% мировой добычи нефти и 17% мировой добычи природного газа, на регион Африки – 15% мировой добычи нефти и 7% мировой добычи газа, на регион Южной и Центральной Америки – 9% мировой добычи нефти и 5% мировой добычи газа // BP Statistical Review. 2008.

⁶ Региональное распределение мировых доказанных запасов нефти имеет следующую конфигурацию: Ближний Восток – 41,6%, Западная и Восточная Европа – 1,4%, СНГ – 10,2%, Африка – 9,3%, Южная и Центральная Америка – 9,0%, Северная Америка – 1,8%, АТР и Южная Азия – 1,3%. По состоянию на конец 2007 г. // BP Statistical Review. 2008.

⁷ 70% мировых доказанных запасов природного газа сконцентрированы следующими образом в регионе СНГ (30,1% мировых доказанных запасов) и Ближнего Востока (41,3% мировых запасов). Отдельные регионы Северная Америка – 4,3%, Южная и Центральная Америка – 4,4%, Западная и Восточная Европа – 3,4%, АТР и Южная Азия – 8,2%, Африка – 9,3% мировых запасов.

⁸ BP Statistical Review. 2008.

⁹ Ibid.

¹⁰ Key World Energy Statistics 2008 // International Energy Agency.

¹¹ World Uranium Production // UxC Consulting Company, LLC.

¹² Ibid.

¹³ На информации официального сайта ВВП Илхам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ilhamilton.com.

¹⁴ Самарский В. А. Минерально-сырьевые ресурсы мира в третьем тысячелетии // Соревновательный информационный журнал. 2001. № 6. С. 58, № 7.

¹⁵ Международно-правовые основы гидроэнергетики. Учеб. пособие / Отв. ред. А. Н. Валушкин. М.: Норма, 2007. С. 113–145.

¹⁶ Барылов С. Тушение аргентинских льдов (Опубликовано в журнале Foreign Affairs, 2008. № 2) // Россия в глобальной политике. 2008. № 3. Май – июнь.

¹⁷ Там же.

¹⁸ РИА Новости. 2008. 23 марта.

¹⁹ Барылов С. Тушение аргентинских льдов (Опубликовано в журнале Foreign Affairs, 2008. № 2) // Россия в глобальной политике. 2008. № 3. Май – июнь.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² См. подробнее: Международно-правовые основы гидроэнергетики. Учеб. пособие / Отв. ред. А. Н. Валушкин. М.: Норма, 2007. С. 221–238.

²³ Международно-правовые основы гидроэнергетики. Учеб. пособие / Отв. ред. А. Н. Валушкин. М.: Норма, 2007. С. 228–230.

²⁴ Авторизованная (официальная) информация. Правовой департамент МИД Российской Федерации. 17.03.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ia.mid.ru>.

²⁵ Australia can't dig fast enough to meet demand from China // Economist. 2008. March 13.

²⁶ Price in Africa – India Forum Summit. New Delhi, India. 2008. April 8–9 // African Union. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.africa-union.org/root/au/Conferences/2008/april/India-Africa/India-Africa.html>.

¹⁵ The Indians are coming // *Economist*, 2008, April 28.

¹⁶ Summit shows China's Africa quest // *NBC News*, 2008, November 6.

¹⁷ Американские *BusinessWeek* и *Statista*, а также европейские *BP* и *Royal Dutch Shell*.

¹⁸ Список, приведенный *Financial Times*, условный и него могут быть, например, добавлены такие компании, как «Роснефть», «ЛУКОЙЛ», «Газпром» и др.

¹⁹ China's steel association opposes WHP Billions, Rio Tinto merger: 01.08.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.chinainfolink.com.

²⁰ Россияна США просят России сделать будущее в ближайшие 75 лет // *Новости*, 2008, 21 нояб.

²¹ *Maheidi-ali P. M.* О проблеме водных ресурсов на Ближнем Востоке и в Африке // Институт Ближнего Востока, 2004, 21 сент. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru>.

²² *Жильеро С., Джен В.* Вода в Центральной Азии на пороге водных конфликтов // *Некоммерческая газета*, 2008, 4 авг.

²³ От войны за воду к мирным сотрудничествам: основные направления потенциала совместного использования водных ресурсов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/press/docs/2008/20080801.dg.shtml#ID=2008>.

²⁴ По договору Египет (исключено – свыше 75 млн человек, 2007 г.) ежегодно получает 25,5 млрд кубометров воды, в то время как Судан (исключено – почти 60 млн человек) – 18,5 млрд кубометров. См.: *Maheidi-ali P. M.* О проблеме водных ресурсов на Ближнем Востоке и в Африке // Институт Ближнего Востока, 2004, 21 сент. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru>.

²⁵ *Maheidi-ali P. M.* О проблеме водных ресурсов на Ближнем Востоке и в Африке // Институт Ближнего Востока, 2004, 21 сент. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru>.

²⁶ *Global Trends 2025: A Transformed World* // *National Intelligence Council, US Government Printing Office*, 2008, November, P. 33.

²⁷ *Maheidi-ali P. M.* О проблеме водных ресурсов на Ближнем Востоке и в Африке // Институт Ближнего Востока, 2004, 21 сент. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru>.

²⁸ Проблема нехватки пресной воды в развивающихся странах тесно связана с другой не менее важной проблемой – продовольственной. Всемирный банк прогнозирует, что спрос на продовольствие возрастет на 50% к 2030 г. Произойдет это из-за роста численности и благосостояния населения Земли, а также перепада климата: более среднего класса по всему миру и значительные порывы потепления. *Global Trends 2025: A Transformed World* // *National Intelligence Council, US Government Printing Office*, 2008, November, P. 31.

²⁹ *Карпович С. А.* Борьба с безработицей // *Российская Газета – Федеральный выпуск*, № 4584, 2008, 8 февр.

Список рекомендованной литературы

Брэнс Д. Барантеровать энергетическую безопасность // *Россия и глобальной политике*, 2008, № 1, Январь–февраль.

Косович А. А. Международная энергетическая безопасность. М.: Европа, 2006.

Daemmerer R. International Security. The Contemporary Agenda // *Cambridge Press*, 2008, P. 1–247.

Energy and Security: Toward a New Foreign Policy Strategy / Jan H. Kalicki and David L. Goldsbury (eds), Washington — Baltimore: Woodrow Wilson Center Press, 2005.

From Energy Crisis to Energy Security / Ed. by D. Gartenstein-Ross and C. D. May // Foundation for Defense of Democracies, 2008. P. 1–133.

Hayes C. The new Seven Sisters: Oil and gas giants dwarf western rivals // *Financial Times*, 2007, March 12. [Ruscript@mail.pccp.ru]. — *Pezama anocryta*: http://www.ft.com/cms/s/2/971ae1b6-d001-11d8-94b3-00005df10621.jpg_image=0bda728c-cc00-11d8-a938-00005df10621.html.

Padena J., Ogden P. A Blueprint for Energy Security // *The Global politics of Energy*. The Aspen Institute, 2008. P. 224.

Tregin B. Energy under stress // *The Global Politics of energy*. The Aspen Institute, 2008. P. 26–44.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

Движущей силой и фактором, во многом формирующим характер глобальных процессов, является революция в научно-технологической сфере (НТР). Она динамично проявляется в самых передовых отраслях современного развития: космической деятельности, связи, медицине, энергетике. Если во второй половине XX в. фактором, определяющим структуру международных отношений, являлись открытия в ядерной сфере, то в настоящее время таким фактором становится революция в области информационно-коммуникационных, био- и нанотехнологий. Последние достижения в этих областях наук значительно ускорили мировое развитие и будут значительно влиять на мировые политические процессы в будущих десятилетиях.

Влияние научно-технологического прогресса на систему международных отношений

Новейшие научно-технические достижения повсеместно присутствуют в нашей жизни. Они открыли принципиально новые перспективы развития потенциала человека, более полной реализации и расширения интеллектуальных и творческих возможностей. В конце XX и начале XXI в. они начали определять образ жизни в государствах и их внешнеполитику. Чем более развита страна технологически, тем сильнее ее рычаги влияния в мире и шире диапазон возможностей на международной арене, тем активнее она участвует в реализации новых форм международного бытия и эффективнее обеспечивается ее национальная безопасность.

Можно выделить особенности современного этапа научно-технологического прогресса:

- в науке наряду с познавательными целями все большую роль начинают играть цели экономического и социально-политического развития;
- на передний план выдвигаются междисциплинарные и проблемно-ориентированные формы исследовательской деятельности;
- специфику современной науки определяют комплексные исследовательские программы, в которых принимают участие специалисты различных областей знания;

- для общества интерес представляют научные достижения, влияющие на прогресс, новые товары, производные «горнило коммерциализации».

Научные знания становятся неотъемлемым компонентом производственного процесса, а управление производством и технологическими процессами становится возможным в большинстве случаев только на основании науки. В развитых странах формируется экономика, основанная на знаниях, в рамках которой за счет научных производств обеспечивается до 80% ВВП.

Фактическое соотношение науки и технологий позволяет поддерживать опережающее развитие развитых стран, их движение к обществам, основанным на знаниях и инновациях, и, более того, увеличить разрыв между ними и большинством стран мира, как бы фиксируя мироустройство в виде «ядра» и «периферии». Далеко не всем странам удается воспользоваться возможностями международного сотрудничества в этой области на основании взаимной выгоды. Усиливающееся отставание ряда развивающихся стран в технологической сфере оказывает негативное воздействие на их способность полноценно участвовать в современных мировых процессах и может привести к появлению новых очагов напряженности, а в результате и к международным конфликтам. Есть и другая сторона медали: некоторые страны пытаются насильно закрепить свое превосходство в этой сфере, а другие — употребить имеющиеся у них научно-технические возможности, чтобы выйти рванув за свою отсталость в прошлое.

При этом есть основания полагать, что ситуация неуклонно будет выравниваться в пользу развивающихся стран. Центры технологических инноваций сдвигаются, и сегодня заметно начало глобального рассредоточения инновационных возможностей. В XIX в. основными центрами сосредоточения инноваций были Великобритания, а позднее Германия и США. В XX в. непременными политиками для новых технологий стали США, Япония и другие страны ОЭСР. Более к концу века ими стали некоторые новые индустриальные страны — Южная Корея, Сингапур и Израиль. В XXI в. можно ожидать, что центр инновационной активности будет включать в себя страны БРИК — Китай, Индия, Бразилию и Россию, принимая во внимание тот факт, что вышеперечисленные государства работают над развитием собственного научно-технического потенциала.

Проведенный специалистами корпорации RAND анализ мирового развития до 2020 г. с целью выявить готовность различных государств

воспринять и использовать их для следующих результатов. Было выделено четыре группы стран — в зависимости от их способности воспринять и внедрить шестнадцать ключевых технологий (ИКТ, достижения биомедицины и геной инженерии, технологии, снижающие вредное воздействие на окружающую среду).

В первую группу попали передовые в научном отношении, способные освоить весь диапазон технологий — США, Канада в Северной Америке, Германия в Европе, Южная Корея и Япония в Азии, Австралия и Израиль. Во второй группе оказались государства, имеющие значительный научный опыт и способные освоить двенадцать из шестнадцати технологий (Китай и Индия в Азии, Россия и Польша в Европе). Далее следовали страны, развивающие науку и готовые освоить девять направлений из шестнадцати: Бразилия, Чили, Колумбия, Мексика в Южной Америке, а также Турция, Индонезия и Южная Африка. В последней группе оказались остальные государства, готовые внедрить только пять технологий (Египет, Кения, Камерун, Чад, Непал, Доминиканская Республика в Африке, Пакистан, Иран и Иордания в Азии, Грузия в Европе).

В докладе подчеркивается, что приобретение технологий не означает их внедрения и применения в повседневной жизни. Одним из определяющих факторов такой способности является создание современной научно-технологической базы, достижение уровня самостоятельных исследований, а также способности усвоения импортных технологий. Исследователи особо отмечают успехи, достигнутые Индией и Китаем, которые, как и Россия, были отнесены ко второй группе за счет быстрого развития многих отраслей промышленности и сельского хозяйства, в первую очередь альтернативной энергетики и геной инженерии.

Наука — феномен, не знающий национальных границ, и в этой связи сектор науки в национальной экономике любой страны мира автоматически включен в глобальную инновационную систему. Глобальная инновационная система — это рыночная среда с жесткой конкурентной за материальные и информационные ресурсы, кадры, обладающие интеллектуальными знаниями, навыками и потенциалами. В условиях глобализации экономик стало возможным говорить не только о глобальных финансовых и товарных рынках, но и о глобальном рынке труда, а также глобальной информационно-коммуникационной системе, глобальной структуре производства товаров и услуг.

В результате распространения технологических достижений в зонах интеграции, в основном европейской, размывается понятие суверенитета государства. Границы в известной мере становятся проницаемыми,

что особенно заметно в финансовой сфере. Современные технологии, прежде всего информационные, носят трансграничный характер, что позволяет использовать их в целях экстерриториального проникновения, осуществления государствами несанкционированного вмешательства во внутренние дела других стран, их хозяйственную и политическую деятельность.

Научно-технологическая революция способствует увеличению числа участников международных отношений, а также повышению активности и эффективности участия в них. Хотя государство продолжает оставаться важнейшим игроком в этой сфере, государственно-центристская модель мира стала серьезно трансформироваться. Более значительный вес на мировой политической арене начали приобретать структуры гражданского общества, а также крупные, в том числе транснациональные компании, получившие также возможности влияния на мировые политические процессы, которыми ранее располагало только государство. Финансовый бизнес может совершать транзакции из любой точки мира, в считанные минуты передвигать огромные суммы. Развитие информационно-коммуникационных технологий стимулировало свободу передвижения мировых финансовых потоков, что, в свою очередь, явилось причиной кризисных явлений в мировой экономике в конце 2000-х годов.

В условиях, когда новая технологическая волна влечет за собой кардинальные изменения технологической базы большинства экономических систем, центральным фактором, определяющим конкурентоспособность государства и скорость экономического развития, становится качество человеческого капитала, зависящее от уровня образования в стране. Возрастает значение и происходит развитие образования, формируется глобальный рынок образовательных услуг.

В современном мире каждой стране, чтобы выжить, необходим максимально высокий уровень квалификации специалистов. Это требует создания более совершенной системы образования, налаживания международного сотрудничества в данной области, увеличения экспортно-импортных связей в образовании. Следует отметить факт получения государством доходов от экспорта образовательных услуг и трансфера человеческого капитала при том понимании, что происходит не «уточка умов», но осуществляется продуманная политика наращивания мощи государства с помощью «циркуляции умов».

Более очевидной становится тенденция объединения государств на основе общих интересов в области высоких технологий, реализации многообещающих совместных проектов. Государства объединяются

вокруг крупных и прерывных по характеру и уровню задач научно-технологических, космических, телекоммуникационных и инновационных проектов. Реализация таких начинаний часто невозможна с финансовой и технической точки зрения силами лишь одного государства.

Существуют также проекты, как Большой Адронный Коллайдер (БАК) в Европейском центре ядерных исследований (ЦЕРН), международный экспериментальный термоядерный реактор (ИТЭР). Россия активно участвует в реализации указанных проектов. Это реально работает на укрепление долгосрочного партнерства, позволяет сохранить и развивать российскую науку, привлекать зарубежные заказы на высокотехнологичные предприятия, поддерживать исследовательские коллективы, развивать новые технологии.

Однако новый виток научно-технической революции (НТР) обуславливает и появление новых вызовов стабильному мировому развитию. Проблема обеспечения безопасности приобретает качественно новое, технологическое измерение. Наибольшую опасность несут такие связанные с НТР вызовы, как возможность использования информационно-коммуникационных технологий против других государств в военных и политических целях, угроза трансконтинентного использования террористами высоких технологий, как военного, так и двойного назначения, активизация международной организованной преступности, получающей доступ к новейшим технологическим средствам. В контексте использования новых знаний фундаментального и особенно прикладного характера может возникнуть необходимость по-новому рассматривать известные международные проблемы, такие как обеспечение прав человека, защита окружающей среды. Не исключено, что в сфере защиты прав человека может возникнуть вопрос о биологической идентичности.

В изменившихся условиях малоэффективными по-прежнему оказываются традиционные режимы разоружения и нераспространения, формируется новая разоружившаяся повестка дня, в центре внимания оказываются вопросы предотвращения использования новых достижений в области науки и техники в военно-политических целях. Требуется дальнейшее развитие и кодификация международного права с тем, чтобы не оставалось правовых лакун, наличие которых позволяет формально легитимно осуществлять, по сути, незаконные действия: агрессии в новых формах, экономическую и политическую экспансию. Необходимыми условиями для взаимовыгодного международного научно-технического сотрудничества является обеспечение охраны интеллектуальной собственности и технологий, защиты информации, борьбы с техноло-

пическим миром. Международное право не поспевает за новыми областями международной деятельности.

Научно-технологический прогресс влечет за собой появление новых угроз для экологии. Вместе с тем развитие и широкое применение новых технологий и методов производства могут позволить сократить ущерб, причиняемый человечеством окружающей среде. Максимальное использование возобновляемых источников энергии, переход на «чистое» и безотходное производство, появление безубыточных технологий, сокращение вредных выбросов в атмосферу, загрязнение вод и почв за счет применения новейших технологий в местных сооружениях, более рациональное природопользование могут стать основой для эффективного обеспечения защиты окружающей среды на глобальном уровне.

По мере усложнения телосферы, роста взаимозависимости и целостности мира необходимым становится формирование достаточно эффективного и универсального механизма управления мировым сообществом. В новых условиях значительно возрастает востребованность ООН, способной объединить усилия всего мирового сообщества для решения общих проблем безопасности. Изменяется роль специализированных международных организаций, в том числе системы ООН. Больше учитывается политическая составляющая входящих в их компетенцию, казалось бы, сугубо технических вопросов. Можно предложить возникновение новых международных научно-технических организаций, участниками которых будут не только государства, но и деловые круги и организации гражданского общества.

Необходимо создать «страховочную сеть» глобализации. Центральную роль здесь могут сыграть опять же новые технологии, которые не только преодолевают новые вызовы безопасности, но и подсказывают пути поиска решений новых задач. В результате развития науки и технологий перед человечеством открывается принципиально новые возможности решения многих научных, технологических и социальных проблем. В развитых странах Nobel Peace Laureates становятся министрами, принимаются широкие технологические программы, ТНК увеличивают объемы финансирования определенных видов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР).

В России растет понимание того, что наука — национальное богатство, основной фактор экономического роста страны, принимаются меры политического характера, нацеленные на переход к развитию, основанному на знаниях, образовании и инновациях. В 2008 г. была утверждена Концепция долгосрочного социально-экономического раз-

влиян России на период до 2020 года, которая главной задачей ставит переход российской экономики от экспортно-сырьевого к инновационному, социально ориентированному типу развития. На официальном уровне было обозначено стремление России утвердиться к 2020 г., т.е. в посткризисной мировой политической системе, в качестве одного из технологических «голосов» многополярного мира.

Российская дипломатия в повседневной работе ориентирована на реализацию таких задач, как усиление российской научной, инновационной и технологической составляющей мира, повышение уровня конкурентоспособности российской науки и технологий, укрепление роли РФ на мировом рынке интеллектуальных продуктов, наукоемких товаров и услуг. Дискуссии идут в ООН и ее специализированных учреждениях, в «группе восьми», в региональном формате — СНГ, ОДКБ, ШОС, ОБСЕ, АТЭС, по линии России–ЕС и на двустороннем уровне. В последние годы РФ заключила двусторонние межправительственные соглашения о научно-техническом сотрудничестве более чем с 50 государствами. Ближайшее десятилетие в России будет решающим для создания основ инновационной экономики, в условиях жесточайшей международной конкуренции это вопрос не только экономического роста, а сохранения за Россией статуса великой державы.

Ключевые направления НТР, определяющие характер экономического, социального и политического развития, дополняющие повестку дня международных переговоров вопросы их справедливого и безопасного использования, — это в первую очередь новейшие нано-, био-, информационно-коммуникационные технологии, освоение космического пространства.

Информационно-коммуникационные технологии

Информационно-коммуникационные технологии стали основой глобальных процессов информатизации, которая, коренным образом преобразуя современный мир, инициировала вхождение человеческого общества в эпоху развития на новой технологической основе. Начало бурного развития ИКТ связывается обычно с 1990-ми годами, когда началась третья информационная революция, связанная с быстрыми темпами роста количества персональных компьютеров. В ходе этой революции началось объединение персональных компьютеров в сети, что привело к возникновению глобальной информационной сети Интернет.

Интернет быстро вырос в важный фактор мировой политики, объект международных отношений, фактически дав толчок началу активного формирования глобального информационного общества (ГИО). Подъем

человеческого общества на эту ступень в развитии цивилизации — процесс объективный. Развитие ИКТ создает условия для экономического роста отдельных стран, их интенсивного включения в мировые интеграционные процессы, в формирующееся общее (а в перспективе — единое) информационное пространство.

В настоящее время в мире идет четвертая информационная революция, связанная с формированием нового поколения Интернета, основанного на грид-сетях. Грид-технология — это интегратор ресурсов для решения разнородных ресурсоемких научных задач, позволяющий выйти за рамки простого обмена данными между компьютерами и в результате превратить глобальную сеть Интернет в единый и практически неограниченный вычислительный ресурс. Концепция грида появилась не как абстрактная идея, а как ответ на потребности в крупных информационно-вычислительных ресурсах для решения громоздких задач в научной, индустриальной, административной и коммерческой областях деятельности.

Первая грид-технология — *GLORIAD* (глобальная кооперативная сеть для развития прикладных исследований) — появилась в 1994 г. Она объединила вычислительные ресурсы США, Канады, стран Европы, Китая и Южной Кореи. Россия присоединилась к этой сети в 1996 г. В 1999 г. был создана в США первая международная организация — *Global Grid Forum (GGF)*. В 2001 г. — вторая международная организация — *Enterprise Grid Alliance (EGA)*. Они объединились в 2004 г. и продолжают успешно заниматься «гридизацией» на планете.

В конце 2000-х годов в США функционировало пять грид-сетей. Мощности для них выделяет крупный высокотехнологичный бизнес. Вслед за США ЕС разработал программу грид с тем, чтобы превратить страну в самую конкурентоспособную в мире экономику знаний. Китай в 2006 г. после шести лет напряженного труда объявил о завершении работы над грид-проектом, и в том же году было объявлено о начале выполнения проекта *EUChinaGrid*, который призван объединить сети ЕС и КНР. Нависшийший стратегический альянс ЕС и КНР можно рассматривать как попытку создания сильного грид-противовеса претензиям США на мировое лидерство в этой масштабной технологической гонке. Что касается России, то еще в 2003 г. были созданы грид-программы для РАН и Министерства атомной промышленности.

Формируется глобальная электронная среда, в которую переносятся важнейшие составляющие политической, экономической, социальной и культурной деятельности. Эта среда позволяет интенсифицировать обмен информацией, мнениями, идеями, услугами, товарами, создавать различные виртуальные сообщества, объединенные какими-либо общи-

ми интересами. За счет развития информационного сектора происходит изменения в структуре мировой экономики, рынок становится значительно более масштабным, динамичным и конкурентным, возникает множество новых видов бизнеса. Особую популярность приобретает и интенсивно развивается электронная торговля.

Однако серьезное препятствие для продвижения в данном направлении почти для всех членов мирового сообщества создает проблема «цифрового неравенства»: общество и государства разделяются на тех, кто имеет доступ к различной информации и услугам посредством современных ИКТ и соответствующим навыкам (компьютерную грамотность), и тех, кто их не имеет. Неравенство в доступе к информации неизбежно влечет за собой углубление иных видов неравенства — экономического, социального, культурного — как между развитыми и развивающимися государствами в целом или отдельными частями страны в рамках этих группировок, так и между различными социальными группами внутри одной страны. Без массового же пользователя формирование развитого рынка информационных услуг и тем более глобального информационного общества вряд ли возможно.

Прямое политическое следствие информационной революции — ускорение процесса трансформации международных отношений. Новые информационные услуги и виды деятельности становятся менее подконтрольными правительствам. Принципиально иной в свете быстрого распространения ИКТ становится проблема обеспечения национальной и международной безопасности, дополняется информационно-коммуникационной составляющей. Возникает угроза применения колоссального потенциала ИКТ в интересах обеспечения военно-политического превосходства, силового противостояния, шантажа. Увеличение за счет новейших ИКТ возможного потенциала ведет к изменению глобального и регионального соотношения сил, напряженности между традиционными и нарождающимися центрами силы, появлению новых сфер конфронтации.

Новые информационные формы и содержание приобретает экономика, идеологическая, культурная экспансия. Связь и информация превращаются в решающий фактор в борьбе за умы. Транснациональной информационной (а в сущности — идеологической) обработке и манипулированию подвергаются целые народы. В связи с этим объективно возникает потребность в доведении мировой разоруженческой повестки дня в части контроля за наиболее опасными видами вооружений и военными аспектами использования ИКТ и мирового процесса информатизации. Кроме того, все более актуальной становится адапта-

ция международного права к особенностям глобального информационного общества, а также развитие международного сотрудничества в данной области.

Значимым событием явилась Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества, которая прошла в два этапа — в Женева в 2003 г. и в Тунисе в 2005 г. Было принято решение начать процесс интернационализации управления Интернетом в целях обеспечения стабильности, безопасности и непрерывности функционирования этой глобальной информационной системы. Генеральному секретарю ООН и членам сформированного единого координирующего роли в сфере ответственности правительства, международных организаций, а также частного сектора и гражданского общества как развивающихся, так и развитых стран применительно к функционированию Интернета поручалось созвать международный Форум по управлению Интернетом.

Саммит продемонстрировал, что в мировом информационном пространстве складывается новое соотношение сил. США, а также их ближайшие союзники в лице Великобритании и Японии оказываются в противостоянии блоку развивающихся государств во главе с Бразилией, Индией и ЮАР, Китаем. Одновременно нарастает соперничество США с континентальными европейскими партнерами, которые активно сплачиваются в рамках Европейского союза. Все страны выступают за передачу контроля над Интернетом международному сообществу, и только США — против, оказываясь в этом вопросе в одиночестве. Вашингтон рассчитывает на технологическое доминирование в новом поколении Всемирной паутины.

Еще в 1998 г. Россия выступила с инициативой о постановке на международном уровне вопроса об обеспечении международной информационной безопасности. С этого времени резолюция «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» принимается Генеральной Ассамблеей ООН по предложению России ежегодно.

Россия ориентирует международное сообщество на исследование угроз в сфере информационной безопасности и возможных совместных мер по их устранению. Для проведения такого исследования в 2009 г. в соответствии с резолюцией ООН создается Группа правительственных экспертов ООН по МИБ. Актуальность и значимость для международного сообщества проблемы обеспечения МИБ подтверждается и тем, что все аспекты международной информационной безопасности, закрепленные в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по этой теме, стали предметом активного обсуждения в рамках региональных орга-

низаций. Главы государств—членов Шанхайской организации сотрудничества на саммите в Душанбе в августе 2008 г. приняли решение разработать межправительственное соглашение в рамках ШОС в области международной информационной безопасности.

Нанотехнологии

Наряду с информационными и биотехнологиями нанотехнологии являются фундаментом научно-технической революции в XXI в., одним из наиболее перспективных и востребованных направлений науки, технологий и промышленности в индустриально развитых странах. Поэтому развитие нанотехнологий — важнейшая задача в рамках долгосрочной инновационной политики государства.

В основе широкого распространения и высоких оценок перспектив нанотехнологий лежит тот факт, что наночастицы некоторых материалов, имеющие размер от 1 до 100 нанометров, проявляют уникальные качества, в частности, имеют очень хорошие каталитические, абсорбционные, оптические и другие свойства, которые находят свое применение в промышленности, энергетике, медицине. Согласно определению, приведенному в «Концепции развития в РФ работ в области нанотехнологий на период до 2010 г.», нанотехнология определяется как совокупность методов и приемов, обеспечивающих возможность контролируемым образом создавать и модифицировать объекты, включающие компоненты с размерами менее 100 нм, хотя бы в одном измерении, и в результате этого получившие принципиально новые качества, позволяющие осуществлять их интеграцию в полноценно функционирующие системы большего масштаба.

По оценкам экспертов, в 2008 г. объем продаж продукции нанондустрии составил около 700 млрд долл. США. Начался активный разгон мирового рынка в этой сфере, завершение которого ожидается к 2015 г. В нанотехнологическую гонку включились уже десятки стран, принимаются национальные программы развития этого направления. Мировыми лидерами по общему объему капиталовложений в этой сфере стали Япония и США. При этом программы развития нанондустрии принимаются и на практике реализуются также и в ряде развивающихся стран, в частности в Казахстане.

Несмотря на активное развитие фундаментальных, поисковых исследований, а также образовательную деятельность в сфере нанондустрии, в настоящее время Россия значительно уступает США по общему числу научных статей в области наноматериалов и нанотехнологий, числу международных патентов в области нанотехнологий и уровню ин-

корректировать нанотехнологическое прорывы в новое производственное оборудование и готовые продукты.

Тем не менее нанотехнологии в России имеют большой потенциал. Нанотехнологии в краткосрочной перспективе могут стать реальным фактором роста эффективности и конкурентоспособности ряда секторов, которые сейчас считаются «традиционными» и «среднетехнологичными», — металлургия и металлообработка, большая часть машиностроения и станкостроения, нефтепереработка, химический комплекс. Ликвидировать отставание в некоторых сферах без использования возможностей нанотехнологий будет практически невозможно. Кроме изменения облика существующих секторов, нанотехнологии способны привести к появлению новых отраслей, предприятий и бизнесов, которые могут в перспективе определить новую специализацию России на мировых рынках.

В соответствии с официальной позицией, государственную политику в нанотехнологиях следует рассматривать как пилотный проект, в рамках которого отработываются новые инструменты государственной поддержки инноваций, взаимодействия государства с бизнесом, а также новые управленческие технологии, передовой международной опыт по стандартизации технологического развития. Все эти наработки будут впоследствии распространяться на остальные направления технологического развития. Основные инструменты, используемые для стимулирования развития нанотехнологий в России, — госкорпорация «Роснано» и Федеральная целевая программа по развитию инфраструктуры нанотехнологий. В России уже были приняты необходимые политические решения, направленные на стимулирование развития нанотехнологии, что рассматривается в качестве первого шага в деле построения в нашей стране инновационной экономики. Успешное решение этой задачи обеспечит выход российскому наукоемкому бизнесу на мировой рынок высоких технологий.

На примере нанотехнологии прослеживаются тенденции развития мировой научно-технологической сферы — взаимосвязанность фундаментальной и прикладной науки, сопряженность научно-исследовательской деятельности и производственного прогресса, возрастание роли высококвалифицированных человеческих ресурсов, технологической инфраструктуры, инновационный экономический потенциал новых технологий.

Биотехнологии

Во многом благодаря развитию в сфере нанотехнологий биотехнологии также вышли на новый уровень. Биотехнология представляет со-

бой интеграцию естественных и инженерных наук, ставящую целью наиболее полно реализовать возможности живых организмов или их производных для создания и модификации продуктов или процессов различного назначения. Знания о процессах жизнедеятельности позволяют не только приспособлять эти процессы для практических целей, но и управлять ими, а также создавать перспективные в практическом отношении новые системы, не существующие в природе, хотя и аналогичные существующим.

Согласно «свойской» классификации, различаются четыре группы биотехнологий — «белые» (промышленные), «красные» (фармацевтические), «зеленые» (клонирование растений) и «синие» (морские). Наиболее широкое применение биотехнологии нашли в медицине, пищевой промышленности, в ходе решения проблем в области энергетики, в охране окружающей среды, в научных исследованиях.

Развитие и использование современных нано- и биотехнологий в производстве пищевой продукции, сохранении окружающей среды и других направлениях является определяющим для устойчивого социально-экономического развития страны, повышения качества жизни человека. Использование биотехнологических разработок позволяет решать многие проблемы диагностики и лечения особо опасных заболеваний, недостаточного или несбалансированного питания, повышения качества питьевой воды, обеззараживания опасных для человека и окружающей среды отходов. По оценкам экспертов, к 2020 г. наибольшее распространение и применение найдут следующие направления биоиндустрии и геномной инженерии: геном-модифицированные продукты, определение специфических биологических веществ, новые лекарственные препараты, искусственные человеческие ткани для пересадки и имплантации, улучшенные методы диагностики и хирургии.

Таким образом, биотехнология из рядовой отрасли становится системообразующим фактором развития экономики отдельных государств и мировой экономики в целом. Ежегодный прирост мирового рынка биотехнологической продукции составляет 7–10%. Место России на этом рынке пока более чем скромное. По оценкам экспертов, Россия производит менее 1% от общего объема мировой биотехнологической продукции. Столь скромное место в мировой биотехнологической промышленности наша страна занимала не всегда. СССР был на втором месте в мире по развитию микробиологической промышленности, уступая лишь США. Однако после распада СССР практически прекратился выпуск биотехнологической продукции.

В большинстве стран принимаются документы, стимулирующие развитие биотехнологий, как, например, в США, странах Евросоюза,

Индия, Китае. В России также предпринимаются соответствующие меры. Россия располагает возможностями не только включиться в глобальную биотехнологическую гонку, но и добиться успеха. Принята национальная программа «Развитие биотехнологии в РФ в 2006–2015 годах». Она охватывает медицину, экологию, сельское хозяйство (агробиотехнология и ветеринария), лесное и рыбное хозяйство, пищевую индустрию, различные отрасли промышленности (химическая, горнодобывающая, легкая), т.е. те области народного хозяйства, которые существенно влияют на развитие экономики и качество жизни. Принимая во внимание перспективность развития отрасли, а также заложен на данном направлении, развитие биотехнологий может рассматриваться как шаг на пути повышения конкурентоспособности российской экономики и полноценного вхождения в мировую научно-техническую сферу.

Освоение космического пространства

Космический сектор превратился в одну из самых перспективных областей инвестирования в высокие технологии, развития науки и промышленности. Международное сотрудничество в освоении космического пространства является важнейшим направлением мировой политики и мировой экономики в XXI в.

Из освоения человечеством космоса предоставляются услуги навигации, определения местоположения, в области метеорологии, дистанционного зондирования Земли, создания новых материалов, экологического мониторинга, предупреждения природных катастроф, космической связи. Формирование глобального информационного общества невозможно без технической опоры на космос — глобальная телефония, спутниковая система доступа в Интернет, прямое цифровое вещание, быстрая корпоративная и широкополосная связь, мобильная связь третьего поколения. Продолжается разработка новых технологий, научно-технических систем и методов во исследованию и использовании космоса (например, системы запуска, челноки, мини-спутники, космическая навигация, медицина, связь, образование). Космической деятельностью занимаются более 120 государств, около 20 из которых весьма активно. Более миллиона высококвалифицированных специалистов по всему миру занято в сфере космической индустрии. Ее доходность растет на 100% ежегодно.

Интенсивно идет процесс коммерциализации космической деятельности. Снижается доля государства в процессе освоения и использования космоса. Частный бизнес включился в деятельность по освоению космического пространства, поскольку космическая индустрия стала важной отраслью мировой экономики. Имеет место все более

широкое применение космических технологий и побочных результатов космической деятельности в различных отраслях экономики.

Существенно растут масштабы международного сотрудничества в космической области. Частью этого процесса становится регионализация космической деятельности, что происходит в зарубежной Европе, СНГ, АТР, Латинской Америке, а в последние время и на Ближнем Востоке.

У России, как крупнейшей космической державы в этой области традиционно сильные позиции. В коммерческом космосе на Россию приходится примерно 10–12%. В настоящее время российская космонавтика решает задачу увеличения доли участия на «космическом рынке» до 21% к 2015 г. На долю стран ЕС приходится 60%, остальное — на США, Китай и Индию, а также подключающуюся Бразилию.

Одним из перспективных секторов рассматриваемого рынка, на котором Россия обладает прочными позициями, является космическая навигация. В первые пять лет нового тысячелетия доходы от услуг в области космической навигации составили примерно 12 млрд долл. США. Сумма в целом небольшая, так как система позиционирования на Земле с помощью космических аппаратов относительно недавно пришла в гражданскую сферу и стала предоставлять услуги. В современном мире существует две действующие системы глобальной спутниковой навигации — российская ГЛОНАСС и американская GPS. Создаются европейская «Галileo» и китайская «Бэйдоу» («Северная звезда»).

Российская система ГЛОНАСС, созданная в 1993 г., испытала деление экономической трудностей 1990-х годов. Чтобы сохранить и развить ГЛОНАСС, в 2001 г. объявлена Федеральная целевая программа «Глобальная навигационная система», предусматривающая производство спутников с гарантийным сроком эксплуатации в 7–10 лет, совершенствование наземной инфраструктуры управления системой, полное развертывание к 2010 г. орбитальной группировки в составе 24 спутников. Гражданские потребители ГЛОНАСС получают такой же уровень навигационного обслуживания, как и военные, при бесплатном спутниковом сигнале. Индия, КНР, КНДР, Япония и Украина, а также некоторые другие страны высказали предложение сотрудничать с Россией на базе нашей системы.

РФ активно участвует в международном сотрудничестве и в других областях космической деятельности. Развиваются космическая политика, дипломатия, бизнес. В значительной степени благодаря усилиям России создана и поддерживается международная космическая

станции. На нашу страну приходится весомая доля рынка космических услуг, в том числе заказы спутников, дистанционного зондирования Земли.

РФ вовлечена в работу действующего в ООН Комитета по исследованию и использованию космического пространства в мирных целях. Сегодня в его повестке дня такие вопросы, как использование ядерных источников энергии в космическом пространстве, проблема космического мусора, противодействие опасности облетающихся с Землей астероидов и комет. В центре нашего внимания и прорабатываемых сейчас возможностей создания глобальной системы наблюдений Земли из космоса для постоянного мониторинга происходящих на нашей планете природных и антропогенных процессов в целях своевременного предупреждения о бедствиях и смягчения их последствий.

Создаются необходимые политико-правовые условия для развития сферы международного сотрудничества России в освоении космоса и применения космической техники и технологий в мирных целях. С Бразилией, Индонезией, Испанией, Республикой Корея, ЮАР подписаны соглашения о сотрудничестве в исследовании космического пространства в мирных целях, с Казахстаном и Индией — об использовании российской глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС. Реализовывается концепция регулирования вопросов охраны ракетно-космических технологий. Соответствующие межправительственные соглашения заключены или готовятся с Республикой Корея, Австралией, Индонезией (проект «Воздушный старт»), Бразилией (совместное создание ракет-носителей), Украиной, между Россией, США и Казахстаном (для осуществления запусков с космодрома Байконур) и другими странами.

К сожалению, наблюдается процесс милитаризации космической деятельности, несмотря на все известные ограничения в этой области на основании имеющихся международных соглашений, которые, в частности, не допускают размещения в открытом космосе и на небесных телах оружия массового уничтожения и обеспечивают защиту космических аппаратов от враждебного воздействия. Технологическая революция и последовавшая за ней активизация космической деятельности остро поставила проблему сохранения космоса мирным, недопущения конфронтации в космосе и сохранения его в качестве сферы, где нет оружия. Актуальность необходимости приведения в соответствие с реальностью существующих международно-правовых документов, регламентирующих само освоение космического пространства, деятельность в космосе, в отношении космоса и из космоса в отношении Земли,

Россия проводит линию по немилитаризации космоса. На 56-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в выступлении министра иностранных дел России 24 сентября 2011 г. было предложено начать разработку всеобъемлющей договоренности о предотвращении размещения в космосе оружия любого вида, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов (ПРОК), а также ввести мораторий на размещение в космосе боевых средств.

В июне 2002 г. Россия и Китай представили на Конференции по разоружению в Женеве совместный документ «Возможные элементы будущей международно-правовой договоренности о ПРОК». 10 февраля 2007 г. на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности президент России заявил о намерении российской стороны внести на рассмотрение заинтересованных государств проект договора по ПРОК. Официальное представление проекта на конференции состоялось 12 февраля 2008 г. в выступлении руководителя российского МИД С. В. Лаврова.

* * *

Важно отметить, что сферы науки и высоких технологий приобретают характер самостоятельной составляющей международной политики. Прорыв на ряде ключевых направлений научно-технологического прогресса и формирование общинорового инновационного и информационного пространства, а также углубление и диверсификация международных экономических связей придает взаимозависимости государств глобальный характер. Возросла роль международного научного сотрудничества в целях содействия укреплению стабильности и мира, борьбы с угрозами безопасности, создания глобальной системы противодействия новым угрозам, порожденным в том числе самой же ИТР.

На передний план в качестве главных составляющих национальной мощи Российской Федерации выходит ее научно-технологический и инновационно-технологический потенциал, интеллектуальные, информационные и коммуникационные возможности, образовательный уровень населения, степень сопряженности научных и производственных ресурсов.

Список рекомендуемой литературы

- Волоцкий процесс: Проблемы и перспективы [сборник статей] / Под ред. М. М. Лебедевой. М.: Фридрихс-Телл, 2006.
- Инновационные направления современной международной обстановки / Под ред. А. В. Крутова, А. В. Баранова. М.: Аспект Пресс, 2010.

ИТР и современная мировая политика / Под ред. А. В. Крутечки, А. В. Бирюкова. М.: МГНМО (У) МИД России, 2010.

Розовский Е. А. США информационное общество – экономика и политика. М.: Международные отношения, 2008.

Суданов Н. А. Взаимодействие университетов в процессе инновационной деятельности // США—Канада: Экономика, политика, культура. 2010. № 2. С. 110–126.

OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2009. OECD publishing, 2009.

The Global Technology Revolution 2020, Executive Summary: Bio/Nano/Materials/Information Trends, Drivers, Barriers, and Social Implications / Silbergitt et al. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2006. xiii.

ПОЛИТИКА В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Обычно термины «глобальное информационное общество» и «глобальное информационное пространство» употребляются в качестве синонимов. Тем не менее между ними есть важное отличие. *Информационным пространством (information space)* называют совокупность информационных ресурсов (источники информации), технологий информационного взаимодействия (программное обеспечение) и информационных телекоммуникационных систем (оборудование), функционирующих на основе общих принципов и формирующих информационную инфраструктуру, обеспечивающую информационное взаимодействие между людьми. *Информационным обществом (information society)* имеется в виду явление более высокого порядка — новая фаза развития цивилизации, в которой главным продуктом производства и обмена выступают информация и знания.

Несмотря на контекстуальную близость этих понятий, принципиальное различие между ними состоит в том, что составляющими элементами пространства являются неодушевленные объекты, результаты человеческого труда, тогда как главным активным элементом общества, его субъектом является человек.

Таким образом, информационное пространство представляет собой результат усилий информационного общества, стремится посредством совершенствующихся информационных технологий максимально удовлетворить свои потребности в общении, а также в информационных продуктах и услугах в рамках своей политической, экономической и других видах жизнедеятельности. Вместе с тем справедливо и обратное утверждение: информационное общество является порождением информационного пространства в том смысле, что развитая и эффективная информационная инфраструктура способствует развитию общества, повышению ценности информации и коммуникационных процессов, росту влияния информации на общество в целом и каждого человека в отдельности.

Международная информационная реальность и ее управляемый характер

Глобализация затрагивает все сферы жизни общества, а сам термин имеет множество значений. Тем не менее все, что сегодня понимают

под глобализацией, — свободный обмен товарами, капиталом, рабочей силой и пр. — не было бы возможным без обмена информацией, знаниями, идеями. В этом смысле природа глобализации лежит в сфере человеческого общения, соединенной коммуникации.

Ее главный ощущаемый эффект — сжатие окружающего мира по параметрам Пространства и Времени. Мир становится субъективно «меньше», доступнее. Процессы в нем протекают быстрее, более того — они происходят одновременно. А технические средства позволяют узнавать о событиях в любом уголке практически в режиме реального времени.

Смешаются временные и географические понятия. Фермерша из Техаса в августе 2008 г. знала в панкек утюга из сообщения телеканала «Фокс Ньюс» о нападении России на Джорджию, не подозревая, что причиной напугавшего ее телерепортажа стали действия Грузии (а не Джорджии) против Южной Осетии, происходившие не в соседнем штате, а на другом конце света¹.

Идея глобального мышления допускает возможность приближения (через иллюзию личного участия) к событиям, происходящим за тысячи километров, а также возможность возникновения чувства личной ответственности за эти события.

В основе возникновения подобных ощущений и управления ими лежат либеральные идеалы, западные представления о свободе и независимости личности, свободе выбора и самовыявления, вера в добродетель активной деятельной позиции, убежденность в самоценности каждого индивида. Доминирующий в глобальном информационном обществе дискурс поощряет, стимулирует иллюзии соучастия и осуждает обратное — отстраненность от происходящего в дальних и ближних странах, нежелание в них вмешиваться, пассивность, пассивизм, «ответственность каждого за чужие судьбы» становится общепринятой нормой социального поведения, стремление «изменить мир к лучшему» приносится в СМИ — и воспринимается аудиторией! — как благо для общества в целом. Такого рода «активная гражданская позиция» подрывает возможность оставаться в стороне от важных событий, происходящих в жизни не только своего ближайшего сообщества, но и глобального мира.

В большинстве случаев безграничные возможности приближаться к тем или иным событиям, о которых узнает зритель или читатель с помощью медиа, являются иллюзией. Ответственность за людей, живущих в чужой стране, оказывается самообманом, и степень свободы повлиять на ситуацию в глобальном масштабе преувеличена. Европейский обыватель может горлоно сопереживать страданиям суданских беженцев,

не имея шанса им помочь. Но важно понимать, что «...если ситуация определится человеком как реальная, она имеет реальные последствия». Верно и обратное: «Реально (лишь) то, что реально по своим последствиям». Значит, какими бы иллюзорными ни представляться возможности отдельно взятого «маленького человека» участвовать в глобальных процессах, эти возможности и участие реальны, потому что «маленький человек» полностью уверен в том и ведет себя так, будто они являются таковыми на самом деле.

По этой причине «синдром ответственности за чужие судьбы» является важным предметом идеологического экспорта, инструментом информационно-психологического влияния. С помощью глобальных медиа можно внедрить этот синдром в качестве «природного атрибута» даже тех культур, которым он прежде не был свойственен.

С одной стороны, чувством «глобальной ответственности» можно манипулировать, направив его в нужное русло, с другой — идея всеобщей и всевластной солидарности выступает эффективным инструментом манипуляции. С ее помощью проще приучить аудиторию к мысли о том, что события, происходящие в другой полушарии, кажутся ее не меньше или даже больше, чем те, что свершаются в ее собственной стране. Используя включенность человека в глобальное информационное общество, источники власти совместно с медиа управляют вниманием граждан, манипулируют новостной дикой, отвлекают человека от одних проблем и, переключая на другие, представляют одни вопросы менее значительными и достойными обсуждения по сравнению с другими — действительно важными.

Сегодня есть все необходимое, чтобы каждую минуту быть в курсе мировых новостей. В распоряжении аудитории огромная и сложная коммуникационная инфраструктура, элементами которой являются социальные и технические средства. В результате человек испытывает — в большей степени, чем раньше, — воздействие огромного числа сообщений в виде образов, звуков и текста, которые содержат — не всегда очевидным, но, тем не менее, узнаваемым — установка, оценки и нормативные суждения, формирующие не только наше восприятие окружающей действительности, но и отношение к ней. Зачастую сообщения, получаемые через медиа, не содержат никакой фактической информации о событии, но, тем не менее, несет в себе его оценку, обусловленную наше отношение к нему еще до того, как зритель узнает подробности и получает возможность сделать самостоятельные выводы.

Конечной целью целью политической информации является не информирование и передача нейтральных сведений, а формирование заданно-

по отнесению аудитории к той или иной идее, личности, событию, факту. Задачей политического сообщения является создание образа, истории, отражение реальности. Фактически медиа творит новую, искусственную реальность.

Она прозрачна, понятна, в ней меньше противоречий, краски ярче и границы Добра и Зла обозначены более четко. Герои и Злодеи в этой искусственной реальности расставлены по местам, акценты распределены и приоритеты действий показаны. «Иная реальность» в конечном итоге может не иметь ничего общего со своим прототипом, но это и не важно, поскольку со временем в сознании людей она становится единственной существующей, подменяя собой действительную ситуацию.

Меняются и переопределяются сами функции медиа. Для формирования «иной реальности» изложения объективных фактов не требуется. Требуется интерпретация. Само понятие факта меняет смысл, становится составным элементом политического сообщения, элементом не объективной, а «иной» медиареальности. Самым эффективным средством формирования *определенных* образов является использование в сообщениях стереотипов. Последние представляют собой устойчивые и упрощенные образы социальных объектов, событий, явлений, складывающиеся в результате дефицита информации как результат обобщения личного опыта и представлений, принятых в обществе. Аналогичным образом используются ярлыки и языковые клише, а также мифы, архетипические образы, сюжеты из «героического прошлого» нации и все те элементы культурной и когнитивной сферы, которые обращаются к страстям и страдам — иррациональным, подсознательным сторонам человеческой психики. Стереотип, образ, клише, миф говорят сами за себя: они избавляют читателя от лишних вопросов к автору — от избыточных объяснений. Когда нужно сказать коротко — нужно говорить образами.

Одним из самых ярких, эмоционально окрашенных, действенных и древних образов является «образ врага». Именно поэтому он столь широко используется во всем мире. Формирование образа врага в лице Слободана Милошевича, Саддама Хусейна, коллективного врага под названием «мировой терроризм», олицетворением которого стала фигура Усамы бен Ладена, является важнейшим знаком соответствующих информационных компаний США и стран Западной Европы.

Противоположностью образу врага является образ героя, также поддающийся конструированию и ретушированию теми же средствами, только с противоположным знаком. Эти антагонистические образы необходимы друг другу, как свет и тень, — во взаимном сравнении каждый из них выливает еще более контрастно и определенно. Так, злодея-террористам («исламистским») противопоставлен образ «героя» итаховской

коалиции. Борном с «агрессивной Сербией» выступает лидер «свободолюбивых косовских албанцев» Хашим Тачи. Образу «обуреваемой имперскими амбициями» России противопоставят «герои “цветных” революций» в Грузии и на Украине, а могущественному и грозному Китаю — немногочисленным, но непокорным тибетцам, устраивавшим протесты по всему миру во время Пекинской олимпиады летом 2008 г.

Любое политическое сообщение содержит оценочную характеристику — хорошо или плохо, правильно или неправильно. Оценка какого-либо явления, полученная из авторитетного источника, экономит время и силы на выработку собственной позиции по данному вопросу. Авторитетная оценка избавляет от проблемы выбора, облегчает жизнь и придает определенность постоянно меняющимся обстоятельствам. Формы выражения этой оценки могут быть различными — от назначения конкретным ярлыком и использования определенного визуального ряда до простого факта упоминания или неупоминания о событии в сообщении. Например, меньший объем информации в глобальном пространстве об операции стран НАТО в Афганистане по сравнению с новостями, скажем, из Ирака вовсе не говорит о том, что в Афганистане не происходит вообще ничего или даже ничего, заслуживающего внимания. Просто дела натовской коалиции идут в этом регионе не так успешно, как планировалось.

Таким образом, политическое сообщение никогда не информирует о событии, но объясняет его значение, не показывает, но представляет определенную точку зрения, не передает информацию, но выражает мнение, ничего не спрашивает и не предлагает, но предполагает и определяет отношение аудитории и даже ее дальнейшие действия.

Следствие информационной перегрузки — целенаправленное ограничение объема получаемой информации. Время контакта аудитории с мультисобытием сокращается. Под вопросом оказывается сама вероятность такого контакта. Человек отторгается от «слишком открытого» мира, формируя собственную информационную среду, которая является частью глобального информационного пространства и в то же время не зависит от него, а порой и противопоставлена ему.

Отвечом на наплыв информации является анклавазация общества, распад на множество закрытых и несовершенных друг от друга сообществ.

На смену государственным, географическим, религиозным приходят новые — информационные границы, разделяющие людей по критерию доступа к информации и средствам коммуникации. Можно говорить о технических, политических, экономических и социально-культу-

турных барьерах. Последние определяются массой факторов: национальных, языковых, профессиональных, возрастных, гендерных, этнических, образовательных, религиозных. Эти границы не нанесены на карты, но они почти настолько глухи и непродолимы, что люди могут проживать в одном городе, на одной улице, бок о бок, не зная о жизни друг друга почти ничего.

Требования к характеру и качеству политической информации также меняются. С одной стороны, современные технические возможности и взаимосвязанность информационных сетей позволяют оказывать более интенсивное, потенциально неограниченное информационно-политическое влияние на аудиторию, независимо от ее географического положения и гражданской принадлежности. С другой — возрастает необходимость учитывать индивидуальные психологические и культурно-социальные характеристики аудитории.

Глобальное информационное пространство предоставляет необходимые возможности для осуществления политического влияния и вмешательства мира. По природе оно крайне неоднородно, содержит множество «белых пятен» и «черных дыр», характеризуется сложной структурой, большим числом факторов и низкой предсказуемостью процессов. Это накладывает ограничения на эффективность долгосрочного планирования и осуществления в нем целенаправленных действий.

Субъекты глобального информационного общества

Можно выделить шесть основных групп участников современного глобального информационного общества. Прежде всего это государства. Они — главные участники и инициаторы политической коммуникации, действия которых чаще всего становятся предметом общественных дискуссий. Цели государств — осуществление власти внутри и политического влияния вне своих границ, контроль и управление социальными процессами, распространение идеологии и обеспечение поддержки различными социальными группами официальных решений в области внутренней и внешней политики.

Методы государств — пропаганда, «социальная» (коммерческая) реклама, инициирование публичного обсуждения избранных тем, контроль над медиа посредством расстановки кадров, лицензирование, распределения теле- и радиочастот, цензуры. Каналы влияния государств — практически все возможные медиа, предпочтению отдается наиболее массовым: телевидению, радио, печати. Преимуществом государств состоит в том, что в их распоряжении находятся неограниченные материальные и человеческие ресурсы, административный и репрессивный аппарат. Самое важное — государство обладает инициативой и премоу-

шестым правом в установлении «правил игры», формировании рамочных условий деятельности медиа, социальных институтов и других участников информационного общества.

Слабые стороны государства — недоверие, предубеждение, критическое отношение аудитории к официальной пропаганде; консерватизм, приверженность испытанным методам, неповоротливость государственной машины и, как правило, замедленная реакция на социальные изменения.

Другой важный субъект — крупный бизнес. Цель бизнеса — прибыль, деньги. Его методы — прямая и скрытая реклама, лоббирование своих интересов в государственных институтах, инвестиционное, организационное и управленческое участие в деятельности медиа. Глобализация позволяет бизнесу расширить сферы влияния за пределы государственных границ не только с помощью крупных национальных медиа, но и посредством инвестирования в иностранные региональные и локальные медиа, которые в таком случае становятся эффективными проводниками интересов своих транснациональных (совладельцев на домашних рынках).

Каналы влияния — в основном массовые медиа. Однако по сравнению с государством бизнес больше склонен к экспериментам, использованию новых медиа, нестандартных каналов коммуникации для целенаправленного взаимодействия с различными сегментами аудитории. Преимущества бизнеса — значительные ресурсы, близость к официальному кругу и возможностью использования административных рычагов. Слабые стороны — недоверие и критическое отношение аудитории к рекламе; зависимость бизнеса от политической власти и рыночной конъюнктуры.

Транснациональные медиакорпорации тоже играют огромную роль в информационном пространстве. Их основная функция — посредничество между источниками информации и аудиторией. Однако ни один посредник не способен передать информацию без искажений. Медиа представляют собой профессиональные сообщества с устойчивой корпоративной культурой, преследующие свои коммерческие и другие интересы — все это находит отражение в содержании медиасообщений и манере их воспроизведения.

Поскольку, за исключением немногих государственных средств информации, медиа являются коммерческими организациями, их главной целью также является получение прибыли. Большая часть крупнейших мировых медиаконгломератов зарегистрирована в США: *CBS Corporation*, *Cumcast Corporation*, *Hearst Corporation*, *New Corporation*, *Sun-Times Time Warner*, *Viacom*, *The Walt Disney Company*.

Конкурентно-американцам на глобальном и локальных рынках составляют *Obrigados do Globo* (Бразилия), *Weltbild* (Германия), *Grupo PRISA* (Испания), *Fininvest* (Италия, владелец Сильвио Берлускони), *Samuel Global* (Канада), *Grupo Televisa* (Мексика), *Schibsted* (Норвегия), *Fininvest* и *Lagarange Media* (Франция), *Volveter Group* (Швеция), *Sony* (Япония).

Методами достижения коммерческого успеха на медиарынке является повышение популярности медиа, расширение лояльной аудитории, привлечение рекламодателей, диверсификация бизнеса и предлагаемых медиапродуктов. Каналы медиа не ограничиваются традиционными. Интернет является сегодня основным либо сопутствующим бизнесом практически всех медиакомпаний. Преимущество медиа — то, что они являются неотъемлемой частью образа жизни общества, ежедневно напрямую общаются со своими читателями, зрителями, слушателями и пользуются их доверием. Доверие и лояльность аудитории — главные активы медиа. Слабые стороны — зависимость от государства, бизнеса, рыночной конъюнктуры и отношения аудитории, отражаемого в рейтингах популярности.

К числу важных субъектов информационной сферы относятся гражданские институты, некоммерческие и неправительственные организации: «Время без границ», «Репортеры без границ», «Фонд защиты дикой природы», «Содатские матери», «Хельсинкская группа» и многие другие организации отстаивают интересы различных социальных групп, занимаются правозащитной, благотворительной или природоохранной деятельностью, не ведут коммерческих операций, декларируют свою независимость от политической власти и бизнеса. Гражданские институты своим фактом своего существования символизируют в общественном сознании реальную возможность социальной активности, альтернативной установленному соотношению политических и экономических сил. Провозглашение в качестве основы деятельности — вопреки корпоративным и национальным интересам — универсальных гуманистических принципов, общих для человечества, является причиной международной популярности общественных организаций.

Неправительственные организации редко прибегают к прямой рекламе в массовых медиа. Тем не менее их действия регулярно попадают в объективы телекамер и на первые полосы. Одним из основных каналов коммуникации для них является Интернет. Также они используют другие методы, рассчитанные на активное взаимодействие с аудиторией, — выставки, концерты, уличные акции.

Основным преимуществом этих организаций является серьезный кредит доверия общества. Они олицетворяют гражданскую волю, не-

зависимость от США и сильных мира сего и потому пользуется уважением и благосклонным вниманием широких социальных слоев. К их слабым сторонам можно отнести ограниченные ресурсы, зависимость от внешних источников финансирования и подорванность в авторитарности, необъективность, выполнение заказов со стороны политических и деловых кругов.

Субъектом информационного пространства является и трансформальные социальные сети (в том числе антиглобалисты, пацифисты, защитники природы, ученые, террористы, наркобароны, работорговцы, аудио- и видеопираты), самые молодые коллективные участники глобального информационного пространства. От гражданских институтов они отличаются отсутствием формального юридического статуса, единого координирующего центра, более гибкими условиями членства, структурой, функциональной организацией, а также тем, что большинство из них невидимо для государства и массового общества. Сети действуют параллельно официальным системам социальных взаимосвязей, часто на грани законодательства или даже в нарушение его, и практически общество может узнать об их деятельности только благодаря осужествляемой ими коммуникации.

Целенаправленному использованию социальными сетями традиционных медиа мешает либо недостаток средств, либо — в случае с криминальными сообществами — их незаконный статус. Главным и чаще всего единственным каналом коммуникации для них — кроме непосредственного личного общения — является Интернет. Фактически именно развитие компьютерных технологий позволило добровольным сообществам, объединенным профессиональными, коммерческими и другими интересами, осуществлять взаимодействие между собой и с внешней аудиторией на международном уровне.

Присутствие социальных сетей в глобальном информационном пространстве, наряду с обеспечением необходимой коммуникационной функции, выполняет и символическую функцию: их статус в качестве субъектов глобальной коммуникации мало чем отличается от статуса национальных правительств, международных организаций, авторитетных медиа. Информационное пространство позволяет социальным сетям составлять полноценную конкуренцию власти государства и бизнеса. Благодаря Интернету социальные сети имеют возможность не только эффективно осуществлять свою деятельность, но и демонстрировать свои возможности и масштабы влияния, привлекать сторонников и распространять свои идеи, невзирая на государственные границы. Преимуществами социальных сетей является их скрытность, гибкость,

способность быстро адаптироваться к меняющимся обстоятельствам, лояльность и высокий уровень мотивации их участников. Слабостью сетей можно назвать ограниченные ресурсы, недостаточную организованность, отсутствие поддержки или откровенные репрессивные действия со стороны государства.

Наконец, современная степень развития социально-политической культуры и средств коммуникации позволяет рассматривать в качестве полноценных участников информационного общества даже *индивидуумы*. Не журналистов, сотрудников редакций или представителей пресслужб, а частных граждан — пользователей глобальной компьютерной сети. Подключенные к Интернету — это все, что необходимо сегодня для осуществления медиатрансляции, непосредственная аудитория которой потенциально будет включать в себя всех пользователей Всемирной паутины, т.е. почти четверть населения Земли.

Статус же субъекта глобального информационного общества и интерес аудитории к нему определяется в первую очередь его компетентностью и ценностью извлекаемых у него сведений. При соблюдении этих условий «маленький человек» вполне может соперничать с информативными и всемирными мультимедиа, особенно в ситуации информационного вакуума, нераскрытой потребности в информации о тех или иных событиях либо в отношении (самостоятельно организованных сообществ и целых государств). Главным недостатком гражданских журналистов является их ограниченные ресурсы. Преимуществом — доверие аудитории, которое объясняет мировую известность интернет-дисков, рассказывающих о жизни в Китае, Иране, на Кубе, популярность их авторов-двоинжентов, получающих признание международного сообщества, в том числе в виде различных наград в области журналистики, литературы, общественной и правозащитной деятельности.

Зная об этом, необходимо помнить о возможностях минимизирования общественным мнением с помощью подобных «частных историй», «свидетельств очевидцев» и «репортажей с места происшествия». Сегодня блог «участника событий» может производить даже более сильное впечатление, чем видеосюжет, показанный по СМУ в *прайв-тайм*.

Таким образом, цели участников информационного общества и методы их достижения не совпадают и часто противоречат друг другу. Вместе с тем ключевой ресурс, за который происходит борьба, общий — это аудитория, ее внимание и потенциальная социально-политическая и экономическая активность. Это служит основными для соперничества и конфликтов в информационном обществе.

Конкуренция в сфере глобальных информационных потоков

Информация является основным оружием мягкой власти. Этот термин можно условно определить как способ делать свои решения, политику, образ жизни, ценности и цели привлекательными для своей аудитории, контрагентов, объектов влияния. Традиционная модель управления обходится двумя инструментами — клэутом и призывом. Арсенал мягкой власти включает в себя средства и методы воздействия, в основе которых лежит коммуникация. На уровне государства эти методы объединены в информационную политику, характер которой в полной мере свидетельствует о ценностных ориентирах и предпочтительных способах достижения поставленных целей, свойственных данному политическому режиму и обществу в целом.

В мире существуют две основные информационные государственные стратегии, различающиеся по направленности усилий. Прежде всего — экспансионная/экстравертная стратегия, характерная для политики США и стран ЕС и нацеленная на использование внешних ресурсов для решения своих задач. Кроме того, применяется и герметичная/интравертная стратегия, в основе которой лежит идея развития за счет консолидации внутренних ресурсов, в том числе ценной самоизоляции и самоограничения от контактов с окружающим миром. Эта модель используется такими странами, как Китай, Куба, Северная Корея.

Обычно информационные стратегии государств представляют собой сочетание этих моделей. Баланс между внутренней и внешней направленностью может изменяться в зависимости от конкретных обстоятельств и тактических задач. Тем не менее преобладание в государственной политике одной или другой тенденции довольно устойчиво, поскольку обусловлено сложившейся политической культурой и другими макрофакторами (религиозными, национальными, геополитическими особенностями). Соответствующие действия субъектов в информационной сфере, как правило, предвзвешивают их активные шаги во внутренней и внешней политике, экономике и т.д. Ни одно значительное решение сегодня не обходится без должной медиаподготовки.

Глобальная политическая, экономическая, военная экспансия США поддерживается активной деятельностью национальных и местных им зарубежных медиа. Нападение войск НАТО на Югославию весной 1999 г. предшествовали многочисленные публикации и телепередачи о реальных и вымышленных преступлениях сербской армии. Перед началом афганской кампании НАТО 2001 г. мировые медиа систематически и долго обсуждали причастность талибов к теракту 11 сентября 2001 г.

в США. Вспролете войск американской коалиции в Ирак весной 2003 г. оправдывались подробным и подробным освещением поисков в этой стране оружия массового поражения (слухи о наличии которого в Ираке впоследствии оказались ложными), репрессий режима Саддама Хусейна против собственного населения и его предположительных и недоказанных связей с международным терроризмом. Самопроверкающие заявления независимости Косово 17 февраля 2008 г. предварялось множеством западных репортажей о геноциде косовских албанцев. Одновременно замалчивались сведения о преступлениях албанцев против сербов. Подготовка подписания соглашений о развёртывании элементов американской системы ПРО в Восточной Европе в 2006 г. проходила на фоне регулярных обещаний экспертами масштабов предположительной угрозы со стороны Ирана и других «враждебных государств».

В рамках ЕС решения, затрагивающие интересы его участников (договоры, введение единой валюты, принятие новых членов), предваряются длительными и подробными межгосударственными. Стороны стремятся заручиться поддержкой максимально широкой аудитории, невзирая на ее национальную принадлежность. Например, в обсуждении перспектив, результатов и последствий ирландского референдума, провавшего проект конституции ЕС, участвовали все страны Евросоюза. А перебор с транзитом российского газа через Украину в Центральную и Западную Европу заставил открыто высказаться по этому вопросу даже те страны, которые от импорта российских энергоносителей не зависят. Евросоюзские лидеры и государственные чиновники участвуют во взаимоотношениях третьих сторон, в том числе и на других континентах, в качестве посредников и наблюдателей. Столь различные события, как визит президента Польши А. Квасьневского в 2004 г. на Украину во время «оранжевой революции» и действия президента Франции Н. Саркози по следам грузино-осетинского конфликта в 2008 г., традиционное присутствие представителей ЕС на переговорах по ближневосточному урегулированию, являются элементами модели информационно-пропагандистской полемки, общей для ЕС и США.

Постоянным совершенствованием технологий и инфраструктуры, расширение корреспондентской сети по всему миру, поиск новых форм и выразительных средств позволяют американскому и европейскому медиасообществу эффективно выполнять свои главные функции — информировать о мировых событиях национальные аудитории и транслировать свои идеалы и ценности на аудитории зарубежные.

Однако подобная политика не является единственно возможной, а ее ценность — самоочевидной. Такие страны, как Северная Корея, Куба, Иран и даже Китай, основную часть ресурсов тратят на информацион-

ную работу внутри своих границ, взаимодействуя со своим населением в ущерб общению с внешней аудиторией и активно препятствуя попыткам со стороны проникнуть в свое национальное информационное пространство. Усилия правительств этих стран направлены на решение нескольких главных задач: не допустить утечки нежелательной информации за рубеж, не допустить воздействия на аудиторно нежелательной информации из-за рубежа, с помощью прямой массовой пропаганды обеспечить лояльность и консолидацию общества на основе официальной идеологии.

Эти усилия достигают цели. Ограничение использования населением средств коммуникации (Интернета, мобильных телефонов), компьютерной и копировальной техники, внешних источников информации (пресса, радио и ТВ) в сочетании с жестким контролем деятельности иностранных посольств и медиа на своей территории приводит к тому, что информация сквозь государственные границы — и обе стороны — действительно просачивается крайне скудная и только прошедшая многократную фильтрацию цензурой.

Подавительно, что мировое сообщество — несмотря на критику подобной политики — на практике готово принять предлагаемые правила игры: например, интернет-гиганты Yahoo! и Google сотрудничают с китайским правительством и нарушают конфиденциальность своих китайских пользователей в обмен на доступ к миллиардной аудитории. Фактически развитие экономических и политических связей с самонаправленными режимами является свидетельством легитимации Западом их политики информационной закрытости.

Таким образом, информационная экзистенция Запада — несмотря на всю технологическую мощь — в отношении закрытых, герметичных государств складывается с препятствиями. Более того, она приобретает обратный эффект, когда воспринимается незападным миром как информационная агрессия. Предлагая все основания для антизападной пропаганды, она доводит до дружественный образ США и ЕС, который в ряде случаев служит фактором национальной консолидации («от противного»).

«Открытый» Запад тем временем отвечает взаимностью «отшельникам», руководствуясь принципом «морит — значит, что-то замышляют». Соответственно, экстравертная и интровертная информационные модели дополняют друг друга, не приводя к взаимонепониманию и бесконфликтному развитию отношений.

Если оценивать принципиальную эффективность двух моделей в долгосрочной перспективе, то следует принять, что открытая система,

поддерживаемая активный двусторонний обмен информацией с окружающей средой, более устойчива, быстрее адаптируется к условиям, легче преодолевает внутренние кризисы. Кроме того, в условиях информационного общества (самоисключение государств и социальных групп из мировых информационных процессов препятствует привлечению ими дополнительных ресурсов и потому существенно ограничивает пределы их роста. Вообще, само существование социального субъекта начинается с коммуникации с ним. Так что бойкотом, с одной стороны, эмбарго (которое также называют «бойкотом») является столь чувствительной мерой воздействия на провинившихся членов мирового сообщества. А с другой — столь велика в международном праве значение принципа, согласно которому необходимым и достаточным условием суверенитета государства является признание его таковым другими государствами.

В силу указанных закономерностей многие из тех, чей голос недавно был практически не слышен на мировой арене, нарушают «обет молчания». Например, появление катарского спутникового новостного канала «Аль Джазира» позволило мировому сообществу увидеть мнение арабских государств, не совпадающее с «мнением CNN». А привыкая к непониманию западными партнерами официальная Россия сегодня старается публично и настойчиво разъяснить каждое свое действие — от взаимоотношений с соседями воле (грузино-осетинский конфликт, сирийские конфликты) до взаимоотношений с оппонентами и оппозицией внутри.

При всех возможных минусах активная информационная политика в глобальном пространстве в перспективе является наиболее выигрышной стратегией. От эффективного управления информацией в конечном итоге непосредственно зависят политическая, экономическая, военная и социальная безопасность государства.

Управление международной информацией

Главными политически значимыми элементами глобального информационного пространства являются сообщения о зарубежном событии и сообщение о том, как за рубежом оценивают события в вашей собственной стране. Любое сообщение имеет две характеристики — содержание и форму, которые с точки зрения своей важности и силы воздействия обладают равными возможностями. Функциональные различия между ними в том, что они обращаются к разным сторонам психики человека и выполняют разные задачи. На форму сообщения ложится основная задача по привлечению внимания аудитории, форма взаимодействует в первую очередь с восприятием, органами чувств, эмоцио-

ми, тогда как содержание больше апеллирует к мышлению, способности обрабатывать информацию и совершать логические умозаключения. Очевидно, что в условиях информационной перегрузки важность выбора правильной формы сообщения возрастает: если сообщение не привлекает своего адресата особой манерой подачи и другими выразительными средствами, у его содержания не будет никаких шансов выполнить свою функцию. Форма первична, содержание вторично. Не важно что — важно как. Сегодня самое простое правило управления информацией формулируется именно таким образом.

Большое значение для восприятия сообщения и степени его воздействия имеет правильный выбор канала его передачи — начиная с определения наиболее подходящего типа медиа (ТВ, пресса, Интернет) и заканчивая выбором конкретного издания, телеканала, времени выхода в эфир. Новости распространяются быстро, за короткое время, но вскоре становятся достоянием всего медийного сообщества. Тем не менее важно, в какой газете, на каком канале информация появилась изначально. Конкретные медиа обладают известной репутацией, аудиторией, приближенностью к тем или иным политическим или деловым кругам, другими индивидуальными характеристиками, по которым можно судить об источнике сообщения, причинах и целях его опубликования, интересах сторон, участивших событий и пр. Таким образом, медиа — скажем, репортаж «Первого канала» или «Аль Джазира», новости «Радио России» или «Радио Свобода», персоналия *Washington Post*, программа *CBS-60 минут* или интервью с Ларри Кингом на *CNN* — само по себе уже является красноречивым сообщением.

Основными выразительными средствами в коммуникации являются образ и жест. В случае с радио, кино и телевидением к ним добавляется звук — звуковой или музыкальный фон, спонсэффекты, интонация речи. Очевидно, что образ обладает наиболее сильным воздействием. 70% всей информации человек получает именно с помощью зрения, в виде образов. Образ первичен по отношению к тексту — он непосредственно отражает реальность и потому понятен без слов, без перевода на иностранные языки. Почти все сообщения в новостных выпусках сегодня — за редким исключением — сопровождаются видеорядом или хотя бы фотосериальными. Фото и видео — универсальные средства коммуникации, которые повествуют о событиях лучше всяких слов. Развитие мультимедийных технологий и средств передачи изображения подняло глобальные коммуникации на новый уровень.

Вместе с тем образ не однозначен. Его поймет каждый — но каждый по-своему. Поэтому к основному предназначению текста — донесению

словной абстрактной информации, которую нельзя передать изображением конкретного объекта, — добавляется еще одно: комментировать образ, уточнить, пояснить его смысл. Подпись под фотографией или голос за кадром могут изменить содержание изображения на противоположное. Так, съемки нападения грузинской бронетехники на осетинское село летом 2008 г., сделанные самими грузинскими военными, в сопровождении соответствующих комментариев представлялись западным телеканалом как свидетельства российской агрессии против Грузии.

Фантазия человека, его жизненный опыт, воображение, способность интерпретировать, домысливать являются необходимыми и важными факторами, обуславливающими его восприятие образной информации. Вместе с тем текст — авторский комментарий, позиция медиа, выраженная в подписи под фотографией, и пр. — направляет фантазию в нужное русло, «помогает» сделать «правильные» выводы, прийти к «верным» умозаключениям и принять заданную тему зрения. Причем открытые для истолкования образы в сочетании с «уточняющими», но не директивными комментариями могут не расцениваться адресатом как пропаганда и потому обладать его психологические барьеры. В итоге человек может считать усвоенными им установки и чужие мнения результатами собственной умственной деятельности и даже не заметить того, что сам является объектом манипуляции.

Между тем выделение двух ключевых характеристик сообщения — формы и содержания — в известной степени условно и служит лишь целям научного анализа. Практически изображение может выступать не столько формой, выбранной для передачи замысла, сколько самой сутью, главным содержанием сообщения. Наряду с фактами, оценками и претими ситуативными смысловыми элементами, универсальными «вещными конструкциями» содержания являются идеи, ценности, артефакты, культурные концепты, мифы, установки, стереотипы и другие когнитивные сущности, составляющие основу человеческой личности, индивидуального и коллективного сознания, исторической памяти и социальной культуры человека и общества. Для передачи этих идей, стереотипов и образов используются метафоры, эвфемизмы (эносказание), ирриаксы, клише и другие языковые средства, каждое из которых представляет собой отношение, установку или целый поведенческий сценарий, сжатые до размеров слова или устойчивого оборота («международный терроризм», «ось зла», «страны-изгои», «лицо кавказской национальности»).

Любое сообщение обладает двумя уровнями содержания — буквальным и символическим. Коротко, различия между этими уровнями в том,

что буквальный содержание сообщения выражается в его строках, символическое — тем, что находится между строк, а также самим фактом его существования. Например, факт признания американским журналом *Time* в 2007 г. В. Путина «человеком года» имел более выраженную смысловую нагрузку сам по себе и привлек бы массовое внимание даже в том случае, если бы журнал с фотографией президента России на обложке вышел вообще без интервью с Путиным и каких-либо редакционных пояснений.

То же можно сказать об освещении грузино-осетинского конфликта 2008 г. в российских и американских медиа. Например, десятиминутное выступление президента Грузии в эфире канала *CNN* в период вооруженного конфликта между Грузией и Южной Осетией убедительнее других свидетельств говорило о том, какое огромное значение придавало конфликту руководство данной телекомпания, а также о том, что сторону в конфликте занял канал *CNN*, и об освещении «головного скандала» с Украиной российскими медиа в январе 2009 г., когда все центральные телеканалы и пресса отводили этой теме львиную долю новостного эфира и печатных полос.

Медиажанры сферы международной информации

Главным жанром международной информации являются новости. Главное содержание новостей — факты. Главное информационное событие дня — выпуск новостей на центральном телеканале. Короткие сообщения, построенные по схеме «кто, что, когда, где, чем, как, зачем», составляют основу актуального общественно-политического дискурса. Они рисуют схематичный эскиз картины мира, который затем дополняется деталями, красками, чтобы внутри вновь измениться. Новости предлагают пищу для размышления, информацию для принятия решений, заполняют места переменных в уравнениях.

Видеолента новостей нейтральна — описана от оценок, мнений, трактовок и интерпретаций, — что не мешает им быть одним из основных инструментов политического управления по той причине, что от содержания ленты новостей зависит представление современного человека о мире.

Набор новостей («новостка дня») ленты международных новостей является сам по себе инструментом манипулирования.

Манипуляция общественным мнением начинается до того, как будет раскрыта газета или включен телевизор. Прежде чем читатель или зритель попадет под влияние образов, смыслов, метафор и установок, медиа решают за него, что он узнает, а о чем ему знать «не положено». «Существует только то, о чем написано в газете», — и потому все собы-

тия, о которых не упоминали в новостях, могли бы и вовсе не происходить. Набор новостей формирует картину мира. Составление ленты новостей является одним из самых эффективных методов управления информацией по той причине, что предлагает заведомо ограниченный выбор из определенных событий, фактов, оценок и мнений, пропущенных предварительный отсев. Мнения аудитории могут раздаться, стороны могут занимать противоположные точки зрения — но лишь в рамках, определенных новостной лентой.

Закономерным продолжением и развитием жанра новостей является *политический комментарий* — теперь уже явно и нескрываясь выражающий субъективный взгляд на происходящее, сочетающий тенденциозный подбор фактов с их творческой интерпретацией в целях убеждения аудитории, манипулирования ее мнением и действиями. Политический комментарий породил особую профессиональную категорию в мире медиа — *политикологов*. Популярной разновидностью жанра комментария стали политические шоу, основное предназначение которых заключается как раз в поведении, интерпретации, пересказе содержания новостей в нужном контексте и в интересах заказчика. Большинство из политических телешоу является *телеаналитическими*, фактически пропагандистскими программами. Они не информируют, а убеждают, не оставляют возможности для интеллектуального маневра и нелинейного решения, но предлагают ответы в готовом виде.

Третьим основным жанром политической информации является *публицистика* и *документальное/репортажное кино*. Сочетание острой политической проблематики, внешней достоверности и объективности изображения с технологиями, применяющимися в художественном киноленте, дает очень мощный эффект. Грань между репортажным и художественным кино все больше стирается, что сказывается на возрастающей силе воздействия ленты, снятых журналистами на актуальные темы. Ни одно значительное событие — от войны и президентских выборов до коррупционного или шпионского скандала — не обходится без такого кино. По всей видимости, этот жанр в будущем будет развиваться, используя новые медиа и выразительные средства.

Противоречивость развития глобального информационного пространства и всего, что с ним связано, закономерна и отражает состояние современного общества. Можно выделить два аспекта проблемы — технологический и гуманитарный. Связано самой гипотезе технологического прогресса, со временем проникновения Интернета и интегрированных с ним электронных средств коммуникации в мире станет спонтанным. Это побуждает пользователей в конечном счете даже от времени

личной информации в индивидуальных компьютерных устройствах: все данные можно будет хранить на удаленных серверах и обращаться к ним так часто, как это потребуется. Серверы будут надежными, а беспроводные каналы связи — безопасными. Таким образом, Интернет обратит стабильную информационную среду — «облака», которые можно сравнить с радио- или телеэфиром (здесь на земле остается все мейнфреймы, в которых бы нельзя было поймать никакого сигнала). В такой ситуации размеры и вес индивидуальных компьютеров уменьшатся радикально, а человечество, находясь все время в Сети, получит полноценное дополнительное измерение своей жизни. Однако это лишь одна из сторон.

Гуманитарная сторона явления определяется другим. Совершенные телевизионные методы сбора и анализа информации (наблюдение, прослушивание, отслеживание интернет-активностей) позволяют к границе тотального контроля и заставляют ставить вопросы этики, морали, прав личности и пределов свободы в эпоху глобального информационного общества.

Законы человеческого общества в Интернете мало отличаются от правил, по которым живет общество вне Сети: люди борются за политическую власть и деньги, стараются оказывать влияние и противостоять ему, отстаивают свои исключительные права на свободу информации, неприкосновенность частной жизни и физическую безопасность. Изучая Интернет и развивая компьютерные технологии, человечество пытается разрешить для себя дилеммы, над которыми билось столько, сколько себя знало: благо общественное или благо личное, комфорт или независимость, свобода или безопасность, всеобщее равенство или оправданное неравенство.

* * *

Глобальное информационное общество, наряду с возможностями манипуляции общественным мнением и управления социальными процессами, открывает перспективы развития антропологических наук (психология, социология, физиология) и самопознания. Человек меняется, обретает новые качества, изменяется структура общества, возникают новые социальные феномены — современные средства коммуникации в сочетании с научными методами (контент-анализ, социометрия) предоставляет научному сообществу инструменты, которыми оно прежде не располагало.

Примечание

¹ От слова *Google* — Гугл в *Google* — один из штатов США с центром в Атланте.

Список рекомендуемой литературы

- Гриффин Г., Мелликс В.* Минимизированная личность. М.: Эксмо, 2002.
- Маслов С.* Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер, 2001.
- Назарова А. В.* Агрессивная толпа, массовая паника, слухи: Лекции по социальной и политической психологии. СПб.: Питер, 2004.
- Психология масс: Хрестоматия / Сост. Д. Я. Райгородский. Самара: Вакуля, 1998.
- Турин В. В.* Массовая коммуникация: Исследование опыта Запада. М.: МГИМО, 2000.
- Шалас В. В.* Современный контент-анализ. Приложения в области политологии, рекламы, социологии, экономики, психологии, культурологии. М.: Омега-Л, 2006.
- Internet Usage World Stats. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.internetworldstats.com>.
- McLuhan W. M.* The Medium is the Massage: An Inventory of Effects with Quentin Fiore, produced by Jerome Agel. 1st ed.: Random House, 1967; reissued by Gingko Press, 2001.
- McLuhan W. M.* Understanding Media: The Extensions of Man. 1st ed. N.Y.: McGraw Hill, 1964; reissued by Gingko Press, 2003.
- Technorati. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.technorati.com>.
- Trendwatching.com. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://trendwatching.com>.
- YouTube. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.youtube.com>.

ГЛОБАЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ И ИХ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Традиционно к миграции относились перемещения людей, связанные с переселением на новом месте жительства. В условиях глобализации перемещения людей стали не только более интенсивными, но и более разнообразными. Это привело к необходимости расширения рамок термина «миграция». В настоящее время к миграции относят временные перемещения населения, связанные с работой, учебой, туризмом, коммерческой деятельностью. Миграции могут быть внутреннегосударственными и межгосударственными. К глобальным миграционным потокам можно отнести перемещения, которые огромны по объемам, как правило, происходят между континентами, охватывают несколько государств, оказывают существенное влияние на социально-экономическое и демографическое развитие городов и стран. Роль миграции в формировании населения и развитии экономики все более усиливается. Учитывая это, XXI в. можно назвать «веком глобальной миграции».

Факторы глобальной миграции

В подавляющем большинстве случаев на принятие решения о миграции влияют экономические факторы, в том числе наличие хороших рабочих мест, более высокий уровень заработной платы, низкие налоги в стране исхода или, напротив, отсутствие возможностей реализовать себя на рынке труда в стране исхода. Определенное место занимает социальный фактор миграции, который проявляется в возможности получить образование или повысить квалификацию в другой стране, а также заключение браков с иностранными гражданами. Фактором глобальной миграции стало развитие транспорта, прежде всего это доступность авиационных перелетов, что дало возможности людям перемещаться достаточно быстро на значительные расстояния. Очень важным для формирования миграционных потоков стал информационный фактор. Распространение информации через телевидение об экономических возможностях в других странах привело к тому, что потенциальные мигранты не просто осознали себя бедными, а поняли, что можно изменить свое положение через миграцию в более богатые государства.

Важнейшим фактором, обуславливающим современные глобальные миграции, является диспропорция в демографическом развитии. Мировое население на протяжении 2000-х годов продолжало интен-

сильно увеличиваться. Согласно данным ООН, в 2017 г. оно составило 6,6 млрд человек, в том числе 82% живут в развивающихся странах и только 18% — в экономически развитых государствах. Сейчас наиболее населенными регионами мира являются Азия (около 4 млрд человек) и Африка (около 1 млрд человек). В числе пятнадцати стран-лидеров по численности населения насчитывалось 11 развивающихся стран, в том числе наиболее крупными являются Китай и Индия, в которых живут более 1 млрд человек. Также огромное население сосредоточено в Индонезии, Бразилии, Нигерии, Мексике, Филиппинах, Вьетнаме и Эфиопии. В условиях ограниченности природных ресурсов и отсутствия свободных земель во многих развивающихся странах растет плотность населения, острее ощущается нехватка жилья, воды и продовольствия, распространяются заболевания. Демографические прогнозы свидетельствуют о том, что в ближайшей перспективе демографические диспропорции в мире будут нарастать. В частности, произойдет увеличение доли населения в развивающихся странах, а в развитых государствах сократится. В 2050 г. в развивающихся странах будет проживать уже более 86% населения мира. В самых бедных из развивающихся стран в ближайшие двадцать лет население может удвоиться за счет высокой рождаемости.

Самой крупной из экономически развитых стран по численности населения является США (304 млн человек), здесь также отмечается менее интенсивный, но рост населения, как за счет естественного движения, так и за счет миграции. Благодаря восходящей динамике численности населения США сохранят третье место в мире по численности населения вплоть до 2050 г. Во многих экономически развитых странах численность населения начала сокращаться или начнет сокращаться в обозримой перспективе. Например, в Японии население сократится на 16 млн человек в ближайшие двадцать лет. Аналогичные тенденции отмечаются в странах Западной Европы. Например, население Германии уменьшится на 4 млн человек. Также сократится население в Австрии, Бельгии, Финляндии, Франции, Греции, Италии, Нидерландах, Португалии, Испании, Швейцарии.

Конечно, в некоторых из экономически развитых стран будет отмечаться небольшой рост населения (в Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, Дании, Исландии, Ирландии, Израиле, Люксембурге, Малде, Норвегии, Сингапуре, ЮАР и Швеции). Однако в целом в экономически развитых странах численность населения будет сокращаться, что вызвано сокращением рождаемости.

Снижение рождаемости обусловлено изменением установок на детей и снижением ценности в детях, изменением образа жизни людей и

большой вовлеченностью женщин в общественную жизнь. Все эти факторы действуют в комплексе и имеют определенную специфику по странам. На них наслаиваются отпечаток традиции, религиозные установки, нормы морали. Рождаемость может сильно отличаться в религиозных, расовых и этнических группах в пределах одного государства и региона. Однако в большинстве экономически развитых стран рождаемость стала низкой. Если в среднем в мире на 1 женщину репродуктивного возраста приходится 2,7 ребенка, то в странах Европейского союза этот показатель значительно ниже — 1,5 ребенка.

Все экономически развитые государства находятся ниже среднего мирового уровня рождаемости. Наиболее высокой среди экономически развитых стран рождаемость остается в США — 2,1 ребенка на 1 женщину. Исследования показывают, что в США рождаемость выше за счет латиноамериканцев, афроамериканцев и выехавших из стран Азии. Во Франции рождаемость составляет 2 ребенка на 1 женщину, здесь значительный вклад в рождаемость дают женщины из арабских стран, а также меры социальной поддержки семьи, которые активно проводит правительство.

Сокращение рождаемости на фоне увеличения продолжительности жизни привело к изменению возрастной структуры населения. В экономически развитых странах на пожилых людей в возрасте от 60 лет и старше приходится 21% населения. В мире этот показатель составил всего 11%, а в развивающихся странах немногим более 8%. К самым «старым» странам мира можно отнести Японию, Италию, Германию, Швецию, Грецию, Австрию. Увеличение доли людей старших возрастов создает дополнительную нагрузку на пенсионные и социальные системы стран, которые могут перерасти в серьезные социально-экономические кризисы.

Процесс старения населения характерен для многих экономически развитых стран, к тому же он сопровождается снижением доли молодежи. Это отражается на системе образования, которая недополучает привычное число школьников и студентов. Для сохранения сети образовательных учреждений возможно привлечение на обучение иностранных школьников и студентов из других регионов и стран. Именно этим путем пошли сейчас многие экономически развитые страны, которые развернули программы привлечения иностранных учебных мигрантов.

Население России стремительно сокращается. По данным 2007 г., Россия занимает 9-е место в мире по численности населения (142 млн человек). Но к 2050 г. Россия будет занимать 17-е место с населением 112 млн человек. Хотя расчеты показывают, что на территории России при равномерном расселении в благоприятных районах комфортно мо-

до бы разместиться не менее 500 млн человек. Для России сокращение населения чревато прежде всего политическими рисками. Слабообеспеченные регионы Дальнего Востока и Сибири удерживать в составе страны будет очень сложно, в условиях, когда рядом находится очень многонаселенная страна (прежде всего Китай), которая будет нуждаться в ресурсах и новых территориях. Кроме того, имеются экономические аспекты этой проблемы — страну может ожидать дефицит трудовых ресурсов, сокращение призывников, школьников и студентов, интенсивное старение населения.

Словившаяся дилемма демографических процессов в перспективе изменит список стран-лидеров по численности населения. В середине XXI в. в число наиболее населенных стран имеют все шансы войти Турция, Египет, Иран, Таиланд и Корея. Сама по себе подобная композиция возможно бы и не представляла какой-то значимой угрозы для мировой цивилизации, если бы не увеличивающаяся экономическая пропасть между экономически развитыми и развивающимися странами. Значительный рост населения в наиболее отсталых странах усугубит проблемы голода, эпидемий, бедности, безработицы, межнациональных конфликтов в этом регионе. Это может обострить конфликт между Бедным Югом и Богатым Севером, вызвать неконтролируемые потоки миграции.

Увеличивающаяся экономическая пропасть и демографические диспропорции между странами «бедного Юга» и государствами «богатого Севера» в сочетании с другими перечисленными факторами приведут к формированию крупных миграционных потоков, которые ориентированы в отношении более развитых стран. С достаточной степенью вероятности страны и регионы по результативности миграции разделятся на отдающие, принимающие и транзитные.

Например, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, страны Западной Европы можно назвать принимающими государствами, они привлекают большое число трудовых мигрантов, иностранных студентов, беженцев. Страны Азии, Африки, Латинской Америки, как правило, являются отдающими мигрантов странами. Хотя и внутри отдающих регионов есть страны, которые привлекают мигрантов. Например, ЮАР — в Африке, Сингапур, Гонконг, Таиланд и Малайзия — в Восточной и Юго-Восточной Азии, страны-нефтеэкспортеры — на Ближнем Востоке.

Новые характеристики миграции в XXI веке

Современные миграции приобрели существенные отличия от тех, которые происходили в предшествующих периодах развития человеческого общества. Во-первых, существенно возросли масштабы миграции как

между странами и континентами, так и внутри отдельных государств, и также расширять географическую миграцию. По данным ООН, в 2000 г. в мире насчитывалось 175 млн мигрантов, или 3% населения находилось за пределами стран своего рождения¹. По данным МОМ, в 2002 г. около 130 млн человек проживали за пределами стран своего происхождения, таким образом, каждый 35-й человек в мире являлся на тот момент мигрантом². В 2005 г. в мире насчитывалось уже около 191 млн мигрантов³.

В докладе Глобальной комиссии по международной миграции со ссылкой на Отдел народонаселения ООН приводится еще большая цифра — 200 млн международных мигрантов, что в 3 раза больше, чем в 1990 г.⁴ По прогнозам МОМ, в 2050 г. в мире будет насчитываться 230 млн мигрантов. Данная тенденция касается и отдельных стран. Например, в США во внутренних миграциях ежегодно участвует около 15% населения страны.

Существенно увеличилась миграционная подвижность населения внутри Европейского союза после открытия границ и рынков труда. Стало гораздо более подвижным население даже в таких ранее «оседлых» странах, как государства Центральной Азии, Восточной и Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и Африки — многие люди оказались здесь вовлеченными в трудовую миграцию. В России эта цифра около 1–2%, если учитывать миграцию, связанную со сменой места жительства, или 3–6% с учетом различных форм временной миграции. Масштабы глобальной миграции велики и имеют стабильную тенденцию к росту, а география миграций расширяется, вовлекая в себя все новые и новые страны и регионы.

Во-вторых, в глобальные миграции оказались вовлеченными новые социально-демографические группы населения, которые ранее были малоподвижными. Традиционно в миграционных потоках была низкая доля людей с низким уровнем образования и квалификации, женщины, детей и подростков. В настоящее время эти слои населения также «пришли в движение». В эпоху глобализации появилось явление «феминизации миграции» — рост доли женщин в потоках, востребованных в некоторых сегментах рынка труда (уход за престарелыми и больными, детьми, сектор развлечений, проституция). Молодежь также стала активно вовлеченной в трудовую и учебную миграцию. Это доказывают цифры: в середине 1980-х годов общее число иностранных студентов в мире оценивалось на уровне 800 тыс. человек, к 1990 г. — более 1 млн человек⁵. К концу XX в. общая численность студентов, обучающихся за рубежом, составила уже 1,5 млн человек⁶. Не менее активными оказались люди в трудовой миграции.

В-третьих, появились новые формы миграции, существенно возросли масштабы межконтинентальных потоков миграционных потоков. Например, усилилась деловая миграция (бизнес-миграция). Появилась налоговая миграция, когда некоторые люди используют переезд в другие страны с целью уменьшения налогов. Расширилась инвестиционная миграция (миграция инвесторов) — переезд людей, желающих вложить деньги в создание предприятий за рубежом. Выгоды от этой миграции используют некоторые страны — США, Канада, Австралия, Новая Зеландия — они привлекают мигрантов-инвесторов, предоставляя им при определенных условиях в упрощенном порядке вид на жительство и гражданство.

Развивается бумная миграция. Некоторые страны стимулируют такую миграцию, открывают специальные визы (например, в США и Франции существуют визы «квесты»). Крупным миграционным потоком стало религиозное паломничество. Например, считается, что каждый мусульманин в своей жизни должен совершить паломничество в Мекку и Медину (Судовская Аравия) — хадж. Колоссально увеличилось масштабы туризма — перемещение людей из места постоянного проживания в другую страну или местность с целью отдыха, в оздоровительных, гостевых, познавательных или профессионально-деловых целях без занятия оплачиваемой работой в посещаемом месте. По данным Всемирной туристической организации (ЮНВТО), в 2005 г. в мире было зафиксировано 808 млн туристов⁷. Наиболее посещаемыми странами являются Испания, Франция, Италия, Германия, Великобритания и Китай. По прогнозу к 2020 г. количество туристов может приблизиться к 1,6 млрд человек.

В-четвертых, миграционные потоки стали использоваться транснациональной преступностью, а мигранты стали средством и жертвами криминальных групп. Появилась явление трафика — перемещения, организованные преступными группами или отдельными преступниками с целью использования мигранта как товара для последующей перепродажи или эксплуатации. Эксперты считают вполне обоснованно такое явление современной формой рабства. В настоящее время трафик — одна из прибыльных сфер криминальной экономики, поставленная преступными группами на четкую организационную основу. По примерным оценкам доходы легальных перевозчиков занимает четвертое место после доходов от сбыта наркотиков, торговли оружием и проституции⁸. По другим данным — третье место в мире после торговли оружием и наркотиками⁹.

Очевидно, что вовлечены в проституцию части женщин также переживает с проблемой трафика мигрантов. Британский журнал «Эко-

немногочисленные доклады теневых структур на перевозке мигрантов в 5–7 млрд долл. По оценкам экспертов УВКБ ООН, этот бизнес приносит контрабандистам не менее 7 млрд долл. чистого дохода в год¹⁹. Насыщаются оценки в размере 30 млрд долл. в год²⁰. Точные оценки невозможны. И дело даже не в точности цифр, а в самом факте существования этого явления и сложностях противодействия ему. Порой жертвы трафика идут на этот шаг сознательно или не представляют условий транспортировки и последствий. Чтобы оплатить перевозку, многие вынуждены продавать домашнее имущество и занимать деньги в долг. Иногда преступные группы в счет оплаты трафика используют мигрантов как наркокураторов. Условия перевозки крайне суровы и порой чревата опасностью для здоровья и жизни людей. Многие перевозят в тесных кабинах, автофургонах, цистермах и т.п.

Основной географический вектор этого вида «бизнеса» — трафик нелегальных мигрантов из развивающихся стран и стран с переходной экономикой (в том числе СНГ и стран Прибалтики) в экономически развитые государства (США, Западную Европу, Японию, Корею, на Ближний Восток). В настоящее время сложился целый сектор криминальной экономики, связанный с трафиком мигрантов. Многие из них платят за услуги по перевозке посредникам, причем немалые деньги.

Известны примерные расценки за услуги по доставке мигрантов. Например, транспортировка из Курдистана в Германию стоит порядка 3 тыс. долл., из Китая в Еврозону — от 10 до 15 тыс. долл., из Китая в Нью-Йорк — до 35 тыс. долл., из Индии и Пакистана в США — около 25 тыс. долл., из Северной Африки в Испанию — от 2 до 3,5 тыс. долл., из Ирака в Еврозону — от 4 до 5 тыс. долл., из Турции в Еврозону — от 0,5 до 2,5 тыс. долл., из Ливии в Италию — от 2 до 7 тыс. долл., из Сомали в Ливию — около 5 тыс. долл., из Греции в Италию — 2,5 тыс. долл.

Из стран Восточной Европы транспортировка обходится несколько дешевле. Например, из Украины в Польшу — 500 долл., из Беларуси в Польшу — 1,5 тыс. долл., из Украины в Германию — 1,3 тыс. долл., из Украины в Италию — 2,5 тыс. евро, из Польши в Чехию — 400 евро, из Польши в США — 8 тыс. долл., переход восточной и западной границы Польши стоит соответственно 30 и 50 долл., оплата сопроводительному листу от 60 до 70 долл. с человека²¹. Примерно за 100 евро можно получить схему заграждений на немецко-чешской границе²².

Доклад ЦРУ использует именно эту терминологию: «Доставка женщин из-за рубежа в США: современная разновидность рабства». В материале, опубликованном в ноябре 1999 г., в числе стран основных поставщиков нелегальных мигрантов в США были названы помимо

Тайвань, Вьетнам, Китай, Мексика и Чехия также государства СНГ. Ежегодно в США фальшивыми документами заманиваются не менее 50 тыс. иностранных женщин и детей, которых потом вовлекают в проституцию или используют в качестве бесплатной рабочей силы. В данном докладе приводятся факты использования девочек от 9 до 15 лет в публичных домах. За 1998–1999 гг. в США было выявлено около 100 тыс. рабынь, при этом в судебном порядке рассматривалось всего 250 дел¹¹. Широкие масштабы приобрели вывоз и сексуальная эксплуатация детей. В коммерческую индустрию секса вовлекается ежегодно не менее 2 млн девочек в возрасте от 5 до 15 лет¹². По данным ЮНИСЕФ, в настоящее время незаконная торговля детьми приносит ежегодный доход порядка 10 млрд долл.¹³

Также в принимающих странах существует проблема вовлечения части мигрантов в деятельность, связанную с подрывом безопасности страны. Для властей и многих жителей Великобритании было шоком, что серия крупных террористических актов в Лондоне в июле 2005 г. организовали и осуществили британские граждане, происходившие из ряда арабских стран Северной Африки и Азии. Казалось бы, процедура получения британского гражданства столь сложна и многоступенчата, что получить его могут только проверенные люди, которые принимают ценности общества и готовы интегрироваться в него, но никак не террористы.

В-пятых, *древнейшие человеческие побуждения «самозащиты»* миграция и изменение национальных миграционных потоков. Как показал опыт последних десятилетий, последствия глобальной миграции могут быть неоднородными. С одной стороны, миграция может представлять собой жизненно важную основу, а с другой стороны — разрушительную силу. Конечно, разумно регулируемая миграция может приносить позитивные эффекты для экономики, демографической ситуации, социального развития и культурной жизни отдающих и принимающих стран. Регулируемые миграционные потоки могут компенсировать недостаток трудовых ресурсов и стимулировать освоение незаселенных территорий, позитивным образом изменить половозрастную структуру населения и внести разнообразие в культурную жизнь, тем самым способствуя социально-экономическому развитию государств. Нерегулируемая миграция, напротив, может стимулировать рост теневой экономики, повлечь преступность, сокращать заработную плату местных работников, усиливать межнациональную напряженность.

Многие экономически развитые страны долгое время пытались механически восполнить численность населения мигрантами, прежде всего трудовыми. Возник даже термин «замещающая миграция», который

обозначал миграционные потоки, компенсированные сокращением численности населения или стареющих возрастными контингентами населения. Однако, как показала практика, массовая замещающая миграция принесла массу культурных, социальных и даже политических проблем.

В настоящее время миграционная политика экономически развитых стран становится более жесткой в отношении неквалифицированной рабочей силы, она отдает предпочтение людям с высокой квалификацией и учебным мигрантам. Кроме того, все большее внимание они уделяют демографической политике, направленной на стимулирование рождаемости и поддержку семей с детьми. В большинстве экономически развитых стран, вступающих в полосу демографического кризиса, осуществляют демографическую политику, преследующую цель повышения рождаемости.

В-шестых, глобальные миграции привели к формированию крупных диаспор и «диспоризации» экономики многих стран. XXI в. можно назвать «веком диаспор», которые значительно увеличились и начинают играть все более значимую культурную, социальную-экономическую роль и являются весомым ресурсом. Представители диаспор пересылают и инвестируют в экономику своей родины значительные средства, формируют имидж страны происхождения, а порой лоббируют интересы своей родины. Учитывая растущую роль диаспор в некоторых государствах, в последнее время существенно активизировалась политика поддержки эмиграции и диаспоры, даже были назначены специальные министры по делам диаспоры (например, в Марокко, Армении и др.). В современной научной литературе понятие «диаспора» уже не соответствует его классическому эквиваленту.

В условиях глобальной миграции диаспору нужно рассматривать как часть народа, проживающего за пределами своей страны, имеющего с ней общие духовные, культурные и исторические корни и стремящегося к поддержанию равноправных контактов с исторической родиной (т.е. с традиционными позицией). Но глобальная миграция — это одновременно и транснациональная сеть, находящаяся в стадии становления, не содержащая социально-экономического, культурный и обществено-политический потенциал.

Своей крупной и мощной является китайская диаспора. В настоящее время китайская диаспора («хуанью») расселена в 150 странах мира и насчитывает по различным данным от 55 до 63 млн человек¹⁷. На китайскую диаспору приходится около 1% объема мирового рынка иностранной рабочей силы, которая зарабатывает порядка 22,4 млрд долл. в год (юаня Восточного банка)¹⁸. В 2006 г. Китай занял третье место в

мире среди стран — основных получателей денежных переводов из-за рубежа после Индии и Мексики. В большинстве своем китайская диаспора находится в Азии, главным образом в странах, расположенных в непосредственной близости от КНР, — Малайзии, Индонезии, Таиланде, Сингапуре, Вьетнаме, Филиппинах, Мьянме.

Значительная китайская диаспора находится в США и Канаде. В последние десятилетия наиболее мощный поток иммиграции из Китая был направлен именно в Северную Америку. В 1990 г. в США уже проживало 1,1 млн американцев китайского происхождения²⁷, в Канаде в 1996 г. — 860 тыс. человек²⁸. В 1992–2002 гг., только по официальным данным Статистического управления и натурализации, на постоянное жительство в США прибыло еще более 700 тыс. жителей материкового Китая и Тайваня²⁹. Несколько меньше, но весьма заметно присутствие китайцев в некоторых странах Европы, Японии, Корее, Бразилии, Австралии и ряде других стран. Доля китайцев в населении максимальна в Сингапуре — около 1/4 населения. В Канаде китайцы составляют около 4%, а в Австралии и Новой Зеландии — 2,5–3% населения. Китайская диаспора в Евросоюзе насчитывает более 550 тыс. человек. Большинство китайцев иммигрировали в эту часть мира через бывшие колонии европейских стран³⁰. Наиболее многочисленна диаспора в Великобритании, где, по различным оценкам, проживает 230 тыс. человек, из которых 50 тыс. иммигрировали в 1997 г. из Гонконга по специальному визам³¹. Среди китайцев выделяется несколько этнолингвистических групп — *Синчжэ* (75% китайцев), *Халла* (20%) и *Маллакэ* (5%). В основном китайцы сосредоточены в Лондоне, Ливерпуле и Манчестере.

Во Франции проживает 210 тыс. китайцев, которые иммигрировали преимущественно из бывших французских колоний — Вьетнама, Камбоджи и Лаоса. Многие проживают в городах, в Париже существует целый китайский квартал. В остальных странах Западной Европы китайская диаспора не столь многочисленна. В Нидерландах она насчитывает 80 тыс. человек, иммигрировавших из Индонезии и Суринама, в Германии — около 20 тыс. человек, в Швеции — 5 тыс. китайцев. Относительно небольшие диаспоры расселены в Бельгии и Австрии (по 4,0–4,5 тыс.), в Испании, Италии и Швейцарии (по 3,2–3,5 тыс.), в Португалии — 2,5 тыс. человек, иммигрировавших из Макао, Анголы и Мозамбика³². Подвизываясь число китайцев занято в гостиничном бизнесе и торговле продуктами питания. Например, по примерным оценкам, 1/2 китайцев, проживающих в Великобритании, занято в гостиничном и ресторанном бизнесе³³.

В начале 1990-х годов российская диаспора за пределами СССР насчитывала порядка 2 млн человек — это «старая» часть диаспоры сфор-

мировалась в результате миграции в дореволюционный и советский периоды. Распад СССР и активная эмиграция из России на протяжении последних лет существенно увеличили численность российской диаспоры. Основными каналами миграции и формирования российской диаспоры на протяжении последних лет был выезд на постоянное место жительства, трудовая миграция, учебная миграция, брачная миграция — это «новая» часть российской диаспоры.

Относительно численности российской диаспоры существуют противоречивые и неточные оценки, которые даются на основе разных подходов, не имеют общей методологической базы. Например, по экспертным оценкам численность русских и представителей народов России составляет 25–30 млн человек (это означает, что российская диаспора вышла на второе место в мире после китайской). При этом, по официальным данным МИД на конец 2005 г., на консульском учете в качестве постоянно проживающих за границей состояли всего 1,5 млн российских граждан. По оценкам МОТ, в настоящее время за пределами России трудятся свыше 600 тыс. граждан России. Оценки, приводимые в публикациях МОМ, составляют от 1,5 до 2 млн человек. Подобное расхождение в оценках свидетельствует об отсутствии достоверной информации и единой методики оценки численности российской диаспоры.

Российская диаспора имеет ряд уникальных особенностей, которые существенно влияют на оценку ее численности и состава. Во-первых, российская диаспора этнически неоднородна и включает в себя представителей различных этнических групп — русских, евреев, татар, чеченцев и представителей многих других народов. Они сами и их часто называют русскими, а статистика некоторых стран определяет как «выехавцев из бывшего СССР». Например, в Германии даже этнических немцев часто называют «русскими немцами», в США «русскими» называют всех, кто родился и пришел с территории бывшего СССР.

Во-вторых, представителям российской диаспоры свойственна достаточно быстрая и успешная ассимиляция в принимающих странах. Россияне имеют высокий уровень образования, хорошо приспосабливаются к новым условиям. Например, по данным переписи США 2000 г. примерно 2,6 млн американских граждан назвали себя русскими, что на 100 тыс. меньше, чем в 1990 г. По российским данным, за это время в США эмигрировало не менее 100 тыс. человек.

Сокращение численности русских было вызвано ассимиляцией — со временем многие мигранты стали считать себя американцами. В-третьих, представителям российской диаспоры свойственна низкая степень сплоченности и практически полное отсутствие этнической консолидации. Районов компактного проживания русских, а тем более замкну-

тых анклавов практически не существует (исключением можно считать Брайтон-Бич в Нью-Йорке). Общественные организации, действующие за рубежом, выполняют функции «клубов по интересам» уже адаптировавшихся мигрантов, нескелти оказывают реальную поддержку вновь прибывшим мигрантам.

Таким образом, в условиях глобализации произошло существенное увеличение масштабов глобальных миграций и появились новые формы миграционных процессов. И хотя экономические факторы определяют миграционные потоки, в условиях глобализации возрастает значение социальных факторов миграции. Глобальные миграции стали важным фактором социально-экономического и демографического развития государств современного мира.

Международные последствия глобальной миграции

В настоящее время Россия — в большей степени принимающая страна. Сюда приезжают мигранты на постоянное место жительства, трудовые мигранты, беженцы, студенты главным образом из стран СНГ, а также из Китая, Турции, Вьетнама и некоторых других стран. Объемы миграции в Россию трудно оценить достоверно. В 2008 г. в стране работали около 1,7 млн иностранных трудовых мигрантов.

В то же время Россия является также оттоковой (посылающей) страной, поскольку из нее происходит эмиграция населения в экономически более развитые страны Европы, Израиля, США, Канаду, Австралию. Российские граждане стали активными участниками глобальной миграции. В настоящее время Россия обладает второй по численности диаспорой после Китая, которую составляют российские граждане, живущие, работающие и учащиеся за рубежом. Также Россия является транзитной страной. Пользуясь относительно слабым контролем, через территорию России мигранты из стран Азии (прежде всего Индии, Бангладеш, Китая и других) пытаются попасть в европейские страны. Россия в условиях глобализации стала еще и транзитным миграционным коридором между Азией и Европой.

Экономические последствия миграции являются наиболее значимыми, являющимися на поверхности, поскольку они наиболее осязаемы для общества в краткосрочной перспективе. Хотя многие из них можно назвать в демоном выражении, что усложняет их оценку, правда не облегчает сбора информации по ним. Банковская статистика не отражает всех денежных переводов рабочим, не все работодатели платят социальные отчисления за рабочих-мигрантов, не все мигранты заявляют о своих реальных доходах и платят полностью налоги. Экономические эффекты

принесит прежде всего трудовой мигранта, которая представляет собой одну из важнейших составляющих глобальных миграционных потоков.

По данным МОТ, в 2004 г. примерно 183 млн человек, т.е. более 90% всех международных мигрантов, перемещались по миру в поисках работы²⁶. В процессе международной трудовой миграции участвуют около 200 стран. Трудовая миграция при разумных масштабах и успешном регулировании имеет двусторонние эффекты. С одной стороны, она способствует экономическому процветанию принимающих стран, в которых мигранты создают валовой внутренний продукт. С другой стороны, значительных размеров достигают денежные переводы трудовых мигрантов на родину, которые помогают выживать семьям, сокращают бедность, стимулируют развитие потребительского рынка, развитие малого бизнеса, способствуют росту экономики. По данным Всемирного банка, в 2005 г. объемы денежных переводов мигрантов из-за рубежа на родину оценивались в 230 млрд долл. На них приходится примерно 1/3 мировых финансовых потоков, размеры денежных переводов превышают масштабы иностранной помощи, а в некоторых странах они составляют до 1/3 ВВП²⁷.

Не следует идеализировать эффекты международной трудовой миграции. В отдаленных странах из-за чрезмерного выезда за границу трудоспособного населения возникают необратимые потери демографического потенциала. И наоборот, в принимающих странах чрезмерный приток нелегальных трудовых мигрантов приводит к дефициту заработной платы, росту межэтнической напряженности, замедлению модернизации производства.

В принимающих странах прямой экономический эффект имеют денежные переводы. Хотя они тратятся домохозяйствами мигрантов на текущие потребности, но это стимулирует рост некоторых отраслей национальной экономики. В большинстве своем это отрасли, производящие товары повседневного спроса (пищевая отрасль, сектор услуг) или ориентированные на строительство жилья. Из опыта других стран известно, что «эффект цунами» денежных переводов краткосрочен и его нужно рационально использовать. Максимальный эффект от денежных переводов страны может получить в долгосрочной перспективе, если сможет направить «цунами денежных переводов» в реальный сектор национальной экономики. В Индии мигрантам предоставляются таможенные льготы при вывозе оборудования и сырья для вновь создаваемого бизнеса. В Пакистане, кроме того, дается еще и льготы при инвестировании этих денег в предприятия экспортно-ориентированных зон. В Мексике существует система привлечения средств «ассоциаций мигрантов» для рекон-

структуры инфраструктуры из разных городов и сел. Во многих странах эти средства в основном вытекают направляются на строительство жилья (Марокко, Индонезия, Филиппины). Имеется и негативный опыт — в Бахрейне введение 15-процентного налога с денежных переводов из-за рубежа ушло на значительную часть в тень.

Другим экономическим эффектом для стран экспорта рабочей силы может считаться увеличение возможностей внедрения трудосберегающих технологий без каких-либо социальных потрясений и негативных социальных последствий. Процесс этот также сложный, поскольку требует затрат со стороны владельцев предприятий и встречает сопротивление и порой противодействие со стороны профсоюзов и других социальных структур.

Трудовая миграция за рубеж дает новым странам перейти на новые модели с точки зрения затрат на труд как один из основных видов экономических ресурсов. Государство может создать привлекательные условия для инвестиций в этот вид технологий и производить путем налоговых преференций предпринимателям и инвесторам, готовым вкладывать в новое оборудование, покупать станки с программным управлением, передовую технику. Прямым экономическим эффектом может считаться поступление за счет деятельности фирм по организации трудоустройства за рубежом. Государство может напрямую получать определенную плату (процент) по результатам их деятельности, поддерживая этот вид деятельности лицензирование. В иных случаях государства получат плату за трудоустройство непосредственно с мигранта.

Среди экономических издержек трудовой миграции для принимающих стран можно назвать зависимость страны от экспорта рабочей силы. Наглядным образом это проявляется через зависимость рынка недвижимости и миграции в странах с высоким уровнем трудовой эмиграции (страны Азии и Африки). В ситуации притока значительных средств из-за рубежа спрос на квартиры и жилье в целом возраст, так как у населения появились деньги. Это могло бы стимулировать развитие строительства. Но в действительности происходит лишь всплеск роста цен на имеющееся жилье. Новые дома не строятся.

При этом та часть местного населения, которая не имеет денежной поддержки из-за рубежа, оказывается в крайне неблагоприятной ситуации. Для нее, например, покупка жилья становится недоступной. Возникает стимул сделать опыту тех, кто уехал из страны. Получается, что миграция стимулирует эмиграцию. Страна оказывается в «ловушке»: пропадет стимул развивать местное производство, а акцент смещается на экспорт рабочей силы.

Возникает также проблема вливания укрепления национальной валюты, но не за счет внутренних факторов, а за счет крупного притока валюты из-за рубежа. Это приводит к росту зависимости от внешних экономических факторов, делает национальную экономику подверженной различным негативным явлениям в валютной и финансовой сферах. Прежде всего, растут цены. Никто не желает вкладывать деньги в производство, все только потребляют, опасаясь потери сбережений.

В приемлемых обществах имеются экономические эффекты миграции, которыми в разное время уже воспользовались многие страны, а некоторые пользуются сейчас. К сожалению, не все страны мира еще осознали те возможности, которые предоставляет приток трудовых мигрантов из-за рубежа. Прежде всего, за счет миграции можно решать проблему преодоления региональных диспропорций в социально-экономическом развитии и так называемых «региональных сдвигов». Методы миграционной политики позволяют привлечь не только временных мигрантов, но и мигрантов-инвесторов, готовых вкладывать в экономику страны деньги. Разумное размещение инвестиций и капиталов в пределах страны позволяет решать не только проблему привлечения инвестиций в принципе, но и массово-социально-экономических проблем, связанных с занятостью населения и повышением уровня жизни в некоторых регионах, а также модернизацией отдельных отраслей и предприятий за счет иностранных инвесторов.

В приемлемых странах возникает и экономические подержки. Прежде всего, если у предпринимателей и предприятий в условиях притока большого количества дешевой рабочей силы терпят стимулы к развитию и внедрению ресурсосберегающих технологий. Особенно сильно эта зависимость проявляется в условиях притока нелегальной рабочей силы.

Например, современная ситуация в российской строительной отрасли тому весьма наглядное подтверждение. Для того чтобы вырыть котлован и построить дом, строительной компании гораздо выгоднее не покупать новую технику и оборудование, а нанять десятки нелегальных трудовых мигрантов, которые будут копать и строить гораздо дешевле. Им можно заплатить гораздо меньше, уволить в любое время и нанять новых работников.

В этой ситуации государственные инструменты должны быть направлены, с одной стороны, на пресечение нелегальной занятости путем усиления контроля над работодателями и ужесточения наказаний, а с другой — необходимыми экономическими инструментами стимулирования вложений в инновационные технологии (например, освобождение

от налогов). Страна, принимающая мигрантов, может нести экономические издержки по социальному обеспечению мигрантов. Хотя на практике эти издержки сейчас минимальны. В России трудовая миграция в большей степени полезна, а поэтому трудовые мигранты практически не пользуются социальными благами за счет государства. Здесь экономические выгоды вступают в противоречие с базисным принципом трудовой миграции — она должна быть легальной. Поэтому такой временной экономической выгоды необходимо пожертвовать, чтобы не получить различных издержек от незаконной трудовой миграции в будущем.

Главный политический эффект, который несет миграция как для посылающих, так и для принимающих стран, — это возможность реально углубить интеграцию между государствами за счет интеграции их рынков труда (наиболее наглядно этот эффект проявился на примере стран Евросоюза).

Посылающие мигрантов страны получают в качестве политического эффекта стабильность в странах происхождения мигрантов, за счет повышения уровня доходов мигрантских домохозяйств. Отсутствие конфликтов и социально-экономических проблем особенно в пограничных странах для принимающего государства является осязаемым, но пока недостаточно оцененным ресурсом. Принимающая страна приобретает в лице мигрантов «агентов влияния» на власти стран их происхождения. При должной организации интеграции мигрантов в обществе этим ресурсом также можно пользоваться. Существует, конечно же, и другая опасность — формирование «этнических лобби», которые будут чрезмерно влиять на политику страны в отношении своего государства.

Принимающие мигрантов страны при разумной политике с помощью мигрантов могут заселить и освоить пустующие и требующие хозяйственного освоения территории. Подобный опыт в истории использовали США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Бразилия, Аргентина и другие страны. Миграция представляет собой не только инструмент компенсации дефицита трудовых ресурсов, но и может помочь частично решить вопросы повышения численности населения и равномерности заселения территории государства. Среди издержек миграции для принимающих стран можно назвать также рост рисков решения приграничных споров через ресурс миграции.

Известны примеры, когда присоединение пограничных территорий осуществлялось после постепенного изменения этнического состава населения путем миграции. В качестве примера можно привести Техас, Калифорнию и другие штаты, которые были отторгнуты США у Мексики в XIX в. после изменения тем этнического состава населения. По-

добные риски для России существуют в приграничных районах с Китаем, что следует учитывать при формировании миграционной политики страны в части расселения мигрантов.

Ряд стран мира столкнулись с проблемой формирования на своей территории замкнутых зон, поселенных отдельными этническими группами иммигрантов, в которых затруднена интеграция мигрантов, существуют потенциальные риски для сепаратизма, распространения преступности. В условиях, когда неэффективно работают модели интеграции, мигранты предпочитают селиться компактно. Например, в крупных европейских городах существуют различные этнические кварталы. Турки составляют 7% населения берлинского Кройцберга. В Лондоне в целом около 16% населения составляют иммигранты и этнические меньшинства, во внутреннем Лондоне доля иммигрантов достигает примерно 30%, в определенных районах города превышает 70%. Индонезийцы составляют 34% населения лондонского района Брикстон. Иногда иммигранты превращаются в довольно заметные группы населения. В Великобритании находится Лестер — единственный город в Европе, где белое население составляет меньшинство, всего 47%.

Для России показательными примерами формирования обособленных зон компактного расселения мигрантов по этническому признаку (этнических анклавов) являются некоторые рынки в крупных городах. Мигранты из Китая и Вьетнама фактически живут и работают изолированно от внешнего мира, не ощущают потребности в особом изучении русского языка, познании культуры страны. Конечно, это делает призрачными перспективы их интеграции в российское общество. Со стороны местного населения, которое пользуется услугами рынков, тем не менее велика озабоченность по поводу «китайского засилья», люди с недоверием относятся к мигрантам, порой создается почва для конфликтов.

Порой подобная этническая локализация мигрантов вызывает в роет антииммигрантских настроений и ксенофобии, а иногда выражается в открытых конфликтах и противостоянии между мигрантами и местным населением. Но в интересах государства иметь на своей территории такие этнические анклавы. С ними нужно бороться не только методами депортации нелегальных мигрантов, а методами культурной интеграции этнических меньшинств в общество. Арсенал этих методов включает обязательное изучение языка и культуры, расселение мигрантов по территории всей страны, обучение детей мигрантов в школах совместно с местными детьми, проведение праздников национальной культуры.

В условиях глобальной миграции кардинально изменяется этнический состав населения, или этногенетические коды многих стран и крупных городов. В первую очередь это касается экономически развитых стран. Наиболее яркий пример — США. Здесь сегодня каждый четвертый американец — латиноамериканец или небелый. По данным Бюро переписи США в 2000 г., около 18% населения США не разговаривают дома на английском языке, а 4% — английского языка просто не знают или владеют им очень слабо. В 60% случаев общение идет на испанском языке, что связано с ростом иммиграции из стран Латинской Америки.

Если современные тенденции в области миграции и естественного движения сохранятся — латиноамериканское и небелое население увеличится к 2020 г. до 115 млн человек (или около 35% населения), в то время как белое население почти не увеличится. К 2036 г. небелое население составит около 50% населения США. В этнической структуре населения Нью-Йорка доля белого населения сократится с 45 до 29%, афроамериканцев — с 27 до 25%, выходцев из азиатских стран — напротив, увеличится с 10 до 20%, а метисов и представителей других рас — с 18 до 26%. Схожие процессы происходят в Европе. В странах Евросоюза (до объединения) проживали около 19 млн иммигрантов, или всего около 5% населения. Однако если принимать во внимание нелегальных иммигрантов и натурализовавшихся иностранцев, то, по оценкам *CEPS*, эта цифра будет больше по крайней мере на 40–60%, т.е. примерно 25–29 млн человек. В Лондоне доля белого населения сократится с 72 до 45%, африканцев — с 11 до 9%, в то же самое время доля выходцев из Южной Азии увеличится с 10 до 26%, китайцев — с 3 до 6%, метисов — с 4 до 14%.

Изменение этнического состава населения крупных городов и стран — результат не только глобальной миграции, но и воспроизводства населения. И даже если гипотетически предположить, что в один момент прекратится миграция, это уже не остановит процесс трансформации этнической структуры населения, поскольку показатели естественного движения дифференцированы по расовым и этническим группам. Согласно данным по США, среднестатистическая темпа естественного прироста населения в 1980-х годах составляла всего 4 промилле, афроамериканцев — 13 промилле, латиноамериканцев — 18 промилле, а выходцев из азиатских стран — около 19 промилле в естественном приросте. С учетом показателя миграционного прироста разрыв возрастает среди всех рас, кроме белых. Миграция выступает в роли своеобразного катализатора, процесса трансформации этнического состава населения.

В этих условиях не исключается, что на фоне продолжавшейся смены этнического состава населения даже конфликты, вызванные пересовыми причинами, будут усугубляться и осложняться межрасовой напряженностью. Например, диспропорция по возрасту в США в XXI в. примет ярко выраженный расовый характер — большинство пенсионеров будут белыми, в то время как большинство работающих — небелыми, что чревато конфликтами в пенсионной и трудовой сферах. Закон о признании английского языка государственным, принятый в нескольких штатах США, испаноговорящие иммигранты сейчас считают дискриминационным, называя его «ограничительной реакцией на растущее латиноамериканское общество». Известность получил конфликт по поводу существования расовых квот в ведущих университетах США.

Стратегии регулирования глобальной миграции

В условиях мирового экономического кризиса отмечается некоторое изменение миграционных процессов, которое выразится в сокращении числа рабочих мест и потребности в трудовых ресурсах. Например, экономический кризис в первую очередь ударил по промышленности и строительству. Это привело к сокращению в этих отраслях рабочих мест, которые занимали трудовые мигранты из других стран. Например, в США сильно пострадала строительная отрасль, в результате многие рабочие-мигранты из Латинской Америки потеряли работу.

По данным мексиканских властей, в строительстве живет около 20% всех мигрантов из Мексики, находящихся в США. Правительство Мексики сообщило, что в 2008 г. количество желающих на работу в США мигрантов сократилось на 40% по сравнению с 2006 г. Последствия сложившейся ситуации стали ощущаться и в странах, посылавших мигрантов на работу в США. Прежде всего, в тех областях, которые больше других зависят от денежных поступлений из-за границы. В период экономического кризиса в России многие трудовые мигранты из стран Центральной Азии также потеряли работу. Российские железные дороги были вынуждены ввести новые рейсы поездов в Таджикистан и Узбекистан, из-за резко увеличившегося спроса на билеты осенью–зимой 2008/2009 г. Объемы денежных переводов в страны Центральной Азии из России существенно сократились.

Власти многих экономически развитых стран, предпринимая меры по сохранению рабочих мест для местного населения, ужесточают миграционную политику для иностранных работников — усиливают контроль над въездом, сокращают квоты для иностранных рабочих. Например, российские власти заявили о сокращении квот на иностран-

ную рабочую силу на 2009 г. примерно в два раза, разработали меры по активизации внутренней трудовой миграции российского населения внутри страны (создан единый банк вакансий, безработным, желающим трудоустроиться в другом регионе, будет выплачиваться «подъемные» средства).

В условиях глобализации требуется переосмыслить стратегию миграционной политики. Реализуемая в настоящее время в экономической развитых странах миграционная политика дает существенные обон. Она, с одной стороны, направлена на ограничение миграционных потоков из бедных стран на основе различных критериев (образовательных, социальных, географических, этнических), а с другой — пытается привести этнокультурное многообразие иммигрантов к общему знаменателю (идея «плавильного тигля», или ассимиляции).

Однако самые надежные и считающиеся идеальными «плавильные котлы» дают трещины — они не способны переплавить все этническое многообразие до полностью однородной массы и в них все чаще происходят межрасовые и межэтнические конфликты. При этом даже воплощение идеи расширения традиционных (европейских) ценностей для развитых стран (за которым настаивает американец Т. Бендер) за счет исключения в них небелых и «нехристианских» культур, скорее всего, не поможет окончательно решить существующие противоречия.

Запретительных мер на границах уже недостаточно для сдерживания миграции, для этого нужно создавать условия для развития бедных стран и регионов — основных поставщиков мигрантов. В том числе вкладывать деньги в образование, планирование семьи, новые медицинские и информационные технологии, развитие медицинской и социальной инфраструктуры. Это поможет повысить в этих государствах стандарты жизни и уровень общественного оптимизма, снизить внешнюю миграцию в развитые государства. Современная ситуация в глобальном масштабе накладывает ответственность за безопасность на экономически развитые страны — это есть своеобразная плата за ту огромную дистанцию, которая возникла в результате неравномерного развития и их резкого отрыва от беднейших стран на протяжении последних десятилетий. Стратегически направленным должны стать экономические рычаги ограничения миграции — инвестиции в экономику развивающихся стран, преследующих потоки мигрантов. Наряду с необходимостью сократить пропасть в экономическом развитии между «богатым Севером» и «бедным Югом».

Генеральная Ассамблея ООН по рекомендации Экономического и социального совета в 2000 г. провозгласила 18 декабря Международ-

ным днем мигрантов. В послании Генерального секретаря ООН К. Аннана по этому случаю говорилось, что «международный день мигрантов дает возможность признать огромный вклад, который эти люди внесли на протяжении столетий в экономическое, социальное и культурное развитие всех стран мира и продолжают вносить сегодня. Население каждого государства включает в себя мигрантов. Дейтельность, направленная на усиление и защиту прав мигрантов, касается каждого из нас»².

Мир стоит на пороге формирования принципиально нового подхода к регулированию миграции на глобальном уровне. Растет интерес к взаимным и согласованным действиям в сфере миграции, о чем свидетельствует появление новых консультативных процессов, таких как Генеральная комиссия по международной миграции. Генеральный секретарь ООН призвал все государства сотрудничать с недавно созданным Комитетом по защите прав трудящихся-мигрантов и членов их семей, а также признать право Комитета принимать и рассматривать обращения лиц, права которых были нарушены. Со стороны ООН и Глобальной комиссии по международной миграции была высказана идея о необходимости создания Глобального агентства по решению миграционных проблем. Несколько стран (Швейцария, Швейцария, Бразилия, Марокко и Финляндия) возглавили международные усилия в этом направлении, впоследствии к ним присоединились еще несколько государств. В итоге было создано ядро из 22 стран с целью рассмотрения миграционных проблем на равной основе между развивающимися и развитыми государствами.

Пока, однако, со стороны некоторых крупных держав эти подходы не находят понимания. Например, США скептически настроены относительно способности ООН эффективно решать на глобальном уровне миграционные проблемы. В то же самое время США заинтересованы в усилиях по развитию миграционного режима, основанного на соблюдении прав человека. Для реализации этого подхода была создана Международная организация по миграции (МОМ). Но очевидно, что мир в вопросах регулирования миграции стоит на пороге больших перемен.

Примечания

² International Migration Report 2002. N.Y.: United Nations Population Division Department of Economic and Social Affairs, 2002. P. 1.

¹ World Migration 2003: Managing Migration Challenges and Responses for People on the Move. Geneva: IOM, 2003. Vol. 2. P. 5.

² Амос К. Международная миграция и развитие. Доклад Генеральной ассамблеи ООН на 56-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Нью-Йорк, 2006.

³ Migration in an Interconnections for Action: Report of the Global Commission on International Migration. Geneva: GCIM, 2005. P. 1.

⁴ International Migration system. A Global Approach / Ed. by M. Krutz, L. Leon Lin, H. Zlotnik. Oxford: Clarendon press, 1992. P. 233.

⁵ Jait J. Reconceptualizing Migration and Migration Space. Paper Presented at the International Conference «Central and Eastern Europe: New Migration Spaces». Polkowice, Poland, 1997, December.

⁶ Турция в цифрах: 2005. М.: НИИ «Статистика России», 2005. С. 48.

⁷ См.: Паньшенина Т. Транзит для молодежи // Труд, 2000. № 199. 26 авг. С. 4.

⁸ См.: Ярушова Т. Иммигранты // Труд, 2000. № 62. 5 апр. С. 6.

⁹ Ступина В. Дети-сироты своего дома // Беловоды, 1998. Т. 2. № 113. С. 18.

¹⁰ См.: Яков А. Указ. соч.

¹¹ 2004 Yearbook on Illegal Migration, Human Smuggling and Trafficking in Central and Eastern Europe: A Survey and Analysis of Border Management and Apprehension Data from 23 States, Vienna, International Centre for Migration Policy Development, 2005. P. 1, 153.

¹² См.: Яков А. Под крапчатой кожей. Журнал «Современность». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.knieda.ru.

¹³ См.: Савин В. ЦРУ считает «опыта бабочки» // Труд-7, 2000. № 73. 20 апр. С. 9.

¹⁴ Lebowitz E. M. Sexual Exploitation of Women // AP Worldstream, 1996, June 4.

¹⁵ См.: Давыдова А. Куда вы на прощание? // Труд, 2005. № 195. 2 авг. С. 1.

¹⁶ Scarpino Sterling. Lords of the Rim. L.: Congi books, 1995. P. 14.

¹⁷ В Китае принята правительственная программа по стимулированию освоения рабочей силы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.migration.ru.

¹⁸ См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.knieda.ru.

¹⁹ Statistics Canada. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www50.statcan.ca.

²⁰ См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.knieda.ru.

²¹ Радвагер С. В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы. Сравнительные тенденции. Ставрополь: Книжное издательство, 2001. С. 204–207.

²² Sigal A. An Atlas of International Migration. L.; Melbourne; Munich; New Jersey: Hans Zell Publishers, 1993. P. 67–68.

²³ Sigal A. An Atlas of International Migration. L.; Melbourne; Munich; New Jersey: Hans Zell Publishers, 1993. P. 67.

²⁴ World Directory of Minorities. Minority Rights Group International, 1997. P. 151.

²⁵ Migration in Interconnections for Action: Report of the Global Commission on International Migration. Geneva: GCIM, 2005. P. 11.

²⁶ World Bank. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.worldbank.org.

²⁷ Амос К. Международная миграция и развитие. Доклад Генеральной ассамблеи ООН на 56-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Нью-Йорк, 2006.

Список рекомендуемой литературы

Атлас демографического развития России / Под ред. акад. Г. В. Осипова и проф. С. В. Рыжаника. М.: Экономическое образование, 2009.

Валброу Р. Е., Ньюс Г., Оберн А. С., Дэвисон К. Статистика международной миграции: Рекомендации по совершенствованию систем сбора данных. М.: Академия, 1999.

Муромов В. В. Миграционная политика России: Постсоветские контингенты. М.: Дашков-Т, 2003.

Рыбаковский Л. Л. Миграция населения (вопросы теории). М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003.

Резинин С. В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: Тенденции, последствия, регулирование. М.: Форум-права, 2007.

Резинин С. В., Тодченко М. Ф. Мировой рынок труда и международная миграция. М.: Экономика, 2010.

Резинин С. В., Думай Я. Китайская миграция в Россию: Тенденции, последствия и политика регулирования. М.: Экономическое образование, 2010.

СОСТОЯНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

Для понимания ситуации в сфере глобальной экологии важно учитывать уникальность экологической системы Земли и пределы ее устойчивости. Эта система складывалась на протяжении 4,6 млрд лет в ходе саморазвития Земли от стадии протопланеты до нынешнего состояния. Благодаря стечению многих обстоятельств она, в отличие от Меркурия, Венеры или Марса, имеет подерживающее железное ядро и потому окружена мощным электромагнитным полем, которое заставляет губительное жесткое солнечное излучение обтекать близкое околоземное пространство. В результате вокруг нашей планеты устойчиво сохраняется «шляпа» толщиной в 1000 и более километров, заполненная атмосферой, которая, в свою очередь, защищает ее поверхность от ультрафиолетового и рентгеновского излучения Солнца.

Особенности экологической сферы Земли

Очень важно, что в ходе эволюции Земли около 3 млрд лет назад сложился такой газовый состав атмосферы, который обеспечивает благоприятный тепловой режим на ее поверхности и в нижних слоях атмосферы. Сегодня в ней 78% азота, 21% кислорода, 0,9% аргона и совсем немого (0,03%) углекислого газа, водорода и некоторых других газов. Благодаря этому атмосфера пропускает к поверхности планеты около 85% тепловой солнечной энергии, большая часть которой отражается обратно в космос. Но часть этой отраженной энергии задерживается содержащимися в атмосфере водяным паром, углекислым газом, метаном и некоторыми другими газами, создающим природный парниковый эффект. Без него средняя температура на Земле была бы ниже примерно на 33° по Цельсию.

Эти исключительно благоприятные условия и позволили сформироваться земной биосфере. Зародилась она около 2 млрд лет назад, когда в водах Мирового океана появились простейшие микроводоросли, способные под действием солнечного света превращать неорганические соединения азота, воды и углекислый газ в питательные для них органические соединения. В ходе такой реакции (фотосинтеза) выделяется свободный кислород, поступающий из океана в атмосферу. Выход растений из океана на сушу и появление лесов ускорили насыщение атмосферы кислородом. Это способствовало появлению около 500 млн лет

назад простейших позвоночных рыб и других водных животных. Еще примерно через 100 млн лет количество кислорода в атмосфере достигло такого уровня, когда стал возможен выход некоторых позвоночных на сушу и эволюция их от земноводных до птиц, а потом и млекопитающих. Разнообразная флора и фауна со временем покрывала всю первоначально безжизненную поверхность планеты, внося свой вклад в дальнейшее развитие ее экосистемы.

Так в процессе многочисленных проб и ошибок природы сформировалась экологическая система Земли как самодостаточный и самоподдерживающийся организм, в котором на глобальном уровне сбалансированы газовый состав атмосферы и существовавшие биосферы, а в пределах биосферы — соотношение флоры и фауны, наконец, внутри флоры и фауны — пропорции различных видов растений и животных. Конечно, история земной экосистемы не была безоблачной. Время от времени ее потрясли катастрофы планетарных масштабов, вызванные мощными извержениями вулканов либо падением на Землю крупных метеоритов. В таких катастрофах погибала значительная часть флоры и фауны. Но устойчивость земной экосистемы в определенных пределах возникавших дисбалансов позволяла ей до сих пор всякий раз возрождаться, хотя и в частично измененном виде.

Причины дисбалансов экосферы

Однако в последние столетия дисбалансы экологической системы стали нарастать и достигать угрожающих масштабов. Источник этой угрозы зародился внутри земной биосферы, когда около 1,5 млн лет назад эволюция млекопитающих привела к появлению гоминид, а затем примерно 100 тыс. лет назад — первых людей (неандертальцев), отличающихся от своих предков наличием интеллекта. Но это высшее достижение эволюции биосферы обернулось самой большой опасностью для всей экосистемы Земли. Именно интеллект позволил людям, приспосабливаясь к различным климатическим условиям, постепенно заселить всю планету. Главное, что благодаря интеллекту они научились не столько приспосабливаться к природным условиям, сколько саму природную среду приспособлять к своим неуклонно растущим потребностям. При этом до самого последнего времени природа рассматривалась как неисчерпаемый источник разнообразных ресурсов, который можно эксплуатировать без каких-либо ограничений.

Более того, долгое время считалось, что такая переделка природы чуть ли не историческое призвание человека. Выдающийся российский геолог и геохимик В. И. Вернадский писал: «Лик планеты — биосфера — редко меняется человеком сознательно и главным образом бесозо-

нительно. Меняется человек физически и химически податливая оболочка суши, все ее природные воды. В результате роста человеческой культуры в XX в. все более резко стали меняться (химически и биологически) арктические моря и части океана... Сверх того, человеком создаются новые виды и расы животных и растений». «И перед ним, перед его мыслью и трудом становится вопрос о *перестройке биосферы и антропогенной оболочки мыслящего человечества как единого целого*», — утверждал он¹. Более того, «[человек] может и должен перестраивать трудом и мыслью область своей жизни, *перестраивать кардинальным образом по сравнению с тем, что было раньше*»².

К настоящему времени люди переделали для своих нужд половину земной суши: 26% — под пастбища, по 11% — под пашню и лесоводство, 2–3% — под строительство жилья, промышленных объектов, транспортной инфраструктуры и сферы услуг. Это сокращает площадь лесов, выполняющих функцию «легких» планеты: если в начале периода человечества к земледелию она составляла 75% суши, то сейчас — лишь 26%. Вырубка лесов ускоряет остывание земной суши, в наши дни уже со скоростью 2600 га в час.

В результате хозяйственной деятельности людей почти половина рек обмелела или существенно загрязнена, из 277 крупнейших водных артерий почти $\frac{1}{4}$ перегорожены плотинами и дамбами. Ухудшена или уничтожена среда обитания множества представителей фауны и флоры. Не меньше пострадали и недра планеты. В течение последнего века было добыто минеральных ресурсов в 10 раз больше, чем за всю предшествующую историю человечества. Наступает период дефицита природных ресурсов. Уже сегодня ощущается нехватка платины, золота, цинка и свинца, а большинства других ископаемых ресурсов хватит лишь на 50–150 лет.

Наконец, человечество завалило природу отходами своего производства и быта. Из добываемого природного сырья после его переработки $\frac{1}{3}$ уходит в отходы. К этому следует добавить еще и органические отходы, объем которых, по некоторым оценкам, в 2 тыс. раз превосходит полевые отходы всей остальной биосферы.

Сегодня экологический «след» Homo sapiens перевешивает влияние на окружающую среду всех прочих живых существ, вместе взятых. Это ведет к нарушению устойчивости экологической системы Земли, особенно после того, как человечество овладело промышленными технологиями. Даже если многие (хотя и не все) аспекты порожденной им деградации природной среды, оно не в состоянии остановить и продолжает вести себя в природной среде обитания как слон в посудной лавке. Безмерно разросшаяся популяция «человека разумного» с не неудержимо рас-

туции потреблением природных ресурсов и столь же беспрерывно растущими производственными и бытовыми отходами неуклонно движется к экологическому тупику. Еще в 1889 г. великий французский биолог Ж. В. Ланарк писал: «Можно, пожалуй, сказать, что изданием человечества как бы заложается в том, чтобы уязвить свой род, предварительно сделав земной шар непригодным для обитания»¹.

Международные конфликты из-за природных ресурсов

Некоторые проявления экологического кризиса затрагивают жизненные интересы отдельных стран или крупных регионов здесь и сейчас, другие угрожают мировому сообществу в целом, ставя под вопрос его выживание в перспективе. И в том и в другом случае они обретают политическую окраску и преваты международными либо внутренними конфликтами.

Большинство экологически обусловленных конфликтов сопряжено с нехваткой природных ресурсов или с неодинаковой удаленностью них разных стран или регионов внутри стран. Важные ископаемые — нефть, газ, алмазы, многие металлы — имеются лишь в ограниченных количествах. Их месторождения локализованы в отдельных странах, приток им огромный приток инвестиций и экспортных доходов и ставит остальные страны в невыгодное положение. Чем больше растет мировой спрос на такой ресурс, тем выше становится их конфликтность. Борьба за контроль над их добычей и транспортировкой порождает международную напряженность, порой перерастающую в военные столкновения.

Вместе с тем обусловленный наличием таких ископаемых приток финансовых ресурсов является благодатной почвой для формирования в районах их залегающих организованной преступности, диктаторских режимов, государственных переворотов и сепаратизма, нередко провоцирующего гражданские войны. Борьба за контроль над месторождениями нефти стала подоплекой гражданских войн в Судане (1983—2005 гг.) и Либерии (1967—1970 гг.). Алмазы лежат в основе такой войны в Демократической Республике Конго (1996—1997 гг.), медь — в Папуа — Новой Гвинее (1988—1991 гг.). Хотя подобные войны и не являются межгосударственными, они нередко приводят к многочисленным жертвам, гуманитарным катастрофам и массовому бегству населения в соседние страны. По оценкам Международной федерации Красного Креста, количество «экологически» беженцев во всем мире достигло в наши дни 10 млн человек.

Впрочем, конфликтность нефти и природного газа выходит далеко за пределы отдельных регионов и приобретает глобальный харак-

тер. Дело в том, что потребление энергии человечеством возрастает пропорционально квадрату численности населения. С 1850 по 1990 г. мировое население увеличилось в 4,1 раза, а мировое потребление энергии — в 17 раз. В дальнейшем по мере повышения эффективности производства и быта этот темп может ускориться. Между тем, по оценкам геологов, глобальные запасы нефти уже к 2030 г. будут исчерпаны на 80%, а лет через сорок они исчерпаны полностью. Но нефть — сырье не только для производства бензина, керосина, мазута и других видов жидкого топлива, но и для изготовления пластмасс, многих видов удобрений и большей части шпаклевок, без которых сегодня не обойтись ни в одной сфере производства и быта. Сокращение мировой добычи нефти всего на 10–15% способно парализовать экономику промышленных стран.

Вдобав к тому, соотношение мирового производства и потребления жидкого топлива достигло опасного баланса, нарушение которого способно запустить цепочку перманентных мировых экономических кризисов. Нынешний кризис временно сокращает спрос на нефть и снижает ее цену, что приводит к замораживанию геологоразведочных работ и замедляет, а то и останавливает рост ее добычи. Это означает, что после выхода из кризиса мировое сообщество столкнется около 2013 г. с нехваткой нефти, очередным скачком ее цены и новым параличом экономики многих стран, а следовательно, и с новым усилением черного золота со всеми вытекающими последствиями для мировой валютной и финансовой сферы. Кроме того, от колебания мировых цен нефти зависит будущее нетрадиционных источников энергии (ветровой, солнечной, ядерной и т.п.). Внедрение многих из них рентабельно лишь при достаточно высоких ценах главного источника энергии — нефти и замедляется с падением ее цены. Периодические ее колебания то вниз, то вверх тормозят переход мирового сообщества на нетрадиционные источники энергии и осложняют перспективы выживания человечества после исчерпания запасов жидкого топлива.

Вот почему контроль над нефтеносными районами и даже над нефтепроводами оказался в центре геополитической стратегии США и других ведущих держав. Стремление контролировать такие районы лежит в основе ближневосточной политики Вашингтона, а также повышенного интереса Вашингтона к Азербайджану и некоторым странам Центральной Азии, к Венесуэле и другим нефтедобывающим государствам Латинской Америки. Этим же объясняются и агрессия Ирака против Кувейта в 1990 г., и решение США и некоторых их союзников в обход Совета Безопасности ООН напасть на Ирак в 2003 г.

По той же причине районом политической и военно-стратегической напряженности становится Арктика, в недрах которой, по оценкам

американских экспертов, могут сохраниться 90 млрд баррелей нефти (13% всех разведанных до сих пор мировых запасов), 47,2 трлн м³ природного газа (27% разведанных запасов), а также многие другие полезные ископаемые. США, Канада, Дания и Норвегия, как арктические государства, претендуют на равный с Россией доступ к тем минеральным ресурсам, которые находятся в пределах акватории нашей страны, установленной Международным соглашением 1926 г. и притокаемке: Кольский полуостров — Северный полюс — Берингов пролив. Правда, согласно Конвенции по морскому праву 1982 г. прибрежная страна имеет исключительные права на использование минеральных и биоресурсов лишь в пределах своей 200-мильной экономической зоны. Но если ее шельф тянется за пределы этих 200 миль, то экономическая зона соответственно расширяется. Чтобы добиться международного признания права России на оставшихся 1,2 млн км² шельфа континентального шельфа, трудно доказать, что пролегающие там подводные хребты Ломоносова и Менделеева являются прямым продолжением нашей континентальной территории. На эту часть шельфа претендуют и четыре других арктических государства. Причем Дания считает хребт Ломоносова продолжением Гренландии, а не России. В свою очередь арктические страны настроены вообще объявить месторождения углеводородов на дне Северного Ледовитого океана достоянием всего человечества.

Назревает конфликт: США и Канада ведут активную геологоразведку и готовят военные подразделения для действий в Арктике. Россия начала исследование этой части шельфа и тоже планирует создать специальную группировку войск на территории Северного Ледовитого океана, «способных обеспечить военную безопасность в различных условиях военно-политической обстановки»¹.

Менее острая, но довольно напряженная политическая обстановка сложилась и вокруг поставок российского и центральноазиатского природного газа в Западную и Восточную Европу, покрывающих около 30% их потребностей. Построенные еще в 1960–1980-х годах газопроводы, протекающие через Украину и Белоруссию, в последние годы используются Киевом и Минском для выторговывания у «Газпрома» сверхдоговорных цен на голубое топливо. Это не раз ставило под угрозу нормальное снабжение газом европейских потребителей. Во избежание таких ситуаций началось строительство двух обходных газопроводов — «Северного потока» по дну Балтийского моря и «Южного потока» — по дну Черного моря и через территорию Болгарии и Греции. Это вызывает раздражение в США и Евросоюзе, опасаящихся энергодипломатии ЕС от России. Около десяти лет они вынашивают проект газопровода «Набукко» из Азербайджана и Узбекистана в обход России через Грузию и

Турцию. Его рентабельность, а значит, и строительство вызывает сомнения, поскольку неясно, какова будет его наполняемость, а предлагаемые поставщики газа не дают стопроцентных гарантий поставок.

Еще одним конфликтогенным природным ресурсом является *пресная вода*. Без нее невозможно биологическое существование растений и животных. В отличие от невозобновляемых ископаемых природных богатств ее запасы постоянно возобновляются за счет дождей, таяния снега и горных ледников. Но люди используют ее не столько для удовлетворения своих естественных потребностей, сколько в сельском хозяйстве (70–80%) и в промышленном производстве. Они потребляют более половины всей доступной на планете пресной воды.

В принципе планетарные запасы пресной воды вполне достаточны для удовлетворения и бытовых, и производственных нужд нынешнего и будущих поколений человечества. Даже удвоив ее потребление, люди будут использовать лишь около 10% воды на пути от ее источников до морей. Однако ее запасы распределены неравномерно. В густонаселенных районах планеты потребление воды превышает ее естественный приток. В результате острый дефицит пресной воды сегодня испытывает 1,1 млрд человек и еще 2 млрд постоянно сталкиваются с ее нехваткой. Это создает тяжелые гуманитарные и экономические проблемы. Из-за нехватки чистой воды ежегодно умирает 1,8 млн человек, причем 90% из них — дети в возрасте до 5 лет. Ожидается, что в ближайшие десятилетия ситуация ослабится, поскольку запасы чистой пресной воды ежегодно сокращаются на 2%, а число ее потребителей растет.

Чрезмерное водопользование нередко приводит к региональным экологическим катастрофам. Так, из-за интенсивного забора воды для ирригационных нужд водный сток в Волге, Сырдарье и Амударье значительно уменьшился. В результате приток воды к Азовскому морю сократился на 29%, а к Аральскому — даже на 33%. Уровень Арала упал на 12,5 м, и это море практически погибло.

Подобным образом за последние 40 лет в центре Африки в 10 раз уменьшилось когда-то огромное озеро Чад. Еще быстрее происходит загрязнение рек и озер примыкающими и бытовыми отходами. Лишь несколько десятилетий назад загрязненные воды представляли собой как бы острова в относительно чистой природной среде. Теперь же многие водные артерии превратились в сточные каналы. В результате образовались крупные массивы территорий с реками и озерами, непригодными для водопользования.

Особенно острые международные конфликты сопряжены с поль­зу­емыми реками, протекающими по территории нескольких государств. На земном шаре около 260 таких рек, а их бассейны охватывают при-

мерно на 45% поверхности Земли. Сегодня 39 стран получают половину или более необходимой им воды из-за границы. В таких случаях распределение воды между странами, расположенными выше по течению реки, и тех, которые оказались ниже по течению, восточно является явным неравием. С 1948 по 1989 г. на этой почве имело место 312 таких конфликтов, в том числе вооруженных. В 1950-х годах, например, Израиль вознамерился отвести часть воды Иордана в пустыню Негев. Чтобы не допустить этого, Иордания и Сирия в 1967 г. начали строить дамбу. Это стало одной из причин войны 1967 года, в ходе которой Израиль разбомбил эту дамбу, оккупировал Голанские высоты, Западный берег реки Иордан и сектор Газа, а также расширил свой доступ к водным ресурсам рек Ярмук и Иордан. В свою очередь, споры между Сирией и Турцией по поводу распределения вод Тигра и Евфрата не раз приводили их на грань войны. В Африке ареной подобных конфликтов является Нил, в Индостане — Инд, в Юго-Восточной Азии — Меконг, в Средней Азии — Сырдарья. Правда, все такие конфликты носят региональный характер.

Другое дело — *Мировой океан* с его огромными биоресурсами, которые являются так называемым общим достоянием человечества. Обитающая в нем фауна насчитывает около 150 тыс. видов животных и 10 тыс. водорослей, а ее общий объем 35 млрд т, что вполне достаточно, чтобы прокормить 30 млрд человек. Вылавливая ежегодно 85–90 млн т морской рыбы, моллюсков и водорослей, человечество обеспечивает около 1/3 своих потребностей в белках. Уже в силу этого антропогенные нарушения морской биосферы в большинстве случаев являются кризисными явлениями глобального масштаба.

Эта гигантская природная кладовая в последние десятилетия оскудевает, так как реки ежегодно несут в нее 46 тыс. кубометров сточных вод, вместе с которыми в морские и океанические воды попадает до 6 млрд тонн нефтиных углеводородов. Почти половина этого количества связана с разработкой месторождений нефти и газа на шельфе. Вместе с речным стоком в океан поступают и тяжелые металлы: до 2 млн т свинца, до 20 тыс. т кадмия и до 10 тыс. т ртути. Сюда же смываются и все активнее используемые в сельском хозяйстве пестициды. Все эти вещества токсичны и нередко являются причиной мутаций или гибели морской фауны либо делают морепродукты непригодными для питания людей.

Загрязнение Мирового океана, а также бесконтрольный вылов морепродуктов приводит к постоянному уменьшению их общей массы. К настоящему времени она уже сократилась на 10% по сравнению с исторической

морской. При нынешних темпах загрязнения в ближайшие 20–25 лет оно может возрасти в 1,5–3 раза, а концентрация ряда токсических веществ может превысить предельно допустимый уровень. Тогда наступит стойкая, непредсказуемая деградация морской биосферы, биологические ресурсы океана в ряде районов планеты сократятся на 20–30%. Кроме этой части мировой экосистемы не всегда приобретает глобальные масштабы. Иногда наиболее сильные его проявления локализируются в тех или иных зонах морского побережья.

Конфликт человека и экосистемы Земли

Самую большую опасность представляет загрязнение земной атмосферы. В силу специфики этой подсистемы окружающей среды антропогенные дисбалансы здесь лишь отчасти носят региональный характер, в основном же являются глобальными и способны вызвать экологическую катастрофу планетарных масштабов.

Такой же прогресс породил множество источников загрязнения атмосферы: транспортные средства, сельское хозяйство с его пестицидами отсюда же земляделам и животноводства, промышленные процессы в металлургии, химической промышленности, других производствах, добыча ископаемого топлива (постоянно дымящие факелы на нефте- и газопромислах, а также терриконы отвалов возле угольных шахт) и, наконец, муниципальные отходы. Со времен неолита вплоть до начала эпохи индустриализации содержание двуокиси углерода (CO_2) в атмосфере оставалось практически стабильным. Но с тех пор оно повысилось на 25%, причем скорость его эмиссии только за 1960–1995 гг. возросла на 12%.

Атмосфера загрязняется не только первичными выбросами газов, но и вторичными соединениями, которые образуются в ней под воздействием солнечного света и в ходе химических реакций с углеводородами. Масштабы и продолжительность загрязнения первичными и вторичными газами зависят от времени пребывания их в атмосфере. Те из них, которые сохраняются недолго, являются локальными загрязнителями. Те, которые присутствуют в воздухе несколько дней или недель, разносятся ветрами и могут создавать региональные экологические проблемы (порождать кислотные дожди). Газы, сохраняющиеся в атмосфере от нескольких недель до нескольких месяцев, приводят к загрязнениям континентальных масштабов. А те, которые пребывают годы, создают проблемы глобальных масштабов. Нескорые парниковые газы могут сохраняться до 50 тыс. лет.

Коснемся сначала локальных и региональных последствий антропогенного загрязнения воздуха. Во-первых, двуокись серы и разные со-

единения азота окисляют капли воды, содержащиеся в облаках. Такая подкисленная вода, выпадая в виде дождя или снега, оравляет почву, водоемы и губит леса. В США, Германии, Чехии, Словакии, Нидерландах, Швейцарии, Австралии и других странах вокруг крупных промышленных центров вымирает озёрная рыба, а леса превращаются в стойбища мертвых деревьев. В таких местах практически полностью гибнет и лесная фауна. Кроме того, кислотность воды способствует повышенной растворимости в ней таких опасных металлов, как алюминий, кадмий, ртуть и свинец из доменных отложений. Те, кто пьет воду с высоким содержанием свинца или употребляет в пищу рыбу с высоким содержанием ртути, подвержены очень опасным заболеваниям. В России из-за загрязнения воздуха ежегодно умирает около 50 тыс. человек.

Во-вторых, хлорфторуглероды и некоторые другие газы промышленного происхождения разрушают озоновый слой (O_3), который концентрируется в стратосфере на высоте 10–35 км над землей и защищает живые организмы от сильного ультрафиолетового излучения Солнца. В результате над Антарктидой, Австралией, Новой Зеландией, южной частью Аргентины и Чили, Арктикой, Восточной Сибирью и Казахстаном в последние два десятилетия происходит периодическое утончение озонового слоя. Появление таких «озоновых дыр» приводит к ожогу глаз, провоцирует рак кожных покровов, подавляет иммунную систему людей, снижает урожайность растений. Более того, периодическое расширение такой дыры над Антарктидой чревато потерями морского фитопланктона. А это, в свою очередь, сильно влияет на всех антарктических животных от пингвинов до китов, так как фитопланктон — основа почти всех пищевых цепей данного региона.

Но самые серьезные последствия ультрафиолетового облучения — это ускорение генетических изменений клеток высших растений и животных, включая людей. Частота мутирования отдельных генов при высоком дозе такого облучения может повышаться в тысячи раз по сравнению с естественным уровнем. Это последствие «озоновых дыр» пока еще слабо изучено, но вполне может оказаться крайне опасным для всей биосферы Земли.

Однако наибольшую опасность представляет эмиссия в атмосферу газов, существенно усиливающих природный парниковый эффект и тем самым повышающих среднюю температуру поверхности суши, Мирового океана и прилегающих слоев атмосферы. Это прежде всего двуокись углерода (CO_2), другие его соединения, а также метан и окись азота. В результате их выброса средняя температура земной поверхности за сто лет повысилась на $0,5^\circ$ по Цельсию. Ледники в Альпах и на Кавказе умень-

видных наполовину, ледяная шапка Арктики сократилась, а уровень Мирового океана поднялся не менее чем на 10 см.

Но впереди еще более угрожающие перспективы. Дальнейшее потепление климата чревато оттаиванием вечной мерзлоты в северной Сибири, на Колымском полуострове и в приполярных областях Канады. Это значит, что пошатнется фундамент под зданиями и десятках городов и поселков, стоящих на мерзлом грунте. А главное в том, что размораживание панциря вечной мерзлоты открывает выход скопившимся под ним в течение тысячелетий огромным скоплениям метана, который создаст повышенный парниковый эффект. Уже сегодня этот газ в некоторых местах Сибири начинает просачиваться в атмосферу. Если здесь станет еще немного теплее, то выбросы метана станут массовыми, что может привести к усилению парникового эффекта и еще более быстрому потеплению климата всей планеты. По оценке Всемирной метеорологической службы, к 2050 г. средняя температура на планете повысится на 2–3,5°, а уровень океана поднимется еще на 15–95 см.

Потепление климата распределяется неравномерно: в северных широтах оно происходит сильнее, чем в тропиках. Поэтому в нынешнем столетии наиболее значительно повысится зимняя температура на Аляске и в Северной Канаде, в Гренландии, в северной части Азии и на Тибете, а летняя — в Центральной Азии. Такое перераспределение температур влечет за собой изменение воздушных потоков, а потому и перераспределение осадков. Это, в свою очередь, порождает все больше ураганов, наводнений, засух, лесных пожаров и т.п. В 1990-х годах произошло 20 крупномасштабных природных катастроф, в 1970-х годах — 47, а в 1990-х годах — 86. Первые годы нынешнего столетия отмечены беспрецедентными наводнениями, ураганами, засухами и лесными пожарами. За последние 50 лет число людей, погибших от тайфунов, землетрясений и наводнений, составило ежегодно в среднем 46 тысяч, не считая гибели огромного количества диких и домашних животных. Материальный ущерб от климатических катастроф увеличился с 40,5 млрд долл. в 1970-х годах до 608 млрд долл. в 1990-х.

И все же это мелочь по сравнению с тем, что несет с собой повышение уровня Мирового океана, а следовательно, затопление густонаселенных низменностей и устьев Ганга, Хуанхэ, Меконга, Нила и других прибрежных территорий, расположенных сегодня на уровне моря. Наиболее уязвимыми станут южные побережья Средиземного моря, западное побережье Африки, Южная Азия, прибрежные страны Юго-Восточной Азии. Только в Бангладеш море может затопить около 3 млн га и вынудить к переселению 15–20 млн человек, в Индонезии — соответ-

ственно 3,4 млн га и не менее 2 млн мигрантов, во Вьетнаме — 2 млн га и 10 млн переселенцев. А общее число пострадавших таким образом по всему миру может достичь примерно 1 млрд человек.

Но даже это не столь опасно по сравнению с той экологической катастрофой, к которой становится вся экологическая система планеты Земля. О ней предупреждают некоторые первоклассные специалисты, которые либо замечивают, либо пытаются оспорить официальные экологи. Суть этого вполне вероятного кризиса в том, что экосистема планеты является сложной многоуровневой саморегулируемой системой, сформировавшейся многие миллионы лет. В ней плотно «притерты» друг к другу все элементы вплоть до мелких. Любые серьезные отклонения отдельных ее составляющих за пределы допустимого порога, а тем более попытки людей кардинально вмешаться в природу нарушают это равновесие.

Как уже сказано, в прошлом экосистема Земли после крупных глобальных катастроф самовосстанавливалась. Но это возможно лишь в определенных пределах. В биологической подсистеме экоферы, например, без наступления необратимых последствий этот предел равен 1% объема чистой первичной продукции, возникающей в процессе фотосинтеза, который может быть потреблен крупными животными, включая человека. Сегодня потребление человечеством первичной продукции десятикратно превышает допустимый уровень и стало основной причиной неустойчивости биосферы. Подобная ситуация наблюдается и в других подсистемах экологии Земли. Люди нарушают круговорот ее компонентов не только таким сверхпотреблением, но и косвенно. В течение прошлого столетия концентрация CO₂ в атмосфере возросла на 20%, а объем биомассы растений, поглощающих этот газ, не только не увеличился на соответствующую величину, но из-за вырубки лесов даже сократился. Экофера Земли явно утрачивает свои компенсаторные способности.

Все это чревато непредсказуемыми последствиями. Выдающийся отечественный математик и эколог Н. Н. Моисов предупреждает: «Природа — не пассивный фон нашей деятельности... Она — и это чрезвычайно важно, может быть, самое важное — самоорганизующаяся система... Реагировать на наше воздействие природа будет не по “нашим” правилам, а по своим собственным законам самоорганизации, которых мы пока почти не знаем². Известно лишь, что по этим законам выход из неустойчивого состояния системы в новое ее стабильное состояние может быть неожиданным, и притом самым неожиданным. «Более чем вероятно, — писал он, — что в новом стабильном состоянии параметры биосферы окажутся неприемлемыми для жизни людей и большинства представителей высшей флоры и фауны. Такой переход необратим,

и вернуться назад уже невозможно. Поэтому не будет ошибкой сказать, что человечество балансирует на острие бритвы⁴. И балансировать на нем, по оценкам специалистов, осталось не так уж долго — всего несколько десятилетий. Сколько именно — определить трудно из-за сложности прямых и обратных связей между деятельностью людей и экологией. И это повышает степень риска, так как порог, за которым начнутся необратимые ее изменения, может оказаться гораздо ближе, чем нам представляется.

На этом фоне прочие глобальные проблемы выглядят как мелкие семейные ссоры и недоразумения внутри человечества.

Попытки противодействия экологическому кризису

Экологи забили тревогу в 1950-х годах. Но мировая политическая элита отреагировала лишь через два десятилетия. Первая в истории Всемирная конференция по окружающей среде под эгидой ООН состоялась в Стокгольме только в 1972 г. При этом понимали забеспокойство лишь промышленные страны Запада, где экологические бедствия стали более ощутимы. Коммунистический мир, озабоченный тем, как догнать и перегнать «управляющий и развивающий» капитализм, оставался глух к этим проблемам: СССР и почти все союзники эту конференцию противояраровали. А в большинстве развивающихся стран относились к ним как к ильским богатым Западу: дескать, там бы наши проблемы! Индия Ганди, например, заявила в Стокгольме, что «самая худшая форма загрязнения [окружающей среды] — это нищета».

И все же эта конференция смогла выработать Декларацию, содержащую 16 самых общих принципов рекомендательного характера. В 1972 г. ООН учредила специальный институт — ЮНЭП (*United Nations Environment Program*), призванный налаживать международное сотрудничество в области охраны природы и выработать соответствующие рекомендации. В национальном законодательстве, прежде всего развитых стран, стали появляться нормы права, нацеленные на защиту природной среды. Но разрозненных мер здесь далеко не достаточно. И в феврале 1979 г. в Женеве была проведена I Всемирная конференция по климату, подтвердившая, что дополнительная антропогенная эмиссия CO₂ может привести к опасным климатическим сдвигам. В следующем году была учреждена Всемирная климатическая программа, призванная обеспечить международное сотрудничество в исследовании изменений климата, глобального потепления и образования «оzoneвых дыр». В 1982 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Всемирную хартию о защите природы, акцентирующую внимание на непреходящей ценности экосистем, видов животных и растений.

Однако лишь в 1985 г. мировое сообщество перешло от деклараций к практическим мерам по охране окружающей среды: в Вене была подписана Конвенция о защите озонового слоя, а в 1987 г. в ее развитие — Монреальский протокол о сокращении эмиссии веществ, истощающих озоновый слой. Спустя два года родилась Базельская конвенция о трансграничном перемещении и размещении опасных отходов. В 1992 г. на Саммите Земли в Рио-де-Жанейро более чем 180 стран торжественно подписали Рамочную конвенцию ООН об изменении климата (РКИК), вступившую в силу в марте 1994 г. Но лишь в 1997 г. в рамках этой Конвенции 84 государства подписали в Киото протокол о сокращении выбросов в атмосферу CO_2 и других парниковых газов.

Когда же дело доходит до практических мер, возникают экономические противоречия и политические разногласия. Дело в том, что ограничение, а тем более прекращение выбросов в атмосферу экологически опасных газов сопряжено со значительными издержками соответствующих компаний. Это снижает их конкурентоспособность, они теряют рынки сбыта и доходы, а государственные бюджеты недополучают налоговых поступлений. По сути, что и бизнес и государство тех стран, где есть экологически «грязные» производства, неохотно поддерживают международные соглашения, приверженные к их ограничению или прекращению. В ход пускаются разные аргументы — от вондей об авторитарном подавлении свободы личности и свободы рынка⁷ до кляузливых обвинений глобального потепления природными циклами колебаний земного климата, периодичность которых составляет многие десятилетия, а то и столетия и никак не объясняет нынешних его стремительных темпов.

Характерна в этом отношении судьба двух многосторонних соглашений о прекращении загрязнения атмосферы — Монреальского и Киотского протоколов. Первый затрагивал интересы сравнительно узкого круга производителей холодоагентов, дезодорантов и т.п. и не вызвал особого сопротивления. Более того, без особых трудностей он был дополнен Лондонским (1990 г.), Копенгагенским (1992 г.), вторым Монреальским (1997 г.) и Пекинским (1999 г.) протоколами. В результате для защиты озонового слоя в список запрещенных газов, помимо хлорфторуглеродов, попали тетрахлорид углерода, метиловый хлорформ, бромхлорформетан и некоторые другие. Производство этих веществ сократилось даже быстрее, чем намечалось. Уже к 2003 г. развитые страны сократили использование хлорфторуглеродов более чем на 99%, а развивающиеся — наполовину. Поскольку диффузия этих газов идет очень медленно, ожидается, что их концентрации в озоновом слое стратосферы снизятся до уровня 1970-х годов лишь к середине XXI в.

Гораздо труднее реализуется Киотский протокол, нацеленный существенно больше на энергетику — основу всей экономики. Особенно серьезные проблемы он создаст для развитых стран, где потребление энергии в расчете на душу населения намного выше, чем в переходных и развивающихся. Согласно этому протоколу, Япония и Канада должны в 2008–2012 гг. сократить выбросы парниковых газов на 6% по сравнению с уровнем 1990 г., США — на 7%, а страны Евросоюза (Восточная Европа и Прибалтика) — в среднем даже на 8%. Россия и Украина, где масштабы промышленного производства в 1990-х годах резко упали, должны сохранить среднегодовые выбросы CO₂ на уровне 1990 г. Освобождены от обязательства по их сокращению лишь развивающиеся страны, включая самые крупные — Китай и Индию.

Чтобы выполнить возлагаемые на себя обязательства, промышленные страны должны тратить от 0,1 до 2% своего ВВП. А это ощутимо сказывается на геэкономическом положении каждой из таких стран. Поэтому вступление Киотского протокола в силу растянулось на восемь лет. Для этого требовалась его ратификация странами-участницами, отвечающими не менее чем на 55% глобальных выбросов CO₂. Главным препятствием стала позиция основного загрязителя атмосферы — США (36,1% глобальных выбросов). Когда президентом стал Дж. Буш, Вашингтон вообще дезавуировал свое подписание под протоколом. В результате он оказался на грани провала. Россия (17,4% глобальных выбросов) тоже долго колебалась и ратифицировала протокол лишь 4 ноября 2004 г. После этого 16 февраля 2005 г. он вступил в силу и обрел обязательный характер даже без участия США. К настоящему времени его подписали 157 стран. Первый период его реализации начался 1 января 2008 г. и завершится 31 декабря 2012 г., второй продлится еще пять лет — до 31.12 г., третий — до 2020 г.

Киотский протокол предусматривает международный обмен квотами эмиссии парниковых газов. Те страны-участницы соглашения, где их эмиссия превышает уровень 1990 г., обязаны в период с 2008 по 2012 г., либо существенно модернизировать свои предприятия, чтобы уменьшить выброс таких газов до этого уровня; либо купить квоты на их эмиссию у тех стран, которые располагают неиспользованными квотами; либо оказывать финансовую и/или техническую помощь развивающимся странам в деле сокращения выбросов или парниковых газов. Одной из выигравших от этого рыночного механизма стран стала Россия, которая из-за экономического спада в 1990-х годах уменьшила загрязнение атмосферы примерно на 30%. По оценкам специалистов, она может предложить на этом рынке до 1532 т эквивалента CO₂. Украина уже продала права на

выброс 30 млн т CO₂, Япония, которая таким способом покрывала 27% общего объема своих обязательств по сокращению выбросов этого газа.

Рано судить об эффективности мер, направленных на снижение антропогенного потепления климата. Ожидается, что на второй и третьей периоды действия Киотского протокола будут согласованы дополнительные обязательства сторон, а это чревато новыми противоречиями между основными загрязнителями атмосферы и остальными странами.

* * *

По мере нарастания экологического кризиса во всех его проявлениях обостряется противостояние интересов мирового сообщества в целом и отдельных государств, а внутри них — противостояние интересов общества и отдельных фирм и личностей. Самое трудное здесь — выработать эффективные механизмы коллективного принуждения к соблюдению природоохраняющих мер не только отдельных предприятий и компаний, но и государств.

Дальше всех в этом направлении продвинулся Евросоюз. Создано Европейское экологическое агентство, Совет министров принимает обязательные для всех государств-членов директивы в области охраны природной среды. Менее эффективны такие организации, как Северо-Американская комиссия экологического сотрудничества, Конференция министров экологии и развития Азии и Тихого океана или Африканская конференция министров экологии.

Но региональных структур недостаточно. По мере нарастания глобального потепления, расширения «основных дыр» и обострения других экологических проблем планетарных масштабов будет усиливаться потребность в формировании аналогичных структур мирового масштаба, вырабатывающих нормы экологического поведения, обязательные для большинства государств. Перед человечеством встала задача — найти действенные механизмы регулирования в планетарном масштабе экологии, экономики и других сфер жизни человечества. Начался процесс трансформации существовавшей на протяжении тысячелетий национально-государственной формы организации мирового сообщества в некую новую ее форму. Все это, конечно, не означает, что национальное государство, как механизм, регулирующий внутринациональные и международные отношения, уже отжило свой век. Оно сохранится неопределенно долго, но уже не в роли всевластного и суверенного вершителя судеб своей страны, а в качестве одного из звеньев механизма регулирования глобальных процессов.

Примечания

¹ Верейский В. В. Научная мысль как планетарное явление. М., 1991. С. 201–242.

² Там же. С. 144.

³ Ломов Ж. Е. Философия человека. М.; Л., 1935–1937. С. 117. Куратором издания стала автор данной статьи.

⁴ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшему развитию. Документ утвержден Д. А. Медведевым 18 октября 2008 г.

⁵ Мишнев Н. М. Стратегия развития // Знание — сила. 1986. № 3. С. 32.

⁶ Мишнев Н. М. Быть или не быть человечеству? М., 1989. С. 42.

⁷ См., например, выступление президента Чехии В. Клауса Токио 8 сентября 2008 г. (Klaus V. Cilek. *Global Warming Altruism and the Moral Politeness Society's Agenda* // *Economic Affairs*, 2009, March, P. 45–47).

Список рекомендуемой литературы

Доклад «Развитие человека 2007/2008». Ст. 2. Климатические аспекты, риски и устойчивость в мире неравенства. М., 2007.

Земля в Арктике // Независимая газета. 2008. 25 июня.

Мишнев Н. М. Быть или не быть человечеству? М., 1989.

Шанько Ю. В. Еще один успешный план: // *Мировая экономика и международные отношения*. 2010. № 8.

The International Energy Outlook 2009. (IEO2009). U.S. Energy Information Administration — 2009. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.eia.doe.gov/oiel/ieo>.

Sachs J. *Globalization in the Era of Environmental Crisis*. UNCTAD. 14-th Raoul Pothier Lecture, 2009, September 15.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Развитие системы международных отношений — мироустройства в целом — определяется сочетанием объективных и субъективных факторов. Объективными можно считать те из них, текущая динамика развития которых не определяется направленными действиями субъектов и не поддается целенаправленному изменению. Субъективные компоненты задаются действительностью различных единичных сил государственной и негосударственной природы. При этом определяющими для активности субъектов являются не только воздействия на них объективной реальности, но и результаты внутрисубъективных процессов. Важнейшей частью внутрисубъективной жизни являются идейно-психологические процессы. Между людьми осуществляется обмен информацией и продуктами ее осмысления. Содержание идейно-психологических процессов выстраивается в результате процессов индивидуальной и коллективной идейно-психологической *рефлексии*¹.

Сущность и социальные функции идеологической рефлексии

Рефлексия — мыслительное отражение окружающей реальности, которое формируется в сознании человека в связи с целенаправленной деятельностью, на основе отделения собственной личности и деятельности от ее объекта и условий². Социальная природа мышления и речи обусловила то, что кроме индивидуальных рефлексивных процессов развиваются коллективные. Содержание и направленность рефлексивных процессов определяет поведение индивидов и сообществ. При этом продукты рефлексии — идеи, представления, установки формируются не просто как результат непосредственного отражения действительности, но и как итог его сочетания с предыдущими результатами рефлексии. Благодаря коммуникации одни и те же идеи и эмоциональные состояния могут быть предметом рефлексии миллионов людей.

Благодаря коллективным рефлексивным процессам индивид может определять свое существование не только текущими потребностями, но и ориентироваться во времени целями, значимыми для всего сообщества. На этой основе всегда строилась идейно-психологическая составляющая борьбы за власть и собственность.

Каждый человек, чтобы понять, что такое внешний мир и как в нем себя вести, вынужден задумываться о том, кто он сам, что собой пред-

ставляет сообщество, к которому он принадлежит, и что нужно сделать, чтобы выжить в тех условиях, в которые он поставлен жизнью и историей. То же самое происходит с сообществом людей — в сознании каждого в отдельности и в общественном сознании всей общности формируется представления о том, кто такие «мы» — члены сообщества и «они» — истинные субъекты. На основе такого вычисления — самозащиты — вырабатываются мотивы поведения.

Внутри сообщества определяющими оказываются идеи, представления и психологические состояния, которые характерны для доминирующей в нем социальной группы. С помощью идей, которые выдвигает элита, определяются долгосрочные и сверхдолгосрочные цели активности социума. Из выработки задает параметры текущих задач и позволяет расставлять приоритеты.

Из идей, представлений и установок, задающих целенаправленные деятельности и развития сообщества, образуются системы, используемые в социальной организации и управлении, — *идеология*. Любая совокупность целенаправленных идей, обретающая системную форму — четкие взаимосвязи постулатов, внутреннюю логику и выраженную мотивационную направленность, — превращается в идеологию.

Религиозные, а затем и светские идеологии служили основой для выработки сценариев желательного и необходимого будущего для государства и других социальных субъектов. Идеологии обозначают социально значимые долговременные цели и подкрепляют стремление к их достижению волевым импульсом. Функция идеологии — организационно подкрепленная мобилизация усилий, ресурсов, духовных возможностей общества, направленных на достижение долговременных и сверхдолговременных целей его жизнедеятельности⁶.

Идеологическая рефлексия представляет собой процесс целенаправленного отражения в сознании сообщества социально-политической реальности. Она направлена на формирование мотивации к выбору стратегий и средств реализации долгосрочных моделей политического поведения, встроенных на побуждении к социально-организационным преобразованиям или к консервации текущего состояния общественных отношений.

Идеологическая рефлексия всегда ориентирована на долгосрочную целостную и целевую мотивацию деятельности. Такая ее функция позволяет обосновать и оправдать текущие политические действия господствующих элитных групп более высокими целостными приоритетами, более отдаленными, предположительно достижимыми целями. Управленческие действия элит, какими бы прагматическими они ни выглядели, всегда основаны на вере в их продуктивность и представле-

них гинетического характера о том, к каким результатам могут или должны привести. По своей сути такие гипотезы недоказуемы в реальной временной перспективе или в принципе. Поэтому в мировой политике процесс выработки долгосрочного идеополитици и поведенци всегда носит идеологический характер.

Наука не может предложить эффективные методы долгосрочного прогнозирования в мировом масштабе. Показателен пример долгосрочных прогнозов, которые строились в 1960–1970-х годах — на бере увлечения футурологией. Даже самые фундаментальные из них мало соотносимы с современными реалиями. Основная часть прогнозов того времени не содержит даже намека на многие важнейшие тенденции последующих десятилетий.

Идеология, напротив, всегда предлагает четкие сценарии будущего, зачастую привлекательные, порождающие у тех, кто в них верит, эмоциональный подъем. Другой вопрос — осуществимы ли эти сценарии в принципе. Любые идеи и концепции, на которых строится политическое, в том числе и внешнеполитическое решение, результаты которых связаны с долгосрочными целями, всегда в большей или меньшей степени основаны на гипотезах, а поэтому содержат элементы идеологического характера.

От идеологического универсализма к глобализму

Наиболее развитые идейно-политические системы развивались как сценарии будущей общественной организации, претендующие на универсальное применение. В этом общественная мысль существенно опережала развитие социальных структур и отношений. Наиболее продвинутые идейно-политические системы претендовали на применимость не только для того сообщества, в котором они возникли, но и для всей ойкумены. Таковы представления об идеальной общественной организации и принципах управления, сложившиеся в «мировых религиях».

Объективные социально-экономические основы развития перелицованных идеологий возникли лишь со становлением капиталистических отношений, а также института национального государства в Европе. Сформировавшееся в лоне еврокристианской цивилизации рациональное мышление дало жизнь светским идейно-политическим системам, претендующим на универсальное применение. Выработанные ими идеологические модели господствовали в мировой политике на протяжении нескольких столетий. Благодаря этому с середины XVI в. и до середины XX в. Большая Европа оставалась центром развития идейно-политической жизни.

Две основные социально-этические системы стали фундаментом наиболее значимых универсалистских идеологий. Одна этическая система строилась на представлениях о том, что высшей общественной ценностью является свобода — либерализм, а другая — что справедливость — социализм. Обе системы исходили из сходного понимания принципов и ценности равенства, порожденного развитием товарно-денежных отношений и переходом к преимущественно экономическому принуждению. Однако они по-разному интерпретировали пути к его достижению, фактически осуществляли и «конечные» цели⁶. В середине XX в. советский коммунизм и американский либерализм стали важнейшими идеологическими компонентами миропорядка.

Комплексная конкуренция СССР и США, развивавшаяся в глобальных масштабах, способствовала качественным изменениям в психологии и мировоззрении элит и экспертно-идеологического сообщества сверхдержав. Сформировался особый тип мышления элит, который можно охарактеризовать как *глобалистский*. Идеино-психологические принципы мышления продолжали тренды, заданные универсалистскими идеологиями. Они были не просто ориентированы на формулировку универсальных целей, но нацелены на планирование и осуществление соответствующей деятельности.

На развитие такого внешнеполитического мышления советского и американского истеблишмента влияло несколько факторов, выходящих за пределы глобальных категорий. Во-первых, наличие военно-политических блоков и развитие системы союзнических обязательств США и СССР, а также зон военного и политического присутствия по всему миру. Во-вторых, борьба за влияние на мировую периферию и нейтральную часть государств. В-третьих, появление ядерного оружия и установление военно-стратегического паритета, превратившие потенциальную войну между СССР и США в глобальную.

Глобалистское политическое мышление отличается от универсалистского его менее утопической характер. Либеральной и социалистической универсализм обозначали отдаленные цели, выводили из них систему всеобщих ценностей и предлагали набор рецептов их достижения. Глобалистские идеологические системы формулировали более конкретную программу действий и предлагали набор мер для осуществления преобразований. Их гипотетически достижимой целью предполагалось видоизменение всего мира. Для глобалистского мышления характерно сочетание текущих действий с долгосрочными процессами обдумываемого характера — аргументизация, выстроенный в логике идеологического целеполагания.

Формирование глобальных проблем 1970–1980-х годов

В условиях противостояния сверхдержав возникли основы для укрепления сил, стремившихся дистанцироваться от политико-идеологического конфликта СССР и США. Это были версии идей о конвергенции и «третьем пути». Конвергенция предполагала возможность соединения лучшего, что есть в этических принципах и основах социально-экономической организации планового социализма и рыночного капитализма. Такой посыл стал основой социал-реформистских и социал-демократических идей. Они были использованы при восстановлении экономики стран Западной Европы в послевоенный период.

Варианты идеи «третьего пути» были заложены в идеологию Движения неприсоединения, объединившего развивающиеся страны, которые пытались лавировать между сверхдержавами. В неясной форме сходные устремления обозначились и внутри социалистического лагера — в форме попыток построить в некоторых странах «смешанную» версию социализма (Югославия, Венгрия).

В Западной Европе представления о «третьем пути» получили развитие главным образом в форме социал-демократических и социал-реформистских инициатив. С конца 1960-х годов эти инициативы стали приобретать глобалистские черты, отличные от сверхдержавных версий глобализма. Сформировались группы западноевропейских элит, интересы которых не вскрывались параметрами холодной войны и выходили за пределы капиталистической системы.

Рост экономической взаимозависимости, скрепленной общими финансово-экономическими институтами и транснациональными связями, стал превращаться из западного в глобальное явление. Экономическая интернационализация, развивавшаяся наиболее интенсивно именно между США и странами Западной Европы, стала постепенно охватывать развивающиеся страны и даже отчасти социалистическую систему. Это оказывало возрастающее влияние на внешнеполитическое мышление представителей крупного бизнеса и политической власти стран ЕЭС.

Идеологическому оформлению глобальных интересов не только американских, но и западноевропейских элит способствовали процессы их транснационализации. Элитные группы, мыслящие глобалистскими категориями, принадлежавшие не к либерально-глобалистскому, а к реформистскому течению, формировались и в США. Однако условия противостояния сверхдержав не позволяли им выступать столь активно с идеями «третьего пути» и реализовывать свои политико-идеологические инициативы, как европейцам. Европейские транснациональные

корпорации (ТНК)² обладали большими возможностями, чем американские, формировать экономические связи не только внутри Запада, но и с развивающимся миром и с социалистическими лагерем³.

Реформизм как тип политического мышления впервые был выведен за пределы применения в рамках одной государственной системы и стал рассматриваться как подход к преобразованию мировой экономики и международных отношений. Отдельные реформистские идеи использовались для организации экономической системы «западного сообщества» и регулирования общественно-политических процессов в ней, а также в процессах европейской интеграции. Но лишь в 1970-х годах были сформулированы первые глобалистские реформистские программы переустройства всего мирового порядка. В основу идеологии глобалистского реформизма легли идеи формирования *глобальной* «американо-японского» как фундамента международных отношений.

Первым постромыслием идеологии реформистского глобализма была концепция «глобальных проблем». Она была разработана Римским клубом, созданным в 1968 г. неформальным объединением представителей экспертного, экономического и политического сообщества ведущих стран Запада. Клуб совмещал функции международного «мозгового треста», идеологического и пропагандистского центра. Он был связан с крупным западноевропейским транснациональным бизнесом.

На площадке Клуба впервые началось обсуждение глобальных проблем: дефицита топливно-энергетических и продовольственных ресурсов, роста народонаселения, бедности, гонки вооружений, неравномерности экономического и научно-технического развития различных регионов мира, освоения космического пространства и Мирового океана⁴. Идеологи клуба стремились сформировать концептуальные и ценностно-идеологические основания для поиска решения проблем выживания и развития человечества. Они рассматривали человечество как формирующуюся экономическую, а в перспективе и политическую целостность. Сама гипотеза единства и взаимозависимости человечества несла в себе идеологический заряд.

Работа Клуба была нацелена на выявление препятствий на пути развития капиталистической системы и разработку национальных инструментов *регулируемого* развития мира. Клуб подчеркивал, что не следует видеть мир выстроеным на основе противостояния сверхдержав. В докладах подчеркивалось, что в условиях взаимозависимости проблемы одного государства оказывают влияние на всю мировую экономику и каждое государство. Соответственно, взаимозависимость диктует необходимость поиска глобальных средств решения мировых проблем.

Идея о многосторонности как об основном принципе решения «глобальных проблем», предложенная Римским клубом¹, развилась впоследствии в концепции, воспринятые не только реформистскими силами, но и частью либеральных. Речь шла о принципе коллективного участия субъектов международных отношений в совместном принятии решений и управлении миром через многосторонние институты².

Ключевую роль в популяризации идеологии реформистского глобализма сыграли видные европейские деятели Социетера — канцлер ФРГ В. Брандт и канцлер Австрии Б. Крайский. Поддержку призывам коллективно решать «глобальные проблемы» выражали и сторонники умеренного либерального прагматизма — государственный секретарь США Г. Киссинджер, президент Франции В. Жискард Д'Эстен. С конца 1970-х годов представления о глобальных проблемах послужили основой представлений о «глобализации». Эта идея стала одной из наиболее распространенных объяснительных схем, используемых большинством западных экспертов, идеологов и политиков для обоснования своего видения перспективы мирового развития.

Внимание к «глобальным проблемам» возросло под влиянием «нефтяного шока» 1973—1974 годов и последовавшего экономического спада. Он продемонстрировал фактическую взаимозависимость экономических систем отдельных государств и мировой экономики в целом³. Однако различия позиций государств Запада вызвали неготовность руководств ведущих держав Запада к адекватному коллективному подходу в решении глобальных проблем.

Отличные от реформистских идей Римского клуба либерально-консервативное видение глобальных проблем в путях их решения предложила Тресторонняя комиссия. Она была создана как неформальной консультативной орган, объединивший представителей экспертного и политического сообщества из США, Канады, ЕЭС и Японии. По названию Комиссии сформированный ею комплекс идей получил наименование «трилатерализм». В поле внимания Комиссии оказались: энергетический кризис, отношения с ОПЕК, ситуация на Ближнем Востоке, распространение ядерного оружия; «разрядка» в отношениях с СССР, отношения с КНР, взаимодействие с развивающимися странами, вопросы использования ресурсов и пространства Мирового океана, функционирование мировой финансовой системы, проблемы регулирования международной торговли, реформирование глобальных политических институтов.

Составляющими идеологии «тресторонности» стали либерально-институционалистское видение и система глобальной «миссии» индус-

тринально развитых демократий¹⁷. Перед идеологами Тресторонней комиссии стояла задача выработать новые идеологические основы единства и коллективного лидерства Запада. «Взаимозависимость» понималась не просто как определяющая тенденция, а как ценностная основа развития отношений между тремя центрами капиталистической системы. Идея «тресторонности» стала одной из основ создания в 1975 г. «группы семи».

В начале 1980-х годов возникло еще одно глобалистское направление, основные идеи которого были сформулированы неоконсерваторами США. Его представители мыслили категориями не столько взаимной взаимозависимости, сколько американского лидерства. Экономическим идеалом этой группы было осуществление принципов свободного рынка в глобальном масштабе. Неоконсерватизм выражал стремление части американских элит, связанных с топливно-энергетическими и военно-промышленными корпорациями, закрепить ведущие позиции США. В интересах глобального переустройства под американским руководством предполагалось более жесткое давление США на главного противника — СССР.

В 1980-х годах неоконсерваторы потеснили сторонников реформистского и либерально-институционалистского глобализма. Но последние сохранили некоторое влияние. Новые подходы к решению глобальных проблем предложили Солдатов и близкая к нему «комиссия В. Брандта», объединившая социал-демократические и либерально-реформистские силы из Западной Европы и США. Комиссией были выдвинуты идеи «устойчивого развития» (*sustainable development*), основывавшиеся на предположении о том, что мировым развитием необходимо управлять, обеспечивая устойчивость его восходящих трендов и выравнивая структурные диспропорции.

В 1983 г. в резолюции XXXVIII сессии ГА ООН провозгласил принят сформулировать «повестку дня для глобальных изменений». Концептуальные основы «устойчивого развития» были развиты в ряде докладов Комиссии ООН по окружающей среде и развитию, возглавлявшейся Г. Х. Брундтаг (прежде всего в докладе «Наше общее будущее»¹⁸). Концепция «устойчивого развития» предполагала не только создание мировой системы согласования позиций и решений по глобальным вопросам, но и подход к мировому развитию как единому процессу, который можно направлять на высшем международном уровне в соответствии с целями сохранения среды обитания.

Возникли идеи о согласовании внутрисударственного и междусударственного уровней управления. В связи с концепцией «устойчивого

развития» стал употребляться сам термин «глобальное управление» (*global governance*). Был поставлен вопрос о наднациональном регулировании использования пространства космоса, Мирового океана, Антарктики, а также ряда видов деятельности, связанных с глобальными рисками. Такой подход, несмотря на его гуманистический и природоохранительный характер, имел в своей основе и материальную заинтересованность развитых стран.

Разработка и пропаганда идей «устойчивого развития» получала поддержку со стороны фондов и общественных организаций, связанных с ТНК. Она представляла идеальную основу для выведения из-под контроля отдельных правительств вопросов эксплуатации природных ресурсов и экосистем. Это могло дать конкурентные преимущества наиболее мощным ТНК, обладающим большими технологическими возможностями для ведения более чистой добычи полезных ископаемых и создания производства, отвечающих строгим экологическим стандартам. Идеи об «устойчивом развитии» и защите природы превращались в инструмент экономической конкуренции.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов идеи «устойчивого развития» стали увязываться с представлениями о том, что негосударственные субъекты — прежде всего ТНК и силы «глобального гражданского общества» — наряду с государствами должны принимать участие в решении глобальных проблем. Сторонники такого подхода выступали за расширение полномочий ООН, создание специализированных институтов «глобального управления» для установления их юрисдикции над природными сферами общего пользования — атмосферой, Мировым океаном, космическим пространством, важнейшими естественными экосистемами Земли¹⁵. Создание системы глобального управления некоторыми пространствами и видами деятельности разрешило бы наиболее развитым государствам и ТНК сформировать такие условия деятельности для остальных субъектов, которые бы не позволяли в долгосрочной перспективе развиться сильным экономическим конкурентам.

Важнейшей составляющей идей об «устойчивом развитии» была представление о глобализации как об оправдающей тенденции мировой экономики и политики, которая размывает суверенитет государств.

Рефлексия противоречий мироустройства 1990-х и 2000-х годов

Структура международных отношений, существовавшая в бикультурном миропорядке, задавала параметры развития всех глобальных и внутригосударственных процессов. Единство противоположностей либерализма и социализма формировало контекст развития идейно-полити-

ческих тенденций. При этом наличие двух «полюсов» служило основой развития широкого набора идеологических альтернатив в «центральной зоне». С завершением bipolarного противостояния эта зона мирового политического пространства стала сжиматься, а влияние идеологии «третьего пути» резко сократилось.

Вместе с распадом СССР произошло снижение значимости идеологически-политических систем левого спектра — не только коммунистических, но и социалистических, социал-демократических, социал-реформистских. Поиск «третьего пути» перестал выглядеть актуальным. Стало казаться, что наступил «золотой век» либерализма. Этому способствовало то, что советский коммунизм был скомпрометирован при активном участии его бывших идеологов и сторонников.

Либеральные и либерально-консервативные ценности стали рассматриваться как победившие и единственно верные. При этом либеральный глобализм переживал эпоху эволюции, но одновременно демонстрировал признаки нового замедления идеологического саморазвития. Выделяемые его идеологами концепции стали затерты и упрощенности слов и стратегий. Стали заметны симптомы догматизации.

США оказались в положении единственной сверхдержавы, стремящейся вместе с союзниками или в одиночку направлять мировое развитие. Распространение получили представления о том, что во всем мире на смену всем иным ценностным системам приходит либеральная. На этой основе были сформированы представления о «демократическом транзите» как о едином пути для всех государств и о «распространении демократии» — желательном и политически необходимом способе поддерживать процессы трансформации государств в соответствии с либеральными экономическими и политическими стандартами. В американской внешнеполитической идеологии эти идеи были трансформированы в концепцию «расширения демократии», ставшую одной из идеологических основ продвижения НАТО на Восток¹⁷.

Американские и европейские либералы-глобалисты восродили либерально-универсалистскую концепцию «демократического мира». В ее основе лежит идея о том, что рыночные демократии разделяют общие ценности и поэтому невраждебны друг другу, а значит, распространение либеральных ценностей далеко не приведет к ликвидации войн и достижению глобальной безопасности. Американские сторонники такого взгляда в 1990-е годы считали, что распространение демократии может идти любыми средствами, в том числе силовыми, потому что оно является «высшим благом» и его осуществление является залогом обеспечения глобальной условий национальной безопасности США.

Идея создания мира, состоящего преимущественно из либеральных демократий, увязывалась с представлениями об экономической глобализации, рассматривавшейся как неизбежный и необратимый процесс. На таком идеологическом фоне «глобальные проблемы» понимались как приоритетные задачи, которые при условии развития глобализации и распространения демократии должны были решиться сами собой.

В начале 2000-х годов сторонники неоконсервативного глобализма, вновь пришедшие к власти в США, начали трактовать концепцию «демократического мира» еще более прямолинейно. Они увидели представления о «распространении демократии» и необратимости глобализации с мессианским пониманием американской роли в этих процессах и в миропорядке. Американские версии либерализма, развивавшиеся вместе с США как государством, всегда существенно отличались от континентально-европейских либеральных идейно-политических систем. Американский либерализм всегда был в большей степени не столько набором политико-экономических концепций, сколько этико-идеологической системой¹⁷.

Эти различия усугубились с тем, как американский либерализм — в форме либерально-институционалистского и неконсервативного глобализма — стал основанием для интервенционистской внешнеполитической практики США¹⁸. В 1990–2000-х годах практика преобразования других государств при помощи силового вмешательства вновь не способствовала обложению позиций сторонников неоконсервативного глобализма с представителями других, в том числе и либеральных идеологических направлений.

На фоне вовлеченности США в процессы формирования нового миропорядка при помощи войны и интервенций стало расти влияние антиамериканства — идейных систем, сторонники которых не принимали американскую внешнеполитическую и экономическую идеологию и практику. В разных частях мира стали набирать силу разнообразные идеологическая, политическая и силовая оппозиции распространению американского влияния. Ее субъекты были многочисленны и зачастую никак не взаимосвязаны друг с другом, но объединены борьбой против общего противника. Среди них были государства, общественные движения и неправительственные организации, транснациональные террористические организации.

Влияние антиамериканства возросло с началом осуществления США и их союзниками военных операций в Афганистане (2001 г.) и Ираке (2003 г.). В мусульманском мире и его анклавах, возникших благодаря иммиграционным процессам в странах Запада, антиамериканизм приобрел религиозно-политические черты. Заметную для некоторых исла-

мистов борьба с США превращается в борьбу с Западом, с еврохристианской цивилизацией и ее ценностями. Такому развитию событий немало способствовал мессианский пафос и догматизм идеологов неоконсерватизма, который широкую руку сторонникам исламистского радикализма, изображавших действия США в зонах традиционного распространения ислама как «новый крестовый поход».

В начале 2000-х годов распространение антиамериканизма совмещалось с альтерглобализмом — другой, не менее значимой мировой тенденцией. В этот период началось стихийное осознание общественностью не только положительных, но и отрицательных аспектов глобализации. Разные слои общества стали воспринимать ее конкретнее — через призму тех реальных проблем, которые она порождает не для стран и правительств вообще, а для каждого человека. Стал приобретать влияние идейно-политическое течение, направленное против глобализации или против господствующих либеральных форм ее развития. На этой основе в США и ЕС возникли антиглобалистские и альтерглобалистские движения, которые распространились на ведущие развивающиеся страны.

Эти движения по большей части были представлены оппозиционными политическими силами, но пользуются косвенной поддержкой ряда государств — развитых и развивающихся (прежде всего в Латинской Америке). Им симпатизируют некоторые международные организации и группы транснациональной элиты. В 2000-х годах альтерглобалисты попытались перевести у представителей «старого» реформистского глобализма инициативу и переосмыслении новых глобальных проблем, выдвинув свои версии требований «глобальной социальной справедливости». Такому повороту способствовало то, что социал-демократический и либерально-реформистский глобализм не смог выработать развернутой программы решения глобальных социально-экономических, экологических проблем.

На протяжении первого десятилетия XXI в. реформистские силы дрейфовали в сторону либеральных идей, забывали их, занимали по отношению к ним конформистские позиции, шли на уступки и терпели завышения прошлых десятилетий. В реформистской среде укрепилось влияние представлений об утрате государством роли в решении социальных проблем, предпринимались попытки найти пути замены государства национальными или международными институтами.

Получили развитие противоречия между глобалистскими идеологическими направлениями и теми идеологиями, на основе которых они выросли. В США и ЕС это прослеживается в отношении между различными версиями либерального глобализма с классическим

либерализмом, а также между реформистами-глобалистами и теми, кто придерживается социал-демократической идеологии.

В основе противоречий между течениями лежит различное понимание роли государства в будущем мироустройстве. Для глобалистов государство — лишь один из возможных инструментов осуществления принципов и возмещения ценностей, которых они придерживаются. Всесмысленное распространение этих принципов воспринимается в контексте представлений о «размывании суверенитета» и даже исчезновении государства, которые рассматриваются как важнейшие проявления глобализации. Предполагается, что государства будут вынуждены передать значительную часть полномочий наднациональным глобальным институтам. На этом строится большинство идей «глобального управления».

Для традиционных либералов государство — гарант принципов демократии и соответствующих ценностей, потому что его деятельность основывается на передаче тем народом властью полномочий на основе соблюдения демократических процедур. Режимы, прошедшие к власти с применением этих процедур, рассматриваются как легитимные. Такой взгляд они переносят на международные отношения. Либералы-глобалисты, в отличие от традиционалистов, не считают государства равными в своих правах субъектами мировой политики. Они считают возможным использовать этико-идеологические критерии для ранжирования государств и для замены, в том числе и силовой, тех правящих режимов, которые не соответствуют набору либеральных ценностей и принципов.

Для либералов-глобалистов ценностные критерии являются основой для определения легитимности того или иного режима. Для реформистов-глобалистов государство выступает как структура, на замену которой должны прийти институты обеспечения «глобальной социальной справедливости». Для традиционных социал-демократов, придерживающихся подходов, сформировавшихся в рамках этикостской идейно-политической парадигмы, только государство может служить механизмом системы социальных гарантий и обеспечения справедливости.

Идейно-политическое восприятие мирового финансово-экономического кризиса конца 2000-х годов

Новый виток развития глобальных идеологических процессов привел к кризису. Он оказал реорганизующее воздействие не только на социально-экономические, но и на политические процессы в жизни большинства государств и на международном уровне. Многие идейно-политические и политические тенденции, связанные с финансово-экономическим кризисом, уже проявились, однако опыт предшеству-

конец кризисов показывает, что существенные идеологические эффекты кризиса могут быть отложены во времени на несколько лет.

Кризисные явления и попытки их приостановить породили тенденции, связанные с возвращением, укреплением и развитием государственного участия в социально-экономической жизни развитых и развивающихся стран. Расширение участия государства в социально-экономической жизни общества стало, возможно на время, доминирующей глобальной тенденцией. В условиях, когда многими государствами, включая лидеров мировой экономики, оказывается широкомасштабная поддержка ведущим национальным компаниям и ТНК, формируется новая система социально-экономических отношений между бизнесом и государственными властями. Во многих странах возникает предпосылка развитию новых видов государственного капитализма, каковыми являются успешным в прошлом.

Современные формы государственного вмешательства в различных группах государств отличаются от тех, которые существовали в период мирового кризиса 1929–1930-х годов. Главное отличие современных социально-экономических и политических процессов, связанных с повышением значимости государственного регулирования, в том, что они разворачиваются в условиях глобализации. Финансово-экономический кризис не тормозит и не превращает глобализационные тенденции. Он их стимулирует, задавая новые параметры экономической глобализации, которые неизбежно отразятся на ее организационно-политическом оформлении и идеологическом оправдании.

В мировой экономике и политике повышается значимость государств, которые сформировались на культурной и идеино-психологической основе, отличной от европейской и евро-американской. Прежде всего, это — Индия и КНР, значительно легче преодолевающие экономический кризис. Эти государства ищут собственные пути развития, но при этом их элиты настроены на расширение участия в глобальных трансформациях. Их международное влияние возрастает. Они открыты для восприятия западных идей и подходов и, в то же время, сами являются источниками идейного и практического преобразования идеологических систем, сформировавшихся в предшествующем миропорядке. Индия движется по либерально-элитаристскому пути, КНР не отказалась от проекта построения рыночного социализма, сочетаящегося с конфуцианскими принципами.

Кризис усугубил неравномерность социально-экономического развития различных государств. Она дополняется непреодолимым неравенством военно-политических, научно-технологических, ресурсных,

восточных социальным, возможностей развитых, ведущих развивающихся и слаборазвитых стран. Вопрос возникает основания для обсуждения проблемы социальной справедливости. Возрождается внимание к глобальным проблемам — энергетическим, экологическим, продовольственным. Они становятся предметом активных международных дебатов.

***

Обострились с кризисом проблемы национального и мирового развития сформировали объективные предпосылки для расширения социально-политической базы различных версий социал-реформистских идей — глобалистских и традиционных. Кризис повысил значимость национального экономического регулирования, в особенности в странах — лидерах мировой экономики — делает его важным не только для них самих, но и для других государств.

В то же время он побудил различные группы государств и негосударственных субъектов к усилиям для формирования новых национальных механизмов политико-экономического регулирования, а также структур, обеспечивающих контроль над внутренним экономическим регулированием в отдельных государствах. Повысился интерес развитых и ведущих развивающихся стран к международным официальным и неформальным институтам. Общезначимый характер кризисных явлений придает дополнительные стимулы развитию субъективных усилий, направленных на коррекцию направленности развития глобализации и закрепление ее результатов. Мир стоит на пороге нового витка глобальных идеологических процессов и связанной с ними политической борьбы.

Примечания

¹ См.: Лоффер В. Конфликтуальная структура // Рефлексивизм, М.: Когито-Центр, 2003. С. 17–20.

² См.: Баршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. М.: Наука, 1974. С. 118–122.

³ Подробнее см.: Бокланов М. А. Политико-экономический анализ социально-территориальных систем. Основы методологии и теории. М.: Аспект Пресс, 1994. С. 85–92.

⁴ Подробнее см.: Алексеев Г. А. Справедливость как политическая концепция. Опыт современного западных дискурсов. М.: МОВИФ, 2001.

⁵ С 1960 по 1973 г. в период экономического кризиса страны Западной Европы выросли почти в 3 раз (с 21,3 до 60 млрд. долл.). За тот же период американские страны иностранных инвестиций выросли почти в 3,5 раза (с 11,9 до 187,2 млрд. долл.). Данные приводятся по: Холлоу Э. С., Алленов К. Р., Рубинштейн К. Р. (ред.). Экономика Европы в системе международных отношений. М.: Мысль, 1978. С. 20.

⁶ В 1973 г. совокупный экспорт товаров и услуг из стран ЕСН составил около 112 млрд. долл., а в то время как экспорт из США — около 43 млрд. долл. См.: Кинг К. The

Power of Nations. The Political Economy of International Relations. N.Y.: Basic Books Inc, 1995. P. 139.

¹ См. докладны Keyfitz, Meadows D et al. The Limits-to-Growth. A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. N.Y.: Universe Books, 1972; Meadows M, Pease E. Mankind at the Turning Point. N.Y.: Dutton, 1974; Tinbergen J. (co-ordinator). RIO Report: Reshaping the International Order. N.Y.: Dutton, 1976; Lucas E. (ed.). Goals for Mankind. N.Y.: Dutton, 1977; De Montbelot Th. (ed.). Energy, the Countdown. Oxford: Pergamon Press, 1978. 8 pp.

² См.: Tinbergen J. (co-ordinator). RIO Report: Reshaping the International Order. N.Y.: Dutton, 1976. P. 44–45.

³ См.: Каманин Э. Я. Мировой порядок и мировое развитие. М.: РОССИЭН, 2005. С. 348.

⁴ Зависимость экономики США в 1972 г. (перед кризисом) от экономики стратегически-ослабленных НС, Западной Европы – 62%, Японии – 30%. См.: Anden T. O. OFIC and the Industrial Countries: The Next Ten Years // Foreign Affairs. 1975. Vol. 53. No 4.

⁵ См.: The Crisis of International Cooperation. Trilateral Political Task Force, 1973 / Trilateral Task Force Reports 1–3. The Triangle Papers. N.Y.: N.Y. University Press, 1973.

⁶ См.: Our Common Future: The Report of the World Commission on the Environment and Development. Oxford: N.Y.: Oxford University Press, 1987.

⁷ См.: Our Global Neighborhood. Report of the Commission on Global Governance. Oxford: Oxford University Press, 1995.

⁸ Подробнее см.: Системная историко-международная оптимизация / Под ред. А. Д. Батурина. М.: ИОФМО, 2003. Т. 3. С. 328–341.

⁹ Об эволюции в современности американского либерализма см.: Харп А. Либеральная традиция в Америке. М.: Прогресс-Академия, 1993.

¹⁰ Сперд Э. Imperial Liberalism // The National Interest. 2005. No 79. Spring; Litton A. Wolfish Whimsies: Existential Dilemma of the Liberal Internationalists // Orbis. 2006. Vol. 50. No 2. Spring.

Список рекомендуемой литературы

Каманин Э. Я. Мировой порядок и мировое развитие. М.: РОССИЭН, 2005.
Батурина А. Д., Косилкина Н. А., Хрусталева М. А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: ИОФМО, 2002.

Войцеховский Ф. Г. Единство и разобщенность Запада. Нервно-генетическое отягощение и сознание: опыт США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940–2000-е годы. М.: Изд-во «Крифт», 2007.

Транснациональное политическое пространство / Отв. ред. М. В. Стрелкова. М.: ИОФМО РАН, 2010.

Global Governance. Critical Concepts in Political Science / T. J. Sinclair (ed.). N.Y.: Routledge, 2004.

Report M. Ideologies of Globalization: Contrasting Visions of a New World Order. N.Y.: Routledge, 2009.

Tinbergen J. (co-ordinator). RIO Report: Reshaping the International Order. N.Y.: Dutton, 1976.

СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА В XXI ВЕКЕ

В начальных курсах международного права говорится о том, что идея права и правопорядка, противопоставляемая хаосу, произволу, является центральной в развитии человеческой цивилизации. Упрощенно говоря, право — это *нормы поведения*, которые (в отличие от норм религии, морали) обеспечиваются *властью*. На территории конкретного государства властью выступают разные уровни правового регулирования — прежде всего национальный (посредством национального права) и глобальный (посредством международного права). В отличие от национального (внутригосударственного) права в международном праве нет органа, стоящего *над* его субъектами, наказывающего их за правонарушения. Сами субъекты международного права — прежде всего государства — договариваются между собой о механизмах обеспечения выполнения правовых предписаний и ответственности за их нарушение.

Международное право как глобальный регулятор отношений между государствами

Международное право прошло длительный путь к его нынешнему состоянию, изменяясь по мере развития отношений между государствами. Его основное предназначение — *поддержание миропорядка, безопасности в мире, утверждение сильных, утвержденных международным экономическим и иным отношений*.

Сегодня любое государство — это часть межгосударственной системы. В ней есть иные компоненты, помимо государств: международные организации; международные судебные органы; народы в стадии становления государственности; государственно-подобные образования. Компоненты глобальной межгосударственной системы взаимодействуют прежде всего на основе международного права. Оно составляет основу стабильного, далеко не идеального, но взаимоприемлемого на данное время мироупорядка. Конечно, не только от него зависит судьба 7-миллиардного населения нашей планеты (достаточно напомнить о геологическом развитии Земли, особенно о взаимодействии ядра, мантии, земной коры; о «паре» планета, имея значение для жизни на Земле процессов в космосе). Но для поиска адекватного ответа и на такие планетарные вызовы сотрудничество государств необходимо, востребованы и его международно согласованные основы.

Отношения между государствами (системообразующие в международственной системе) регулируются международным правом: путем согласования воли государства, согласия одного государства с поведением другого или, напротив, посредством мирных усилий по изменению такого поведения на взаимоприемлемое. В этом — суть *любимого* правоведами.

Оно сущностно отличается от национального уровня регулирования. Международное право — не сводимый к набору норм, прописанных в конституции, принятой два века назад, текст которой с неизменным гурь продается в магазинах. Международное право — это юридическое состояние международных отношений в данном, выражающееся в современном сложившемся выраженной позиции, действия одного государства и реакции на это действие, позицию других государств. Иными словами, международное право «смыслится» поведением, а при его осуществлении привнесается волеизъявление в его содержание.

Предмет международного права — международные отношения; предмет национального права — общественные отношения внутри государства. Международное право регулирует отношения прежде всего между государствами, а также между ними и другими акторами (действующими участниками) многосторонней системы, причем в общепланетарном пространстве (надземном, подземном, морском, воздушном) и в космосе. А национальное право осуществляется постольку, поскольку действует государственная власть; его правят суды, но не субъекты права (граждане, юридические лица). Последние исполняют нормы национального права.

Международное право есть *необходимый* элемент межгосударственной системы. Только оно обеспечивает глобальный уровень миропорядка; оно юридически регулирует отношения между всеми государствами; отношения между государствами и международными организациями. А в конкретном случае — и между государством и иностранным лицом, юридическим или физическим. Международное право *обобщаемое*, с его нормами во необходимости согласны многие и многие государства. («Пожным не может быть многим народам принудительное мнение», — утверждал еще Геснад.) Многие принятые на высшем уровне документы обязывают повысить уважение к *архивному* праву в международных отношениях.

Итак, хотя и не без обзев, международное право функционирует в реальной жизни. В отличие от постулатов религии, морали нормы международного права юридически *обобщаемы*. Нарушение международного права влечет *ответственность*. Существует система *дружеско-*

ны для целей «обеспечения выполнения (fulfillment) норм международного права. Например, по решению Совета Безопасности ООН легитимно используемые силы. Но если даже в конкретном случае институт ответственности не реализован, *актаемые последствия* международного правонарушения проявляются в *политическом* плане.

Тем не менее из-за особенностей международного права его отличает иногда от «*вызываемого*» (маркиального) права: еще в XIX в. британский юрист Д. Аустин писал, что обязательства по международному праву не носят юридический характер, поскольку они «обеспечиваются моралью или страхом государства, суверенной спротиворечить общую вредность (*domina Anxietas*)». Сегодня эта точка зрения не *архаична*. Большинство государств в их реальной политике учитывают юридическую обязательность норм международного права, исходят из *недопустимой необходимости* выглядеть его нарушителем. Как проинито отмечено кембриджским профессором, «*почти все государства соблюдают почти все принципы международного права и почти все обязательства почти всегда*», а когда это не получается, то государство «*мобилизует значительные ресурсы в попытке показать, что это действительно, рассматриваемое исправительным другим государством или специалистами по международному праву, на своем деле согласуется с применимыми международно-правовыми нормами*».

На случайно сохраняется сегодня дискуссионность давнего вопроса — о соотношении международного права и реальной политики государства; о том, существует ли *конфликт* между *вызываемой* государства и международным *друзем*.

Международное право и политика государства

Это две неразрывно связанные стороны международной жизни. Международное право оказывает воздействие на политику государства, и наоборот. В конкретных ситуациях это взаимодействие разное. Классические напоминания о *взаимовлиянии «государственного интереса»* (как стороны политики) и *сверхоэкономи* мы находим еще у Н. Макиавелли (в его произведении «Государь», 1513 г.)¹ и у Ж. Бодеи (в его труде «Шесть книг о государстве», 1572 г.)².

Широко цитируемый пример — раздражение президента США из-за угрозы задержания посла в Вашингтоне (специалиста по международному праву) в том, что Вашингтон нарушил ряд договорных обязательств в 1961–1962 гг. (в связи с развитием событий «второго берлинского кризиса»). Согласно опубликованным воспоминаниям посла ФРГ, Белый дом распространил сообщение о том, что посол «*утомил прези-*

дента профессиональных конгрессовских советами», «капустинично толковал сугубо политический вопрос» и «благостно напоминал правительству Соединенных Штатов об их договорных обязательствах». Четыре десятилетия спустя премьер-министр Великобритании М. Тэтчер возражала против создания Международного уголовного суда, потому что такой суд, по ее мнению, может стать препятствием осуществлению политики и возможному присутствию Запада в разных районах мира.

Итак, политика и международное право, несомненно, взаимосвязаны. Последнее развивается под влиянием совокупности внешнеполитических курсов государств; достижение «общего знаменателя» при осуществлении государствами своей политики обеспечивается прежде всего дипломатией, в общем контексте современного международного права. При этом важно чувствовать «юридическую чистоту» достигнутого компромисса, выразить его «международно-правовым языком». В этом и состоит диалектическое единство политики и международного права.

В истории не раз случалось, что политика конкретного государства вступала в противоречие с международным правом. Примером тому служат не только агрессивная политика фашистской Германии накануне и в период Второй мировой войны. События после распада в 1991 г. Советского Союза тоже это подтверждают, что признают зарубежные политологи и юристы-международники: «Распад СССР в 1991 г. оставил только одну сверхдержаву в мире... Сейчас общепринято говорить о гегемонии США в имперских терминах... В последние годы гегемония США показала пренебрежение к международному праву. Они находятся в оппозиции к большинству многосторонних договоров... Еще более драматично то, что противоречиво-оценочное вторжение США в Ирак в 2003 году без четкого на то мандата Совета Безопасности ООН широко позиционируется как свидетельство реального правового вакуума США» — так пишут западные коллеги монографии, посвященной соотношению международного права и международных отношений (Д. Армстронг, Т. Фаррелл, Х. Ламберт, 2007).

В том же духе авторы оценивают «скептические, шипящие» комментарии А. Д. Амато о том, что США в своем конфликте с Никарагуа «дали ясно понять, что суть их политики состоит в свержении социалистического правительства Никарагуа (*to overthrow the Sandinista Government in Nicaragua*)». Отмечается, что это «явное нарушение основополагающих международно-правовых норм (*a clear violation of the most basic of international legal norms*)»¹.

В силу подобных случаев политика международного права будет мнение о том, что провозглашенное во многих документах верховен-

стве международного права в международных отношениях — фикция. Пишут и о том, что в международных отношениях политика, в том числе основанная на силе, доминирует над правом. Эти крайние мнения ошибочны.

И в древности знали: *Inter arma lex adest* (когда говорят оружие, законы молчат). «Могу ли я помыслить о законе, когда я вооружен», — заявляет прамудрый Помпей. И эти прошлые изречения, впрочем, не надо буквально понимать сегодня — и на войне действуют законы и обычаи войны. Некоторые нарушения международного права — не повод для международно-правового нигилизма. Факты убийства человека на территории государства — еще не повод считать, что на территории такого государства уголовное право не действует.

Как показала история, отдельные факты неправового, тем более силового решения вопросов международной жизни *не могут образовывать обычая права*. Но такие решения, не обеспеченные юридической чистотой, изначально создают нестабильность. Гуго Гроций еще в 1625 г. писал: «Народ, нарушающий право естественное и право народов, подрывает основу своего собственного спокойствия в будущем». Даже в том случае, когда нарушение международного права не повлекло привлечение к ответственности конкретного руководителя государства, последствия международно-правового нарушения неизбежно проявляются — негативно для государства-нарушителя. Как отмечается в коллективном труде юристов-международников, современная история (и особенно война в Ираке) должна служить серьезным предупреждением о том, что игнорирование принципов международного права, «даже при самых благих намерениях, может привести к катастрофическим результатам (*even aiming the best of intentions, may lead to catastrophic results*)». Об этих результатах говорят факты: «Неправомерное вторжение в Ирак уже унесло жизни более 600 000 иракцев, более 3000 американцев, но не принесло мир и стабильность этой стране»⁴.

В ядерно-космическую эру эпоху взаимозависимости более 190 государств, эру смертоносных эпидемий, глобализации, роль международного права растет. Благодаря ему предупреждается мировая война. (Еще Гроций сказал: «Страх возбуждает изобретения права, чтобы избежать наказания».) Посредством международного права улаживаются межгосударственные споры, удовлетворяются повсеместные человеческие потребности международного характера: международные телефонные переговоры, эфирная связь, в том числе международная; морские, сухопутные, воздушные международные сообщения, международная торговля. Осознается востребованность международно-правовых мер

для решения масштабных проблем глобального уровня: обудания международной проституции; нейтрализации последствий глобального потепления для человечества, ликвидации последствий или предупреждения наводнений, землетрясений, извержений вулканов, угрозы столкновения нашей планеты с небесным телом.

В современной мире политика тогда *справедливо* перспективна, когда она соответствует международному праву, опирается на него. *Неправильно* переоценивать роль международного права в решении конкретной политической ситуации, считая, что она регулируется *сама* по себе, без востребованного политического действия, коль скоро есть в международном праве применимые нормы. Но *некорректно* и *доказывать* эту роль, считая долговременной, например, политическую договоренность двух государств в нарушении *обязов* международного права. Международное право сегодня значи- тельно больше, чем когда бы то ни было ранее в истории человечества.

Особенности правового регулирования на глобальном уровне

Между национальным (внутригосударственным) и международно-правовым (глобальным, региональным, дуэсторонним) уровнями правового регулирования существует взаимосвязь. Национальные правовые системы оказывают влияние на формирование норм международного права. Международное право, в свою очередь, влияет на национальное законодательство, и это влияние возрастает. Принимая на себя международное обязательство, государство обязано обеспечить его выполнение на всей своей территории, в районах, находящихся под его юрисдикцией. При таком обеспечении государство опирается и на национальное право. В любом случае *важно* представлять дополнительное и запретное с точки зрения международного права, *во всей его целостности*.

Еще в старых отечественных учебниках по международному праву, например Н. Коркунова (1886 г.), Ф. Мартенса (1882 г.), можно прочитать о его *системности*. Компоненты современного международного права взаимосвязаны и взаимозависимы. Систему *международного права* чаще всего представляют как целостность его взаимосвязанных компонентов — *дисциплин, общеправовых норм, а также правил, сформулированных в них его источниками*. Все международное право подразделяют на отрасли (дипломатическое, консульское, морское, космическое). *Отрасль международного права* — это совокупность юридических норм, которые представлены соответствующими его источниками, прежде всего кодификационными конвенциями. Среди норм особое

значения имеют императивные нормы обычного международного права. Им должен соответствовать всякий заключенный государствами международный договор. К императивной норме относится та, которая «принимается и принимается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо».

Основой системы международного права является «*общее международное право*», т.е. совокупность международно-правовых принципов и норм, обязательных для всех государств. Раньше общее международное право было представлено только *обычными нормами* (в ряде решений Международного суда ООН отражена эта же точка зрения). В настоящее время есть международные договоры, в которых участвуют почти все государства, а не участвующие в таких договорах государства их соблюдают в качестве обычного международного права. Становится, что в таком качестве соблюдается не весь международный договор, а его часть.

Современное международное право — это в значительной степени развитие правовых установлений, заложенных в *Уставе ООН*, принятом в 1945 г. на фоне великой победы союзных государств (Советского Союза, США, Великобритания, Франция и др.) над фашистской Германией. Согласно Уставу, право государств на войну запрещено. Государства определяют средства разрешения споров. Обращение к силе в этих целях рассматривается как нарушение международного мира и безопасности. Государства могут обращаться к силе только в четко обозначенных Уставом ООН случаях (прежде всего в порядке самообороны). Осуществлены кодификация многих отраслей международного права, например дипломатического и консульского права, права международных договоров, международного морского права и др.

Значение норм международного права и его источников

Упомянулось уже, что нормы международного права создаются с согласия государств — субъектов межгосударственных отношений. Форма изъяснения согласия может быть различной. Согласие может быть, например, молчаливым. Различия обусловлены прежде всего *актом согласия*, в отношении которого государство выражает согласие. Источники права — это формы его выражения. В развитом национальном (внутригосударственном) праве формы его существования четко определены: конституция, законы и т.д. В международном праве нет определенно установленного перечня его источников. Главные в сохранении международного права — его *нормы*, обычные и договорные, основными источниками международного права являются *международные договоры и международные обычаи*. Кроме этих основных источни-

ков, Международному суду предписано при решении споров на основании международного права применять следующие:

- «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями»;
- «судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм» (ст. 38 Статута Международного суда).

Об этом многообразии источников международного права не надо забывать при анализе конкретной ситуации. Распространенная ошибка дипломата, не только начинающего: свести *все право*, применимое к конкретным международным отношениям, лишь к *одной конвенции* (еще хуже — к *одной, бедно цитируемой печаталке описью*), вырванной из контекста общего международного права, забывая фактора *составляемости* в международном праве.

Нормообразование в международном праве, если исторически оценивать, началось с формирования *международно-правовых обычаев*. Это такие правила поведения, которые, как отметил Международный суд ООН в деле «Никарагуа против США» (1986 г.), состоят из двух элементов: 1) объективного («общая практика») и 2) субъективного («признание ее в качестве права»). Иными словами, к международным обычаям относятся правила поведения, которые: складываются постепенно вследствие повторяющихся действий значительного числа государств (практика государств), признаются юридически обязательными субъектами международного права, т.е. наличествует, как отметил Международный суд в деле «Ливия против Мальты» (1985 г.), *animus iuris* — мнение, *убежденные государства в юридической обязательности таких правил*.

Международный обычай — основной источник международного права. Забывая этого ведем к некорректной международно-правовой квалификации конкретного действия государства, к предположению неоптимального или неверного решения возникшего многостороннего вопроса. При выявлении *содержания международного обычая* сегодня часто ссылается на *решения Международного суда ООН*.

Хотя обычай остается основным источником, современное международное право в силу его квалификации и прогрессивного развития становится все более *догматичным*. В упоминавшейся ст. 38 Статута Международного суда при перечислении источников международного права на первое место поставлены «*международные конвенции, как общие, так и специальные, устанавливающие правила, определяющие применимые спора-*

ного государства». Термин «международные конвенции» означает здесь международные договоры. Согласно Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., «договор» означает международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования» (ст. 2).

В отличие от международного обычного права государство не обязано следовать нормам тех международных договоров, в которых оно не участвует. Но политика любого государства должна соответствовать основным принципам международного права, в том числе тем, которых нет в международных договорах такого государства.

Эти принципы выражают стараясье положения универсального уровня международно-правового регулирования, проявившиеся в устойчивой практике государств; это «коренные» международно-правовые нормы, содержащиеся в *общем международном праве*. Считается, что они отражены в ст. 2 *Устава ООН* и в *Декларации о принципах международного права, касающейся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН* (1970 г.).

Эти принципы таковы: 1) суверенное равенство государств; 2) воздержание от угрозы силой или ее применения в международных отношениях; 3) разрешение международных споров мирными средствами; 4) невмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государства; 5) обязанность государства сотрудничать во внешней сфере; 6) равноправие и самоопределение народов; 7) нерушимость государственных границ; 8) территориальная целостность государств; 9) уважение прав человека и основных свобод; 10) добросовестное выполнение международных обязательств.

Некоторые правоведы полагают, что законченного перечня основных принципов международного права нет и быть не может, поскольку международное право, как отмечалось, находится в процессе постоянного развития и во мере такого развития могут выкристаллизовываться новые основные принципы — в дополнении или взамен перечисленным. По преобладающему мнению юристов-международников, основные принципы международного права не могут противоречить соглашениям, заключаемым государствами. Именно эти принципы препятствуют вседозволенности межгосударственных двусторонних или иных договоренностей; тому, чтобы не всякая договоренность государств стала частью международного права.

Действие международного права в пространстве

Из общего курса международного права известно, что оно действует и на территории государства, и за пределами государственной территории; что термин «территория» означает всякое пространство, не только сухопутное, но и водное; как наземное, так и подземное (например, недра), а также воздушное (атмосфера). В Уставе ООН предусмотрены обязательства воздерживаться от угрозы силой или ее применения против территориальной неприкосновенности, целостности или независимости территории; «о территориях под опекой».

Долгое время преобладало понимание государственной территории как *dominium*: объекта обладания, даже собственности, всеми монарха, иного суверена. Не только в Средние века (когда эта теория отражала реальное правовое дел), но даже в XIX и начале XX в. эта теория была господствующей. Ее отступает со второй половины XIX в. и, особенно, в XX в. *доминирующая теория* «Территория — не вещь, которой владеет государство, но пространство, в пределах которого державная власть государства существует и действует». В настоящее время не представляется какому-либо убедительным опровержением сути пространственной теории. Юридически малоубедительной, например, оказалась попытка считать территорией государства всякое пространство, где государство фактически осуществляет «властвование над людьми», где распространена «компетенция государства» (*теория компетенции*).

Территориальное верховенство (*территориальный суверенитет*) означает верховенство власти государства по всему пространству, составляющему его государственную территорию. В горизонтальной плоскости пределы государственной территории обозначены *государственными границами*. Государство не вправе реализовывать свое территориальное верховенство на территории другого государства. Все естественное пространство в пределах государственных границ составляет территорию государства: *сухопутное; наземное водное* (в том числе озеро и реки); *подземное* (включая подземные воды); *воздушное*. Непосредственным компонентом территории государства считаются некие природные ресурсы, естественно залегающие в ее пределах (*in situ*). Если государство является *океаническим* (т.е. его берега омываются водами Мирового океана), то в состав территории такого государства входят также его *внутренние морские воды* (например, исторически принадлежащий государству залив) и *территориальное море* — примыкающий морской пояс, максимальная ширина которого установлена международным правом.

С этим распространенным случаем не следует смешивать иной: когда берега государства выходят к *приливочному морю* (например, к озеру Чад,

расположенному между четырьмя африканскими государствами) или к искусственно созданным морям, не являющимся частью Мирового океана (например, к Каспию). В этом случае не устанавливаются внутренние морские воды и территориальное море используется в порядке, предусмотренном в международном морском праве. Вопросы о государственных границах в таких случаях и правовом режиме их вод решаются соглашением соответствующих государств. Так, часть Великих озер составляет государственную территорию США, а часть — Канады. Эти два государства согласовали между собой государственные границы по Великим озерам, режим совместного управления их природными ресурсами, а также защиты окружающей среды.

Государственной территорией международного пользования обозначают входящие в состав территории прибрежного государства некоторые водные районы: международные реки, режим которых определен международным договором, международные каналы и т.д. Государственной территорией международного пользования считают также острова, особый правовой режим которых соответственно определен международными договорами: архипелаг Шпицберген, Алясские острова и др.

Мир не статичен, и одни государства уходят, другие образуются. Бывшие колонии, самоуправлявшиеся территории, территории, находившиеся под опекой, становятся независимыми государствами. Имеют место и иные основания возникновения новых государств: разделение, слияние. Исходную юридическую основу появления нового территориального суверена, как и территории нового государства, составляет принцип самоопределения народов.

Территориальные изменения — одно из конфликтных политических явлений современности, и на практике бывает непросто дать корректную и обоснованную международно-правовую оценку столкновению здесь политических интересов государств. Например, в 1974 г. часть территории Кипра была занята турецкими войсками, а в 1983 г. была провозглашена независимость Турецкой республики Северного Кипра, якобы на основе принципа самоопределения турецкой общины, проживающей на Кипре. Однако Совет Безопасности ООН в ряде резолюций высказался за укрепление территориальной целостности Кипра, признав неправомерным провозглашение названной Турецкой республики, призвал государства ее не признавать и не оказывать ей содействия.

Напротив, действия ЮАР по удержанию власти над ее портамандатной территорией — Юго-Западной Африкой (впоследствии Намибией) — получали негативную правовую оценку ООН. Совет Безопасности ООН в резолюциях, принятых в 1969–1970 гг., призвал ЮАР отозвать

своей администрацию из Намибии. Это не было выполнено, и Совет Безопасности запросил консультативное заключение Международного суда ООН о юридических последствиях для государств продолжавшего присутствия ЮАР на территории Намибии. Суд в своем заключении указал, что присутствие ЮАР в Намибии противоречиво, что ЮАР обязана отозвать свою администрацию из Намибии, а другие государства—члены ООН обязаны воздержаться от юридической недействительности актов ЮАР в отношении территории Намибии.

Другой пример. В соответствии с Законом СССР от 03.04.1990 «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» такое решение принимается «путем референдума (народного голосования)». А в «союзной республике, имеющей в своем составе автономные республики, автономные области и автономные округа, референдум проводится отдельно по каждой автономии». В союзной республике, «на территории которой имеются места компактного проживания национальных групп, составляющих большинство населения данной местности, при определении итогов референдума результаты голосования по этим местностям учитываются отдельно». Эти правовые установления, действовавшие на дату выхода, например, Грузинской ССР из состава СССР, обозначают легитимные возможности территориального размежевания между возникшими на ее территории новыми государствами — современной Грузией и современной Абхазией.

Имеют место случаи, когда новое государство возникло на основе договора с государством, ранее осуществлявшим суверенитет в отношении данной территории. Соответственно, такой договор предусматривает права нового государства на обозначенную территорию. Например, независимости Бармы формально предшествовали договоры 1947 г., заключенные ею с бывшей метрополией — Великобританией.

Вопрос об изменении государственной территории в результате использования вооруженной силы имеет в настоящее время особое значение. Общепризнанным является запрещение угрозы или использования вооруженной силы против территориальной целостности или политической независимости любого государства. Территориальные аннексии фашистской Германии, государства-агрессора, признаны Нюрнбергским трибуналом недействительными и не имеющими оснований в международном праве. Совет Безопасности ООН в Резолюции 242 подтвердил «недопустимость приобретения территории посредством войны». В Декларации о принципах международного права 1970 г. зафиксировано: «Территория государства не должна быть объектом приобретения другим государством в результате угрозы силой или ее применения».

Никакие территориальные приобретения, явившиеся результатом угрозы силой или ее применения, не должны признаваться правомерными». Вместе с тем международное право не запрещает именованной территории государства-агрессора после его поражения в порядке *амнистии* за совершённую агрессию и как меру *реабилитации* новой агрессии.

Выше отмечено, что международное право действует и за пределами государственной территории — например, в морских районах за пределами территориального моря государства, на суше, не составившей территории государства (в Антарктиде), в воздушном пространстве над такими районами; в космосе. Подчеркнем, что правовой режим пространства за пределами государственной территории определен прежде всего нормами международного права.

Политико-правовая среда урегулирования международных споров

Одна из ее целей, сформулированных в Уставе ООН, — «проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров». К международным относят прежде всего споры между государствами, а также между ними и другими субъектами международного права. Устав ООН предусматривает *обязательно* урегулировать международные споры мирными средствами. Согласно Уставу, государства — члены ООН «разрешают свои международные споры мирными средствами». Зафиксирован в Уставе ООН и *зачем* *средств*, которыми государства обязаны разрешать международные споры согласно современному международному праву: «Стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны прежде всего стараться разрешить спор путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору».

Первым универсальным международно-правовым актом о мирном разрешении споров считают *Конвенцию о мирном разрешении международных споров* (принята на Гагской конференции мира в 1899 г., уточнена на II Гагской конференции в 1907 г.). В Конвенции содержится призыв к государствам «предупредить, по возможности, обращение к силе» и «прежде чем прибегнуть к оружию, обратиться, насколько позволяют обстоятельства, к добрым услугам или посредничеству». Запрет использования силы для решения споров сформулирован позднее

— в *Общем акте о мирном разрешении международных споров* (Пакте Бриана—Келлога 1928 г.), который был принят Лигой Наций. В нем предусмотрено отказ от войны в качестве орудия национальной политики и признание необходимости разрешать любые споры мирными средствами. *Общий акт о мирном разрешении международных споров 1928 г.* подтвержден затем резолюцией ГА ООН (в 1949 г.).

Многообразные средства мирного разрешения международных споров подразделяют на две группы: 1) юридические средства (международные арбитражи и суды); 2) дипломатические средства (все прочее). Иногда в последней группе выделяют процедуры урегулирования споров в рамках международных организаций. Подразделение это, однако, весьма условно.

Дипломатические средства. В перечне средств мирного урегулирования споров, предусмотренных в Уставе ООН, на первом месте стоит переговоры. Их могут вести, разумеется, не только дипломаты. Общественники, посредники, примиренцы могут предшествовать переговорам или их особой форма — консультации, хотя по политическим причинам это не всегда возможно в конфликтной ситуации. Переговоры могут и завершать любой из методов урегулирования споров. Суть переговоров — в непосредственном сопоставлении их участниками фактов и правовых позиций; в поиске решения спорного вопроса самими спорящими сторонами. При непосредственном диалоге спорящие стороны имеют возможность предметно выявить политико-правовые позиции друг друга, сопоставить взаимные претензии. При этом участники переговоров изначально не связаны какими-то юридическими формальностями — они сами определяют порядок встречи, обмен мнениями и т.д. Иногда пишут, что сильным в экономическом и военном плане государством выгоднее дипломатические средства урегулирования споров (у них больше возможностей воздействовать при этом на оппонента), а слабым — юридические. Это мнение, однако, не всегда подтверждается практикой.

Юридические средства. К каким бы результатам ни привели переговоры или иное «дипломатическое» средство решения спора — оппозиция даже в самом экономически и социально обустроенном государстве найдет основания для критики достигнутого компромисса. А судебные и арбитражные способы урегулирования международных споров создают сегодня для правительства конкретного государства вынужденную обязательность правового решения.

Арбитраж — древнейшее юридическое средство урегулирования межгосударственных разногласий. Это, согласно одному из упрощен-

ных определений, передача спора по согласованию сторон выбранным ими лицам для его разрешения по существу. Упомянутая Конвенция о мирном разрешении международных споров определяет суть межгосударственного арбитража как «разрешение разногласий между государствами судьями, избранными самими государствами, на основе соблюдения права». Д. Оттенгайм определяет арбитраж как «разрешение разногласий между государствами посредством правового решения (*a legal decision*), избранного сторонами в споре одного или нескольких третейских судей». Привлекательность арбитража в том, что эта процедура, в отличие от судебной, дает государствам возможность избежать ряда формальностей, скрупулезности, доказательств и соблюдения процедуры, требуемой судом.

Международные суды

Свою возможность обращения государства, иного субъекта международного права в суд для защиты своих интересов, восстановления нарушенных прав служит сдерживающим фактором при соблазне разрешить спор не в правовом поле. В настоящее время создано и функционирует множество международных судебных учреждений, как на универсальном, так и на региональном и двустороннем уровне. Обязательна проблема легитимности решений разными судами различных международно-правовых вопросов, причем не всегда *однообразно*.

В достижении единообразного толкования и применения международного права ключевую роль играет *Международный суд ООН*. Все государства—члены ООН являются участниками Статута Международного суда, а Статут составляет неотъемлемую часть фундаментального договорного источника международного права — Устава ООН. Государства, которые не являются членами ООН, также могут стать участниками Статута, и это положение на практике применялось к Швейцарии в 1948 г., к Люксембургу в 1950 г., к Сан-Марино в 1954 г. К настоящему времени примерно треть государств—участников Статута Суда признали юрисдикцию Суда обязательной «по всем правовым спорам» в соответствии со Статутом. В последнее время наблюдается и пополнение числа таких государств (так, обязательную юрисдикцию Суда относительно недавно признали Мальта, Ливия, Тунис, Никарагуа, Мали, Буркина-Фасо, Сальвадор, Ирак, Гондурас, Чад и др.), и отток из такого числа государств (например, США). Последнее имеет собой пример того, как политическое решение может изменить применимые правовые механизмы. Как отмечено в цитированном исследовании А. Д. Амато, США, пытаясь предотвратить победу в Между-

народном Суде Никарагуа — по спору с США, стали утверждать, что в этом споре «вовлечены политические вопросы», что «означало, что данный спор должен рассматриваться Советом Безопасности ООН (где США обладают правом вето), а не Международным судом». Отмечено также, что наличие «усложняющихся тенденция в американской политике, исключившая на уклад от новых юридических обязательств, например, в отношении защиты окружающей среды и Международного уголовного суда».

Введение в международно-правовые основы охраны окружающей среды

Остановимся, для примера, на актуальном и сложном вопросе — как международное право окружающей среды и международное морское право функционируют в современной политике государств?

Международное право окружающей среды регулирует международные отношения в целях сохранения окружающей человека природной среды, благоприятных экологических условий жизни на Земле, прежде всего в целях поддержания качества воздуха, воды, сохранения фауны и флоры, в том числе в интересах будущих поколений людей.

Природоохранные проблемы (истощение природных ресурсов, загрязнение атмосферы, вод, в том числе морских, усложнение проблем, связанных с обращением с отходами и др.) глобальны по сути, хотя известны и их региональные проявления. Они рассматриваются сегодня прежде всего как результат неразумной, социально не ориентированной антропогенной деятельности. Соответственно, современное международное право нацеливает государства не только на строго природоохранные меры, но, в конечном счете, на формирование экологизированной модели жизнедеятельности, гармонично отражающей экологические, социальные и экологические интересы конкретных людей, общества, человечества в целом. Основные правовые начала в этой области: принцип устойчивого развития; осторожный подход (или принцип предосторожности); принцип предотвращения трансграничного ущерба окружающей среде и т.д.

Вместе с тем в рамках дискуссий о подходах к решению проблемы глобального потепления, исполнению Рамочной конвенции об изменении климата (1992 г.) и, особенно, Киотского протокола к ней (1997 г.), предусматривавшего обязательства по сокращению выбросов в атмосферу, обозначились разногласия между государствами. Расхождение касалось как причин глобального потепления, так и относительно оптимальных правовых основ решения этой проблемы. США, например, отказались участвовать в Киотском протоколе, а Китай и Индия согла-

силы и всем участвовать, исходя из предпочтений, предусмотренных в протоколе для развивающихся государств.

Для предотвращения деградации окружающей среды предлагаются различные акценты в природоохранительной деятельности государств. Речь идет об отнесении затрат на природоохранные меры в большей степени на развитые государства, обеспечения верховенства природоохранных правовых режимов над правовым режимом экономической деятельности на территориях государств, где создана экологически опасная для населения ситуация; утверждения принципа международного права окружающей среды над национальным правом.

Для оценки того, как правовые природоохранные механизмы функционируют в реальной политике защиты окружающей среды, например, в Северном Ледовитом океане, важно охарактеризовать статус этого океана, его место как объекта международного права.

Северный Ледовитый океан как объект международного права и юрисдикции государств

Из начального курса международного права известно, что разные районы Мирового океана имеют различный правовой режим. Под суверенитетом государства находится его внутреннее морское водами (в том числе исторические заливы) и территориальное море. Хотя 200-мильная исключительная экономическая зона и континентальный шельф не составляют территорию прибрежного государства, оно в этих районах осуществляет суверенные целивые права, обозначенные международным правом. За пределами исключительных экономических зон находятся районы открытого моря, в котором все государства, в том числе и не имеющие выхода к морю, вправе реализовывать свободу судоходства, рыболовства, полетов, научных исследований.

Квалификация районов морского дна, находящихся за пределами континентальных шельфов, различна. Для государств—участников Конвенции по морскому праву это *международный район морского дна*, с достаточно большим количеством ограничений деятельности по разведке и разработке минеральных ресурсов. Для других государств (например, для США) — это *дно открытого моря*, свободное от многих таких ограничений. Правовой режим первого и второго различен.

Вопросы толкования современного международного морского права обрели остроту в связи с некоторыми проявлениями таиния льдов в Северном Ледовитом океане. Его статус сложился задолго до принятия Конвенции по морскому праву 1982 г., с преобладающей ролью *обычных* правовых норм, *исторических протекторатов*, правовой *диктанции Рос-*

ов и Канады как государств с самым протяженным арктическим побережьем. Этот статус не осуществлялся на протяжении нескольких веков. По сути, он поставлен под сомнение лишь после распада СССР в 1991 г. и инициативы в 2001 г. Российской Федерации исполнить ратификацию в мире положения ст. 76 Конвенции 1982 г. — о проведении в Арктике границы между своим континентальным шельфом и международным районом морского дна.

Материалы IV конференции ООН по морскому праву, на которой разработалась и была принята Конвенция 1982 г., соответствующим образом ссылаясь в МНД СССР показывают, что делегация СССР как основного арктического государства сослалась в том, что высокоширотная Арктика не будет являться объектом будущей Конвенции по морскому праву. СССР не был намерен часть своего арктического шельфа юридически квалифицировать как часть международного района морского дна.

Такая международно-правовая позиция вытекает еще и из того, что правовой режим Арктики представлен главным образом национальным законодательством арктических государств. Как подчеркивал Международный суд ООН, «лишь правоустанавливающее значение имеет ледопроческий флот, наличие и протяженность морского побережья, Побережья России, США, Канады, Дании и Норвегии выходят к Северному Ледовитому океану. Вследствие данного факта эти пять государств осуществляют в этом океане в соответствии с международным правом суверенитет над: 1) их внутренними морскими водами, дном и недрами дна, а также над природными ресурсами в пределах внутренних морских вод; 2) территориальными морями, дном и его недрами, а также над природными ресурсами в пределах территориального моря. Кроме того, названные страны осуществляют суверенные права в целях разведки и разработки естественных богатств континентального шельфа».

Все перечисленные пять государств являются государствами—участниками Конвенции о континентальном шельфе 1958 г. А поскольку установление любых новых границ в Арктике неизбежно затрагивает интересы всех этих государств, Конвенция о континентальном шельфе 1958 г. становится востребованным правовым источником, единственным многосторонним договором, обязательным для всех пяти государств при установлении ими границ своего шельфа в Арктике. Таким качеством обязательности для всех пяти арктических государств Конвенция 1982 г. не обладает.

Кроме того, у прибрежного государства, которое считает, что его континентальный шельф простирается за пределы 200 морских миль от исходных линий, в силу его участия в Конвенции 1982 г. возникает

экономически обременительные юридические обязательства. Проще всего, речь идет об обязанности предоставить данные о внешних границах такого шельфа Комиссии по границам континентального шельфа, созданной на основе Конвенции 1982 г. Такого обязательства нет в силу международного обычного права.

Поскольку в настоящее время одно из пяти арктических государств — США — не является участником Конвенции 1982 г. (и поскольку не все ее члены составляют международное обычное право), то целостное приращение к Арктике *Конвенция 1982 г. невозможно*.

Тем не менее *Россия в 2001 г. определила свой шельф в Арктике, обозначив в одностороннем порядке границу между ее шельфом и международным районом морского дна («общего наследия человечества») — именно в соответствии со ст. 76 Конвенции 1982 года. Согласно ст. 76 этой конвенции, внешняя граница шельфа имеет определенная дистанционные — в 200, 350 м. виль от исходных линий), обусловленные геологическими, геоморфологическими и некоторыми другими естественно-научными данными. А США, не являясь участником Конвенции 1982 г., не определили свой шельф в Арктике. Согласно Конвенции 1958 г. (в которой США участвуют), континентальный шельф «простирается до такого места, до которого глубина покрывающих вод позволяет разработку его естественных богатств».*

В рамках исполнения упомянутой ст. 76 Конвенции России придется (в отличие от США) выполнять обременительные положения этой конвенции об отчетности и взносах. Конвенция о континентальном шельфе 1958 г. не возлагает на государства-участников таких обязательств. Следовательно, США, действуя в рамках Конвенции 1958 г. и с этой точки зрения будет находиться в лучшем правовом и геэкономическом положении.

Объективно интересам России больше отвечает линия не на создание в Арктике района «общего наследия человечества», а на разграничение арктического шельфа только между пятью арктическими государствами — в соответствии со ст. 6 Конвенции 1958 г. и ст. 83 Конвенции 1982 г.

Интересам США это тоже отвечает — но как программа-минимум. Еще выгоднее США, если Канада и Дания, подобно России и Норвегии, самоограничат свой шельф в Арктике по ст. 76 Конвенции 1982 г. (проведя границу между своим шельфом и «общим наследием человечества»). Тогда для крупнейшего по своей военной и экономической мощи арктического государства — США — *не будет юридических препятствий для выезда разведчиков на эксплуатация ресурсов в этом осе-*

бюджетном районе для ослепительному (крупнейшему) праву США. А сегодня такое преграждения есть — национальное право США не позволяет выдавать разрешения на эксплуатацию ресурсов шельфа дружно государствам.

Как бы в поддержку арктической программы- максимум США в 2006 г. американская корпорация «Объединенное управление нефтегазовым консорциумом» направила на имя президента России Уведомление о заявлении на исключительное право разведки, разработки и добычи нефтегазовых ресурсов Общего района Арктики (*Notice of Arctic Ocean Common Area Exclusive Oil and Gas Resource Exploration, Development and Extraction Rights Claim*).

Объединенный консорциум объявил себя «ответственным посредником» по разработке нефтегазовых ресурсов «общего наследия человечества» и заявил о своих «исключительных правах» в отношении района за пределами 200-мильных исключительных экономических зон пяти арктических государств. Согласно Уведомлению, Консорциум основывает свое право «на перлах международного обычного права», в частности на том, что Консорциум «объявил себя Ответственным посредником по разработке нефтегазовых ресурсов общего наследия человечества» и заявил о своем праве первым.

По тексту Уведомления неоднократно указывается, что, если план Консорциума не будет исполнен, растущие потребности в энергоресурсах приведут «к энергетическим войнам». Согласно Уведомлению, защита арктической окружающей среды может быть обеспечена лишь с использованием финансовых возможностей консорциума энергетических компаний, в то время как постоянные действия правительства арктических государств, имеющие приоритетом «узкие стратегические интересы конкретной страны», «поставят под угрозу арктическую окружающую среду». Консорциум готов вложить значительные финансовые средства, необходимые на разработку ресурсов с учетом необходимости защиты окружающей среды. Такие средства «ни национальные правительства, ни ООН, ни другие правительственные учреждения в настоящее время не могут или не хотят предоставить». Консорциум заявил о своем обязательстве и приоритетном праве безопасно разрабатывать «общее арктическое наследство» от имени государств и всего человечества. Это же уведомление направлено в адрес Генеральной Ассамблеи ООН, Международного органа по морскому дну, а также руководителей Канады, Норвегии, Дании и Соединенных Штатов.

Заявленный американским консорциумом срок владения на высокоширотном районе Арктики составляет 150 лет. В порядке обосно-

вания авторы уведомления ссылаются и на то, что разработка арктических ресурсов правительствами отдельных стран представляет определенную опасность для экологии региона — так как она может вестись небезопасными способами. Уведомление направлено от имени ряда американских компаний (*Strategic Mine Corporation, Nevada US Corporation, Berling Oil and Gas Trust, United Oil and Gas Consortium Management*), а консорциум позиционировал себя в качестве структуры, уже ответственной за разработку энергоресурсов в указанном районе — по законодательству США.

Именно многократно худшую по сравнению с Россией правоустанавливающую основу (меньшая протяженность арктического побережья, отсутствие особых экономических факторов, слабые исторические основания прав на арктические пространства), США посредством изобретательной политики примерно с 1994 г. по настоящее время существенно усилили свои правовые позиции в Северном Ледовитом океане. Американские представители неоднократно заявляли о намерении исполнить ограничительные обязательства по ст. 76 Конвенции 1982 г., но не стремились реально это сделать. При этом они побуждали другие государства, прежде всего Россию, ограничить свой шельф по ст. 76 Конвенции 1982 г.

Россия, в отличие от США, закономерно ухудшила свои правовые позиции, как верно отмечается в материалах Совета Федерации Федерального собрания страны, Научно-экспертного совета Морской коллегии при правительстве России, в публикациях ряда ученых (Г. К. Войтовского, С. А. Пурова, Н. П. Барциса, Е. М. Мелькова, В. Н. Кузнецова). Это тоже пример взаимодействия политики государства и состояния применимого международного права, пример международно-правовой составляющей.

В указанных публикациях обосновано, почему в интересах России лучше сделать акцент не на «самоограничение» шельфа по ст. 76 Конвенции 1982 г., а на применение в Арктике национального природоохранного законодательства, прежде всего Закона СССР «Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета СССР "Об успешной охране природы в районах Крайнего Севера и морских районах, прилегающих к северному побережью СССР"». И не только в силу того, что именно Россия как государство с самым протяженным арктическим побережьем в наибольшей степени заинтересована в эффективной защите окружающей среды в Северном Ледовитом океане.

Указ 1984 г. и закон, который его утвердил, — еще и значимый юридический аргумент при международно-правовом обосновании природоохранной российской юрисдикции в арктическом секторе, обозначенном Постановлением Президиума ЦИК СССР 1926 г.

В 1984 г. СССР (на то время еще — не участник Конвенции по морскому праву 1982 г.) не определяла, как и Канада, пространственных пределов своих правозастыпаний в Арктике внешними пределами своего территориального моря или исключительной экономической зоны. Вместо этого при определении сферы действия Указа 1984 г. используется (как и в Канаде) юридически гибкая формулировка: «районы Крайнего Севера и морские районы, прилегающие к северному побережью СССР». Подобная формулировка позволяет применять природоохранные предельные Указы во всем арктическом секторе страны. Согласно Указу 1984 г., его действие распространяется «на острова Северного Ледовитого океана и его морей, острова Берингова и Охотского морей, другие территории СССР, отнесенные Советом министров СССР к районам Крайнего Севера, а также на прилегающие к северному побережью СССР морские районы (восточные районы вокруг принадлежащих СССР островов), состояние которых влияет на экологическое благополучие северной части территории СССР». Таким образом, Указ 1984 г. — это законодательная основа целевой природоохранной политики России в ее арктическом секторе.

Вместе с тем следует признать большую проработанность и эффективность, по сравнению с российскими, международного природоохранного права, особенно в его европейском сегменте. Природоохранные институты ЕС также демонстрируют большую результативность в работе по сравнению с результатами деятельности по защите окружающей среды, например Министерство природных ресурсов (МПР) России. Особенно если эти результаты оценивать по реальному состоянию природных ландшафтов в Российской Арктике. Это может означать, в частности, что долговременным общегосударственным интересам России соответствует глубокая реформа природоохранной работы МПР России, российского природоохранного законодательства, примененного к Арктике — с учетом современного состояния международного права окружающей среды, лучших механизмов европейского экологического права.

Примечания

¹ Н. Маннгейм писал: «Надо знать, что с правом можно бороться двумя способами: во-первых, законом, во-вторых, силой».

² У. Ж. Подера парадокса идеи о том, что право первично по отношению к власти с., закон гласит, что правитель страны или лейтенант [архивной почты] Государя, по желанию страны возвращает власть как правитель в страну власти другого».

³ D'Amato A. International Law and Political Reality, 1985.

⁴ Multiculturalism and International Law / Ed. by S. To and Y. Morita, 2009.

Список рекомендуемой литературы

- Антология мировой правовой мысли: В 5 т. М.: Мысль, 1999. Т. II.*
- Международное право / Под ред. А. Н. Вылегжанина, Ю. М. Колосова, Ю. Н. Малова, Р. А. Колосова. М.: Юрайт, 2019.*
- Ленин Д. Е. Международное право, внешняя политика и дипломатия. М.: Международные отношения, 1981.*
- Atkinson D., Farrel T. and Lambert B. International Law and International Relations. 2007.*
- Multiculturalism and International Law / Ed. by S. Yoo and Y. Morin. 2009.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Глобальный финансовый кризис, обозначив рубеж окончания первого десятилетия XXI в., дал проявиться некоторым новым закономерностям международных отношений. Во-первых, проявила себя цикличность российско-американских отношений. С момента распада СССР в 1991 г. в них чередовались периоды обострения, в поре продолжавшиеся каждый около шести лет (1992–1998, 2004–2007), и этапы охлаждения продолжавшиеся примерно в два-три года (1998–2000, 2007–2009). Сейчас, возможно, началась фаза третьего цикла обострения. При этом циклы не коррелируются с пребыванием у власти в США республиканцев или демократов, как это бывало в советско-американских отношениях.

Во-вторых, есть основания полагать, что Россия пережила удар кризиса менее тяжело, чем наиболее развитые страны мира. Возможно, это произошло в силу относительно меньшей развитости российского финансово-банковского сектора и большей зависимости формулы роста от добычи энергетического сырья (спрос на которое колебался не столь значительно), а не от отраслей виртуального бизнеса и сферы банковских спекуляций.

Как бы то ни было, в международно-политическом смысле кризис не разрушил феномена «возвращения России» в международную политику в качестве более мощного и устойчивого государства, чем это было в 1990-х годах. Феномен «условно сильной России» — фактор общепланетарного значения в том смысле, что та структура международных отношений, которая сложилась в первое десятилетие после распада Советского Союза, основывалась на идее «слабой и бедной» России. Поэтому, идея России как относительно сильного и более самостоятельного игрока не соответствует международной архитектуре 1990-х годов и предполагает очередную частичную модификацию мировой системы. Этот процесс начался приблизительно в 2007 г. (выступление президента В. Путина в Мюнхене) и вызвал определенный психологический шок на Западе. Складывается впечатление, что в последние год-полтора этот шок прошел. Заметны признаки адаптации международной системы к более активной политической роли Москвы. Важно не форсировать «адаптацион» и думать о расширении международного влияния России в диалоге с партнерами.

В-третьих, за последние десять лет в мире «исходноль», как в 1960-х годах, утвердилась схема вытеснения конфликтности — в Азию,

на Ближний и Средний Восток, считавшиеся прежде условной периферией мировой системы. Это до известной степени напоминает конфронтационную стабильность второй половины XX в. В те годы США и СССР, не решаясь сойтись между собой в открытую, предпочитали противостоять друг другу опосредованно — в менее опасных непрямых конфликтах в развивающемся мире. Благодаря этому международная напряженность, взаимное раздражение между великими державами не накапливались, а сбрасывались в третьем мире. Сегодня сверхдержава осталась всего одна, но напряженности, которую производит в мире ее гипермощности и замысловатые альянсы, достаточно, чтобы в мире существовала избыточная напряженность. Региональные конфликты в Азии и служат для сбрасывания ее потенциала. До 1991 г. такое можно было представить только в теории. Сегодня это происходит на практике.

При этом, в-четвертых, Азия в XXI в. — уже не периферия мира. Важной чертой, закрепившейся в международных отношениях, является относительная маргинализация Европы в сферах политики, безопасности и экономики при одновременном перемещении фокуса международной политики в Азию, набирающие силу и многополюсные державы которой (Китай и Индия) приобрели новые рычаги воздействия на мировую экономику. Азия, включая азиатские регионы России, остается сферой наиболее острой международной конкуренции за доступ к источникам энергетического сырья. В этой части мира сосредоточены наиболее вероятные театры потенциального применения ядерного оружия или, что не менее опасно, нанесения ударов с целью предупредить его применение. Азиатские рынки (спрос и предложение) и трудовые ресурсы азиатских стран в условиях глобализации, наконец, оказывают небывалое влияние на экономическую жизнь ведущих стран Америки и Европы.

В-пятых, в сфере международной безопасности продолжается процесс демонтажа сдерживающего потенциала ядерного оружия за счет его расплощения. Косвенным свидетельством беспомощности попыток заблокировать этот процесс являются высказываемые в США идеи полной ликвидации ядерного оружия, что, по сути, может означать перенос акцентов в развитии систем вооружений на новейших составляющие, в частности оружия на новых принципах. До тех пор, пока соответствующие виды оружия не будут разработаны и внедрены в производство, т. е. в обозримой перспективе, это сопряжено с резким увеличением важности обычных вооружений и всех договоренностей, связанных с их производством, размещением и применением.

В-п'ястих, об'єктивно-кризові явища по всіх країнах світу нанесли удар по найбільш уязвимим слоям населення. В Росії — это прежде всего безробітний і учивається молодь, жителі сільських районів, городські слои середніх і малих міст російської провінції, робітничо-мігранти місцевого і пришлого походження в великих агломераціях. Благодаря потужним міграційним процесам передісторичних двох десятиліть соціальні фактори при цьому перемішані з етнічними. Вряд ли речь ідеє о кануне того, что Н. Валлерстайн в 1960-х годах назвал (исламистской) «освободительной революцией». Но протестный потенциал в мире в целом на волне кризиса вырос, и это в начале предполагает в качестве профилактики необходимость «социализации» государственной политики многих стран, включая Россию. Реформизм Б. Обамы в США — вариант такой упреждающей политики по-американски.

В-шестых, в последние годы в мире были заметны, с одной стороны, приостановка демократизации, в той форме, которая была характерна для Центрально-Восточной Европы 1990-х годов, а с другой — утверждение моделей «нелиберальной демократии» во многих других частях мира. Попытки преодолеть кризис с помощью государственного регулирования придали дополнительную психологическую легитимность таким формам политического устройства.

Это может являться источником осторожного оптимизма. Судя по опыту малых и средних стран и территорий Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии, а также части государств бывшего Советского Союза (Украины, России, Молдавии), политические системы такого рода являются единственно жизнеспособными вариантами «переходки» моделей «классической демократии» на специфическую почву стран и регионов вне Западной Европы и северной части Северной Америки.

В-восьмих, кризис подтолкнул плюрализм интеграционных трендов. Борения вокруг банкротства Греции и мучительно достигнутое согласие более сильных стран ЕС ей помочь показали, что правильно организованный интеграция в принципе способна быть инструментом стабилизации регионального развития. О том же свидетельствует гораздо более скромный опыт помощи со стороны России тем странам СНГ, которые в предшествующие годы сочли нужным присоединиться к институтам преференциального экономического сотрудничества с ней на многосторонней основе. Пространство Евразии — уже не единственный интеграционный очаг на планете. Отличная от ЕС, но по-своему эффективные интеграционные очаги формируются в Северной Америке, Восточной Азии (вокруг АСЕАН) и Латинской Америке.

В-десятых, крайне весьма своеобразно подступил международную активность ряда малых стран, страдавших долгие годы «синдромом недостатка внимания» на мировой арене. Натянутые финансовым разладом и зависимость от иностранных денежных потоков, некоторые из этих государств предпринимали любые усилия, чтобы привлечь к себе внимание, а вместе с ним — спасительный прилив любой иностранной помощи (военной, гуманитарной, экономической). Отсюда характерные и для второй половины 2000-х годов резкие всплески исторических страхов перед Россией, например, в странах Прибалтики и — в огромной степени — «авантюра Саакашвили» в августе 2008 г.

В-десятых, конец десятилетия ознаменовал мир глобальными климатическими осложнениями. Если в предшествующие двадцать лет экологи волновались по поводу парникового эффекта и глобального потепления, то на рубеже нового десятилетия, не переставая думать о потеплении, они стали поговаривать об остывании Бельфастрива и вероятности понижения температуры на планете. И вектор похолодания, и вектор потепления сопряжены с серьезным изменением конфигурации международных отношений в части каскадной Арктики и Антарктики (вопрос о разделе которой не решен, а только отложен), особенно первой, в отношении энергетических ресурсов которой уже развернулась международная борьба. Добавьте к этому конкуренцию за пространство космоса, и картина станет еще противоречивее и обесннее.

Хотя пик глобального экономического кризиса пройден, выполнение из него и выход к траектории подъема потребуют немало жертв и затрат. В идеале базовый международно-политический урок прожитого десятилетия должен состоять в осознании разрушительного характера политики высоких затрат на цели, не сопряженные прямо с обеспечением оптимальных параметров международной, национальной безопасности и благосостояния. Вся трудность в том, что страны и лидеры на деле считают оптимальными те условия, которые являются максимально благоприятными для них. Отсюда абсолютизация безопасности («селективизация»), стремлений к полной неуязвимости и безоговорочному превосходству. В той или иной степени этой логике подвержены руководители почти всех стран. Альтернативным ей может быть мыслительная категориями глобальной общности, в которой нет полной гармонии, но достигают реальный компромисс между устремлениями всех стран и интересами международного сообщества в целом. Анализились и политики пишут о непомерной силе минувшего кризиса. Но был ли кризис достаточно силен, чтобы все-таки возобладала логика глобальной солидарности?

Сведения об авторах

Барановский Владимир Георгиевич — член-корреспондент РАН, заместитель директора ИМЭМО РАН

Богатуров Алексей Лемосифович — доктор политических наук, профессор, первый проректор МГИМО (У) МИД России, заслуженный деятель науки России

Балкина Ирина Вячеславовна — кандидат исторических наук, старший преподаватель МГИМО (У) МИД России

Борковский Юрий Викторович — кандидат политических наук, доцент МГИМО (У) МИД России

Веземский Сергей Сергеевич — кандидат политических наук, доцент МГИМО (У) МИД России

Войтовский Федор Георгиевич — кандидат политических наук, заведующий сектором ИМЭМО РАН

Высокотский Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой МГИМО (У) МИД России

Гуминский Антон Владимирович — преподаватель МГИМО (У) МИД России

Тимошенко Елена Сергеевна — кандидат политических наук, преподаватель МГИМО (У) МИД России

Крутиков Андрей Владимирович — доктор исторических наук, профессор МГИМО (У) МИД России

Павлов Александр Александрович — кандидат политических наук, заведующий отделом ИМЭМО РАН

Рязанцев Сергей Васильевич — доктор экономических наук, заведующий отделом Института социально-политических исследований РАН

Сидячий Александр Игоревич — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН

Сурков Николай Юрьевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель МГИМО (У) МИД России, обозреватель «Независимой газеты»

Троицкий Михаил Александрович — кандидат политических наук, доцент МГИМО (У) МИД России

Уткин Сергей Валентинович — кандидат политических наук, научный сотрудник ИМЭМО РАН

Хасин Ефим Самуилович — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН

Хорос Владимир Георгиевич — доктор исторических наук, заведующий отделом ИМЭМО РАН

Шаников Юрий Витальевич — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН

Учебное издание

СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Ведущий редактор *Л. Н. Шолов*

Редактор *А. С. Дредин*

Корректоры *М. Г. Смирнова, Т. Я. Шапкин*

Художник *Д. А. Степанов*

Компьютерная верстка *С. А. Артемьевой*

Подписано к печати 14.07.2010. Формат 60×90^{1/16}.

Усл.-печ. л. 22,0. Тираж 1300 экз. Заказ №

ЗАО Издательство «Аспект Пресс»

111141 Москва, Зеленый проспект, д. 8

e-mail: info@aspectpress.ru www.aspectpress.ru

Тел. (495) 306-78-01, 306-80-71

Отпечатано в ОАО «Московский полиграфический комбинат»

143200, Московск, ул. Мира, 93.

Для заметок
